

Алексей Балакин
**БЛИЗКО
К ТЕКСТУ**

разыскания и предположения

RUGRAM

Алексей Балакин

БЛИЗКО К ТЕКСТУ

РАЗЫСКАНИЯ И ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ

ПАЛЬМИРА
RUGRAM

Санкт-Петербург / Москва

2 0 2 2

УДК 82.0
ББК 83
Б20

Балакин А.

Б20 Близко к тексту : Разыскания и предположения / Алексей Балакин. — 2-е изд., испр. и доп. — СПб. ; М. : «RUGRAM Пальмира», 2022. — 377 с. : ил. — (Серия «Пальмира — университет»).

ISBN 978-5-517-03557-8

Эту книгу составили написанные в 1997–2021 годах статьи и заметки А. Ю. Балакина, публиковавшиеся в русских и зарубежных научных изданиях на протяжении последних двух десятков лет. В первом разделе собраны статьи о Пушкине и его ближайшем литературном окружении; во втором — в основном работы текстологического характера, связанные в первую очередь с датировкой и атрибуцией произведений классической русской литературы, а также разыскания в области биографики. В приложении к одной из статей полностью публикуется поэма А. Ф. Воейкова «Искусства и науки» (1817–1823).

**УДК 82.0
ББК 83**

ISBN 978-5-517-03557-8

© Балакин А. Ю., 2022
© Оформление.

АО «Т8 Издательские Технологии», 2022

ОТ АВТОРА

Эту книгу составили статьи и заметки, публиковавшиеся в русских и зарубежных научных изданиях на протяжении последних двух десятков лет. Их темы, как правило, не были связаны с моей текущей плановой работой и возникали случайно. Значительную часть из них можно причислить к тому условному жанру, который Б. Я. Бухштаб остроумно называл «литературоведческими расследованиями» или «научными детективами». Работая над ними, я ощущал себя лейтенантом Коломбо от филологии, которому нужно прояснить все детали, все на первый взгляд несущественные мелочи, чтобы свести концы с концами и прояснить картину преступления, которая в итоге оказывалась совершенно другой, чем представлялась на первый взгляд. Случайные обмолвки оказывались важнее, чем показания «под протокол».

Виктор Шкловский сказал однажды: «Моя специальность — не понимать». Как мне кажется, любой историк литературы, любой комментатор классических текстов должен в той или степени овладеть этим «искусством непонимания». Непонимание и любопытство — важнейший движитель любой науки, и филология не является исключением. В самых на первый взгляд простых текстах существуют тайные подводные течения, а их прозрачность словно маскирует подлинную глубину. Понять смысл темной фразы в письме, найти даты жизни канувшего в Лету литератора, обнаружить настоящего автора

стихотворения, которое более ста лет входило в сборники другого, — вот цель и смысл работы историка литературы, его профессиональное счастье.

Книга состоит из двух разделов. В первом собраны статьи о Пушкине и его ближайшем литературном окружении; второй более разнообразен как тематически, так и методологически: в него вошли и работы текстологического характера, связанные прежде всего с датировкой и атрибуцией, и биографические разыскания, и притворившийся нарративом реальный комментарий. Конечно, хотелось бы надеяться, что на некоторые вопросы мне удалось найти ответы; если же нет — то, по крайней мере, переформулировать их и поставить перед научным сообществом снова.

При работе над сборником все составившие его тексты были пересмотрены. И хотя мне удалось избежать соблазна переписать их заново, почти все подверглись доработке: найденные ошибки были исправлены, а логические промахи по возможности замаскированы. Также местами был обновлен научный аппарат: введены ссылки на публикации последних лет, а часть цитат переведена на другие, более авторитетные источники.

В заключение не могу не напомнить слова одного из моих героев, неутомимого графа Хвостова, который в предисловии к очередному полному собранию своих сочинений так оправдывал себя: «Многие, может быть, порицали меня за часто повторенные издания. Я делал оные, и если жизнь моя продлится, всегда буду делать, оставя авторское славолубие, единственно для удобнейшего исправления погрешностей, которые истреблять необходимо...» Приятно осознавать себя последователем знаменитого графа, авторитетное мнение которого так счастливо оправдывает издание этой книги — хотя бы в глазах ее автора.

А. Б.

Р. S. Первое издание этой книги было выпущено четыре года назад и, к моему удивлению, разошлось. Я получал с тех пор много нареканий за допущенные опечатки, в новом издании они исправлены. Также введены ссылки на новые исследования, вышедшие в свет за последнее время.

1

В этом разделе произведения Пушкина
цитируются по изданию:
Пушкин А. С. Полн. собр. соч. [М.; Л.], 1937–1949. Т. 1–16,
с указанием в скобках тома и страницы.

ПСЕВДО-ПУШКИН В ШКОЛЬНОМ КАНОНЕ*

Метаморфозы «Вишни»

История бытования стихотворения, о котором пойдет речь, удивительна. Уже почти полтора века оно входит в самые популярные детские хрестоматии, почти сто лет распространяется под именем Александра Сергеевича Пушкина. По нему училось читать, его заучивало наизусть, исполняло со сцены в составе хора несколько поколений русских детей. Оно и сейчас входит в различные книги для чтения и обязательные учебные программы.¹ Можно сказать, что с этого стихотворения и начинается знакомство детей с пушкинским творчеством.

Однако это «пушкинское стихотворение» Пушкину вовсе не принадлежит. Точнее говоря, ему могут принадлежать только первые десять строк, но и те можно встретить далеко не во всех его книгах, даже не во всех собраниях сочинений, поскольку авторство Пушкина не доказано. История о том, как сомнительный текст попал в школьный канон и закрепился в нем, и станет предметом настоящей статьи.

* Впервые: Acta Slavica Estonica IV. Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение, IX. Хрестоматийные тексты: русская педагогическая практика XIX в. и поэтический канон. Тарту, 2013.

¹ См., например: Мой родной дом: Программа нравственно-патриотического воспитания дошкольников / Под общ. ред. Т. И. Оверчук. М., 2004. С. 31.

В конце 1857 года вышел из печати седьмой, дополнительный том сочинений Пушкина, подготовленного П. В. Анненковым. Первые шесть томов проходили редакционно-издательский цикл еще во времена николаевского царствования, поэтому их редактор не мог включить в это издание многие достойные публикации тексты, опасаясь цензурных придинок.² Но с началом правления Александра II общественный климат изменился, и Анненков решил собрать и выпустить в свет в качестве дополнения к подготовленному им изданию пушкинские тексты, не имевшие шансов пройти цензуру еще два-три года назад. «...Всякое издание классического писателя должно соответствовать времени своего выхода и потому неизбежно имеет своего рода ограничения и условия, — писал он в предисловии к седьмому тому, намекая на цензурные придиры и оправдывая неизбежную неполноту подготовленных им томов, — задача издания состоит только в том, чтоб не быть ниже потребностей и возможностей современности».³ Далее Анненков объяснял необходимость выпуска дополнительного тома тем, что не хочет «откладывать долее сообщение новых и довольно значительных приобретений» текстов Пушкина.⁴ Дополнительный том открывался стихотворением «Вишня», имевшим подзаголовок «Лицейское стихотворение» и датированным 1815 г. По какому источнику печатается текст и на каком основании он датируется, Анненков не сообщал.⁵

² О цензурных проблемах, с которыми столкнулся Анненков, он в 1881 году рассказал в статье «Любопытная тяжба» (см.: *Анненков П. В. Любопытная тяжба: Заметки // Вестник Европы. 1881. № 1. С. 16–28; перепечатано: П. В. Анненков и его друзья: Литературные воспоминания и переписка 1835–1885 годов. СПб., 1892. Т. 1. С. 393–424).*

³ [*Анненков П. В.*] Объяснение // Пушкин А. С. Соч. / Изд. П. В. Анненкова. СПб., 1857. Т. 7, доп. С. 1.

⁴ Там же. С. 1–2.

⁵ Это обстоятельство не ускользнуло от внимания П. А. Ефремова, постоянного хулителя и оппонента Анненкова, который поначалу включал «Вишню» в редактируемые им полные собрания сочинений Пушкина, но затем стал противником его авторства: «...к удивлению, этот аккуратный издатель ни единым словом не обмолвился: откуда он получил его, а также кем и почему именно оно приписывается Пушкину — единственный случай умолчания Анненковым о происхождении и степени достоверности стихотворения, напечатанного им в первый раз» (*Пушкин А. С. Соч. / Под ред. П. А. Ефремова. СПб., 1905. Т. 8. С. 42).*

Напомним начало этого большого стихотворения, эротический сюжет которого излагать здесь считаем излишним:

Румяной зарею
Покрылся восток,
В селе за рекою
Потух огонек.

Росой окропились
Цветы на полях,
Стада пробудились
На мягких лугах.

Туманы седые
Плывут к облакам,
Пастушки молодые
Спешат к пастухам.

С журчаньем стремится
Источник меж гор,
Вдали золотится
Во тьме синий бор...⁶

Отметим, что и седьмой том не избежал цензурного вмешательства. Еще 6 апреля 1857 года цензор И. А. Гончаров, к которому, очевидно, первоначально попал том,⁷ отправил на рассмотрение Главного управления цензуры большой рапорт, где перечислил сомнительные с его точки зрения места. Разумеется, первым номером в его списке стояла «Вишня», о которой будущий автор «Обломова» отзывался так: «В стихотворении “Вишня” <...> в последних двух строфах, в описании “раздавленной вишни”, можно подозревать намек на другое, но намек этот прикрыт свойственною Пушкину грацией и не оскорбляет приличия».⁸ Впрочем, резюмируя свои претензии, Гончаров заключал, «что уважение к памяти поэта требует всевозможной пощады и осторожности при ценсурном рассмотрении его сочинений, которые и в этом отношении могли бы, до значительной степени, составить исключение противу других писателей», и что он «полагал

⁶ Пушкин А. С. Соч. / Изд. П. В. Анненкова. Т. 7, доп. С. 7.

⁷ Цензурное разрешение 5 июля 1857 года подписал В. Н. Бекетов.

⁸ Гончаров И. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. СПб., 2014. Т. 10. С. 23.

бы испросить разрешение Главного управления цензуры на одобрение VII-го тома “Сочинений Пушкина” в печать без всяких изменений...»⁹ С Гончаровым не согласились: ряд фрагментов из тома был изъят. Пострадала и «Вишня»: из стихотворения была вычеркнута смутившая Гончарова концовка и еще несколько строк. Однако вскоре эти фрагменты увидели свет: большинство из них напечатал П. А. Ефремов в специализированных и малотиражных «Библиографических записках», самые же крамольные дошли до типографии только в Берлине и появились в издании пушкинских стихотворений под редакцией Н. В. Гербеля.¹⁰

Поначалу без сомнений включавшееся в собрания сочинений Пушкина (разумеется, с купюрами), стихотворение уже к началу XX века приобрело дубиальный статус,¹¹ поскольку никаких доказательств пушкинского авторства не нашлось, как не нашлось и оснований оспаривать атрибуцию Анненкова. Сейчас «Вишню» можно встретить как в разделе «Dubia» пушкинских многотомников (причем не во всех оно напечатано полностью — советская цензура порой бывала стыдливее

⁹ Там же. С. 26–27.

¹⁰ См.: Стихотворения А. С. Пушкина, не вошедшие в последнее собрание его сочинений. Берлин, 1861. С. 71–73. Об истории публикации «Вишни» см.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб., 1999. Т. 1. С. 790–791; а также: Дубровский А. В. «Мнимый Пушкин» в «посмертном» и «анненковском» собраниях сочинений поэта // «Он видит Новгород Великой...»: Материалы VII Международной пушкинской конференции «Пушкин и мировая культура». Великий Новгород, 31 мая — 4 июня 2004 г. [СПб.; Новгород, 2004]. С. 131. В последней работе перечислены известные ныне немногочисленные копии «Вишни» — все они позднего времени. Еще об одном неисправном списке 1870-х годов см.: Назаревський О. А. Пушкінські матеріали в київських рукописних сховищах: (Автографи, копії, згадки сучасників та ін.) // О. С. Пушкин: (Статті та матеріали). Київ, 1938. С. 228.

¹¹ Одними из первых атрибуцию Анненкова оспорили П. А. Ефремов (см.: Ефремов П. А. Мнимый Пушкин в стихах, прозе и изображениях. СПб., 1903. С. 4; Пушкин А. С. Соч. / Ред. П. А. Ефремова. СПб., 1905. Т. 8. С. 42) и В. Я. Брюсов (см.: Брюсов В. Я. Marginalia-Pushkiniana: Заметки на полях сочинений Пушкина // Русский архив. 1916. Кн. 1. С. 403), а Л. Н. Майков не включил «Вишню» в подготовленный им том лицейской лирики Пушкина (см.: Пушкин А. С. Соч. / Изд. Импер. Академии наук; Приготовил и примечаниями снабдил Л. Н. Майков. СПб., 1899. Т. 1). Характерно также, что располагавший полным списком «Вишни» В. П. Гаевский (именно по принадлежавшей ему копии текст стихотворения напечатан в первом томе нового академического издания) не упомянул о нем в цикле своих статей «Пушкин в Лицее и лицейские его стихотворения» (Современник. 1863. № 7–8).

царской), так и в различных сборниках типа «Пушкин не для дам».

Этому тексту так и суждено было бы стать «достоянием доцента», если бы спустя несколько лет после выхода седьмого анненковского тома живший в Германии молодой русский учитель не задумал создать учебник русской речи нового типа для малолетних детей. Забегая вперед скажем, что этот учебник совершит переворот в русской педагогике и обесмертит имя его создателя. Звали учителя Константин Дмитриевич Ушинский.

К. Д. Ушинский. Фотография 1860-х гг. Музей ИРЛИ.

2

В начале 1860-х годов Ушинский начинает работу над учебником-хрестоматией для начальных классов русских школ, который впоследствии получит название «Родное слово»: две его части — для первого и для второго года обучения — выйдут в свет в 1864 году. Сотрудник Ушинского Л. Н. Модзалевский утверждал:

...названный учебник предназначался им исключительно для семейного употребления, и притом — в семействах преимущественно дворянско-городских, дети которых лишены самой возможности непосредственно наблюдать русскую народную жизнь и родную природу. Наш педагог думал, что этот существенный пробел может быть хотя отчасти восполнен книгой и картинкой. Для народной школы, куда впоследствии попало «Родное слово», а тем более для школы инородческой, оно никогда не предназначалось. Это, так сказать, семейно-дворянское назначение учебника <...> явствует из самого содержания его; самый перечень дворянских игрушек на первых же страницах книжки, описание квартир с «кабинетом» отца; детские воспоминания о Рождестве и Пасхе; вся обстановка описываемой жизни (платье, обувь, пища и т. п.), — все это носит на себе характер городской и далеко не простонародный.¹²

¹² [Модзалевский Л. Н.] К биографии К. Д. Ушинского: (По поводу его биографического очерка). [Тифлис, 1881]. С. 45–47 (отд. отт. из газеты «Кавказ»).

Исходя из таких установок Ушинский и подбирал материал: обе части «Родного слова» насыщены пословицами, поговорками, переделками русских и европейских сказок, среди картинок преобладают изображения животных и растений.

Первая часть «Родного слова» делится на небольшие тематические разделы — их тридцать шесть, по две-три страницы. В каждом из них Ушинский старался представить тексты на какую-то одну тему. Вот, к примеру, названия этих разделов: «Домашние животные и дикие звери», «Меры времени, длины и тяжести», «Люди по возрастам и занятиям», «Части человеческого тела» и т. п. Почти в каждый раздел включено по стихотворению, а то и не по одному: Ушинский считал, что хорошие стихи необходимы для обучения чтению и правильной речи. В книге для учителей, работающих по «Родному слову», он так объяснял выбор тех или иных поэтических текстов для своей хрестоматии:

Детскими стихотворениями до крайности бедна наша литература. Ни один из наших замечательных поэтов не потрудился для педагогических целей; и если в их произведениях мы встречаем что-нибудь пригодное и для детской книжки, то это редкая случайность. По большей части даже и в таких стихотворениях есть два-три стиха, которые должны быть или выброшены, или переделаны. Кроме того, преобладание лирического элемента в нашей поэзии делает затруднительным даже такой выбор. <...> Между хорошими, хотя и отрывочными стихотворениями, которых, к сожалению, слишком мало, встречаются в моей книжке и положительно посредственные стихотворения, переделанные по большей части с немецкого. Знаю, что могут напасть на меня за помещение таких плохих стишков; но пусть укажут в нашей литературе, чем наполнить эти пробелы. Если в стихах не искажена мысль, есть картина или проблеск чувства, доступного детям, то я помещал эти стихи, ради каданса и рифмы, которые нравятся детям и производят на них хорошее впечатление.¹³

Ушинскому надо было представить в своей хрестоматии максимально простой и понятный детям материал, и ради этого он шел на сокращения и изменения даже пушкинских стихов: текстологические проблемы его заботили меньше всего. Среди авторов ото-

¹³ Ушинский К. Д. Собр. соч. М.; Л., 1949. Т. 6. С. 303–304.

бранных им стихов — Хемницер, Майков, Мей, Никитин, Плещеев, Огарев, Некрасов, Кольцов, Тютчев, даже Василий Туманский и Юлия Жадовская. Отметим к слову, что в тексте книг авторы стихов не указаны, а названы только в оглавлении; эта система сохранится во всех бесчисленных переизданиях «Родного слова».

Но все же стихов не хватало, и Ушинский обратился за помощью к своему другу и коллеге Льву Николаевичу Модзалевскому, пробовавшему себя также в качестве детского поэта. Последний вспоминал: «В начале 60-х годов наш незабвенный педагог К. Д. Ушинский, занимавшийся тогда за границей составлением “Родного слова”, не раз выражал мне свое сетование на наших поэтов, игнорирующих поэтические потребности русских детей и русской школы. Чтобы пополнить пробелы в некоторых отделах своей книжки, для которых К. Д. никак не мог подыскать соответствующие стишки и песенки, он обращался за содействием ко мне. Живя с покойным К. Д. то в Гейдельберге, то в Веве, я сообщил ему около 30 детских песенок: отчасти оригинальных, отчасти подражательных, и некоторые из них были им помещены в двух первых книжках под буквами Л. М. или даже совершенно анонимно, о чем я его просил».¹⁴ Всего в «Родном слове» Ушинский поместил восемь оригинальных и переводных стихотворений Модзалевского;¹⁵ инициалами «Л. М.» было отмечено лишь три из них.

Однако среди стихотворений, переданных Модзалевским Ушинскому, кроме исчисленных выше, было еще одно, опубликованное без

Л. Н. Модзалевский. Фрагмент групповой фотографии преподавателей Смольного института. 1862. Музей ИРЛИ.

¹⁴ Цит. по: Свирель: Сборник школьных песен (для детей от 7 до 12-летнего возраста). Слова Л. Н. Модзалевского и др. Музыка В. В. Кюнера. Новое издание. СПб., [1900]. С. 3.

¹⁵ См.: Бахтин Н. Л. Н. Модзалевский, как детский поэт // Журнал Министерства народного просвещения. 1910. № 5. С. 69; паг. 2-я; ср.: Ушинский К. Д. Собр. соч. Т. 6. С. 342–343.

указания авторства в первой части «Родного слова», в разделе «Части суток, дни недели, времена года»:

УТРО

Румяной зарёю
Покрылся восток;
В селе за рекою
Потух огонек;
Росой окропились
Цветы на полях;
Стада пробудились
На мягких лугах.
Седые туманы
Плывут к облакам,
Гусей караваны
Несутся к лугам,
Проснулись люди,
Спешат на поля;
Явилось солнце,
Ликует земля!¹⁶

Ушинский знал, что первые десять строк этого стихотворения несколько лет назад были опубликованы под именем Пушкина и что дальнейший сюжет оригинального текста едва ли можно рекомендовать для чтения детям любого возраста. Но, повторяюсь, составитель «Родного слова» был не текстологом, а практикующим педагогом, и для поэтического описания деревенского утра лучшего не мог и желать. Возможно даже, он сам приложил руку к редактированию текста. Сохранились две тетради, куда Ушинский заносил стихотворения для «Родного слова»; в одной из них записано «Утро».¹⁷ В оглавлении тетради (составленном, правда, позднее) после заглавия этого стихотворения стоит либо «(К. У.)», либо «(М. У.)»¹⁸ — первую букву можно прочесть двояко. Это сокращение можно раскрыть либо как

¹⁶ Родное слово для детей младшего возраста. Год первый. Азбука и первая книга после азбуки для чтения, с прописями, образцами для первоначального рисования и картинками в тексте / Сост. К. Ушинский. СПб., 1864. С. 35.

¹⁷ [Ушинский К. Д.] Материалы для Родного Слова. Собрание стихотворений. Тетрадь 1-я // ИРЛИ, ф. 316, ед. хр. 14, л. 19 об.–20.

¹⁸ Там же, л. 2.

«Константин Ушинский» (что маловероятно), либо как «Модзалевский Ушинский» — и поэтому нельзя исключать того, что друзья переработали текст «Вишни» вместе. Любопытны пометы в тетради: если перед началом «Утра» Ушинский надписал карандашом «Пушк.<ин>», то после стихотворения карандашом же поставил «Л. М.<одзалевский>».

Авторство (или, точнее, соавторство) Модзалевского удостоверяется им самим: в его архиве¹⁹ сохранилась тетрадь, озаглавленная «Детские песни Л. Н. Модзалевского». В этот сборник вошли 32 нумерованных текста; под номером XXVI стоит «Утро»; рядом на полях помета, обозначающая, что это стихотворение было помещено в «Родном слове».²⁰

Сказать, что хрестоматии Ушинского имели успех и стали популярны, значило бы не сказать ничего. Последующие полвека именно по ним училось читать большинство детей Российской империи. До революции 1917 года вышло около полутора сотен изданий каждой из частей «Родного слова», суммарный тираж которых едва ли кто-нибудь в состоянии подсчитать, но нет никакого сомнения, что он составил не один миллион экземпляров.²¹ Среди стихотворений первой части «Родного слова» детям полюбили именно «Утро», что подтверждается многочисленными свидетельствами как в мемуарах, так и в художественной литературе. Поколения русских малышей заучивали его наизусть — и для ответа на экзамене, и просто так, по велению души. И при этом стихотворение оставалось для них анонимным, редко кто задним числом связывал его с именем Пушкина. Вот характерный пример из «Жизни Арсеньева» И. А. Бунина, романа во многом автобиографичного. Главный герой рассказывает о том влиянии, которое с раннего детства оказывал на него

¹⁹ ИРЛИ, ф. 187. Считаю приятной обязанностью поблагодарить Л. К. Хитрово, предоставившую возможность работать с материалами необработанных фондов Л. Н. и Б. Л. Модзалевских.

²⁰ В 1916 году пушкинист Борис Львович Модзалевский выпустил книгу стихов своего отца, включив туда «Утро», но сопроводив примечанием: «Первые 10 стихов принадлежат Пушкину (стих. “Вишня”)» (*Модзалевский Л. Н. Для детей: Стишки*. Пг., 1916. С. 30).

²¹ По подсчетам В. Д. Спасовича, тираж «Родного слова» превысил миллионную отметку уже к 1874 году (см.: *Спасович В. Д. Вопрос о так называемой литературной собственности // Вестник Европы*. 1874. № 6. С. 451).

Пушкин, о своей любви к нему: «Пушкин был для меня в ту пору подлинной частью моей жизни. Когда он вошел в меня? Я слышал о нем с младенчества, и имя его всегда упоминалось у нас с какой-то почти родственной фамильярностью, как имя человека вполне “нашего” по тому общему, особому кругу, к которому мы принадлежали вместе с ним. Да он и писал все только “наше”, для нас и с нашими чувствами. <...> Что же до моей юности, то вся она прошла с Пушкиным». ²² Однако, поступая в гимназию, герой на экзамене читает наизусть «Румяной зарею покрылся восток...» — не называя автора; ²³ трудно сомневаться, что если б он был уверен в авторстве Пушкина, то упомянул бы об этом. ²⁴ Впоследствии, когда «Родное слово» пережило почти тридцать лет запрета и заново возвращалось в культуру, один из исследователей русской педагогики патетично писал о значении школьных книг для чтения в деле воспитания вкуса к знаниям, из всех многочисленных хрестоматийных текстов вспомнив именно «Утро»: «Кто из людей старшего поколения не помнит этих чудесных строк: “Румяной зарею покрылся восток. В селе за рекою потух огонек...” <...> Поистине, на всю жизнь запоминаем мы то, что читали со своим первым учителем на заре жизни, когда еще только овладевали искусством чтения. Как младенец впитывает молоко

²² Бунин И. А. Собр. соч.: В 6 т. М., 1988. Т. 5. С. 108–109.

²³ Там же. С. 42–43.

²⁴ Героя Бунина прерывает учитель: «...едва я дошел до пробужденья стад “на мягких лугах”, как меня остановили, — верно, учителю (рыжему, в золотых очках, с широко открытыми ноздрями) слишком хорошо было известно это пробуждение...» (Там же. С. 42). Это дало повод впоследствии трактовать эпизод так: учитель прерывает чтение потому, что слишком хорошо знает, «как развивались события дальше и почему стихотворение называется “Вишня”» (Коваленко С. А. Крылатые строки русской поэзии: Очерки истории. М., 1989. С. 201); однако напомним, что Арсеньев читает не «Вишню», а «Утро». Впрочем заметим, что и ранее появление «Утра» объяснялось лишь необходимостью сокращения соблазнительных сцен в классических текстах: «...пропуски небольших отрывков, вызванные соображениями морального, педагогического характера, бывают вынужденными, чтобы не лишить юного читателя в общем вполне доступного для него художественного произведения. Издательская традиция сокращает для детей “Руслана и Людмилу”, выпуская внутри поэмы отдельные отступления, ничего не искажающие и ничего не разрушающие. Такой же характер носит общеизвестное сокращение мало приличного пушкинского стихотворения, начало которого — законченная картина утра — попало в хрестоматию, в качестве образцового произведения: *Румяной зарею покрылся восток*» (Мияковский В. В. Издания русских классиков для детей: (По поводу двух изданий) // Что и как читать детям. 1916. № 10. С. 261; сообщено В. В. Головиным).

матери, так же жадно малыш-школьник припадает к первому в его жизни источнику знаний, каким была и остается поныне школьная хрестоматия».²⁵

Между тем, пока «Утро» совершало свой триумфальный путь по начальным школам,²⁶ у него начиналась еще одна жизнь — музыкальная.

3

«Впоследствии, когда “Родное слово” получило обширную известность и в семье, и в школе, многие составители и издатели детских песенников сделали честь этим, давно забытым мною, стишкам, положив их на музыку <...>. Это обстоятельство подало мне мысль собрать стишки, как вошедшие в “Родное слово”, так и не вошедшие по излишеству, и издать <...>, украсив сборник еще несколькими подходящими отрывками из наших лучших поэтов. Музыкальную сторону дела принял на себя близко знакомый с требованиями начального музыкального образования композитор В. В. Кюнер...»²⁷ — писал Л. Н. Модзалевский в предисловии к нотному сборнику песен для детей «Свирель», который был выпущен им в 1878 году.²⁸ В этот сборник вошло 32 опуса — песни на стихи не только самого Модзалевского, но также Жуковского, Пушкина, Кольцова, Никитина. Девятым номером стоит известный нам текст — под заглавием «Утром» и так же, как и в «Родном слове», без указания автора.²⁹

²⁵ *Глаголев П.* Первый незабвенный источник знаний: (О книгах для классного чтения в начальной школе) // Народное образование. 1959. № 10. С. 100.

²⁶ Стоит отметить, что, несмотря на всю популярность, «Утро» в других книгах для чтения отсутствовало, поскольку Ушинский запретил перепечатку своих материалов: «Все неподписанные в оглавлении статьи принадлежат составителю, который покорнейше просит не перепечатывать их в изданиях, имеющих одно название с “Родным словом”» (*Ушинский К. Д.* Собр. соч. Т. 6. С. 11).

²⁷ Свирель. С. 3.

²⁸ Издание 1878 года в библиотеках Санкт-Петербурга разыскать не удалось; в различных источниках место издания этого сборника указывается по-разному: Москва (см.: *Бахтин Н. Л.* Н. Модзалевский, как детский поэт. С. 62) или Тифлис (см.: Из педагогической автобиографии Льва Николаевича Модзалевского. СПб., 1899. С. 45). Мы пользовались указанным выше переизданием 1900 года.

²⁹ См.: Свирель. С. 14–15.

Начало было положено: на «Утро» обратили внимание композиторы, работавшие для нужд русской школы.³⁰ Поначалу в музыкальной среде этот текст также бытовал как анонимный: в некоторых нотных сборниках его автор не указан,³¹ но уже в 1894 году его авторство было приписано Пушкину.³² Вскоре последовавший пушкинский юбилей подарил нам еще несколько музыкальных сочинений на стихотворение из «Родного слова»,³³ и уже везде автором текста был назван Пушкин.

Итак, на рубеже XIX и XX веков стихотворение неизвестного автора «Румяной зарею покрылся восток...» существовало в трех видах: под заглавием «Вишня» в составе нескольких десятков строф оно то включалось в полные собрания сочинений Пушкина, то изгонялось оттуда; под заглавием «Утро» как анонимное читалось по слогам и заучивалось наизусть в начальных школах; как несомненно пушкинское распевалось девичьими дуэтами, трио и хорами в женских учебных заведениях — как «Утро» и как «Восход солнца»... Так продолжалось до 1917 года.

4

Нет смысла напоминать, что случилось в этот и последующие годы. Научное книгоиздание фактически замерло, «Родное слово» было запрещено, женские учебные заведения распущены. Рискну предположить, что знакомая всем грамотным русским строка «Румяной зарею покрылся восток...» стала восприниматься как один из символов той старой русской жизни, которая стремительно уходила в прошлое.

³⁰ Укажем также, что еще в 1877 году Э. Ф. Направник сочинил и издал романс «Вишня» в границах текста, опубликованного Анненковым. Единственный известный нам экземпляр этого опуса хранится в библиотеке Санкт-Петербургской филармонии (за помощь в его поисках благодарю П. В. Дмитриева).

³¹ См.: Песни для школы, детские и народные, на один, на два и на три голоса: Классное пособие при обучении пению / Сост. Г. Маренич. СПб., 1878. С. 114–115; Детские песни для 2-х голосов / Музыка П. С. Гдешинского. М., [1896]. С. 4.

³² См.: Песни о родине: 27 трехголосных хоров (преимущественно для учебных заведений) / Музыка В. М. Орлова. СПб.; М., [1894]. С. 16 (здесь он назван «Восход солнца» — это обстоятельство отметим особо); Сборник песен для детей одноголосных и двухголосных с фортепиано Н. Брянского. 2-е изд. СПб., 1895. С. 37 (первое издание сборника Брянского нами не было обнаружено, но судя по дате цензурного разрешения, оно вышло в 1894 году).

³³ См.: Пушкин в музыке: Справочник / Сост. Н. Г. Винокур, Р. А. Каган. М., 1974. С. 33–34.

Популярность же этого стихотворения позволяла создавать вокруг него пародийные тексты. Вот рассказ Аркадия Аверченко из книги «Смешное в страшном: Новые юмористические рассказы» (Берлин, 1923), где повествуется о якобы издаваемом в Советской России новом детском журнале «типа “Игрушечки”, “Задушевного слова”, “Тропинки” или “Галчонка” — под названием: — “Коммуненок”»; в этом журнале в числе прочих печатаются и такие стихи:

Румяной зарею
Покрылся восток,
В селе за рекою
Потух огонек.
Огонь тот — свободы!
Помещиков жгут:
России народы
Свободу дают!³⁴

Спустя несколько лет после переворота новому государству понадобились новые хрестоматии. Мы не имели возможности просмотреть все издания подобного рода 1920–1930-х годов, но в самых часто издаваемых и тиражных места «Утру» не находилось.³⁵ В качестве исключения можно указать на два издания: в первом «Утро» было помещено в своем классическом виде,³⁶ а в другом — под заглавием «Восход солнца», причем почти все строки (кроме 1-й и 5-й) начинались со строчных букв:³⁷ последнее обстоятельство прямо указывает на то, что составители этой хрестоматии взяли текст или из нотного сборника В. М. Орлова,³⁸ либо вообще записали его по памяти или даже со слуха.

Тем не менее традиции эти издания не создали, и на три десятка лет стихотворение «Утро» ушло из актуального культурного поля.

³⁴ Аверченко А. Т. Собр. соч.: В 6 т. М., 2007. Т. 6. С. 47, 48.

³⁵ Например, в хрестоматии «Новая деревня: Книга для чтения во II группе сельской школы» (авторы-составители В. И. Волынская, Е. Е. Соловьева и др.), которая с 1925 года выдержала около полутора десятков изданий общим тиражом более двух миллионов экземпляров.

³⁶ См.: Живой родник: Первая книга для чтения в школе и дома / Сост. В. Гусаков, Г. Макаров, А. Насимович, Н. Чернышев, Н. Чукаев. М., 1922. С. 122–123.

³⁷ См.: Наш мир: Книга для занятий родным языком. Часть I / Сост. Н. Л. Бродский, Е. Д. Домашевская, Н. М. Мендельсон, Л. Н. Реформатский, Н. П. Сидоров, И. М. Соловьев при участии художника А. И. Кобыличного. М.; Пг., 1923. С. 237.

³⁸ См. выше, примеч. 32.

Бытование же музыкального произведения продолжалось. У нас нет сведений об исполнении «Утра» (или «Восхода солнца») в школах в 1920–1930-е годы, но в памяти педагогов эта песня присутствовала: об этом свидетельствуют методические разработки, выпущенные к очередному пушкинскому юбилею, столетию со дня его смерти, который отмечался в стране с невиданным размахом. Так, в книге С. Н. Луначарской «Юбилей А. С. Пушкина в школе» (1936) «Утра» нет в списке пушкинских стихотворений, рекомендованных «для заучивания наизусть, выразительного чтения и инсценировок, а также и для изучения в литературных кружках старших классов»,³⁹ однако оно значится первым номером в перечне музыкальных произведений для исполнения на пушкинских вечерах: «Следует разучить с ребятами такие хоровые песни, как двухголосый хор “Румяной зарею покрылся восток” — музыка Ребикова...»⁴⁰ Ту же картину видим в сборнике «Пушкин в начальной школе» (1937): в представительной подборке стихов Пушкина места «Утру» также не нашлось, но в «Примерной программе утренников для I и II классов» числится «Ипполитов-Иванов, “Утро” (“Румяной зарею”) — трехголосый хор».⁴¹ Оставался всего один шаг до возвращения этого текста в школьные хрестоматии.

Этот шаг был сделан в 1944 году, когда в свет вышло первое издание сборника «Родная речь», на многие годы ставшего основным учебником для школьников начальных классов. Его составители (среди которых были и авторы названного выше сборника «Пушкин в начальной школе») ориентировались на «Родное слово» Ушинского — как по структуре книги, так и по ее составу. И нет ничего удивительного, что в новой хрестоматии появляется «Утро».⁴² Как и в «Родном слове», в первых изданиях «Родной речи» авторы указывались только в оглавлении, и рядом с заглавием этого стихотворения стоит имя Пушкина.⁴³

Войдя в обязательную учебную программу, «Утро» обрело такую же популярность среди школьников и учителей, как и до революции. Более

³⁹ Луначарская С. Н. Юбилей А. С. Пушкина в школе. М., 1936. С. 40.

⁴⁰ Там же. С. 142.

⁴¹ Пушкин в начальной школе / Сб. сост. Н. Н. Щепетова, Е. Е. Соловьева, Т. Н. Попова, А. А. Канарская. М., 1937. С. 81.

⁴² См.: Соловьева Е. Е., Щепетова Н. Н., Карпинская Л. А., Канарская А. А. Родная речь: Книга для чтения во II классе начальной школы. М., 1944. С. 224.

⁴³ Укажем также, что под именем Пушкина это стихотворение напечатано и в советском переиздании «Родного слова», которое вошло в шестой том Собрания сочинений Ушинского (см.: Ушинский К. Д. Собр. соч. Т. 6. С. 12).

того, оно даже удостоилось специальных методических разработок.⁴⁴ Проблемы же его атрибуции не занимают современных педагогов, и несмотря на то, что уже неоднократно указывалось на сомнительный статус этого текста, он остается в школьном пушкинском каноне.

Сетовать на это обстоятельство бессмысленно. Даже если вдруг будет убедительно доказано, что Пушкину не принадлежат и первые десять строк «Утра», для очень многих людей это стихотворение навсегда останется пушкинским, а в школах будут его читать, изучать и заучивать наизусть. Пожалуй, лучшее объяснение этому феномену дал поэт и переводчик Леонид Черевичник:

Наступает новое утро. Дети приходят в школу, садятся за парты,
открывают свою «Родную речь».

Румяной зарею
Покрылся восток,
В селе за рекою
Потух огонек...

Пушкин? Не Пушкин?.. В «Родной речи» написано: Пушкин. Так мы и запоминаем это стихотворение с именем Пушкина с детских лет. Но спустя какое-то время, когда появляется интерес к предисловиям, примечаниям, узнаем, что это стихотворение <...> как бы и не принадлежит Пушкину, что считать его произведением Пушкина «нет достаточных оснований». <...> Кому же, как не Пушкину, принадлежит первая строфа стихотворения? Все последующие — могут принадлежать многим. А вот эта, первая... <...>

Вот и гадаем: Пушкин? Не Пушкин?..

Но какое счастье, что эти стихи все же попали в нашу «Родную речь»! Что было бы, если бы мы их не знали? Как обеднел бы наш мир! Может быть, эта строфа, известная нам с самого детства, и образовала наш вкус, может быть, благодаря ей мы и можем отличать истинную поэзию от всевозможных подделок. Столько поколений видит под этими строками имя: Пушкин. Значит, основания для того, чтобы считать их принадлежащими Пушкину, есть. И вполне достаточные основания: у всего лучшего, что написано, одно имя: Пушкин.⁴⁵

Думается, подобную аргументацию оспорить невозможно.

⁴⁴ См., например: *Феденёва Л. Н.* Как я развиваю речь на уроках чтения: Из опыта работы во II классе // Начальная школа. 1957. № 7. С. 30.

⁴⁵ *Черевичник Л.* Три вечности мира // Даугава. 1999. № 5/6. С. 137.

ПУШКИН И КНИГА И. М. МУРАВЬЕВА-АПОСТОЛА «ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ТАВРИДЕ В 1820 ГОДЕ»*

Книга Ивана Матвеевича Муравьева-Апостола «Путешествие по Тавриде в 1820 году»¹ оставила заметный след в творчестве Пушкина. Выписка из нее сопровождала все три прижизненные издания поэмы «Бахчисарайский фонтан»; в полемике с ней написан «Отрывок из письма к Д.», первоначально опубликованный как самостоятельный фрагмент, но впоследствии также приложенный к упомянутой поэме. Кроме того, в пушкиноведении прочно утвердилось мнение, что знакомство с книгой Муравьева послужило толчком к созданию как минимум двух стихотворений так называемого «крымского» цикла — «К Чаадаеву. С морского берега Тавриды» и «Фонтану Бахчисарайского дворца».

Между тем в научной литературе мы можем встретить совершенно различные предположения о том, когда и при каких обстоятельствах произошло знакомство Пушкина с «Путешествием по Тавриде». Ниже будет сделана попытка собрать имеющиеся у нас факты, подытожить высказывавшиеся ранее суждения и предложить несколько гипотез.

* Впервые: Русская литература. 2017. № 2.

¹ [Муравьев-Апостол И. М.] Путешествие по Тавриде в 1820 году. СПб., 1823.

Муравьев-Апостол путешествовал по Крыму в том же году, что и Пушкин, но немного позднее. Они ехали навстречу друг другу и разминулись несколькими днями;² впоследствии Пушкин сожалел об этой «невстрече».³ В предисловии к своей книге Муравьев свидетельствует, что она создавалась непосредственно во время поездки: «Я писал путешествие мое не на память, а на тех самых местах, которые описывал. Например, повествование мое о Митридате начертано было на горе, где, как я полагаю, стояли царские чертоги. Таким точно образом и все прочее описывал я, имев предметы пред моими глазами. Возвратясь домой, мне оставалось только собрать письма и привести их в порядок; что я и исполнил в конце того же 1820 года, и сочинение сие, конечно, появилось бы в свет еще в 1821-м, когда бы не воспрепятствовали тому обстоятельства, от меня не зависящие».⁴ У нас нет причин считать это мистификацией: еще в середине 1821 года отдельным изданием вышел в свет большой отрывок из будущей книги,⁵ сохранилась также рукопись, датированная тем же годом.⁶ Мы не знаем, какие обстоятельства не позволили Муравьеву-Апостолу опубликовать тогда же «Путешествие по Тавриде» целиком. Возможно, этому препятствовало то, что в эти годы он жил на юге, вдали от столиц, и опасался отдавать судьбу своей книги в чужие руки.

Книга готовилась к печати долго. 27 марта 1822 года она поступила в Санкт-Петербургский цензурный комитет, но вскоре цензором А. И. Красовским «возвращена для исправления замеченных мест».⁷ Нам неизвестно, что именно было исправлено и когда новый вариант вернулся в цензуру: цензурное разрешение было подписано тем же

² Первое письмо книги Муравьева-Апостола имеет помету «Одесса. 11 сентября 1820 года», последнее — «Керчь. 25 октября» (Там же. С. 1, 311).

³ См. его письмо к А. А. Дельвигу от середины декабря 1824 — первой половины декабря 1825 года (XIII, 250).

⁴ [Муравьев-Апостол И. М.] Путешествие по Тавриде в 1820 году. С. X–XI.

⁵ [Муравьев-Апостол И. М.] Ольвия: Отрывок из путешествия в Тавриду в 1820 году, с приложением перевода отрывка из вористенской речи Диона Хрисостома. СПб., 1821.

⁶ РГАЛИ, ф. 1599, оп. 1, ед. хр. 2. Авторизованная копия; на титульном листе: «Хомулец. 1821 года»; после текста книги автограф предисловия, с датой «Хомулец / июня 16-го 1823».

⁷ РГИА, ф. 777, оп. 27, ед. хр. 188, л. 20–20 об.

Красовским 19 апреля 1823 года. 16-м июня датировано предисловие Муравьева-Апостола — очевидно, это было последнее дополнение, внесенное им в текст.⁸ Мы также не знаем, кому из знакомых Муравьев доверил наблюдение за печатью своей книги, но этот человек со своей задачей справился из рук вон плохо: при наборе было допущено невероятное даже для того времени количество опечаток. Однако большинство из них аккуратно и единообразно исправлено коричневыми чернилами одной и той же рукой во всех известных нам экземплярах книги.

Распространено ошибочное утверждение, что «Путешествие по Тавриде» вышло в свет в мае 1823 года,⁹ однако цензурные материалы свидетельствуют, что билет на выпуск книги был выдан лишь 4 октября.¹⁰ Самое раннее свидетельство о книге Муравьева-Апостола появилось 20 декабря 1823 года. В этот день вышел из печати альманах «Полярная звезда на 1824 год»,¹¹ где в статье А. А. Бестужева «Взгляд на русскую словесность в течение 1823 года» первыми среди «оригинальных книг <...> истекшего года» назывались «Путешествие по Тавриде» и двухтомник С. М. Броневского «Новейшие географические и исторические известия о Кавказе».¹² «Обе сии книги, — писал Бестужев, — во всех отношениях заслуживают внимание европейцев и особенную благодарность русских. Точность исторических изысканий, новость сведений географических и чистота слога венчают их похвалою археологов и литераторов и вообще делают их необходи-

⁸ Рукопись «к Путешествию по Тавриде в 1820 году заглавие и предуведомление» из семи листов поступила в цензуру 12 июля и тогда же была одобрена (Там же, ед. хр. 189, л. 32 об.—33).

⁹ См.: Кошелев В. А. 1) О жизни и сочинениях И. М. Муравьева-Апостола // Муравьев-Апостол И. М. Письма из Москвы в Нижний Новгород / Изд. подг. В. А. Кошелев. СПб., 2002. С. 217 (Литературные памятники); 2) Таврическая мифология Пушкина: Литературно-исторические очерки. Великий Новгород; Симферополь; Нижний Новгород, 2015. С. 15. Вероятно, исследователь приблизительно прикинул срок публикации книги, отсчитав его от даты цензурного разрешения. Ранее Б. В. Томашевский называл середину 1823 года (см.: Томашевский Б. В. Пушкин. М.; Л., 1956. Кн. 1: 1813–1824. С. 499).

¹⁰ РГИА, ф. 777, оп. 1, ед. хр. 370, л. 46 об.

¹¹ См.: Могиланский А. П. К уточнению некоторых данных первого тома «Летописи жизни и творчества А. С. Пушкина» // Пушкин: Исследования и материалы. М.; Л., 1956. Т. 1. С. 393.

¹² Броневский С. М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823.

мыми книгами для ученого и светского человека».¹³ Спустя два дня в предпоследнем номере «Сына отечества» за 1823 год в разделе «Современная русская библиография» печатается краткая рецензия на книгу Муравьева-Апостола, большая часть которой состоит из перечисления «содержания писем сей книги». Как и все рецензии этого раздела, она не подписана, но едва ли можно сомневаться, что автором ее был издатель журнала Н. И. Греч: «Таврида, самая пиитическая, самая богатая историческими памятниками и воспоминаниями классической древности область Российского Государства, искони была и долго будет предметом любопытства и полем изысканий для ученых и умных путешественников, для знатоков истории, для любителей изящной природы <...> редко можно найти человека, который был бы в состоянии рассматривать земли, их произведения и памятники как историк, археолог, гражданин и поэт. В нынешнем случае находим приятное из общего почти правила исключение. Путешествие <...> писано известным литератором нашим Иваном Матвеевичем Муравьевым-Апостолом, который редким знанием многих древних и новых языков, основательною ученостию в других частях, знакомством со всеми странами просвещенной Европы и авторским талантом стяжал отличное место в ряду русских писателей». Дав книге высокую оценку в целом, автор отклика позволил себе несколько критических замечаний: «Жаль, что почтенный автор не отделил описания собственного путешествия от археологических и исторических изысканий <...>. Книга сия не потеряла бы ничего, если б все ученые исследования, ссылки на древних авторов и т. п. отнесены были в пояснения и замечания и помещены в конце книги. <...> Жаль еще, что слог и язык в сей книге не везде правильны и что она напечатана и издана с великим небрежением, чему, конечно, было виною отсутствие автора».¹⁴

Первое объявление о продаже книги Муравьева появилось спустя месяц, 22 января 1824 года,¹⁵ но продавалась она весьма недолго: в начале второй декады февраля в Петербург приезжает сам

¹³ Бестужев-Марлинский А. А. Соч.: В 2 т. М., 1958. Т. 2. С. 541.

¹⁴ *Сын отечества*. 1823. Ч. 90. № 51. С. 229–230, 231, 232.

¹⁵ См.: Санкт-Петербургские ведомости. 1824. 22 янв. № 7. С. 90. Укажем также, что в феврале несколько фрагментов книги были перепечатаны в «Вестнике Европы» (1824. № 3. С. 174–205).

автор¹⁶ и останавливает продажу. О причинах этого поступка мы можем судить из повторного объявления о выходе в свет «Путешествия по Тавриде», появившегося 25 апреля: «Неудавшаяся первая главная карта Крымского полуострова, а особливо изданный в начале весьма недостаточный лист опечаток, побудили сочинителя, тотчас по приезде его сюда, остановить продажу книги, которая впрочем и началась без его дозволения. Теперь, как новая карта, под его руководством сочиненная, отпечатана, а типографские погрешности, сколько можно, им же самим исправленные, вновь напечатаны, то книга сия выпускается наконец в свет, с повторением от автора к читателям просьбы: не прежде приступать к чтению оной, как по исправлении отечаток <sic!>, в новоизданном листе показанных».¹⁷

Большинство экземпляров «Путешествия...», хранящихся в российских библиотеках, или его электронных копий, размещенных на различных интернет-ресурсах, — это второй, исправленный вариант книги. Нам известен только один экземпляр первого тиража.¹⁸ Благодаря ему можно убедиться, что различия между двумя тиражами не были значительны: в новом тираже, во-первых, помещена действительно другая карта Тавриды, тщательнее составленная и опрятнее напечатанная; во-вторых, увеличен список опечаток с 28 до 91 и к ним добавлена небольшая преамбула (сходная с приведенным выше рекламным объявлением); в-третьих, на титульном листе точка после названия книги была заменена на запятую, отчего, по замыслу автора, оно должно было составить единое целое с напечатанным ниже английским эпиграфом из XIII строфы второй песни байроновского «Паломничества Чайльд-Гарольда».

На это новое издание «Путешествия...» также последовали отклики. Развернутую рецензию в мае опубликовал на своих страницах «Северный архив» (о ней мы подробнее будем говорить ниже); чуть позднее два небольших отклика появились в изданиях, редактировавшихся А. Ф. Воейковым. 5 июня в «Русском инвалиде» напечатан анонс как нового издания, так и будущей рецензии на него: «“Путешествие по Тавриде в 1820-м г<оде>” почтенного нашего литератора,

¹⁶ И. М. Муравьев-Апостол значится среди приехавших в столицу между 10 и 13 февраля (см.: Санкт-Петербургские ведомости. 1824. 15 фев. № 14. С. 187).

¹⁷ Там же. 1824. 25 апр. № 34. С. 456.

¹⁸ Хранится в Отделе редкой книги БАН. Инв. № 16785.

И. М. Муравьева-Апостола, без сомнения, известно уже большей части наших читателей. Вот еще книга, имеющая европейское достоинство! Вот еще новое и приятное явление на поле российской словесности; еще новый и драгоценный подарок для любителей всего отечественного! Мы предоставляем себе удовольствие говорить о сей книге с большею подробностью в “Новостях литературы”. На сей раз только скажем, что если бы подобные сочинения появлялись у нас чаще, то словесность наша во всех отношениях стала бы наряду с иностранною, а жалобы на мнимое равнодушие публики прекратились бы сами собою». ¹⁹ Спустя несколько дней появилась и объявленная рецензия, растянувшаяся на два номера. ²⁰ В ней Воейков не отказал себе в удовольствии задеть своего бывшего коллегу, недавнего соиздателя «Сына отечества», который, по его мнению, «мимоходом и коротко упомянул о выходе в свет сей важной книги; заметил ничтожные погрешности в слоге и ни слова сказал о ее внутреннем достоинстве». ²¹

¹⁹ Русский инвалид. 1824. 5 июня. № 132. С. 527.

²⁰ О нововышедшей книге «Путешествие по Тавриде», соч. И. М. Муравьева-Апостола // Новости литературы. 1824. Ч. 8. № 20. С. 113–126; № 21. С. 129–140. Подпись «В.», помета «Царское Село, 24-го мая».

²¹ Новости литературы. 1824. Ч. 8. № 20. С. 114. Это несправедливое замечание с возмущением парировал Н. И. Греч: «Господин В. вздумал написать статью о книге “Путешествие в Тавриду”, И. М. Муравьева-Апостола, но не мог сего сделать, не задев кого-нибудь <...>. Если б г. В. нападал на меня каким-нибудь своим суждением, если б излагал свое мнение вопреки моему, и т. п., то я, конечно, не имел бы надобности оправдываться, ибо всем известна его диалектика; но он просто говорит обо мне то, чего не было <...>. Прошу читателей заглянуть в 51 книжку “Сына Отечества” на 1823 год; там найдут они о книге г. Муравьева-Апостола довольно пространную статью. Будучи обязан сообщить краткое известие о сей книге, я представил моим читателям предмет ее, сказал о достоинствах и заслугах автора и, исчислив содержание всех глав, сделал два краткие замечания о расположении ее и слоге. Сие занимает три страницы мелкой печати. Мимоходом ли это было говорено? Одни ли погрешности в слоге замечены мною? <...> Я не археолог, следовательно не могу и не смею судить в подробности об исторической части сей книги: всякая излишняя похвала “Путешествию” в сем отношении была бы с моей стороны смешна, неуместна и даже неприятна для автора, ибо кто хвалит, не понимая сам за что, тот едва ли не оскорбляет хвалимого. Исторические, археологические и филологические сведения г. Муравьева-Апостола столько известны всем просвещенным россиянам, что довольно было упомянуть о его имени и о предметах, им описанных. Это ли значит: не сказать ни слова о внутреннем достоинстве книги? Так точно если я скажу: “Критика на такую-то книгу написана господином В.,” — то сими немногими словами совершенно и сполна оценю достоинство критики: всяк догадается, чем она наполнена» (Греч Н. И. На замечания господина В., стр. 113–126 № XX Новостей Литературы, издаваемых при Русском Инвалиде // Сын отечества. 1824. Ч. 94. № 25. С. 204–206).

Впрочем, собственно рецензия Воейкова по размеру вышла лишь немногим более отзыва Греча, значительную же ее часть заняли иностранные выписки из «Путешествия...» — в том числе фрагмент с описанием Бахчисарайского дворца. К тому же, хотя в ней отдается должное книге Муравьева, однако педантично отмечаются «странные выражения, неупотребительные слова, латинизмы, галлицизмы»,²² грешащие, по мнению автора, против правил русского языка.

2

Еще до окончания работы над «Путешествием...» Муравьев знакомил близких к нему людей с завершенными главами. Напомним, что отрывок из будущей книги вышел в свет еще в 1821 году; в предисловии автор сообщал: «Намереваясь издать путешествие мое по Крымскому полуострову, я читал оное отрывками другу моему С...».²³ Современный исследователь добавляет, что среди слушателей Муравьева были также его сын, будущий декабрист Сергей Иванович, Д. П. Троицкий, а также ближайший сосед, поэт и драматург В. В. Капнист.²⁴ Последнему Муравьев посылал и рукопись «Путешествия...», поскольку ценил его вкус и готов был прислушиваться к его советам.²⁵

Нет сомнения, что о будущей книге знали и в Одессе.

4 ноября 1823 года Пушкин посылает Вяземскому для издания рукопись поэмы «Бахчисарайский фонтан», в сопроводительном письме высказав несколько пожеланий, в том числе следующее: «...еще просьба: припиши к Бахчисараю предисловие или послесловие <...>; прилагаю при сем полицейское послание, яко материал; почерпни из него сведения (разумеется, умолчав об их источнике). Посмотри также в Путешествии Апостола-Муравьева статью Бахчи-сарай, выпиши из нее что посноснее — да заворижи всё это своею прозою...» (XIII, 73). Даже этот текст не оставляет сомнений, что Пушкин не только пре-

²² Новости литературы. 1824. Ч. 8. № 20. С. 115.

²³ [Муравьев-Апостол И. М.] Ольвия. С. 3.

²⁴ См.: Кузьменко А. Ю. Иван Матвійович Муравйов-Апостол: Нарис життя и творчості. Київ, 1964. С. 81.

²⁵ См.: Громова Т. Н. Литературные взаимоотношения И. М. Муравьева-Апостола и В. В. Капниста // Русская литература. 1974. № 1. С. 113.

красно знал о существовании книги Муравьева и был уверен, что она уже вышла в свет, но и был знаком с ее содержанием. «Полицейское послание» — недавно найденное письмо бахчисарайского полицмейстера И. Д. Ананича к Пушкину или кому-то из его окружения с опровержением легенды о ханской невольнице из рода Потоцких;²⁶ опровергалась эта легенда и Муравьевым. Интересен черновик пушкинского письма, на который исследователи, как правило, не обращали внимания:²⁷ «[да еще] посмотри в Путешес<твии> Апостола Муравьева статью Бах.<чи> с<арай> и выпиши из нее что посноснее [и по] он имеет на бумаге²⁸ свое достоинство — хоть в разговоре — им <нрзб. 2 слова>²⁹ — при сем мое благословение». ³⁰ Слова «он имеет на бумаге свое достоинство» свидетельствуют, что Пушкин читал «Путешествие в Тавриду», хотя едва ли внимательно и целиком.

Требуют комментария загадочные слова «хоть в разговоре». Гипотетически им можно дать тройное толкование. Самое маловероятное, что Пушкин знал о намерении Вяземского написать предисловие к «Бахчисарайскому фонтану» именно в виде «разговора», где и предлагал сослаться на мнение Муравьева (в скобках заметим, что так Вяземский и поступил³¹). Возможно также, в этих словах подразумевается вышедший ранее фрагмент «Ольвия», который построен как диалог автора с воображаемым собеседником. И наконец, можно предположить, что Пушкин встречался с Муравьевым в Одессе и беседовал с ним.

²⁶ См.: Балакин А. Ю., Бодрова А. С. «Полицейское послание яко материал» (к творческой истории «Бахчисарайского фонтана») // Временник Пушкинской комиссии. СПб., 2013. Вып. 31. С. 11–12.

²⁷ Исключением является А. И. Бронштейн, процитировавший именно черновик в своей статье «Пушкин и Бахчисарай» (Крымские пенаты: Альманах литературных музеев. Симферополь, 1994. № 1. С. 40).

²⁸ Слова «на бумаге» — вписаны.

²⁹ В Большом Академическом Полном собрании сочинений Пушкина после слова «им» прочитано «го<спо>дь<?>» и указано: «Дальше начато слово на ч» (XIII, 380); оба эти чтения нам не кажутся убедительными.

³⁰ ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, ед. хр. 834, л. 32. Факсимиле см.: Пушкин А. С. Рабочие тетради: [В 8 т.]. СПб.; Лондон, 1996. Т. 4. Также ср.: XIII, 380.

³¹ Ср.: «Предание, известное в Крыму и поныне, служит основанием поэме. Рассказывают, что хан Керим Гирей похитил красавицу Потоцкую и содержал ее в бахчисарайском гареме; полагают даже, что он был обвинен с нею. Предание сие сомнительно, и г. Муравьев-Апостол в *Путешествии* своем по *Тавриде*, недавно изданном, восстает, и, кажется, довольно основательно, против вероятия сего рассказа. Как бы то ни было — сие предание есть достояние поэзии» (цит. по: Пушкин в прижизненной критике. 1820–1827. СПб., 2001. С. 154).

Получив письмо от Пушкина, москвич Вяземский начал искать в книжных лавках Москвы «Путешествие по Тавриде» и, не найдя, 18 ноября 1823 года обратился за помощью к петербуржцу А. И. Тургеневу: «Есть ли в Петербурге “Путешествие в Тавриду” Апостола-Муравьева, о котором он говорит в “Ольвии”? Узнай и доставь тотчас». ³² Тургенев откликнулся на просьбу друга оперативно, и с ответным письмом от 29 ноября 1823 года послал ему недавно вышедшую, но еще не добравшуюся до Москвы книгу, ³³ 10 декабря Вяземский благодарит за ее присылку. ³⁴ Однако пока шел ответ Тургенева, Вяземский в неизвестном нам письме к Пушкину, видимо, успел пожаловаться на то, что не может найти книгу Муравьева; 11 декабря (?) ³⁵ Пушкин ответил на это: «Апостол написал свое путешествие по Крыму; оно печатается — впрочем, ожидать его нечего» (XIII, 81).

Но издание поэмы затянулось: Вяземский долго не мог закончить предисловие, которое отправил в цензуру лишь 25 февраля, выписка же из «Путешествия по Тавриде» была отдана, по-видимому, еще позднее. ³⁶ Издатель не был доволен текстом Муравьева и предлагал Пушкину заменить его, но тот не согласился. ³⁷ «Бахчисарайский фонтан» вышел в свет 10 марта 1824 года; Пушкин получил его в самом начале апреля и тогда же написал большое письмо Вяземскому, где спорил с его предисловием, но ни словом не упомянул о выписке из «Путешествия по Тавриде» (XIII, 91). Это молчание красноречиво свидетельствует, что появление рядом с его поэмой текста, опро-

³² Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899. Т. 2. С. 367. Обратим внимание, что Вяземский называет книгу Муравьева не «Путешествие по Тавриде», а «Путешествие в Тавриду» — именно так она была названа при издании «Ольвии».

³³ См.: Там же. С. 368.

³⁴ См.: Там же. С. 369.

³⁵ В большинстве изданий пушкинской переписки это письмо датировано 1–8 декабря; обоснование возможной передатировки см.: *Пушкин А. С. Соч.: Комментированное издание* / Под общ. ред. Д. Бетеа. М., 2007. Вып. 1. С. 252 (коммент. О. А. Прокураина).

³⁶ См. письмо Вяземскому цензора книги А. Ф. Мерзлякова от 26 февраля 1824 года: *Гиллельсон М. И. П. А. Вяземский: Жизнь и творчество*. Л., 1969. С. 102–103.

³⁷ См. об этом: *Кошелев В. А.* О двух «приложениях» к поэме «Бахчисарайский фонтан» // Проблемы современного пушкиноведения: Памяти Евгения Александровича Маймина. Псков, 1999. С. 41 (то же: *Кошелев В. А.* 1) Пушкин: История и предание. СПб., 2000. С. 10; 2) Таврическая мифология Пушкина. С. 16; 3) О «михайловском» приложении к «крымской» поэме Пушкина // Вестник Псковского гос. ун-та. 2015. Сер.: Социально-гуманитарные науки. Вып. 1. С. 251).

вергающего легенду, на которой она построена, не стало для ее автора неожиданностью.

Следующий раз о книге Муравьева Пушкин вспомнил уже находясь в Михайловском. В первой половине ноября 1824 года он пишет брату письмо, где просит прислать ряд вещей и книг, в том числе и «Путешествие по Тавриде» (XIII, 119).³⁸ Это письмо было послано вместе с отъезжающими из Михайловского сестрой и приказчиком Михаилом Калашниковым, который вернулся в Михайловское в начале декабря и привез требуемое: 4 декабря Пушкин сообщает брату, что «Мих.<айло> привез мне всё благополучно...» (XIII, 127). Очевидно, вскоре после этого Пушкин набрасывает черновик письма к Дельвигу (впоследствии оно будет опубликовано под заглавием «Отрывок из письма к Д.»), который в рукописи начинается словами: «*Путешествие по Тавр.<иде>* прочел я с жадностью и чрезвычайным удовольствием» (VIII, 998). Сама эта фраза почти не оставляет сомнений, что в декабре 1824 года Пушкин целиком прочел книгу Муравьева-Апостола в первый раз.

3

Теперь обратимся к двум упомянутым выше стихотворениям, в которых, как полагают исследователи, есть отклики чтения «Путешествия по Тавриде». Оба они были датированы самим Пушкиным 1820 годом и долго публиковались вместе со стихами этого времени. Когда же стали доступны рабочие тетради Пушкина, то выяснилось, что их черновики находятся среди стихов 1824 года: «Чаадаеву. С морского берега Тавриды» — в Первой масонской тетради,³⁹ «Фонтану Бахчисарайского дворца» — во Второй масонской тетради.⁴⁰ По положению в тетрадях автограф первого датировался началом 1824 года, автограф второго — концом того же года, о более точных датировках мы будем говорить ниже.

³⁸ В Академическом Полном собрании сочинений Пушкина это письмо датировано 1–10 ноября, в «Летописи жизни и творчества» — 10(?)...12(?) ноября (см.: Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. 1799–1826 / Сост. М. А. Цявловский. Изд. 2-е, испр. и доп. Л., 1991. Т. 1. С. 456).

³⁹ ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, ед. хр. 834, л. 44 об.—45.

⁴⁰ Там же, ед. хр. 835, л. 38.

Напомним, как шла работа над посланием к Чаадаеву в Первой масонской тетради. В начале левого (л. 44 об.) листа Пушкин набело, с небольшими поправками записывает стихотворение «Давно об ней воспоминанье...» (в печатном варианте озаглавленное «Княгине Голицыной, урожденной княжне Суворовой»). Далее он проводит черту и начинает набрасывать текст будущего послания. Первые четыре строки содержат минимальную правку; далее работа застопорилась: последующий текст представляет собой сплошные зачеркивания и обрывочные записи отдельных слов и фраз. Нет сомнения, что все эти записи сделаны одновременно, за один присест, в пользу чего свидетельствуют одинаковый оттенок чернил и ровный наклон левого края стихотворных строк, постепенно книзу страницы уходящих все правее. Спустя некоторое время Пушкин вернулся к незаконченному стихотворению, добавив после отчеркивания еще несколько перемаранных строк — эта запись сделана чернилами другого оттенка, более черными. В печати фрагмент, записанный на л. л. 44 об.—45, получил следующий вид:

К чему холодные сомненья?
Я верю: здесь был грозный храм,
Где крови жаждущим богам
Дымились жертвоприношенья;
Здесь упокоена была
Вражда свирепой эвмениды:
Здесь провозвестница Тавриды
На брата руку занесла;
На сих развалинах свершилось
Святое дружбы торжество,
И душ великих божество
Своим созданием возгордилось.⁴¹

В научной литературе давно утвердилось мнение, что эти строки являются своеобразной поэтической полемикой со скептическими суждениями Муравьева-Апостола о местонахождении храма Дианы, где произошла встреча Ифигении с братом Орестом и его другом Пилладом. Согласно легенде считалось, что развалины этого храма находятся на мысе Фиолент недалеко от Георгиевского монастыря: об этом

⁴¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб., 2016. Т. 2. Кн. 2. С. 97.

писали многие путешественники и географы, хотя точная их локализация оставалась предметом полемики.⁴² Незадолго до путешествия Муравьева новороссийский губернатор А. Ф. Ланжерон организовал специальную экспедицию, о результатах которой сообщалось в прессе: «*Граф Ланжерон, желая открыть положение древнего храма Дианы, столь известного в героические времена из истории Ифигении и Ореста, занимался также поверкою мест по описаниям Страбона и Сестренцевича, <...> и нашел, что точность и верность показания окрестностей сего храма не позволяют сомневаться в истинном его положении, которое можно определить в 104 стадиях (около 25 верст) от развалин древнего города Инкермана (Страбонова Ктеноса), в 20 верстах от нового города Севастополя и близ окрестностей древнего и пространного Херсониса-Гераклеяского <...>. Мыс, на котором стоял древний храм, образуя исходящий угол, возвышается над поверхностью воды более, нежели на 400 сажень. У подошвы оного находятся два утеса в виде продолговатых конусов; на оные, как думают, бросали тела несчастных жертв, принесенных Диане по бесчеловечному закону варвара Фоаса. Близь утесов, по морскому берегу, находятся пространные и глубокие пещеры, которые, если можно верить эпизоду в истории Ифигении, служили убежищем Пиладу и его сотоварищам. Видны еще следы дороги от сих пещер ко храму. — Сии ужасные места, окруженные с одной стороны бурным морем, а с другой — голыми и мрачными Балаклавскими горами, усугубляли горечь Ифигении, расставшейся навсегда с прекрасными городами Аргολиды — места ее рождения. — В одной версте от сего храма построен недавно монастырь Св. Георгия».⁴³*

Муравьев-Апостол подвергает критике суждения древних и новых географов, указывает на их путаность и противоречивость и резюмирует, что если на мысе Фиолент некогда и находилось некое капище богини-девы, то отождествлять его с храмом Дианы нет никаких оснований. О. А. Проскурин указал на то, что эти суждения Муравьева-Апостола с пушкинским посланием впервые связал Г. О. Винокур

⁴² Краткую сводку мнений см.: Тункина И. В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII — середина XIX в.). СПб., 2002. С. 534–535; Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 20 т. Т. 2. Кн. 2. С. 788–789 (примеч. Е. О. Ларионовой).

⁴³ [Б. п.] Археологические открытия в полуденной России // Сын отечества. 1818. Ч. 44. № 8. С. 81.

в неизданной заметке «Храм Дианы» (1936?);⁴⁴ впоследствии независимо от него к тем же выводам пришел Б. В. Томашевский.⁴⁵

Исследователи не увидели противоречия между двумя фактами: книга Муравьева попала в руки Пушкина лишь в декабре 1824 года, тогда как черновик послания к Чаадаеву находится в Первой масонской тетради среди записей конца 1823 — начала 1824 года. Это противоречие заметил и попытался снять О. А. Проскурин,⁴⁶ предположив, что хоть Пушкин и не знал книги Муравьева-Апостола, но ему была известна упомянутая выше рецензия на нее в «Северном архиве», где кратко резюмировались суждения автора «Путешествия по Тавриде» относительно местонахождения храма Дианы: «Взглянув на развалины или, лучше сказать, признаки развалин древнего Херсона, опровергнув мнение Палласа о месте капища Богини Девы и о мысе Партенионе, мнение, будто основанное на словах Страбона, г. Муравьев-Апостол разрушает любимую мечту древних и новых поэтов о пребывании на берегах дикой пустынной Таврии Ифигении, дочери Агамемнона. Нельзя в сем случае не подосадовать на светильник критики, выводящий нас из приятного заблуждения».⁴⁷

⁴⁴ Эта заметка недавно была опубликована О. А. Проскуриным; см.: *Винокур Г. О. Из комментариев к Пушкину // Временник Пушкинской комиссии. СПб., 2016. Вып. 32. С. 47–50.*

⁴⁵ См. об этом: *Пушкин А. С. Соч.: Комментированное издание. Вып. 1. С. 359 (коммент. О. А. Проскурина); Проскурин О. А. Из наследия Винокура-пушкиниста // Временник Пушкинской комиссии. СПб., 2016. Вып. 32. С. 41–42. К слову сказать, из поля зрения Проскурина выпала еще одна работа, где проводилось то же сопоставление: Комарович В. Л. К вопросу о жанре «Путешествия в Арзрум» // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1937. Т. 3. С. 329.*

⁴⁶ См.: *Пушкин А. С. Соч.: Комментированное издание. Вып. 1. С. 359–360 (коммент. О. А. Проскурина).*

⁴⁷ Северный архив. 1824. Ч. 10. № 9. С. 156; подпись: N. N. Кто скрывался под этими литерами — неизвестно; словарь псевдонимов И. Ф. Масанова это не раскрывает. В авторитетном биографическом словаре «Русские писатели. 1800–1917» (М., 1999. Т. 4. С. 168) авторство рецензии приписано Воейкову, что вряд ли имеет под собой какие-то основания. Во-первых, как было сказано выше, Воейков являлся автором двух откликов на книгу Муравьева и едва ли ему была нужна писать третий. Во-вторых, стиль рецензии «Северного архива» совершенно не похож на стиль критических статей Воейкова. И, наконец, в-третьих, в 1824 году Воейков едва ли мог публиковаться в журнале Булгарина: хотя в начале 1820-х годов их отношения были вполне дружескими, но уже к 1823 году они резко обострились. К примеру, Булгарин пренебрежительно отзывался об изданном Воейковым «Собрании образцовых русских сочинений и переводов в стихах» (см.: Северный архив. 1823. № 5 (март). С. 405), на что последовал незамедлительный ответ Воейкова (см.: Русский инвалид.

Несмотря на остроумие этой гипотезы, принять ее затруднительно. Номер «Северного архива» с рецензией на книгу Муравьева увидел свет в середине мая 1824 года; должно было пройти еще какое-то время, пока он попал бы к Пушкину. Однако к тому времени поэт уже перестал работать в Первой масонской тетради: последние записи в ней датированы началом марта,⁴⁸ в мае уже заполнялась Вторая масонская тетрадь.⁴⁹ Невозможно предположить, что Пушкин вспомнил о незаполненном развороте в уже оставленной тетради, чтобы занести туда поэтический отклик на критические строки в ученом журнале. Мы совершенно согласны с комментаторами нового Полного собрания сочинений Пушкина, относившими автограф послания к М. А. Голицыной на л. 44 об. к периоду между 8 декабря 1823-го и 12 января 1824 года;⁵⁰ только совершенно непонятно, почему черновик послания к Чаадаеву, появившийся на л. 44 об.—45 той же тетради одновременно с посланием к Голицыной, в том же издании датирован февралем — серединой мая 1824 года.⁵¹ Еще раз повторим: возможно, заключительные несколько строк, записанные после отчеркивания другими чернилами на л. 45, появились немного позднее, но даже для приблизительной их датировки у нас нет оснований.

Как мы попытались показать выше, Пушкин к ноябрю 1823 года если не читал целиком книгу Муравьева, то по крайней мере знал ее содержание, и поэтому вполне мог быть знаком и с его позицией по поводу расположения храма Дианы. Но, думается, скептические страницы «Путешествия по Тавриде» не могли стать импульсом для создания поэтического произведения. Как нам кажется, своим стихотворением Пушкин отвечал на «холодные сомнения» другого человека.

1823. 20 марта. № 66. С. 263–264), который, в свою очередь, удостоился подробного булгаринского разбора, напечатанного сразу в двух журналах (см.: Сын отечества. 1823. № 13. С. 252–283; Вестник Европы. 1823. № 7. С. 165–195) и изданного отдельной брошюрой. В новом Академическом издании Пушкина рецензия на книгу Муравьева без всяких оснований приписана самому Булгарину (см.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 20 т. Т. 2. Кн. 2. С. 790; примеч. Е. О. Ларионовой).

⁴⁸ См.: Левкович Я. Л. Рабочая тетрадь Пушкина ПД, № 834: (История заполнения) // Пушкин: Исследования и материалы. СПб., 1995. Т. 15. С. 233.

⁴⁹ Мы оставляем в стороне дискуссионный вопрос о точной датировке начала работы в этой тетради (см.: Проскурин О. Из истории одесского текста поэмы Пушкина «Цыганы»: К методике чтения пушкинских рукописей // Пермьяковский сборник. М., 2010. Ч. 2. С. 193 и след.).

⁵⁰ См.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 20 т. Т. 2. Кн. 2. С. 773 (примеч. Г. Е. Потаповой).

⁵¹ См.: Там же. С. 787 (примеч. Е. О. Ларионовой).

Во время пребывания Пушкина в Одессе одним из его постоянных собеседников был археолог и нумизмат, признанный знаток древней географии Крыма Иван Павлович (Жан Море де) Бларамберг (1772–1831).⁵² Уроженец Фландрии, он начал службу в голландской армии, в 1797 году переехал в Россию, в 1804-м поступил на русскую службу, а спустя два года был уволен по болезни с чином надворного советника. Вскоре он переехал жить в Одессу, где с 1808-го служил, занимая разные должности, вплоть до 1824 года.⁵³ С 1811 года Бларамберг стал интересоваться древностями и собирать коллекцию, с 1818-го — систематически. Начало 1820-х годов — пик его занятий: с этого времени он начал публиковать работы «по большей части по поводу открытия амфор, ваз, монет, камней, обломков статуй и пр. в Одессе, Крыму и других местах».⁵⁴ Бларамберг быстро завоевал авторитет среди историков; на его мнения ссылаются, слава его коллекции распространяется за пределы России. «...Один из ученых любителей древности, г. статский советник Бларамберг, собрал <...> в Одессе богатый кабинет памятников, той стране принадлежащих»,⁵⁵ — так о нем и о его коллекции писал французский археолог Дезире-Рауль Рошетт. Бларамберг был знаком также с Муравьевым-Апостолом, который в своей книге называл его «человеком приятным и умным» и «истинным знатоком».⁵⁶

Однако в 1823 году состояние здоровья ученого ухудшается и занятия идут на спад: 12 мая этого года Бларамберг писал П. И. Кеппе-

⁵² Сводку данных см.: Материалы для биографического словаря одесских знакомых Пушкина // Пушкин: Статьи и материалы / Под ред. М. П. Алексеева. Одесса, 1926. Вып. 3. С. 25–27.

⁵³ Биографические сведения о Бларамберге см.: *Зеленецкий К.* Жизнь и ученая деятельность Бларамберга // Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1848. Т. 2. С. 220–228; *Тункина И. В.* Русская наука о классических древностях юга России. С. 108 и след. (здесь же указана литература вопроса).

⁵⁴ *Зеленецкий К.* Жизнь и ученая деятельность Бларамберга. С. 226; перечень основных его публикаций см.: *Тункина И. В.* Русская наука о классических древностях юга России. С. 117, 119. В этой же книге есть обзор работ Бларамберга, оставшихся неопубликованными (также см.: Приобретение Обществом неизданных сочинений Бларамберга // Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1844. Т. 1. С. 652).

⁵⁵ [Рошетт Д.-П.] О греческих древностях Воспора Киммерийского и Ольвии // Вестник Европы. 1823. № 19. С. 199.

⁵⁶ [Муравьев-Апостол И. М.] Путешествие по Тавриде в 1820 году. С. 35.

ну, что из-за опасности потерять зрение он вынужден «не только полностью отказаться от занятий древностями, но и исключить даже всякое длительное чтение».⁵⁷ Следовательно, можно предположить, что к этому времени ученый уже собрал материалы к своим работам и определил основные темы своих дальнейших исследований.

Бларамберг жил открыто. «Я обедал у него часто по воскресеньям, — вспоминал современник. — У него собиралось французское общество. Гости старались подражать хозяину; непрестанно сыпался огонь каламбуров на всех языках».⁵⁸ Бывал на этих обедах и Пушкин. Кроме того, он ухаживал за двумя из четырех миловидных дочерей Бларамберга,⁵⁹ с одной из них, «очень умной и образованной девицей», «любил он беседовать по вечерам».⁶⁰ Мы вправе предположить, что Бларамберг располагал рукописью книги Муравьева и что именно у него в гостях Пушкин мог с ней бегло ознакомиться. Но более вероятно другое. Хозяин сам интересовался местоположением храма Дианы и собирал сведения о нем. Хотя переведенная с французского статья Бларамберга «О предполагаемом местоположении Дианина храма в Тавриде» была опубликована лишь после его смерти,⁶¹ нет сомнений, что материал к ней был собран уже в начале 1820-х годов. Собственно, текст Бларамберга с трудом можно назвать статьей: это ряд выписок из самых разнообразных древних источников, снабженных краткими комментариями. В заключение автор полагает более возможным местоположение храма Дианы на горе Аю-Даг, а про овечье легенда-ми место пишет: «Что касается до монастыря Св. Георгия и его окрестностей, то это место слишком удалено от мыса Парфениона для того,

⁵⁷ Цит. по: Тункина И. В. Русская наука о классических древностях юга России. С. 114.

⁵⁸ Морозов П. Т. Из Одесских воспоминаний // Русский архив. 1877. Кн. 3. С. 325. Ср.: «Часто собирал он вокруг себя ученых, которые временно или постоянно жили в Одессе; но особенно любил общество молодых людей, подававших собою надежды. По воскресеньям и четвергам собирались они у него, обедали и наслаждались его живой, веселой, но вместе и поучительной беседой» (Зеленецкий К. Жизнь и ученая деятельность Бларамберга. С. 224).

⁵⁹ См.: Там же; а также: Берг А. К пребыванию А. С. Пушкина в Одессе: (Из воспоминаний одесситки) // Отзывы о Пушкине с юга России / Собрал В. А. Яковлев. Одесса, 1887. С. 133.

⁶⁰ Зеленецкий К. П. Г-жа Ризнич и Пушкин // Отзывы о Пушкине с юга России. С. 148.

⁶¹ См.: Одесский альманах на 1831 год. Одесса, 1831. С. 298–307.

чтобы (независимо от других данных, изложенных нами здесь частью) полагать там местоположение храма, о котором упоминается в Стравоне, так часто и ложно приводимом в рассказах путешествий по Тавриде и других сочинениях». ⁶² Важно отметить одно обстоятельство: если Муравьев-Апостол вообще отрицал, что на берегах Тавриды находился храм Дианы, ⁶³ то Бларамберг лишь уточнял его местонахождение. Слова же Пушкина: «Я верю: *здесь* был грозный храм», — звучат как продолжение очного спора с человеком, отвергавшим наличие развалин храма именно у Георгиевского монастыря, а не заочная полемика с тем, кто пришел к выводу, что капища не было вообще, и уж тем более не как ответ неведомому рецензенту не самого популярного русского журнала.

Можно сделать осторожное предположение, почему послание княгине Голицыной и «К чему холодные сомненья...» появились одновременно на одном листе Первой масонской тетради. Напомним, что поводом к созданию первого стихотворения послужило каким-то образом дошедшее до Пушкина известие, что М. А. Голицына на одном из Петербургских собраний исполняла его стихи, положенные на музыку. ⁶⁴ Нельзя исключить возможность, что об этом поэту рассказала одна из дочерей Бларамберга и что в тот же день произошел разговор с их отцом о местонахождении храма Дианы. Впрочем, сколь ни соблазнительной представляется эта гипотеза, едва ли она когда-нибудь получит даже косвенное документальное подтверждение.

5

На л. 38 Второй масонской тетради один под другим располагаются черновики трех стихотворений: «Пока супруг тебя, красавицу младую...», «Виноград» и «Фонтану Бахчисарайского дворца». Первое осталось незавершенным, два последних стихотворения Пушкин датировал в печати 1820 годом — временем своего пребывания в Крыму. Так они датировались во всех последующих пушкинских изданиях вплоть до начала XX века, хотя уже в 1884-м В. Е. Якушкин в своем

⁶² Там же. С. 305–306.

⁶³ См.: [Муравьев-Апостол И. М.] Путешествие по Тавриде в 1820 году. С. 86–92.

⁶⁴ См.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 20 т. Т. 2. Кн. 2. С. 774 (примеч. Г. Е. Потаповой).

описании пушкинских рукописей показал, что их черновики находятся среди записей конца 1824 года.⁶⁵ Впоследствии высказывались различные суждения;⁶⁶ дискуссии окончательно затихли лишь с выходом в 1949 году второй части второго тома Большого Академического издания Пушкина, где эти стихотворения были Н. В. Измайловым без оговорок датированы началом ноября 1824 года.

Предложенную датировку попытался уточнить С. А. Фомичев, датиовавший стихотворение «Фонтану Бахчисарайского дворца» концом месяца исходя из того, что на л. 40–41 об. расположен черновик письма к П. А. Вяземскому от 29 ноября 1824 года. Дополнительным основанием послужило наблюдение исследователя, что в ст. 9–12 «Фонтану Бахчисарайского дворца» говорится о надписи на фонтане («Фонтан любви, фонтан печальный! / И я твой мрамор вопрошал: / Хвалу стране прочел я дальней; / Но о Марии ты молчал...»), а о ее содержании Пушкин мог узнать только из книги Муравьева-Апостола (поскольку надпись не фигурировала в отрывке из нее, который Вяземский приложил к изданию «Бахчисарайского фонтана»).⁶⁷ О присылке «Путешествия по Тавриде...» Пушкин просил брата в письме от 10(?)–12(?) ноября 1824 года: «NB. пришли мне <...> 2) Серные спички. 3) Карты, т. е. картежные <...>. 3) Жизнь Емельки Пугачева. 4) Путешествие по Тавриде Муравьева». ⁶⁸ «Вероятно, к концу ноября эта книга была уже получена, — пишет Фомичев, — и откликом на нее послужило третье, центральное четверостишие...»⁶⁹

Однако книгу Муравьева Пушкин получил только в начале декабря: об этом он сообщил в письме к брату от 4 декабря (XIII, 127). Поэтому

⁶⁵ См.: Якушкин В. Е. Рукописи Александра Сергеевича Пушкина, хранящиеся в Румянцевском музее в Москве // Русская старина. 1884. № 7. С. 14, 17.

⁶⁶ Подробнее см.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 20 т. Т. 3. Кн. 1 (примеч. А. Ю. Балакина и А. С. Бодровой к стихотворению «Фонтану Бахчисарайского дворца») (в печати).

⁶⁷ «Слава всевышнему богу! Возвеселилося вновь лицо Бакчисарая, благотворным о нем попечением Светлейшего Керим-Гирея Хана. Он-то утолил жажду страны своею щедрою рукою и тщится еще вящее оказать благодеяние, когда будет на то помощь Божия. Попечительным старанием своим он открыл славный ток воды. Ежели есть другой подобной красоты фонтан, да предстанет он! — Видели мы города Шам <...> и Багдад, но такого прекрасного фонтана нигде не видавали» (*Муравьев-Апостол И. М.* Путешествие по Тавриде в 1820 году. С. 110–111).

⁶⁸ См.: XIII, 118–119; о датировке письма см. выше, примеч. 38.

⁶⁹ Фомичев С. А. Рабочая тетрадь Пушкина ПД № 835: (Из текстологических наблюдений) // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1983. Т. 11. С. 58.

предположение Фомичева следует считать несостоятельным. К тому же он не обратил внимание, что верхнюю границу датировки записей на л. 38 можно определить точнее: на л. 39 об. находится список вещей («карты / Пугачев / allumetes»⁷⁰), о присылке которых Пушкин просил брата в упомянутом выше письме. Следовательно, черновики названных стихотворений появились в тетради не позднее 10-х чисел ноября; после отправки письма в этой записи не было бы никакого смысла.

Тем не менее есть все основания полагать, что Пушкин мог прочесть соответствующие фрагменты из «Путешествия по Тавриде» гораздо раньше, чем в его руках оказалось полное издание книги Муравьева-Апостола. Отрывки из «Путешествия...» с описанием ханского дворца были перепечатаны в упомянутой выше рецензии А. Ф. Воейкова в «Новостях литературы»;⁷¹ в следующем же месяце в «Отечественных записках» было опубликовано «Описание дворца хана Крымского и столичного города Бахчисарая, учиненному по приказу графа Миниха капитаном Манштейном», а в качестве приложения к этому документу — бахчисарайская глава книги Муравьева-Апостола, проиллюстрированная двумя выписками из пушкинской поэмы.⁷² Знакомство Пушкина с журнальными перепечатками из «Путешествия по Тавриде» весьма вероятно,⁷³ и нельзя исключать, что оно могло актуализировать крымские воспоминания поэта, также отразившиеся в стихотворениях «Пока супруг тебя, красавицу младую...» и «Виноград», черновики которых, как мы помним, расположены на том же листе Второй масонской тетради⁷⁴.

⁷⁰ Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты / Подгот. к печати и коммент. М. А. Цявловского, Л. Б. Модзалевского, Т. Г. Зенгер. М.; Л., 1935. С. 304. Allumetes (allumettes) — спички (*фр.*).

⁷¹ См.: Новости литературы. 1824. № 20. С. 116–126. Ценз. разр. 3 июня.

⁷² См.: Отечественные записки. 1824. Ч. 19. № 51 (Июль). С. 84–100 (выход в свет 20–25 июня — см.: Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. 1799–1826. С. 428). Это издание имеется в пушкинской библиотеке (см.: Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина: Библиографическое описание). СПб., 1910. № 489), хотя, возможно, не тот экземпляр, которым поэт располагал в 1824 году.

⁷³ См. письмо А. А. Дельвига к Пушкину от 28 сентября 1824 года: «Продав второе издание твоих сочинений, пришло тебе и денег и, если хочешь, новых книг. Объяви только волю каких и много ли. Журналы все будешь получать» (XIII, 110).

⁷⁴ Нашу точку зрения поддержал О. А. Проскурин, см.: Проскурин О. А. «Отрывок из письма [к Д.]» А. С. Пушкина: адресат, функция, датировка // Литературный факт. 2019. № 2(12). С. 355–358.

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ПУШКИН И ЕГО ТЕТУШКА*

(Контурь одной историко-литературной проблемы)

В середине осени предгрозового 1824 года в Москве произошло на первый взгляд далекое от литературы событие, которому, однако, суждено было войти в летописи отечественной словесности. 14 октября в своем доме на углу улицы Старой Басманной и Токмакова перелука в возрасте пятидесяти девяти лет¹ после долгой болезни скончалась Анна Львовна Пушкина.

Она была известна в литературных кругах Москвы и пользовалась искренним уважением у всех знавших ее людей. Современники отмечали ее незаурядный ум и душевные качества; так, М. А. Дмитриев вспоминал: «Она была умна, умнее своих братьев, женщина кроткая, любезная и просвещенная. Она читала на французском языке не одни романы и стихи, не одни книги, назначаемые для легкого чтения,

* Впервые: Озерная школа: Труды пятой Международной летней школы на Карельском перешейке по русской литературе. Поселок Поляны (Уусикирко) Ленинградской области, 2009; добавлены материалы из статьи: Балакин А. Ю., Велижев М. Б. Новые стихотворения И. И. Дмитриева. I. «На кончину А. Л. П. ...» // Новое литературное обозрение. 2007. № 4 (86).

¹ В большинстве справочных пушкинских изданий годом рождения А. Л. Пушкиной назван 1769-й. Более полувека назад А. И. Ревякин на основании изучения исповедных книг (правда, без указания точных отсылок) установил, что правильным следует считать 1765 год (см.: Ревякин А. И. К биографии А. С. Пушкина. (Из архивных разысканий) // Уч. зап. Московского гор. пед. ин-та им. В. П. Потемкина. 1954. Т. 43. Вып. 4. С. 136), однако в опубликованной недавно выписке из исповедной ведомости церкви Харитона Исповедника за 1799 год возраст Анны Львовны указан «30 лет» (см.: А. С. Пушкин: Московские страницы биографии. М., 2000. С. 60; следует отметить, что в опубликованной там же метрической записи о смерти Анны Львовны ее возраст ошибочно указан как «38 лет», — с. 67).

но и важного, даже философического содержания. Разговор ее был чрезвычайно приятен и полон мыслей и опытности, приобретенной посредством собственного размышления. Она была в числе немногих и редких женщин, которые могли бы служить украшением всякого, и светского, и мыслящего общества! Ум, доброта и снисходительность просвечивали в каждом ее слове».² Можно сослаться и на свидетельство первого биографа Пушкина П. В. Анненкова, писавшего, что «Анна Львовна собирала в доме своем часто всех родных и умела вселять искренние привязанности к себе».³ Доказательством тому являются и сохранившиеся упоминания об Анне Львовне в переписке современников. Так, даже будучи в Париже, К. Н. Батюшков в письме к Е. Г. Пушкиной от 3 мая 1814 года вспоминал «круглые пироги у Анны Львовны»;⁴ без малого через два года, в письме к нему от 22 февраля 1816 года свой разговор с Анной Львовной передавал С. И. Муравьев-Апостол, аттестуя ее как «барышню, одаренную такой прозорливостью и такой болтливостью...»⁵ Была А. Л. Пушкина известна и благотворительностью; в эпитафии на ее могиле сказано: «Она была истинная христианка, любила помогать бедным и скончалась <...> к вечному прискорбию родных своих, друзей и подчиненных».⁶

Личная жизнь Анны Львовны не сложилась: она никогда не была замужем и семьи не имела. Однако сохранились свидетельства, что в конце 1790-х годов она считалась невестой И. И. Дмитриева, который делал ей предложение, но получил отказ. Как утверждала О. С. Павличева, «Иван Иванович <...>, сделавшись <...> поклонником Анны Львовны, искал ее руки. Одаренная наружностью привлекательною, с умом живым и характером самостоятельным, эта тетюшка Александра Сергеевича не думала выходить замуж и жила особо, в собственном своем доме, открытом для родных и немногих избранных друзей. “Нет, Иван Иванович, — сказала она ему наотрез, — видеть вас у себя и принимать

² *Дмитриев М. А.* Главы из воспоминаний моей жизни / Подгот. текста и коммент. К. Г. Боленко, Е. Э. Ляминой, Т. Ф. Нешумовой; Вступ. статья К. Г. Боленко и Е. Э. Ляминой. М., 1998. С. 132.

³ *Анненков П. В.* Материалы для биографии А. С. Пушкина. М., 1984. С. 40. Недавно был введен в научный оборот альбом А. Л. Пушкиной, заполненный в основном ее выписками из французских поэтов (см.: *Матвеева Ю. А.* Анна Львовна Пушкина и ее альбом // Болдинские чтения 2019. Нижний Новгород, 2019. С. 249–259).

⁴ *Батюшков К. Н.* Соч.: В 2 т. М., 1989. Т. 2. С. 281.

⁵ *Русская старина.* 1893. № 5. С. 408; подлинник по-французски.

⁶ Цит. по: *Московский некрополь.* СПб., 1908. Т. 2. С. 480.

как милого гостя всегда готова, а женою вашею быть не согласна».⁷ Это подтверждает и М. Н. Лонгинов; при публикации письма Н. М. Карамзина к Дмитриеву от 12 октября 1798 года, где содержались строки: «Гаврило Романович в письме своем сказал <...>, что *и ты намерен жениться*», он счел нужным дать следующее пояснение: «В то время говорили, что Дмитриев женится на Анне Львовне Пушкиной».⁸ Несмотря на то, что браку их не было суждено состояться, спустя некоторое время, в 1801 году, они все же породнились через кумовство, став воспитанниками сына дьякона церкви Харитония в Огородниках.⁹

Когда в 1812 году после пожара Москвы Анна Львовна потеряла все свое имущество, Дмитриев в письме к А. И. Тургеневу от 24 декабря 1814 года хлопотал об оказании ей материальной помощи: «Надеюсь, что вы и по приязни вашей ко мне, и по чувствительности вашего сердца не поставите мне в докучливость ходатайство мое об Анне Львовне Пушкиной, сестре Василия Львовича. Она сегодня послала в “Благотворительное Общество” просьбу об оказании ей вспоможения за потерю дома и всего, что в нем было. Сделайте милость, помогите ей: состояние ее, право, заслуживает сострадания. Возвратясь по-неволе на пепелище, должна была две зимы дрогнуть в пакостном домишке за дорогую цену, строиться снова и для того входить в долги, и растроиваться на всю жизнь. Как все это тяжело, по себе знаю, и тем убедительнее прошу об облегчении участи Анны Львовны».¹⁰ Адресат письма Дмитриева был выбран неслучайно: в то время Тургенев занимал должность правителя дел созданного им Женского патриотического общества, целью которого была помощь пострадавшим от

⁷ Павлищева О. С. Воспоминания о детстве А. С. Пушкина (со слов сестры его О. С. Павлищевой), написанные в С.-П.-бурге 26 октября 1851 // Семейные предания Пушкиных. СПб., 2014. С. 19. Далее мемуаристка ошибочно утверждает, что Дмитриев посвятил А. Л. Пушкиной стихотворение «К *** о выгодах быть любимцею стихотворца»; это утверждение повторили П. И. Бартенев (см.: *Бартенев П. И.* О Пушкине: Страницы жизни поэта. Воспоминания современников / Сост., вступ. статья и примеч. А. М. Гордина. М., 1992. С. 60) и Я. К. Грот (см.: *Державин Г. Р.* Соч. / С объяснительными примечаниями Я. Грота. СПб., 1871. Т. 6. С. 147–148). Отказ А. Л. Пушкиной был, вероятно, тем досаднее Дмитриеву, что уже в середине 1790-х гг. он считался завидным женихом (см.: *Державин Г. Р.* Записки. М., 2000. С. 175).

⁸ Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 104 и примеч., с. 46; курсив автора.

⁹ См.: *Романюк С. К.* К биографии родных Пушкина // *Временник Пушкинской комиссии.* Л., 1989. Вып. 23. С. 7.

¹⁰ *Дмитриев И. И.* Соч. СПб., 1893. Т. 2. С. 221.

военных действий семействам.¹¹ Правда, если верить примечанию В. С. Порошина к первой публикации письма, «это ходатайство не имело успеха».¹² Однако уже через несколько лет Анна Львовна владела собственным домом в Москве, на углу Старой Басманной и Токмакова переулках, который после кончины завещала своему любимому брату — В. Л. Пушкину.¹³

Анну Львовну связывала с братом самая нежная и трогательная дружба. В «Автобиографическом введении» к своему Полному собранию сочинений П. А. Вяземский писал про Василия Львовича: «Зять его, Солнцев, говорил, что сердечные привязанности его делятся на три степени: первая — сестра его Анна Львовна, вторая — Вяземский, третья — однобортный фрак, который выкроил он из старого сюртука, по новомодному покрою фрака, привезенного в Москву Павлом Ржевским».¹⁴ По словам К. Я. Булгакова, Василий Львович «ее любил сердечно и всегда ею восхищался, в молодости ее ловкостью и красотой, потом в зрелых летах ее умом, а под конец ее сердцем».¹⁵ Уже с начала 1820-х годов Анна Львовна тяжело болела, врачи были бессильны ей помочь, и чувствительный брат тяжело переживал недуги сестры.

Ее кончина, несомненно, явилась для Василия Львовича сильным ударом. Друзья-литераторы пытались утешить его стихотворными посланиями: в «Дамском журнале» были помещены «К Василию Львовичу Пушкину. На кончину сестры его, Анны Львовны Пушкиной» П. И. Шаликова (1824. Ч. 8. № 22. С. 128–130; без подписи) и «К В. Л. Пушкину» А. Абр. Волкова (1825. Ч. 9. № 2. С. 69); стихи на смерть А. Л. Пушкиной написал также И. И. Дмитриев, но они не были опубликованы и остались неизвестны современникам.¹⁶ Все ждали поэтического отклика на это печальное событие и от самого Василия Львовича, который всегда последовательно стремился «олитературить» любое собы-

¹¹ См.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб., 2004. Т. 2. Кн. 1. С. 470 (примеч. Е. О. Ларионовой).

¹² Русский архив. 1867. Стб. 1084.

¹³ См.: Тормозова Л. И. Улица Карла Маркса, 36. М., 1988. С. 33–34 (дом не сохранился).

¹⁴ Вяземский П. А. Полн. собр. соч. СПб., 1878. Т. 1. С. XXIX; ср. также: Вяземский П. А. Старая записная книжка / Ред. и примеч. Л. Я. Гинзбург. Л., 1929. С. 94.

¹⁵ Русский архив. 1903. Кн. 1. С. 53 (письмо к А. Я. Булгакову от 1 июня 1821 г.).

¹⁶ См.: Балакин А., Велижев М. Новые стихотворения И. И. Дмитриева. I. «На кончину А. Л. П. ...» // Новое литературное обозрение. 2007. № 4 (86). С. 123–133. В этой статье перепечатаны стихотворения Шаликова и Волкова.

тие своей биографии и биографии близких ему людей. С. И. Панов в предисловии к последнему изданию его стихотворений справедливо писал, что «на примере В. Л. Пушкина хорошо видно, как “искусство жизни” тесно переплеталось с “искусством поэзии”. Самые разнообразные бытовые факты получали поэтическое отражение, а стихи неизменно проецировались на жизнь стихотворца; две эти стороны были неразделимы». ¹⁷ Скорбь от утраты близкого человека неизбежно должна была превратиться в стихотворение.

В этом был убежден и племянник Василия Львовича. О смерти тетки А. С. Пушкин узнал в середине ноября, ¹⁸ и уже через несколько дней в письме к П. А. Вяземскому от 29 ноября он спрашивал: «Смерть моей тетки *frétilion* <резвушка (*фр.*)> не внушила ли какого-нибудь перевода В.<асилию> Л-<ьвови>чу? нет ли хоть эпитафии?» (XIII, 125). Ехидные слова о «переводе» или «хоть эпитафии» демонстрируют то неприятие, которые питал Пушкин-племянник к известному стремлению своего дяди превращать частную жизнь в литературу. Как точно заметил в другой своей статье С. И. Панов, «старые категории литературного быта с предельно тонкой и подвижной границей между словесностью и повседневной жизнью воспринимались людьми нового поколения с удивлением и даже иронией». ¹⁹ В пушкинской фразе нет презрительного отношения к Василию Львовичу, а только скептическая оценка его литературной стратегии, ²⁰ характерной, впрочем, почти для всех поздних сентименталистов. По мнению А. Глассе,

¹⁷ Панов С. И. «Смиранный стихотворец» // Пушкин В. Л. Стихотворения / Изд. подгот. С. И. Панов. СПб., 2005. С. 10.

¹⁸ См. его письмо Л. С. Пушкину от начала 20-х чисел ноября 1824 г. (XIII, 122). Спустя две недели, 4 декабря 1824 года, откликаясь на упомянутое выше послание Шаликова, Пушкин писал сестре: «Если то, что ты сообщаешь о завещании А. Л., верно, то это очень мило с ее стороны. В сущности, я всегда любил тетку, и мне неприятно, что Шаликов обмочил ее могилу. Няня исполнила твою комиссию, ездил в Св.<ятые> горы и отправила панихиду или что было нужно» (XIII, 127; часть текста по-французски; свое состояние А. Л. Пушкина разделила между О. С. Пушкиной и дочерьми Сонцовых Екатериной и Ольгой — см.: Пушкин А. С. Письма. М.; Л., 1926. Т. 1. С. 376; примеч. Б. Л. Модзалевского).

¹⁹ Панов С. И. Стихотворец со Старой Басманной // Ново-Басманная, 19. 1990 / Сост. Н. А. Богомолов. М., 1990. С. 53.

²⁰ Об этом же см.: Постнов О. Г. Пушкин и смерть: Опыт семантического анализа. Новосибирск, 2000. С. 108. Принимая в целом трактовку этого эпизода творческой биографии Пушкина автором указанной книги, с рядом его положений мы не можем согласиться.

«не очень уместная пушкинская веселость и неуважение к скорби родных были, по-видимому, реакцией на манеру выражения личного горя старшим поколением людей, выросших на сентиментализме и не стеснявшихся проливать слезы, да еще и с театральной экзальтацией в сопровождении приличествующих сентенций...»²¹ Изобиловавшая штампами и излишне аффектированным выражением чувств «сентиментальная» поэзия 1820-х годов уже воспринималась как нечто вздорное и фальшивое, становясь легкой добычей пародистов и благодарным материалом для разного рода иронических оммажей.

Дядя не обманул ожиданий племянника, посвятив Анне Львовне не «перевод» и даже не эпитафию, а полноценное стихотворение — элегическое послание «К ней», где в концентрированном виде были представлены все основные элементы присущего ему стиля. В первой половине 1820-х годов большинство плодов своей музыки Василий Львович отдает в московский «Дамский журнал», выпускавшийся его ближайшим другом и единомышленником П. И. Шаликовым, и это послание уместнее всего смотрелось бы именно здесь. Но по каким-то причинам оно было опубликовано совсем в другом месте — в модном петербургском издании, на страницах которого в окружении стихов и прозы младших современников из совсем другого литературного круга выглядело как чужеродный элемент. Мы имеем в виду легендарный альманах А. А. Бестужева и К. Ф. Рылеева «Полярная звезда».²²

«Полярная звезда на 1825 год» должна была выйти в свет еще в конце 1824 года, но задержалась по причине знаменитого петербургского наводнения и появилась в продаже только 20 марта 1825-го²³ — позже едва ли не всех альманахов. Спустя пять дней Рылеев посылает свежееотпечатанную книжку в Михайловское (см.: XIII, 157), но до Пушкина она доходит, судя по всему, лишь в десятых числах апреля.²⁴ Тогда же опального поэта проездом из Витебска в Петербург посещает А. А. Дельвиг и проводит у него около двух недель. Во время

²¹ Глассэ А. О мужичке без шапки, двух бабах, ребеночке в гробике, сапожнике немце и о прочем // Новое литературное обозрение. 1997. № 28. С. 48.

²² Позднее это стихотворение переписывалось и в альбомы (см., к примеру, альбом, принадлежавший Катер... Вас... Никиф... — ИРЛИ, р. III, оп. 3, ед. хр. 7).

²³ См.: Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. 1799–1826 / Сост. М. А. Цявловский. Изд. 2-е, испр. и доп. Л., 1991. С. 516.

²⁴ 7 апреля в письме к Л. С. Пушкину он пишет, что «Полярн<ой> еще не получил» (XIII, 161).

этого визита ими было сочинено стихотворение, которое Пушкин послал П. А. Вяземскому в конце апреля.²⁵ Вот фрагмент этого письма:

«Улыбнись, мой милый, вот тебе *Элегия на смерть Ан.<ны> Льв.<овны>*.

Ох, тетинька! ох, Анна Львовна,
Вас.<илья> Льв.<овича> сестра!
Была ты к маминьке любовна,
Была ты к папиньке добра,
Была ты Лиз.<аветой> Льв.<овн>ой
Любима больше серебра;
Матв.<ей> Мих.<айлович>, как кровный,
Тебя встречал среди двора.
Давно ли с Ольг.<ою> Сергевной,
Со Льв.<ом> Серг.<еичем> давно ль,
Как бы на смех судьбине гневной,
Ты разделяла хлеб да соль.
Увы! зачем В.<асилий> Л.<ьвович>
Твой гроб стихами обмочил
Или зачем подлец попович
Его Красовский пропустил.

(Я да Дельвиг)» (XIII, 165–166).²⁶

Вяземский отвечал Пушкину в письме от 7 июня: «Если: Ах, тетушка! Ах, Анна Львовна! попадется на глаза Василью Львов.<ичу>, то заготовь другую песню, потому что он верно не перенесет удара. Сказывают, у Вас умер еще добрый человек Петр Львович и оставил хорошее наследство. Смотри, не перестань писать с счастья: наследства так и падают Вам на голову. А напротив, тебе надобно теперь еще прежнего

²⁵ В Большом академическом издании это письмо датируется «20-ми числами апреля (не позднее 24)» (XIII, 165).

²⁶ В стихотворении упоминаются дядя поэта М. М. Сонцов, тетка Е. Л. Сонцова, сестра О. С. Пушкина и брат Л. С. Пушкин. Во второй строфе содержится намек на скупость Сонцовых (сводку свидетельств современников см.: *Волович Н. М.* У карты пушкинской Москвы // *Волович Н. М.* Пушкин и Москва: Сб. статей. М., 1994. Кн. 1. С. 84–85); эта их черта тогда же была высмеяна Е. А. Баратынским и С. А. Соболевским в стихотворении «Цапли» («Жил да был петух и индейский...», 1825; известно также под заглавием «Быль»), одно время приписывавшемся Пушкину (см.: *Баратынский Е. А.* Полн. собр. соч. СПб., 1914. Т. 1. С. 324–325; примеч. М. Л. Гофмана). Об отношениях А. Л. Пушкиной и Е. Л. Сонцовой см. также: *Романюк С. К.* К биографии родных Пушкина // *Временник Пушкинской комиссии.* Л., 1989. Вып. 23. С. 7–8.

быть умнее и одному поддерживать славу пушкинского рода» (XIII, 181). Как видим, Вяземский прекрасно понимал, что распространение этого стихотворения может навлечь на Пушкина серьезные неприятности, и едва ли мог знакомить с ним даже людей из ближайшего окружения. Однако вскоре «Элегия на смерть Анны Львовны» стала широко распространяться в списках, причем под именем одного Пушкина,²⁷ и, разумеется, дошла до Василия Львовича, вызвав семейный скандал, в котором поэт, незадолго до того крупно поссорившийся с отцом, был крайне не заинтересован.²⁸ В письме от второй половины сентября 1825 года он просил Вяземского: «Ради бога докажи Вас.<илию> Льв.<овичу>, что *Элегия на смерть Ан.<ны> Льв.<овны>* не мое произведение, а какого-нибудь другого беззаконника. Он восклицает “а она его сестре 15.000 оставила!”... <...> Дело в том, что конечно Дельвиг более виноват, нежели я. Похлопочи обо мне, душа моя, как о брате...» (XIII, 231). Позднее и Л. С. Пушкин в письме от 26 октября 1825 года уговаривал С. А. Соболевского убедить Василия Львовича, что элегия на смерть Анны Львовны «не брата и никого из семейства, разве, может быть, С. Л. хотел подшутить, да и подделался под брата».²⁹ Конфликт удалось уладить лишь в следующем году Вяземскому, о чем Дельвиг сообщал своему соавтору во второй половине июня 1826 года: «Вяз.<емский> у меня был в проезд свой в Ревель. Он сказал мне, что он уверил В.<асилия> Л.<ьвовича>, что: Ах тетушка, ах Анна Львовна, написано мною, и тем успокоил его родственную досаду. Мы очень смеялись над этим. Отец твой ничего об этом не говорил и не говорит. Тебе напрасно его оклеветали» (XIII, 285). Таким образом, отношения между сентиментальным дядей и колким племянником были восстановлены.

Спустя тридцать лет в журнале «Современник» В. П. Гаевский публикует цикл биографических статей о Дельвиге; в четвертой из них он рассказывает историю создания «Элегии...». У Гаевского не было на руках никаких документов; он изложил этот сюжет (почти во всем ошибочно) со слов близкого друга Дельвига — князя Д. А. Эристо-

²⁷ В одном раннем списке под текстом стоит имя В. Л. Пушкина (ИРЛИ, № 22580), но это можно причислить к разряду курьезов.

²⁸ Обиделись на элегию и в семействе Сонцовых (см.: *Павлищев Л. Н.* Из семейной хроники // Семейные предания Пушкиных. С. 58).

²⁹ Цит. по: *Ларионова Е. О.* Письмо Л. С. Пушкина к С. А. Соболевскому от 26 октября 1825 г. // Временник Пушкинской комиссии. СПб., 2016. Вып. 32. С. 7. В предыдущих публикациях письма это место приводилось неточно.

ва, а после напечатал само стихотворение, список которого получил от него же. В этом варианте текст элегии заметно отличался от того, который Пушкин послал Вяземскому:

Ах, тетушка! ах, Анна Львовна,
Василья Львовича сестра!
Ты к матушке была любовна,
Ты к батюшке была добра;
Тебя Матвей Михайлыч кровный
Встречал всегда среди двора;
Тебя Елисавета Львовна
Любила больше серебра!
Давно ли с Ольгою Сергеевной,
Со Львом Сергеичем давно ль,
На зло самой судьбине гневной,
Делила ты и хлеб, и соль?
Но вот уже Василий Львович
Стихами гроб твой окропил!
Зачем стихи его ¹³⁰
.....!

Через несколько лет этот же вариант³¹ был напечатан А. Н. Афанасьевым в более полном виде: последние два стиха в этой публикации читались:

Зачем стихи его попович —
П..... К-ский пропустил?³²

К слову заметим, что замененное точками слово «подлец» в XIX веке считалось совершенно неприличным, и, вероятно, именно поэтому,

³⁰ Гаевский В. П. Дельвиг. (Полное собрание сочинений русских авторов. Сочинения Нелединского-Мелецкого и Дельвига. Издание Александра Смирдина). Статья четвертая // Современник. 1854. № 9. Отд. III. С. 18. Как здесь же сообщал автор статьи, Дельвигу «приписывали сочиненную Пушкиным скоро по выпуске из лицея, “Элегию на кончину тетушки” <...> Дельвиг прослыл автором элегии, ходившей тогда по рукам в многочисленных списках»; однако среди известных нам списков этого стихотворения нет ни одного с именем Дельвига.

³¹ Единственное отличие от публикации Гаевского: «Ты к папиньке была любовна, / Ты к маминьке была добра» (ст. 3–4).

³² Библиографические записки. 1858. № 12. Стб. 367; здесь стихотворение ошибочно датировано 1824 годом. За дозволение этой публикации цензор журнала Н. Ф. Крузе 6 сентября 1858 года получил выговор (см.: *Эйдельман Н. Я.* Тайные корреспонденты «Полярной звезды». М., 1966. С. 159).

когда А. И. Герцен перепечатал элегию в «Полярной звезде на 1858 год», он заменил его словом «дурак»; фамилия же Красовского была раскрыта полностью.³³ В остальном текст был почти идентичен предыдущим публикациям.³⁴ Сразу отметим, что именно к этой редакции восходят все известные нам копии 1820–1830-х годов; почти все они дают крайне неисправный текст, изобилующий большим количеством ошибок,³⁵ а их разночтения можно объяснить лишь невнимательностью переписчиков. Понимая это, М. А. Цявловский в Большом академическом издании принял едва ли не уникальное решение: он не стал приводить разночтения всех источников, а опубликовал в вариантах текст, максимально близкий к редакции Гаевского–Афанасьева–Герцена, отметив под строкой, в каких копиях или публикациях имеется вариант той или иной строки (см.: II, 1001).

Прежде чем войти в «пушкинский канон»,³⁶ «Элегия...» в такой редакции была напечатана еще несколько раз в нелегальных изданиях.³⁷ Пушкинский же текст был обнародован лишь в 1874 году, в составе публикации его писем к П. А. Вяземскому, осуществленной П. И. Бартеневым.³⁸ С тех пор, начиная с первого Полного собрания сочинений

³³ См.: Полярная звезда на 1858 год, издаваемая Искандером и Н. Огаревым. Лондон, 1858. Кн. 4. С. 273; здесь стихотворение ошибочно датировано 1830 годом.

³⁴ Необходимо помнить, что в то время требования к точности передачи текста были несколько иными, чем теперь: так, незначительные разночтения имеются во всех трех списках, выполненных В. П. Гаевским собственноручно (один на отдельном листе — ИРЛИ, ф. 244, оп. 4, ед. хр. 146; и два — в наборной рукописи цикла статей о Дельвиге — ИРЛИ, № 18025, л. 82 и 134; последний идентичен печатной публикации).

³⁵ Некоторые из копий несут следы исправлений, сделанных, очевидно, уже после появления стихотворения в «Библиографических записках» или «Полярной звезде», так как после текста дописываются краткие примечания, аналогичные тем, какими сопровождалась указанные публикации.

³⁶ Впервые — в первый том второго издания Полного собрания сочинений Пушкина под редакцией Г. Н. Геннади (СПб., 1869. Т. 1. С. 304).

³⁷ См.: Новые стихотворения Пушкина и Шавченки. Лейпциг, 1859. С. 45; Русская потаенная литература XIX столетия. Отдел первый. Часть первая. С предисловием Н. Огарева. Лондон, 1861. С. 93; Стихотворения А. С. Пушкина, не вошедшие в последнее собрание его сочинений. Берлин, 1861. С. 44 (перепечатывалось во всех дальнейших переизданиях этого сборника); Стихотворения А. Пушкина. Лейпциг, 1861. С. 49; паг. 2-я.

³⁸ См.: Русский архив. 1874. № 1. Стб. 152–153; перепечатано в том же журнале Н. В. Гербелем в составе публикации «Для будущего полного собрания сочинений А. С. Пушкина» (1876. № 10. С. 234–235) с пометой «Первая редакция стихотворения того же имени, напечатанного на 304 странице 1-го тома последнего издания “Сочинений А. С. Пушкина”» и правильной датой «1825».

под редакцией П. А. Ефремова (1880), в пушкинских многотомниках печатается именно эта редакция.

Спустя почти полвека после первой публикации на «Элегию...» обратили внимание и исследователи творчества Дельвига. Впервые это сделал М. Л. Гофман, поместив ее в подготовленное им издание;³⁹ вслед за ним в раздел «Коллективное» двух изданий «Библиотеки поэта» включил этот текст и Б. В. Томашевский — хотя сам был уверен в единоличном авторстве Пушкина.⁴⁰ Более осторожную позицию занял В. Э. Вацуро, отметив в комментариях к однотомнику Дельвига, что «окончательное решение вопроса в настоящее время затруднительно».⁴¹ Однако во всех названных изданиях печатается тот текст, который Пушкин послал Вяземскому.

Такое решение не кажется нам правомерным.

Текст «Элегии...» мог распространяться тремя путями. Во-первых, он был послан Пушкиным Вяземскому, но, как было показано выше, последний не мог дать ход этим стихам. Во-вторых, «Элегия...» читалась в Тригорском; сохранилось свидетельство А. П. Керн, что П. А. Осипова спросила однажды Пушкина: «“Что уж такого умного в стихах «Ах, тетушка, ах, Анна Львовна?»”, а Пушкин на это ответил такой оригинальной и такой характерной для него фразой: “Надеюсь, сударыня, что мне и барону Дельвигу дозволяется не всегда быть умными”».⁴² Однако крайне сомнительно, что на «тригорских барышень» можно возложить вину за то, что это стихотворение стало известно далеко за пределами их усадеб.

Самое вероятное, что за распространение крамольной «Элегии...» Пушкин должен был бы благодарить своего ближайшего друга и соавтора. Дельвиг приехал в Петербург в конце апреля и оказался в эпицентре литературной жизни. Он встречается со своими литературными друзьями и соперниками, сообщает новости о Пушкине.⁴³ Можно

³⁹ См.: Дельвиг А. А. Неизданные стихотворения / Под ред. М. Л. Гофмана. Пб., 1922. С. 109.

⁴⁰ См.: Дельвиг А. А. Полн. собр. стихотворений / Ред. и примеч. Б. Томашевского; Вступ. статьи И. Виноградова и Б. Томашевского. [Л., 1934]. С. 502; Дельвиг А. А. Полн. собр. стихотворений / Вступ. статья, подгот. текста и примеч. Б. В. Томашевского. Л., 1959. С. 336.

⁴¹ См.: Дельвиг А. А. Соч. / Сост., вступ. статья, коммент. В. Э. Вацуро. Л., 1986. С. 408.

⁴² Керн (Маркова-Виноградская) А. П. Воспоминания. Дневники. Письма / Сост., вступ. статья и примеч. А. М. Гордина. М., 1989. С. 335; подлинник по-французски.

⁴³ Подробнее об этом периоде жизни Дельвига см.: Вацуро В. Э. «Северные цветы»: История альманаха Дельвига — Пушкина. М., 1978. С. 49–51.

предположить, что на каком-нибудь из дружеских обедов и была прочитана сочиненная совместно с Пушкиным «шалость». Кажется лишним напоминать, какой популярностью в то время пользовались стихи михайловского изгнанника: любое новое его стихотворение, любой отрывок с жадностью читались, декламировались и переписывались в заветные тетради. Едва ли Дельвиг вез с собой рукопись шуточной «Элегии...»; очевидно, он воспроизвел ее по памяти, поэтому нет ничего удивительного в том, что между пушкинским текстом и текстом, получившим широкое хождение в списках, имеются разночтения. Напомним цитированное выше сентябрьское письмо к Вяземскому: «Дело в том, что конечно Дельвиг более виноват, нежели я». В чем именно «более виноват» Дельвиг? В том ли (как обычно полагают комментаторы), что он явился главным вдохновителем и творцом столь легкомысленного текста? Не исключено, тем более, что у него уже был опыт сочинения стихов подобного рода — еще на лицейской скамье он написал пародийную элегию «На смерть кучера Агафона». Но, может быть, и в том, что именно из-за его безалаберности «Элегия...» стала ходить в списках и, как следствие, навлекла на Пушкина гнев его дяди.

Отметим, кстати, что, судя по цитированному выше письму Вяземского от 7 июня 1825 года, к тому времени ему уже попался на глаза список «Элегии...»: об этом говорит как цитирование первой строки не в «пушкинской» («Ох, тетинька! ох, Анна Львовна...»), а в «дельвиговской» редакции («Ах, тетушка! ах, Анна Львовна...»), так и высказанная уверенность, что текст может попасть к Василию Львовичу. Еще ранее «Элегия...» стала известна А. И. Тургеневу, который писал Вяземскому уже 2 мая: «Перестань переписываться с Пушкиным: и себе, и ему повредить можешь. Он не унимается: и сродникам, и приятелям — всем достается от него».⁴⁴

Таким образом, мы имеем полное право сделать следующий вывод: от каждого из создателей «Элегии на смерть Анны Львовны» остался свой вариант текста. И если в пушкинских изданиях должен, бесспорно, публиковаться текст из письма к Вяземскому, то в сборниках Дельвига правомернее помещать вариант Гаевского–Афанасьева–Герцена.

⁴⁴ Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899. Т. 3. С. 119.

ПУШКИН И «НЕВСКИЙ АЛЬМАНАХ»*

Заметки к теме

Заявленная тема могла бы послужить предметом обширного историко-литературного исследования, но здесь мы собираемся затронуть лишь небольшую ее часть. Речь пойдет о пушкинском стихотворении «Н. Н.», известном более по его первой строке «Примите “Невский альманах”...». При жизни поэта оно было опубликовано два раза, планировалось в составе неосуществленного собрания стихотворений 1836 года, неизменно включалось почти во все собрания сочинений, начиная с посмертного издания, — и все же существует как бы на периферии творческого наследия Пушкина, редко становясь объектом внимания ученых. Почти четверть века назад В. П. Старк посвятил ему отдельную статью,¹ где собрал и систематизировал почти весь накопленный к тому времени небогатый материал о нем, сделав попытку локализовать датировку и определить адресата. Нам бы хотелось добавить ряд наблюдений, несколько расширить биографический и литературный контекст этого стихотворения, точнее определить его место в пушкинском творчестве.

При первой публикации, осуществленной в самом конце 1825 года (о месте публикации будем говорить ниже) стихотворение имело следующий вид:

* Впервые: Пермяковский сборник. М., 2010. Ч. 2.

¹ См.: Старк В. П. Несколько пояснений к стихотворению Пушкина «Н. Н. (Примите “Невский Альманах”») // Временник Пушкинской комиссии. 1978. Л., 1981. С. 116–125.

Н. Н.

При посылке ей Невского Альманаха.

Примите «Невский Альманах».
Он мил и в прозе и в стихах,
Вы тут найдете Полевого,
Василья Пушкина, ...кова;
К....., дальный ваш родня,
Украсил также книжку эту;
Но не найдете вы меня:
Мои стихи скользнули в Лету. —
Что слава мира?.. дым и прах!
Ах, сердце ваше мне дороже!..
Но кажется мне трудно тоже
Попасть и в этот Альманах.

Затем Пушкин перепечатал его в «Стихотворениях» 1829 года (поместив в отдел стихотворений 1825 года) с небольшими, но принципиальными изменениями, придавшими ему иной смысл и звучание: было завуалировано имя Полевого (стало: «* * * ова») и четвертая строка заменена на: «Вел * * *, Х * * * ова...» (то есть: «Великопольского, Хвостова»)² Это решение создало одну проблему, которую можно здесь лишь обозначить, не останавливаясь на ней подробно. Дело в том, что почти во всех изданиях Пушкина стихотворение печатается именно в такой редакции, но с датой первой публикации.³ Резонно задать вопрос: насколько корректно помещать среди стихотворений 1825 года текст, несущий следы полемики 1828 года и отражающий литературные и творческие отношения Пушкина именно этого времени? Возможно, в новом академическом Полном собрании сочинений Пушкина следует напечатать две редакции этого стихотворения подряд, как это было сделано с пе-

² О ситуации, побудившей Пушкина вновь обратиться к этому стихотворению и перепечатать его с указанными поправками, см.: *Модзалевский Б. Л.* И. Е. Великопольский (1797–1868) // *Модзалевский Б. Л. Пушкин и его современники: Избранные труды* (1898–1928). СПб., 1999. С. 367–371; *Зиссерман П. И.* Пушкин и Великопольский // *Пушкин и его современники: Материалы и исследования*. Л., 1930. Вып. 38–39. С. 266–269.

³ В Большом Академическом Полном собрании сочинений Пушкина, где текст этого стихотворения готовил Д. Д. Благой, по сути произведена контаминация двух редакций: основной текст печатался по «Стихотворениям» 1829 года, строка про Полевого — по первой публикации (см.: II, 421, 1167).

переработанными впоследствии лицейскими стихотворениями или одой «Вольность».

Обратимся к первой редакции пушкинского послания, а также напомним факты биографии поэта, послужившие поводом к его созданию. Необходимо также сказать несколько слов о литературной ситуации того времени.

В первой половине 1820-х годов в России постепенно начал меняться издательский ландшафт. С появлением в 1823 году первой книжки «Полярной звезды» А. А. Бестужева и К. Ф. Рыльева на авансцену литературного процесса вышел альманах. В течение последующих десяти лет именно вокруг альманахов будут сосредотачиваться лучшие литературные силы, именно они будут пользоваться неизменно благосклонным вниманием читающих людей. «Издание альманахов сколько приятно для публики, столько и полезно, — писал в начале 1825 года П. А. Плетнев. — Обыкновенно для *нового года* надобны бывают подарки. Без сомнения, лучше всего подарить кому-нибудь книжку. Она долее займет внимание, больше принесет пользы, никогда не потеряет своей цены и не выйдет из моды, подобно другому подарку. С другой стороны, каждый альманах столько же занимателен в литературном отношении, как выставка художнических работ в отношении к изящным искусствам. Каждогодно предлагается публике несколько образцов, по которым она может судить о направлении вкуса и ума современных писателей».⁴ Очевидно, что с мнением Плетнева было согласно большинство русских читателей.

Неудивительно, что при таком отношении публики издатель альманаха мог рассчитывать на солидный барыш. По разным сведениям, успешный альманах мог приносить от четырех до восьми тысяч рублей чистого дохода.⁵ К тому же для издания альманаха не нужно было специальное разрешение, а его составление не требовало постоянных, систематических хлопот, которых требовал журнал. Поэтому уже к середине 1820-х годов количество альманахов резко увеличи-

⁴ Плетнев П. А. Северные цветы // Труды Вольного общества любителей российской словесности. 1825. Ч. 29. Кн. 1. С. 85–86.

⁵ См.: Вацуро В. Э. «Северные цветы»: История альманаха Дельвига — Пушкина. М., 1978. С. 7; Рейтблат А. И. Литературный альманах 1820–1830-х гг. как социокультурная форма // Новые безделки: Сб. статей к 60-летию В. Э. Вацуро. М., 1995–1996. С. 177.

лось⁶ и их стали издавать оборотистые, но зачастую далекие от литературы люди, собиравшие материал для книжек по своим знакомым или перепечатаывавшие ранее изданные сочинения.

Коммерциализация издательского дела неизбежно вела к формированию литературного рынка, с возникновением которого стало возможно появление понятий литературной собственности и авторского права. Еще в 1810 году С. А. Ширинский-Шихматов гордо восклицал: «За плату не пишу стихов, / Восторг наемника бездушен»,⁷ — но прошло немногим более десяти лет, и пушкинское четверостишие «Стишки любимца муз и граций / Мы вмиг рублями заменим / И в пук наличных ассигнаций / Листочки ваши обратим...» уже воспринималось не как шокирующее откровение, а как простое описание цивилизованных отношений между поэтами и книгопродавцами. Но эти отношения были приняты далеко не всеми и далеко не сразу. Известны многочисленные случаи контрафактных перепечаток произведений Пушкина и других популярных литераторов той эпохи. Потребовалось время, чтобы подобная практика перестала считаться нормой, а стала восприниматься как бесстыдный разбой. «Нет сомнения, что литературные произведения составляют имущество столько же неприкосновенное, как и всякое иное движимое и недвижимое имение, — писал в 1826 году “Московский телеграф”. — Охранение оного, по крайней мере до истечения определенного времени, есть дело правительства, и хищник литературный, не менее как и всякий другой грабитель, преследуем будет полициею. Утверждают, что у нас по сему предмету нет еще точных постановлений. Если так, то похищение литературное подлежит суду на основании общих узаконений».⁸ Здесь любопытна сама постановка проблемы: автор этой статьи обращается не к совести книгопродавцев, а апеллирует прямо к прави-

⁶ Статистику см.: Грив Т., Тренин В., Никитин М. Словесность и коммерция. (Книжная лавка А. Ф. Смирдина). М., 1929. С. 190–191.

⁷ Поэты 1790–1810-х годов. Л., 1971. С. 417 (Библиотека поэта. Большая сер.)

⁸ Кеппен П. И. О выгодах и правах российских писателей // Московский телеграф. 1826. Ч. 8. № 8. С. 210–211; подпись: П. К. (в том же году вышел отдельный оттиск). Об авторстве см.: Куник А. А. Литературные труды П. И. Кеппена // Зап. Импер. Академии Наук. 1868. Т. 12. Кн. 2. С. 138. В современной росписи содержания «Московского телеграфа» (см.: Попкова Е. А. Московский телеграф, издаваемый Николаем Полевым: Указатель содержания. 2-е изд. Саратов, 1990. Вып. 1: 1825–1828. С. 75) автором этой статьи ошибочно назван Н. А. Полевой.

тельству, которое не торопилось юридически оформлять право литературной собственности.⁹

В начале 1824 года Бестужев и Рылеев отказываются от услуг книгопродавца И. В. Слёнина и объявляют, что «Полярную звезду» на следующий, 1825 год, они будут издавать сами. Почти сразу же Слёнин делает предложение А. А. Дельвигу взяться за подготовку нового альманаха, названного «Северные цветы», и получает согласие. Известие об этом было опубликовано 3 марта.¹⁰ И Бестужев, и Рылеев, и Дельвиг уже не новички в литературе, они пользуются уважением коллег по цеху, и, привлекая их к сотрудничеству, надеются прежде всего на личные связи.

⁹ Напомним также о более раннем эпизоде. В конце 1814 года появились объявления о новом издании «Дух журналов», которое должно было заполняться перепечатками из отечественных и зарубежных изданий. Узнав об этом, редактор журнала «Вестник Европы» М. Т. Каченовский 28 декабря обратился к попечителю Санкт-Петербургского учебного округа С. С. Уварову со следующим прошением: «По газетным часто повторяемым объявлениям видно, что с начала 1815 года выходить будет новое ежемесячное издание “Дух Журналов”. Неизвестные господа редакторы удостоверяют публику, что они постараются наполнять книжки своего издания статьями, которые находить будут в других журналах. Я не знаю, простираются ли намерения господ редакторов и на “Вестник Европы”, который с 1815 года Типографию Московского Университета будет издаваться под моим распоряжением; однако ж не почитаю излишним предварительно Вашему превосходительству донести, что я отнюдь не желаю, чтобы *целые* статьи из “Вестника Европы” были перепечатываемы в “Духе журналов”. Хотя на подобные случаи нет особенных постановлений; но существуют узаконения общие, коими запрещается присвоивать себе чужую собственность. Я всепокорнейше прошу Ваше Превосходительство сие мое нежелание довести до сведения С. Петербургского Цензурного Комитета при начальническом Вашем предписании о недозволении господам редакторам “Духа журналов” располагать статьями “Вестника Европы”» (ОПИ ГИМ, ф. 83, ед. хр. 196, л. 34–34 об.). Аналогичное прошение, очевидно, послал Уварову и редактор «Сына отечества» Н. И. Греч. Спустя несколько дней Уваров доложил об этом министру народного просвещения А. К. Разумовскому, на что 12 января 1815 года получил следующий ответ: «...находя справедливым, чтобы в периодическом сочинении “Дух журналов” не были помещаемы статьи из “Вестника Европы” и “Сына Отечества”, согласно требованию издателей сих журналов, предоставляю вам объявить о том издателям помянутого сочинения чрез Цензурный Комитет, который впрочем, по Уставу о Цензуре, не обязан наблюдать, чтобы не перепечатывались статьи, коих сочинители, в случае нарушения сего правила, должны искать удовлетворения в гражданских судах» (Там же, л. 35). Сообщая об этом 25 января Каченовскому, Уваров прибавил от себя: «Я, сделав надлежащее предписание С. П. б. Ценз. Комитету, считаю для себя удовольствием известить вас, что ход дела соответствовал вашему желанию» (Там же, л. 36).

¹⁰ Подробнее об этом см.: *Вацуро В. Э.* «Северные цветы»: История альманаха Дельвига — Пушкина. С. 6–8.

«Невский альманах на 1825 год».
Титульный лист.

К концу года в прессе появляются анонсы готовящихся альманахов. Кроме «Полярной звезды» и «Северных цветов» в ноябре анонсированы «Русская Талия» (драматический альманах, издаваемый Булгариным) и «Русская старина» (исторический альманах, издаваемый Корниловичем). На все альманахи была объявлена подписка у крупнейших книгопродавцев, и можно не сомневаться, что публика с нетерпением ожидала их выхода.

В ожидании пребывал и уже полгода находившийся в михайловской ссылке Пушкин: это чувствуется по его переписке. «Присылай мне *Старину*: это приятная новость. Торопи Дельвига...», —

пишет он брату 4 декабря 1824 года. «Жду Пол.<ярной> Звез.<ды> с нетерпением...», — это из письма Рылееву от 25 января 1825 года. «Да пришлите же мне Старину и Талию, господи помилуй не допросишься», — это опять брату, письмо от 23 февраля (XIII, 128, 134, 147).¹¹ Как видим, уже вышедшие к тому времени «Русская старина» и «Русская Талия» еще не добрались до Михайловского, «Полярная звезда» запаздывала, а «Северные цветы» были получены и внимательно прочитаны еще в январе — пауза становилась все длиннее, и Пушкин имел право быть нетерпеливым.

Можно представить себе его реакцию, когда в середине февраля он неожиданно получил небольшую, в формате «Северных цветов», книжку, на титуле которой значилось «Невский альманах на 1825 год. Изданный Е. Аладыным», простодушно присланную ему издателем.¹²

¹¹ Дата последнего письма уточнена в изд.: Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. 1799–1826 / Сост. М. А. Цявловский. Изд. 2-е, испр. и доп. Л., 1991. С. 507–508.

¹² Возможно также, что к своей посылке Аладын приложил письмо с приглашением к сотрудничеству; ср. письмо Н. М. Языкова к А. М. Языкову от 24 мая 1825 года:

К моменту выхода «Невского альманаха» Егор Васильевич Аладьин мог считаться новичком в литературе: в его послужном списке были только отдельно изданная в 1821 году и прошедшая совершенно незамеченной аллегорическая поэма «Союз Любви и Славы. Быль в баснословном рассказе» (СПб., 1821) и одно стихотворение, опубликованное в том же году с неполной подписью в журнале А. Е. Измайлова «Благонамеренный». Аладьин приехал в Петербург в 1820 году из Курска, с 1823 года служил чиновником особых поручений в казенной палате. Все шло к тому, что он так и остался бы случайным человеком в литературе, если б не одно обстоятельство, круто изменившее его судьбу: в 1824 году ему повезло обнаружить на любекских кораблях крупную партию контрабанды. За это он был награжден солидной премией (2000 рублей), которую решил пустить в дело — издать на эти деньги альманах. К слову, издание альманаха сулило не только коммерческую выгоду, а было делом, так сказать, статусным. В январе 1824 года болгаринские «Литературные листки» сообщали, что «издатели *Полярной Звезды* имели счастье поднести по экземпляру сей книжки Их Величествам Государыням Императрицам, и удостоились Высочайшего внимания. К. Ф. Рылеев получил два бриллиантовые перстня, а А. А. Бестужев золотую прекрасной работы табакерку и бриллиантовый перстень».¹³ Подносил императорской фамилии свой альманах и Аладьин. Если в первый год он был удостоен лишь благоволения, то за следующие альманахи также получал и перстни, и табакерки.

По всей видимости, альманах собирался весьма спешно, и почти никто из литераторов и журналистов о затее Аладьина не был осведомлен, иначе сведения о нем неизбежно проникли бы в печать. Первое упоминание о новом альманахе находим в письме А. Е. Измайлова к П. Л. Яковлеву от 19 декабря 1824 года: «“Невский альманах”, издаваемый неким Аладьиным, служащим под начальством Д. М. Кн<я>жевича по питейной части, выдет к масленице. Будут и тут очень хорошенькие пиесы. Я дал Аладьину кучу старинных, забра-

«Не знаю, что мне делать с Аладьиным. На сей почте получил я от него Невск<ий> Альман<ах>, с письмом издателя, который просит моих стихов для следующего; я обязан Княжевичу этим Verlegenheit. И что мне за охота отличаться в конюшне? и что за знакомство с Аладьиным? Это мне даже досадно» (Письма Н. М. Языкова к родным за дерптский период его жизни (1822–1829) / Под ред. и с объяснительными примеч. Е. В. Петухова. СПб., 1913. С. 187).

¹³ Литературные листки. 1824. Ч. 1. № 2. С. 64.

кованных цензорами пьес, в том числе довольно изрядных и даже хороших. Почти все одобрены к напечатанию!! Вот как все со временем переменяется».¹⁴ Это пишется спустя две недели после того, как альманах прошел цензуру (4 декабря 1824 г.) и, следовательно, когда основной его состав уже был известен. Кроме прозаических и поэтических сочинений самого издателя, основную его часть действительно составили стихотворения, как будто сошедшие со страниц «Благонамеренного». Были в нем и стихи известных литераторов (Вяземского, Ф. Глинки, В. Панаева, Михаила Дмитриева — за подписью: М. Д.; замечу, что этот криптоним в указателе Н. П. Смирнова-Сокольского не раскрыт), однако это почти всё перепечатки. Несколько стихотворений дал сам Измайлов, не отказавшись, впрочем, от публикации их в ближайших номерах своего журнала; довольно значительным был вклад Бориса Федорова. Но, пожалуй, центральным материалом книжки было ставшее знаменитым еще до публикации «Послание к N. N. О наводнении Петрополя, бывшем 1824 года 7 ноября» Д. И. Хвостова, изданное также отдельной брошюрой почти одновременно с «Невским альманахом».¹⁵

Альманах вышел в свет 5 февраля,¹⁶ 10 февраля появилось краткое объявление о его продаже,¹⁷ и в тот же день в «Северной пчеле» был опубликован первый отклик на него за подписью «Н. Н.». Отклик этот настолько любопытен, что позволим себе процитировать значительную его часть:

...пока любители Словесности ожидали выхода в свет *Полярной Звезды*, г. Аладьин издал при всех Газетах и афишах объявление о скором выходе *Невского Альманаха* по подписке, обещая представить сочинения Пушкиных, Крыловых, В. А. Жуковского и проч. — На мас-

¹⁴ Цит. по: *Левкович Я. Л.* Литературная и общественная жизнь пушкинской поры в письмах А. Е. Измайлова к П. Л. Яковлеву // *Пушкин: Исследования и материалы*. Л., 1978. Т. 8. С. 166.

¹⁵ О нем см. наст. книгу, с. 71–82.

¹⁶ См. письмо А. Е. Измайлова к П. Л. Яковлеву от 6 февраля 1825 г.: «Вчера только вышел Невский Алманах, в котором по крайней мере половина стихов, доставленных издателю через меня и бракованных прежде Цензором. Этот Невский Алманах несравненно хуже *Северных Цветов* и *Полярной Звезды*, однако не так дурен. Есть довольно дрянцы, но есть и порядочное» (ИРЛИ, №14163, л. 78 об.).

¹⁷ Санкт-Петербургские ведомости. 1825. № 12. 10 февр. 1-е приб. С. 147. Ошибочная дата объявления о продаже (2 февраля) указана в изд.: *Боратынский Е. А.* Полн. собр. соч. и писем. М., 2002. Т. 1. С. 273.

ленице появился наконец альманах г. Аладына, и мы не нашли в нем ни произведений И. А. Крылова, ни А. С. Пушкина, ни В. А. Жуковского, но за то отыскали огромную провизию сочинений в стихах и прозе самого Издателя, г. Полевого, Б. М. Федорова, многих неизвестных Авторы и несколько стихов, перепечатанных из разных журналов. К удивлению нашему, встретили мы в сем ларчике и несколько почтенных имен в Словесности, и приписываем это необыкновенной благосклонности и добродушию наших литераторов.¹⁸

Очевидно, номер «Северной пчелы» с этой рецензией Пушкин получил почти одновременно с альманахом. Его реакцию было предсказать нетрудно; в письме брату от 23 февраля 1825 года находим такие строки: «Здесь письмо к Изд.<ателю> или Пиздателью Н.<евско-го> А.<льманаха><,> прочитай его да доставь. Он каналья, лжет на меня в афишках да мне присылает свое вранье — добро!»¹⁹ Начиная с первых комментированных изданий пушкинской переписки, эта фраза поясняется с помощью приведенной выше цитаты из рецензии «Северной пчелы». Пушкин поверил Булгарину; поверили ему и позднейшие комментаторы. Однако есть все основания полагать, что булгаринский отзыв был точно рассчитанной провокацией с целью уничтожить прямого конкурента. Потому что никаких объявлений о «Невском альманахе» до его выхода в газетах не появлялось.

Первый (и единственный) развернутый анонс «Невского альманаха» появился в первом номере журнала «Благонамеренный», вышедшем в самом начале января. Он содержался в написанной А. Е. Измайловым, но опубликованной анонимно заметке «Об алманахах на 1825 год»,²⁰ где после анонсов «Русской старины», «Русской Талии», «Северных цветов» и «Полярной звезды» сообщалось следующее: «И еще выйдет алманах: *Невский Алманах, издаваемый Е. Аладыным*. В этом алманахе, который уже печатается и отпечатается к концу нынешнего месяца, помещены будут разные новые сочинения в стихах и прозе Гг. Пушкиных, Князя Вяземского, М. А. Дмитриева, Ф. Н. Глинки,

¹⁸ Н. Н. Невский Альманах на 1825 год... // Северная пчела. 1825. № 18. 10 февр.

¹⁹ XIII, 147; уточнено по подлиннику: ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, ед. хр. 1261, л. 49 об.

²⁰ Об авторстве Измайлова см. его письмо к П. Л. Яковлеву от 23 декабря 1824 года: «Три листка 1-го № Благонамеренного уже отпечатаны; 4-й набран — 5-й листок наберется на третий день праздника и к 1 генваря выдет первый нумер. Остается только написать странички три, четьре о новых алманахах, что и сделаю непременно сегодня, или завтра вечером» (ИРЛИ, № 14163, л. 65).

А. А. Крылова, Баратынского, Панаева, Князя Цертелёва, Княжевичей, Рындовского, Федорова, Маркова, А. Измайлова и проч. Издание сие будет напечатано в малый формат на хорошей бумаге и украшено картинками и нотами»;²¹ далее объявлялось о том, где можно на него подписаться. Глухое упоминание о «Невском альманахе» есть и в первом номере «Московского телеграфа», который вышел 8 января: «По объявлению знаем еще о рождении *Невского Альманаха*».²²

Внимательно читая анонс «Благонамеренного», можно отметить два факта. Во-первых, это не официальное объявление издателя, и формально Аладьин не мог нести ответственность за информацию, которая им не была санкционирована. А во-вторых, если посмотреть на список упомянутых Измайловым литераторов, то нельзя не увидеть, что почти все они действительно присутствуют на страницах первой книжки «Невского альманаха». Мы не смогли найти только стихов Александра Абрамовича Крылова и Федора Михайловича Рындовского, но нельзя исключать того, что они опубликованы анонимно, как и того, что их все же не пропустила цензура, а Измайлов не был поставлен об этом в известность. Смущает, конечно, присутствие в списке Измайлова «гг. Пушкиных»; однако издатель мог сослаться на то, что опубликовал Василия Пушкина и собирался поместить какое-либо сочинение еще здравствовавшего Алексея Михайловича Пушкина, но по каким-то причинам не смог.

Скептик, конечно, будет обязан задать вопрос: пусть Аладьин не печатал объявлений о «Невском альманахе» в газетах, но это не значит, что не было отдельно изданных афиш, где среди сотрудников упоминались бы и А. С. Пушкин, и И. А. Крылов, и В. А. Жуковский. Поскольку коллекций афиш, насколько нам известно, в крупнейших книгохранилищах нет,²³ а цензурные материалы за 1824–1825 годы

²¹ Благонамеренный. 1825. Ч. 29. № 1. С. 45.

²² Московский телеграф. 1825. Ч. 1. № 1. Прибавление. С. 5. Сложно сказать, какое именно объявление имеется в виду, но очевидно, что первый номер «Благонамеренного» к этому времени до Москвы дойти успел. Отметим также, что Полевой не мог быть не осведомлен об издании «Невского альманаха», поскольку был одним из его участников (об этом см. ниже).

²³ Среди афиш, прикладывавшихся к номерам «Санкт-Петербургских ведомостей» и «Московских ведомостей», объявлений о «Невском альманахе» нами не обнаружено.

сохранились далеко не полностью и не систематизированы, ответить на этот вопрос однозначно невозможно (ведь очень сложно убедительно доказать отсутствие чего-либо). Но некоторые факты говорят о том, что Аладьин все же такие афиши не заказывал. Если предположить обратное, то тогда очень сложно объяснить, почему до самого выхода «Невского альманаха» о нем не упоминалось ни в одном анонсе готовящихся к выходу альманахов рядом с «Полярной звездой», «Северными цветами», «Русской Талией» и «Русской стариной»? Почему о нем не упомянул «Русский инвалид» Воейкова, постоянно сообщавший новости книжного рынка? И, наконец, самое любопытное. Ровно за два дня до выхода «Невского альманаха» и за неделю до публикации цитированной выше рецензии «Северная пчела» печатает окончание статьи «Письмо в Москву, к Петр. Александр. Мух-ву», подписанное «Д. Р. К.»²⁴ и содержавшее весьма многозначительное признание: «Альманахов у нас появилось к Новому году три: *Русская Старина*, *Северные Цветы* и *Русская Талия*. <...> Любезная твоя *Полярная Звезда* печатается и выйдет к Святой неделе. О *Невском альманахе* не говорю, ибо не знаю, кто Издатель и его сотрудники».²⁵ Согласитесь, что едва ли можно было такое сказать про издание, объявления о котором с упоминанием в качестве сотрудников А. С. Пушкина, И. А. Крылова и В. А. Жуковского были якобы «изданы во всех газетах и афишах».

Спору нет, литературные достоинства альманаха Аладьина были невысоки, и на фоне «Полярной звезды» или «Северных цветов» он безнадежно проигрывал.²⁶ Однако Булгарин не ограничился его

²⁴ Кто скрывался под этим псевдонимом, неизвестно; но в любом случае это был человек из ближайшего круга «Северной пчелы» (возможно, сам Булгарин). Обзор существующих мнений см.: Пушкин в прижизненной критике. 1820–1827. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 2001. С. 430–431 (примеч. Е. В. Лудиловой).

²⁵ Д. Р. К. Письмо в Москву, к Петр. Александр. Мух-ву (окончание) // Северная пчела. 1825. № 15. 3 февр. Характерно, что еще в самом конце 1824 года булгаринский круг не знал о скором выходе «Невского альманаха»: в первой статье цикла «Письма на Кавказ» (подпись: Ж. К.), датированной 20 декабря 1824 года и содержащей в том числе анонс новых альманахов, о нем не упоминается (см.: Сын отечества. 1825. Ч. 99. № 1. С. 58; об авторстве см.: Пушкин в прижизненной критике. 1820–1827. С. 423). Ср.: Литературные листки. 1824. Ч. 4. № 23 и 24. С. 180–181.

²⁶ «Невский альманах» был скептически упомянут в анонимной (очевидно, принадлежащей П. П. Свинину) статье «О Петербургских Альманахах. Письмо к Князю Н. А. Цертелеву» (Отечественные записки. 1825. Ч. 22. № 61. Май. С. 295; ср.: Там же.

отрицательной оценкой, а пошел, по сути, на прямой подлог. Думается, издателю «Русской Талии» и ближайшему другу издателей «Полярной звезды» было важно прежде всего дискредитировать Аладына в глазах литераторов, выставить его человеком непорядочным и нечистоплотным, с которым нельзя иметь дело, и сделано это было именно потому, что он увидел в «Невском альманахе» опасного конкурента. Ведь несмотря на незначительность содержания, аладынский альманах был издан чисто и опрятно, а самое главное — стоил дешевле запаздывающей «Полярной звезды» и значительно дешевле уже вышедшей «Русской Талии». Если последняя стоила 12 рублей (с пересылкой), альманахи Рылеева–Бестужева, Дельвига и Корниловича — по 10 рублей (без пересылки), то «Невский альманах» — всего 8 рублей с пересылкой. Нет сомнения, что это сыграло немалую роль в его успехе у читающей публики: 19 февраля А. Е. Измайлов сообщил П. Л. Яковлеву, что «“Невской альманах” дрянной, но и тот хорошо разбирают»,²⁷ а 11 мая — что Аладын хочет издавать его и на будущий год.²⁸ Получается, что уже через три месяца альманах принес издателю такой барыш, что он заранее без колебаний решил продолжать начатое дело.

Но вернемся к рецензии «Северной пчелы». Как видим, расчет Булгарина оказался точным: он сумел задеть Пушкина за живое. Поэту, пытающемуся выстроить правовые отношения с журналистами и книготорговцами, постоянно страдающему от контрафактных перепечаток и несанкционированного распространения его неизданных

1826. Ч. 25. № 70. Февраль. С. 340–341); очевидно, в него метит следующая эпиграмма «Дамского журнала»:

Новый Альманах

В суждениях своих я истинно не скор;
О новом же скажу я Альманахе слово,
Что в нем хорошее не ново;
А новое..... признаться, сущий вздор.

(Дамский журнал. 1825. № 7 (апрель). С. 26; подпись: К. и П.; дата: 20 февраля 1825; отметим, что именно 20 февраля известие о продаже «Невского альманаха» было опубликовано в «Русском инвалиде»). Об отклике «Московского телеграфа» см. ниже; «Сын отечества» обошел альманах Аладына ироничным молчанием (ср.: Сын отечества. 1825. Ч. 100. № 5. С. 67).

²⁷ Цит. по: *Левкович Я. Л.* Литературная и общественная жизнь пушкинской поры в письмах А. Е. Измайлова к П. Л. Яковлеву. С. 170.

²⁸ См.: ИРЛИ, № 14163, л. 98 об.

сочинений была невыносима мысль, что его имя в корыстных целях использует неведомый литературный спекулянт. До нас не дошло письмо Пушкина Аладыну, но о содержании его догадаться нетрудно. Тем удивительнее, что в «Невском альманахе на 1826 год» все же появилось одно пушкинское стихотворение — то самое, которое было приведено в начале статьи. Конечно, немалую роль тут сыграли и финансовые соображения: в письме от 17 января 1826 года Л. С. Пушкин сообщает С. А. Соболевскому, что «вся годовая сумма Полевого равняется с платой, которую предлагает Аладыин за одну пьесу брата».²⁹ Но вряд ли Пушкин стал бы сотрудничать с Аладыиным даже на самых выгодных условиях, если бы тот не смог перед ним оправдаться. И это еще один аргумент в пользу того, что слова Булгарина о «всех газетах и афишах» были блефом.

Остановимся на проблеме датировки пушкинского послания. Очевидно, что оно было написано не ранее получения альманаха на 1825 год (т. е. середины февраля) и не позднее даты цензурного разрешения альманаха на 1826 год (7 октября). В упомянутой выше статье В. П. Старк высказал гипотезу, что стихотворение не могло быть написано позднее конца марта, опираясь на следующие факты. Известно, что Пушкин в середине 1820-х годов крайне негативно реагировал как на критические замечания в адрес Жуковского, так и на попытки пародирования его произведений — тому сохранились многочисленные свидетельства. А в «Невском альманахе на 1825 год» было напечатано стихотворение Н. А. Полевого «Книжная лавка», пародирующее знаменитое «Сельское кладбище». И хоть в этой пародии не было ничего обидного для Жуковского, Пушкин поначалу счел себя оскорбленным. Но уже в четвертом номере «Московского телеграфа» Полевой к своей подписанной псевдонимом рецензии на «Невский альманах»³⁰ сделал приписку уже от себя:

По просьбе Издателя Невского Альманаха и не зная еще, что за Альманах готовится, я послал к г. Аладыну одну статью в прозе — *Удовольствия ума и сердца*, и перевод Ламартиновых стихов: *Уныние*; ни под которой из сих статей не было выставлено мое имя, ибо прозаическая

²⁹ Литературное наследство. М., 1934. Т. 16–18. С. 730.

³⁰ Написана совместно с П. А. Вяземским; см.: Гилельсон М. И. Указатель статей и других прозаических произведений П. А. Вяземского с 1808 по 1837 год // Уч. зап. Горьковского гос. ун-та. Серия историко-филологическая. 1963. Вып. 58. С. 316.

статья есть перевод из известной книги И. Дроза: *Essai sur l'art d'être heureux*, а стихи переведены мною давно, и ныне, отказавшись совершенно от Поэзии, я не решился подписаться под переводом стихов Ламартина. К удивлению моему, Издатель не только под обеими статьями подписал мое имя, но *без моего ведома и позволения* напечатал давно забытую мною, вздорную пародию — *Книжная лавка*. Что сделано, того не воротить, но я прошу г. Издателя извинить меня вперед от вольного или невольного участия в его литературных предприятиях.³¹

Номер «Московского телеграфа» с этим объяснением Пушкин получил во второй половине марта; 27 марта он писал Л. С. Пушкину, что «Телеграфом очень доволен» (XIII, 158), а немного позднее сообщал П. А. Вяземскому: «...я было на Полевого очень ошетинился за Невск.<ий> Альм.<анах> и за пародию Жуковского. Но теперь с ним помирился» (XIII, 159–160).³² Согласно логике В. П. Старка, «сменив гнев на милость», Пушкин не стал бы задевать Полевого, значит стихи написаны до получения поэтом журнала «Телеграф». Таким образом, <...> можно говорить о том, что послание было написано <...> не позднее 27 марта, когда Пушкин изменяет свое отношение к Полевому, познакомившись с его «Телеграфом»».³³

К этим соображениям хотелось бы добавить еще одно. На наш взгляд, пушкинское ироничное послание обнаруживает прямую связь с другим его стихотворением, которое пишется примерно в то же время — а именно, с «Желанием славы». Напомним, что «Желание славы» было начато Пушкиным еще в ноябре 1823 года в Одессе, но не закончено и брошено в таком виде, что о дальнейшем развитии лирического конфликта можно было только догадываться; лишь в начале 1825 года, уже в Михайловском Пушкин снова обращается к нему, заканчивая не позднее 15 мая. Фрагмент строки последней редакции стихотворения находится на л. 65 тетради ПД 835, на обороте листа — черновик письма А. С. Шишкову, датируемый 1 марта — 15 апреля.³⁴ При внимательном чтении нельзя не заметить, что, несмотря на всю внешнюю несхожесть, «Желание славы» и «Примите «Невский альманах»...» объ-

³¹ Московский телеграф. 1825. Ч. 1. № 4. С. 338–339.

³² Письмо от конца марта — начала апреля 1825 г.

³³ Старк В. П. Несколько пояснений к стихотворению Пушкина «Н. Н. (Примите «Невский Альманах»)». С. 121.

³⁴ См.: Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. 1799–1826. С. 511.

единены одним мотивом: «счастье любовника» противопоставляется «славе поэта». Но если в первом этот конфликт предстает в виде глубокой душевной драмы, то во втором он иронически снижен, отчего стихотворение приобретает оттенок утонченного издевательства. Хотя поэт и объявляет неприступной красавице, что попасть в ее сердце дороже для него славы мира, тут же сравнивает его с ничтожным альманахом, в котором сам не печатается и печататься не собирается. Здесь блестяще используется «минус-прием»: вместо своих стихов Пушкин дарит их отсутствие, ссылаясь на то, что они «скользнули в Лету», и взамен предлагая насладиться творениями своего дядюшки.

Сложно сказать, поняла ли истинный смысл та, кому было адресовано это послание-эпиграмма:³⁵ едва ли она была посвящена в тонкости литературных полемик и в отношения между Пушкиным, Булгариным и Аладьиным. Само же оружие было изготовлено столь мастерски, что спустя три года оно почти без калибровки было обращено против еще одного пушкинского оппонента — И. Е. Великопольского. Но эта тема уже выходит за рамки настоящей статьи.

³⁵ Мы не ставим задачу выяснения возможного адресата послания, однако не можем полностью обойти этот вопрос молчанием. В упомянутой выше статье В. П. Старк на основании косвенных данных о возможном родстве Княжевичей и Вульфов предложил в качестве адресата пушкинского послания Анну Николаевну Вульф. Если даже факт этого родства будет документально подтвержден, то, на наш взгляд, исходя из контекста отношений поэта с обитательницами Тригорского, более вероятным адресатом стихотворения следует считать Евпраксию Николаевну Вульф. Однако исследователю остался неизвестен тот факт, что П. В. Анненков располагал письмом Пушкина, содержащим полный текст первоначальной редакции послания, по которому и раскрыл завуалированные в альманашной публикации имена: «По одному письму Пушкина мы узнаем, что точки должны были читаться: "Маркова, Княжевич дальний ваш родня"» (*Пушкин А. С. Соч. СПб., 1855. Т. 2. С. 412*). Скорее всего, это письмо и было обращено к загадочной «Н. Н.», а поскольку у Пушкина едва ли была нужда обращаться письменно к ближайшим соседям, которых он посещал почти каждый день, то адресата послания следует искать за пределами Тригорского. Отметим также, что об этом стихотворении не упомянули в беседах и переписке с первыми биографами Пушкина ни П. А. Осипова, ни А. П. Керн, в памяти которых сохранялись куда менее значительные и куда более нелицеприятные факты общения Пушкина с семьей Осиповых-Вульф.

Жизнь и творчество старшего современника Пушкина графа Дмитрия Ивановича Хвостова долго оставалось на периферии интересов историков русской литературы. Лишь в самое последнее время стали появляться серьезные работы, посвященные этому незаурядному метроману,¹ публиковались также исследования о творческих переключках Хвостова и Пушкина.² Однако до сих пор не все в их отношениях остается прозрачным и понятным. Ниже пойдет речь о трех эпизодах, которые до сих пор не отражались ни в комментариях к сочинениям и письмам Пушкина, ни в его летописи жизни и творчества.

* Впервые: Западный сборник: В честь 80-летия Петра Романовича Заборова. СПб., 2011 (§ 1); Русская литература. 2014. № 4 (§ 2; уточнения: Там же. 2015. № 3); Беляевские чтения. СПб., 2015. Вып. 5: Пушкин и придворная среда его времени (§ 3, под заглавием «Две книги графа Хвостова из библиотеки Пушкина»).

¹ Прежде всего укажем на книгу: *Виницкий И.* Граф Сардинский: Дмитрий Хвостов и русская культура. М., 2017; там же перечислена основная литература о Хвостове.

² Следует назвать работы: Пушкин и Хвостов / Публ. А. В. Западова // Литературный архив: Материалы по истории литературы и общественного движения / Под ред. С. Д. Балухатого, Н. К. Пиксанова и О. В. Цехновицера. М.; Л., 1938. Т. 1. С. 265–272; *Довгий О. Л.* Тритон всплывает: Хвостов у Пушкина // Хвостов Д. И. Соч. / Сост. О. Л. Довгий, А. Е. Махов. М., 1999. С. 44–64.

28 января 1825 года Пушкин пишет из Тригорского П. А. Вяземскому: «Пришлите же мне Ваш Телеграф. Напечатан ли там Хвостов? что за прелесть его послание! достойно лучших его времен. А то он было сделался посредственным, как В.<асилий> Л.<ьвович>, Ив.<анчин>-Пис.<арев> — и проч. <...> Милый, теперь одни глупости могут еще развлечь и рассмешить меня» (XIII, 137). В комментарии к первому тому критического издания писем Пушкина, подготовленного Б. Л. Модзалевским, этот фрагмент объясняется следующим образом: «Послание престарелого гр. Дмитрия Ивановича Хвостова, вызвавшее иронически-восторженный отзыв Пушкина, — “Послание к N. N. о наводнении Петрополя, бывшем 1824 года, 7-го ноября”; оно было напечатано не в “Московском Телеграфе”, а в “Невском Альманахе на 1825 г.” Е. В. Аладьина (стр. 34–43); тогда же оно было издано и отдельною брошюркою, с немецким переводом (С.-Пб. 1825, 4°)».³

Если внимательно прочесть этот комментарий и сопоставить его с текстом пушкинского письма, то неизбежно возникнут вопросы. Конечно, Пушкин знал о том, что с 1825 года Н. А. Полевой начал издавать новый журнал — «Московский телеграф»: об этом ему 6 ноября 1824 года писал ближайший сотрудник будущего издания Вяземский: «В Москве готовится новый журнал: Полевой и Раич главные издатели. Они люди честные и благонамеренные. Дай им что-нибудь на зубок. Они подносят тебе билет на свой журнал, который буду пересылать» (XIII, 118). «На зубок» новому изданию Пушкин дал «Телегу жизни», отправив ее в ответном письме Вяземскому 29 ноября. Это стихотворение было напечатано в первом номере «Московского телеграфа», который вышел в свет 8 января 1825 года. В анонсе нового журнала, который 17 января опубликовала газета «Русский инвалид», о помещенных в нем стихотворениях говорилось, что «имена А. С. Пушкина и князя П. А. Вяземского ручаются за их достоинство».⁴ Это объявление вскоре стало известно Пушкину, который писал

³ Пушкин А. С. Письма. М.; Л., 1926. Т. 1: 1815–1825. С. 397 (примеч. Б. Л. Модзалевского); ср.: Переписка А. С. Пушкина: В 2 т. М., 1982. Т. 1. С. 195 (примеч. М. И. Гилельсона).

⁴ Цит по: Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. 1799–1826 / Сост. М. А. Цявловский. Изд. 2-е, испр. и доп. Л., 1991. С. 493.

25 января Вяземскому: «Прочел я в Инвалиде объявление о Телеграфе. Что там моего? Море⁵ или Телега?» (XIII, 135). Однако сам журнал до Михайловского дойдет не скоро: первые номера Пушкин получит не ранее конца февраля, а то и позднее.⁶ Но откуда Пушкин узнал, что там предполагалось напечатать послание Хвостова? Ничего не дает и отсылка к тому, что послание было опубликовано в «Невском альманахе» и издано отдельной брошюрой: обе эти книжки покинули типографию уже после того, как Пушкин отправил цитированное выше письмо Вяземскому.

Альманах вышел в свет 2 февраля.⁷ 10 февраля появилось краткое объявление о его продаже, и в тот же день в «Северной пчеле» был опубликован первый отклик на него, за подписью «Н. Н.».⁸ Почти одновременно⁹ было напечатано и отдельное издание хвостовского «Послания...»; наполненная иронией анонимная рецензия на него в следующем номере «Северной пчелы» состояла, по сути, из двух фраз: «Новое произведение Поэта, достойное пера его. Выписываем несколько стихов, в твердом уверении, что сим доставим удовольствие любителям Поэзии сего рода», — после чего следовало 38 строк из послания.¹⁰

Следовательно, Пушкину был известен текст послания Хвостова еще до публикации, причем либо в его тексте должен был содержаться какой-то намек, что он предназначается для журнала Полевого, либо поэт узнал об этом из чьих-то писем. Как попытаемся показать ниже, справедливым является первое предположение.¹¹

⁵ Имеется в виду стихотворение «К морю» («Прощай свободная стихия...»), посланное Вяземскому раньше; об истории его публикации см. примеч. Б. Л. Модзалевского в кн.: *Пушкин А. С. Письма*. Т. 1. С. 391.

⁶ Еще 19 февраля он писал Вяземскому, что «Московский телеграф» не получает (XIII, 144); первый отклик о нем находится в письме к брату от 27 марта (XIII, 158).

⁷ Билет на выпуск в свет см.: РГИА, ф. 777, оп. 1, ед. хр. 446, л. 16.

⁸ Об обстоятельствах появления «Невского альманаха на 1825 год» и откликах на него см. наст. книгу, с. 60–66.

⁹ Билет на выпуск в свет выдан 5 февраля; см.: РГИА, ф. 777, оп. 1, ед. хр. 446, л. 17. В позднейшем примечании Хвостова к посланию в «Полном собрании стихотворений» говорится, что оно «напечатано в первый раз с немецким переводом г. Вульфберта, на особливом листочке, в генваре 1825 года» (СПб., 1829. Т. 2. С. 229).

¹⁰ Северная пчела. 1825. № 19. 12 февр.

¹¹ В 1936 году Д. Д. Благой предпринял неудачную попытку доказать, что в письме Пушкин спрашивал, не напечатана ли в «Московском телеграфе» его эпи-

7 ноября 1824 года в Петербурге случилось катастрофическое наводнение: разлившаяся Нева уничтожила значительную часть города, жертвы исчислялись сотнями. Разумеется, это происшествие не мог обойти своим пиитическим вниманием граф Хвостов, откликавшийся стихами едва ли не на любое заметное событие. Издатель журнала «Благонамеренный» А. Е. Измайлов 3 декабря писал своему другу П. Л. Яковлеву, что «граф Хвостов написал на этот случай стихи маленькие и большие. Первые, без всякого заглавия, прислал он ко мне,¹² последних я еще не читал. Он назначил их для “Телеграфа”. Лучше бы послал в “Дамский журнал”». ¹³ Доставленное Измайлову стихотворение престарелого графа в «Благонамеренном» так и не появилось: его редактор сам посвятил этому событию как не предназначавшиеся для печати куплеты,¹⁴ так и несколько стихотворных строк, помещенных в начале его статьи «О наводнении в С. П. бург». Письма к П. Л. Яковлеву». ¹⁵

Впрочем, нет сомнения, что вскоре Измайлов смог ознакомиться и с «большими» стихами Хвостова, так как тот начал распространять их в рукописи еще до публикации: это было его обычной практикой. Так, в январе он отправил свое новое стихотворение императрице Елизавете Алексеевне; 21 января статс-секретарь Николай Михайлович Лонгинов писал графу, что послание было принято «с обыкновенным к вам благоволением». ¹⁶ Нельзя сомневаться, что у графа-метромана были и другие адресаты.

грамма «На трагедию графа Хвостова, изданную с портретом актрисы Колосовой» (см.: Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1936. Т. 2. С. 12–16).

¹² Опубликовано М. А. Амелиным в примечаниях к изд.: Измайлов А. Е. Избр. соч. М., 2009. С. 419.

¹³ Цит. по: Левкович Я. Л. Литературная и общественная жизнь пушкинской поры в письмах А. Е. Измайлова к П. Л. Яковлеву // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1978. Т. 8. С. 165.

¹⁴ См. о них в письмах Измайлова Яковлеву от 9 ноября, 25 ноября и 4 декабря (Там же. С. 163–165); текст куплетов опубликован: Вопросы литературы. 1983. № 8. С. 267–269 (публ. О. А. Проскурина).

¹⁵ Благонамеренный. 1825. Ч. 29. № 1. С. 25–29; без подписи. 18 ноября Измайлов сообщал Яковлеву: «Вчера написал для начала этого письма дюжину стихов хоть куда, да затерял — и не отыщу» (цит. по: Левкович Я. Л. Литературная и общественная жизнь пушкинской поры в письмах А. Е. Измайлова к П. Л. Яковлеву. С. 164).

¹⁶ ИРЛИ, ф. 322, ед. хр. 73, л. 141.

Письмо Хвостова издателю «Московского телеграфа» Н. А. Полевому нам неизвестно; до нас не дошла и рукопись послания, отправленного с этим письмом. Но в архиве графа сохранилась правленая автором писарская копия, нижний слой которой дает, вне всякого сомнения, тот же текст, который был послан в Москву. В первоначальном варианте стихотворение Хвостова называлось «Послание к Издателю Телеграфа в Москве» и начиналось так:

Журнала нового достойное название
На самом опыте желая оправдать
В Столицу древнюю пишу теперь посланье.
Посланье часто лир заимствует печать,
Как объявляет то московское издание,¹⁷
Но здесь не о моих идет посланьях речь.
Я волн свирепство зрел, я видел Божий меч...¹⁸

Вероятно, в этом вступлении Хвостов в присущей ему манере трактовал следующие слова Полевого в объявлении об издании журнала: «Но чтобы “Телеграф”, оправдывая свое название, *взаимно передавал изящное и полезное*, в нем помещаться будут статьи касательно русской истории, статистики, древней словесности, критического обозрения нынешней русской литературы и вообще все, что покажет иностранцам Россию в истинном ее виде».¹⁹

Полевой прекрасно понимал, какой бы была реакция публики, опубликуй он послание Хвостова в «Московском телеграфе», какой это бы нанесло урон репутации только встающего на ноги журнала. Поэтому он уклонился от нежданного подарка в выражениях хоть и любезных, но весьма решительных; его письмо также сохранилось в бумагах Хвостова:

Первым словом моим да будет усерднейшая благодарность Вашему Сиятельству за прекрасный подарок моему новорождающемуся

¹⁷ В немецком переводе к этим словам дана отсылка на фрагмент статьи В. К. Кюхельбекера «Разговор с Ф. В. Булгариным» (Мнемозина. 1824. Ч. 3), где тот утверждал, что к лирической поэзии «принадлежит и элегия, принадлежит иногда даже послание» (цит. по: Кюхельбекер В. К. Путешествие. Дневник. Статьи. Л., 1979. С. 462).

¹⁸ ИРЛИ, ф. 332, ед. хр. 29, л. 28.

¹⁹ Цит. по: Отечественные записки. 1824. Ч. 20. № 56. Декабрь. С. 538; курсив оригинала.

дитяте — благоволите продолжить Вашу к нему благосклонность, как Вы удостоиваете донныне ею отца его. Оправдать надежды Ваши на Телеграф приложу все силы. <...> Но я хочу просить Вас позволить мне некоторую вольность в рассуждении Вашей стихотворной присылки: она будет состоять в следующем — желая доставить и большую публику Вашему *Посланию* и употребить его с большею пользою для ближних, не позволите ли Вы мне напечатать его не в Телеграфе, а *особо*: я сделаю чудесное издание и всю выручку обращу — в пользу и пособие претерпевших от наводнения — согласитесь, Ваше Сиятельство, и пришлите поскорее заглавный лист с доверием представить в цензуру — быть полезным страждущему человечеству не есть ли обязанность поэта? — За работу же, корректуру и хлопоты мои не угодно ли Вам взять несколько экземпляров Телеграфа, которые по обширному Вашему кругу знакомств Вам легко сбыть; а мне пособие...²⁰

Получив отказ Полевого, Хвостов вынужден был переделать и название, и два фрагмента послания. Начало в новой редакции стало читаться так:

О златострунная деяний знатных Лира!
Воспламеня певца безвестного средь Мира,
Гласи из уст его правдивую ты речь.
Я волн свирепство зрел, я видел Божий меч...²¹

Была также произведена замена двух строк в середине стихотворения. В копии они выскоблены, а новая редакция вписана самим Хвостовым поверх выскобленного текста. Однако утраченные строки мы можем восстановить по немецкому переводу, который был сделан с первоначальной редакции послания. Печатный вариант этого фрагмента читается так:

Коль злополучие Петрополя известно,
То исцеление, по истине чудесно,

²⁰ ИРЛИ, ф. 332, ед. хр. 73, л. 81–81 об; частично процитировано: Колбасин Е. Певец Кубры, или Граф Дмитрий Иванович Хвостов (психологический очерк) // Время. 1862. № 6. С. 142.

²¹ Послание к Н. Н. о наводнении Петрополя, бывшем 1824 года 7 ноября. Сочинение Графа Хвостова. СПб., 1825. С. 3 (далее «Послание...» цитируется по этому изданию). Во втором томе «Полного собрания стихотворений графа Хвостова» (СПб., 1829) вторая строка читается «Воспламени певца безвестного средь мира...» (с. 109), что является, скорее всего, опечаткой.

Ты, лира, огласи на крыльях молвы
По красным берегам и Волги и Москвы.

В немецком переводе соответствующее место передано следующим образом:

Die Übel, die Petropolis erlitten,
ermüdet jede Feder zu erzählen;
doch wissen mag, Moskwa, dein Telegraph,
daß mehr als Leiden, Mitleid hier erschienen.²²

В копии рядом с выскобленными и вписанными строками стоит знак вставки с пометой «№ 1-й», но текста, к которому бы он отсылал, в бумагах Хвостова не сохранилось. В опубликованном тексте на этом месте стоит фрагмент из 24 строк, которого, очевидно, не было и в посланном Полевому тексте («Быть может, возвратясь из Океанов дальних ~ Зефира кротостью, наитием щедрот»). То, что на указанное место в копии должны были встать те самые строки окончательного текста, доказывает подсчет на одном из листов копии:

$$\begin{array}{r} 108 \\ 24 \\ \hline 132 \end{array}$$

К слову сказать, этот подсчет неверен: в первоначальной редакции послания было не 108, а 109 строк; соответственно, в опубликованной в 1825 году редакции их не 132, а 133.

Напомним, что в отдельном издании «Послания к N. N. о наводнении Петрополя...» к русскому тексту был приложен немецкий перевод, который отличался от русского и названием (если на обложке стояло новое название, то на первой, спусковой полосе: «Epistel an den Herausgeber des Moskwaischen Telegraphen»), и текстуальными разночтениями. Эти различия Хвостов попытался объяснить в примечании, где, впрочем, не говорит, что получил от Полевого фактический отказ: «Сочинитель считает этот перевод красивым и верным,

²² Epistel des Grafen Chwostow zur Erinnerung an den 7-ten November 1824 (aus dem Russischen übersetzt). St. Petersburg, 1824. S. 6 (цензурное разрешение: 9 января 1825 г.); последние две строки в обратном переводе: «Все же, Москва, знает твой Телеграф, / что здесь явило себя более сочувствие, чем страдания».

все же отмечает в то же время, что после его публикации в немецком журнале господина Ольдекопа,²³ он внес некоторые незначительные изменения, которые вызваны тем, что эта эпистола не была отослана господину издателю “Московского телеграфа”, но печатается здесь и обращена NN. См. об этом первое и последнее примечание оригинала.²⁴ Аналогичные примечания стоят и в русском тексте. Упомянутое первое: «Сочинитель сделал несколько перемен в сем Послании в самую ту минуту, когда отдавал оное в печать; и потому в немецком переводе на место первых стихов, относящихся к издателю Телеграфа, находятся другие три стиха к N. N.»; последнее начинается следующими словами: «Сей стих о наводнении не приписывается уже более издателю Телеграфа, и также вмещаются еще новые стихи, перед самым печатанием послания прибавленные».

Из вышесказанного следует, что Пушкину стал известен именно первый, рукописный вариант хвостовского послания, состоящий из 109 строк и обращенный к издателю «Московского телеграфа»; по всей видимости, в нем не было также примечаний. Возможно, оно было в качестве курьеза доставлено поэту его лицейским другом И. И. Пущиным, который посетил Михайловское 11 января и привез ему другую свежую новинку — «Горе от ума»; отметим кстати, что отзыв о комедии Грибоедова находится в том же письме Вяземскому, что и строки про «Послание...» Хвостова. И только потом, получив в середине февраля от Е. В. Аладына изданный им «Невский альманах», Пушкин увидел его второй вариант.

Однако не исключено, что Пушкин получил от друзей совсем другой текст. Но об этом чуть ниже.

«Послание к N. N. о наводнении Петрополя...» было встречено современниками с чрезвычайным интересом, и реакция многих была схожа с пушкинской. Стало ясно, что дар рождать «галиматью» не угас

²³ Немецкий перевод послания был опубликован в журнале «St. Petersburgische Zeitschrift» (1825. Bd 17. № 1. S. 83–88; цензурное разрешение 29 января 1825 г.), который издавал Август (Евстафий Иванович) Ольдекоп (отметим, что в упоминавшемся отдельном издании немецкого текста послания использован набор этого журнала). Ранее в «St. Petersburgische Zeitschrift» Хвостов напечатал переводы стихотворения «Русские мореходцы на Ледовитом море» (1823. Bd 9) и «Послания к Дмитриеву» (1824. Bd 13).

²⁴ Epistel des Grafen Chwostow zur Erinnerung an den 7-ten November 1824 (aus dem Russischen übersetzt). S. 10; оригинал по-немецки.

у престарелого поэта, а значит, будет повод еще не для одной пародии или эпиграммы. Сразу после выхода послания из печати Воейков поставил его в ряд самых известных творений Хвостова: «*Граф Хвостов* особенно отличился притчами (надобно читать первое издание, которое я предпочитаю всем другим) и двумя новыми поэмами: Гулянье в Екатерингофе и Наводнение в Петербурге, обе исполнены чудных красот».²⁵ «Читал ли “Наводнение” Хвостова? — спрашивал Вяземского А. И. Тургенев в письме от 17 февраля 1825 года, — стариной тряхнул».²⁶ В. К. Кюхельбекер назвал его среди самых «достопримечательных событий в области российской словесности» 1824 года;²⁷ вскоре последовали и эпиграммы:

Господь послал на Питер воду,
А граф сейчас скропал и оду.
Пословица не даром говорит:
«Беда беду родит».
(А. Е. Измайлов)²⁸

Всему наш Рифмин рад: пожару, наводненью,
Войне, землетрясенью, —
Всё кажется ему добро,
Лишь только б случай был приняться за перо
И приступить к тисненью!
Я даже бьюсь со всеми об заклад,
Что для стихов он был бы рад
И светапреставленью.
(Н. Ф. Остолопов)²⁹

Но наиболее интересный для нас отклик на «Послание» содержится в письме С. М. Салтыковой (будущей жены А. А. Дельвига) к ее подруге А. Н. Семеновой от 28 февраля 1825 года: «Граф Хвостов успел

²⁵ Русский инвалид. 1825. № 33. 9 февр. С. 133.

²⁶ Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899. Т. 3. С. 96.

²⁷ См.: Кюхельбекер В. К. Дневник. Путешествие. Статьи. С. 500 («Лит. памятники»).

²⁸ Русская эпиграмма (XVIII — начало XX века). Л., 1988. С. 174 («Б-ка поэта». Большая сер.).

²⁹ Там же. С. 161 (впервые: Памятник отечественных муз. СПб., 1827). Очевидно, эпиграмма предназначалась для «Благонамеренного», но не была пропущена цензурой (см. письмо А. Е. Измайлова к П. Л. Яковлеву от 21 января 1825 г. — Пушкин: Исследования и материалы. Т. 8. С. 168), поэтому попала в печать только через год.

уже написать стихи на наводнение; мне их обещали, но я еще их не имею, и мне цитировали два наиболее замечательных стиха; вот они:

Разрушились небес и бурных вод оплоты,
И плавают вверх дном и судны, и елботы!

Как ты их находишь?»

Семенова, очевидно, заинтересовалась стихами Хвостова и попросила их прислать, но Салтыкова не смогла выполнить ее просьбу. «Ты спрашиваешь у меня стихов Хвостова, — пишет она 21 апреля, — но я не могу прислать их тебе, потому что Норов, обещавший мне их, до сих пор мне не дает их. В первый же раз, как я увижу его, я ему напишу об этом крупными буквами на большом куске бумаги и надеюсь, что тогда он, несмотря на свою рассеянность, не забудет своего обещания...» О том же идет речь и в следующем письме, от 27 апреля: «Вчера я видела Норова, и моею первою заботою было побранить его за стихи Хвостова; он уверял меня, что он их разорвал по рассеянности, но в то же время обещал мне их принести; в ожидании он сказал мне на память несколько стихов из этой пьесы, но я могла удержать в памяти только один — о Екатеринингофе, который также очень был поврежден наводнением. Вот он:

Екатеринин уж водой покрылся Гоф.³⁰

Нельзя не удивиться тому, что Салтыкова не могла нигде достать дважды опубликованный текст, хотя, судя по письмам, тесно общалась с П. А. Плетневым и находилась в курсе всех литературных новостей столицы. Но еще больше удивимся, заглянув в текст «Послания...»; и в отдельном издании, и в «Невском альманахе» вспоминаемые Салтыковой строки читаются иначе:

Вода течет, бежит, как жадный в стадо волк,
Ведя с собою чад ожесточенных полк,
И с ревом яростным, спеша губить оплоты,
По грозным мчит хребтам и лодки и элботы...
<...>
Екатеринин брег сокрылся внутрь валов...

³⁰ Цит. по: Модзалевский Б. Л. Пушкин и его современники: Избранные труды (1898–1928). СПб., 1999. С. 249, 255.

Все сказанное приводит к выводу, что в литературных кругах Петербурга по рукам ходила какая-то неизвестная нам пародия на хвостовское «Послание...». Можно также предположить, что в этом тексте находились и другие, ставшие впоследствии знаменитыми строки, впервые появившиеся в печати лишь в 1874 году в воспоминаниях О. А. Пржецлавского: «...свиристествовал Борея, / И сколько в этот день погибло лошадей!...» и «...по стогнам валялось много крав, / Кои лежали там, ноги кверху вздрав».³¹

Пржецлавский, как и ранее Салтыкова, нисколько не сомневался, что цитированные им строки действительно принадлежат Хвостову: репутация графа была такова, что ему легко можно было приписать любую поэтическую нелепость, что с наслаждением и делали его литературные противники. В следующем году строки про «крав» появились в полубеллетристической-полумемуарной книге В. П. Бурнашева «Наши чудодеи», которую он издал под псевдонимом Касьян Касьянов. Бурнашев недаром имел репутацию главного литературного выдумщика и сплетника того времени; историю издания хвостовского «Послания...» он обставил совершенно фантастическими подробностями: «Граф Хвостов, хотя и признававший за своими стихотворениями всевозможные достоинства, однако ж иногда делал в них перемены, по указаниям людей, которых уважал. Так, например, в первоначальной редакции его стихов по случаю наводнения 7-го ноября 1824 года, отпечатанных на особенных листочках, — было, между прочим, сказано так:

...“по стогнам валялось много крав,
Кои лежали там ноги кверху вздрав”.

Президент Российской Академии А. С. Шишков <...> в разговоре с Хвостовым объяснил ему всю уродливость и тривиальность этих стихов; Хвостов поспешил сжечь все имевшиеся у него экземпляры этого *Потоп* и, отпечатывая его в издании 1827 года, напечатал стихотворение без этой чудовищности».³²

³¹ Цит. по: Поляки в Петербурге в первой половине XIX века. М., 2010. С. 198 (впервые: Русская старина. 1874. № 12. С. 673).

³² Касьянов К. [Бурнашев В. П.] Наши чудодеи: Летопись чудачеств и эксцентричностей всякого рода. СПб., 1875. С. 31–32; чуть ниже, противореча самому себе, Бурнашев утверждал, что «граф пожертвовал несколько сот экземпляров своей поэмы

Несмотря на то, что этот эпизод является чистой воды вымыслом, в нем все же есть достоверное зерно. Хвостов следил за реакцией критики (как правило, она была аналогична приведенному выше отзыву «Северной пчелы»), прислушивался к мнению немногочисленной публики (на беду графа, большую ее часть составляли подхалимы и прихлебатели) и в новых изданиях старался исправлять те места своих творений, которые вызывали нарекания и пародии. Несомненно, до него дошел пародийный текст на «Послание...»: перепечатывая его в 1827 году, граф переделал спародированный неведомым острословом фрагмент про «лодки и элботы». В новой редакции он стал звучать так:

Вода течет, бежит, как жадный в стадо волк;
Ведя с собою чад ожесточенный полк,
Стремясь в дерзости к оплотам знаменитым
И лодки и суда мчит по хребтам сердитым.³³

Кроме этого, Хвостов отредактировал еще около двух десятков строк, некоторые из них кардинально переработав; было изменено также заглавие, из которого исчезло слово «Послание», а в примечаниях сняты указания на то, что первоначально стихотворение было обращено к издателю «Московского телеграфа». Последний раз граф обратился к его тексту через два года, при подготовке итогового «Полного собрания стихотворений»,³⁴ где работа над ним была продолжена. Здесь нет смысла описывать произведенные изменения, кроме одного: на шмуцтитуле появился эпиграф — из самого же послания, оформленный так: «*Екатеринин брег сокрылся внутрь валов*. См. Том II, стр. 110». Возникает вопрос: зачем было Хвостову выделять одну строку, которую любой читатель мог найти тремя страницами далее? Думается, этим граф хотел подчеркнуть, что запоминающаяся строка «*Екатеринин уж водой покрылся Гоф*» ему

на наводнение 1824 года <...> в пользу Российской Американской Компании <sic!>. Все эти экземпляры были правлением компании отосланы на остров Ситху «для делания патронов» (Там же. С. 32). Очевидно, Бурнашев пересказывает апокриф, ходивший среди петербургских литераторов (см. письмо А. Е. Измайлова к И. И. Дмитриеву от 5 марта 1825 г. — Русский архив. 1871. № 7 и 8. Стб. 986).

³³ Разные стихотворения графа Хвостова, сочиненные после полного собрания. СПб., 1827. Т. 5. С. 62.

³⁴ См.: Хвостов Д. И. Полн. собр. стихотворений. СПб., 1829. Т. 2. С. 109–115.

не принадлежит, обратив на это внимание и тех, кто знал о его послании только по пародии.

Не имея полного текста пародии на «Послание к N. N. о наводнении Петрополя...», мы можем только гадать, какие же галиматийные красоты предлагал своим читателям неведомый нам автор. Но человек обычно запоминает самые яркие впечатления, и можно предположить, что и письма юной девушки, и мемуары престарелого чиновника донесли до нас наиболее характерные фрагменты этого иронического опуса. И здесь можно спросить: какой именно текст добрался до Михайловского в январе 1825 года? Было ли это настоящее послание графа Дмитрия Ивановича Хвостова в его ранней редакции, или же Пушкин прочел те же строки, что вспоминают Семенова и Пржецлавский?

Ответа на этот вопрос мы, скорее всего, не получим никогда. Но в любом случае впечатление Пушкина от свежей литературной новинки было настолько сильным, что через несколько месяцев вдохновило михайловского изгнанника на создание иронической «Оды его сиятельству графу Хвостову», а спустя почти десять лет уже прославленный поэт вспомнит о послании графа в «Медном всаднике», где оно будет присутствовать как имплицитно,³⁵ так и эксплицитно:

Граф Хвостов,
Поэт, любимый небесами,
Уж пел бессмертными стихами
Несчастье невских берегов (V, 145).

В наши дни, когда «Послание к N. N. о наводнении Петрополя» перепечатано несколько раз, как в отдельных изданиях Хвостова, так и в различных сборниках, размещено на нескольких сайтах в сети Интернет и уже никоим образом не является библиографической редкостью, строки «...по стогнам валялось много крав, / Кои лежали там, ноги кверху вздрав» гораздо более известны, чем подлинный текст стихотворения. По иронии судьбы предсказанное Пушкиным «бессмертье» обрели не стихи самого графа, а легенда о бездарном графомане, способном рождать столь нелепые вирши.

2

³⁵ См. об этом: *Основат А. Л.* Из комментария к «Медному всаднику» (2) // На рубеже двух столетий: Сб. в честь 60-летия Александра Васильевича Лаврова. М., 2009. С. 501–505.

26 августа 1831 года, в годовщину Бородинского сражения, русскими войсками была взята Варшава. 4 сентября весть об этом дошла до Царского Села, где в то время находились Жуковский и Пушкин.³⁶ На следующий день, 5 сентября, оба пишут по стихотворному отклику на это событие и представляют их царю.³⁷ Стихотворение Жуковского под заглавием «Русская песнь на взятие Варшавы. (На голос: Гром победы раздавайся!)» публикуется 8 сентября в «Северной пчеле»³⁸ и одновременно выходит отдельной брошюрой. Цензурное разрешение на это издание выдается 6 сентября, а уже 7 сентября цензор подписывает разрешение на другое издание: брошюру под заглавием «На взятие Варшавы. Три стихотворения В. Жуковского и А. Пушкина», куда входят названное стихотворение Василия Андреевича под измененным заглавием «Старая песня на новый лад. (На голос: “Гром победы раздавайся”)» и два стихотворения Александра Сергеевича — написанная в тот же день, что и песня Жуковского, «Бородинская годовщина» и сочиненное немного ранее (2 августа) «Клеветникам России» (под которым в печатном тексте, впрочем, стоит другая дата: 16 августа). Это издание вышло в свет через несколько дней, в начале 10-х чисел сентября.³⁹ Стоит упомянуть, что почти одновременно Жуковский сочиняет и публикует также отдельной брошюрой другое стихотворение, посвященное тому же событию: «Русская слава», с эпиграфом «Слава Русская жива!».⁴⁰

Брошюра «На взятие Варшавы» вызвала лишь один печатный от-

³⁶ См.: Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина: В 4 т. М., 1999. Т. 3. С. 380. Об этом событии Пушкин оставил дневниковую запись (см.: XII, 201).

³⁷ Там же. С. 381.

³⁸ Северная пчела. 1831. № 201. 8 сент.; без подписи.

³⁹ Объявление о продаже: Северная пчела. 1831. № 206. 14 сент. Стоит отметить непомерно высокую цену на эту 15-страничную книжку — 2 рубля. Почти сразу же «Клеветникам России» было перепечатано в «Русском инвалиде» (1831. № 233. 14 сент.) с подписью «А. П.» и примечанием, что оно «взято из недавно вышедшей в свет книжечки, под заглавием: *На взятие Варшавы. Три стихотворения В. Жуковского и А. Пушкина*» (Там же). Укажем, что в библиографии Н. А. Синявского и М. А. Цявловского «Пушкин в печати. 1814–1837» (Изд. 2-е. М., 1938) эта публикация не отмечена.

⁴⁰ Датируется 12 сентября (см.: Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 2000. Т. 2. С. 668); объявление о выходе: Северная пчела. 1831. № 215. 24 сент. Отрывок перепечатан: Русский инвалид. 1831. № 241. 23 сент.

клик: апологетическая рецензия была помещена в журнале «Телескоп» (1831. Ч. 4. № 16). Она начиналась следующими словами: «Падение Варшавы, увенчавшее новою славою победоносное оружие русское, одушевило первых наших поэтов благородным патриотическим восторгом и отозвалось на их звучных лирах достойными песнопениями».⁴¹ С мнением анонимного рецензента была согласна большая часть русского общества.⁴² Вскоре последовали их французские и немецкие переводы.⁴³ Впрочем, здесь и сейчас нет нужды приводить все положительные отклики на эти два стихотворения Пушкина: они хорошо известны, но необходимо напомнить, что некоторые пушкинские друзья, в числе которых были А. И. Тургенев и П. А. Вяземский, отзывались о них очень резко.⁴⁴

Кроме Жуковского и Пушкина польским событиям посвятили стихи и другие поэты,⁴⁵ в числе которых был граф Хвостов. Согласно помете на одной из бумаг его архива, 7 сентября он сочиняет стихотворение «Его Светлости Князю Варшавскому Графу Паскевичу-Эриванскому. *На взятие Варшавы*», которое вскоре будет опубликовано отдельно под заглавием «Радостная в августе весть» (СПб., 1831) и датой 17 сентября. В нем, в частности, есть следующие строки:

Уже, уже гремят Россиян славных лиры,

⁴¹ Пушкин в прижизненной критике. 1831–1833. СПб., 2003. С. 124.

⁴² Ср. краткий отклик в газете «Le Miroir» от 1 ноября, выходившей в Петербурге на французском языке: «Чарующие аккорды Пушкина и Жуковского проникли во все сердца» (Сперанская Н. Материалы по русской литературе в петербургской газете «Le Furet» / «Le Miroir» в 1831–1832 гг. // Новое литературное обозрение. 2009. № 98. С. 397).

⁴³ См.: Письма Пушкина к Елизавете Михайловне Хитрово. 1827–1832. Л., 1927. С. 132–133 (примеч. Н. В. Измайлова); Щеголев П. Е. Из жизни и творчества Пушкина. Изд. 3-е, испр. и доп. М.; Л., 1931. С. 352–360; Францев В. А. Пушкин и польское восстание 1830–1831. Прага, 1929. С. 20–21; Пушкин в прижизненной критике. 1831–1833. С. 367 (примеч. А. М. Березкина).

⁴⁴ Об отношении современников к стихам Пушкина и Жуковского, посвященным польским событиям, см., в частности: Беляев М. Д. Польское восстание по письмам Пушкина к Е. М. Хитрово // Письма Пушкина к Елизавете Михайловне Хитрово. С. 287–296; Муравьева О. С. Клеветникам России // Пушкинская энциклопедия: Произведения. СПб., 2012. Вып. 2. С. 481–484 (здесь же указана основная литература вопроса).

⁴⁵ Собраны в кн.: Старый спор: Антология русских поэтических откликов на польские восстания 1794, 1830–1831 и 1863–1864 гг. / Сост. К. В. Ратников. Челябинск, 2006.

Их песни звучные достигнут в дальни миры, —

к которым в переиздании дано примечание: «Иван Иванович Дмитриев, Василий Андреевич Жуковский и Александр Сергеевич Пушкин воспели знаменитое покорение Варшавы в 1831 году».⁴⁶

Перейдем теперь к интересующему нас сюжету.

24 октября 1831 года Хвостов посылает Пушкину следующее письмо:

Милостивый государь мой
Александр Сергеевич,

Не повстречая вас лично, по приезде вашем из Царского Села, я имею честь послать к вам мои стихи вскоре после творения вашего, *Клеветникам России*, сочиненные. Примите их от старика, близкого к могиле, в знак отличного уважения к дарованиям вашим.

Против крамол писал я много,
Изобличал безумцев строго. —

Но убедаясь в печальной истине опытом, что развращенные сердца завистливых крамольников ожесточенны и слухи их не внимают прелестей гармонии сынов Аполлона, я ограничиваюсь желанием, чтобы знаменитая лира ваша предпочтительно воспевала богатырей русских давнего и последнего времени. Верьте почтению и преданности с которыми есмь и буду ваш,

милостивый государь мой,
покорный слуга
г р а ф Х в о с т о в.

24 октября
1831.⁴⁷

В изданиях переписки Пушкина это письмо печатается по подлиннику, который ныне хранится в Пушкинском Доме.⁴⁸ Он находился среди тех бумаг поэта, которые П. В. Анненков, завершив работу над его собранием сочинений, не вернул наследникам, а оставил у себя. Впоследствии они перешли к потомкам Анненкова, а затем попали в руки профессору И. А. Шляпкину и были напечатаны им

⁴⁶ Хвостов Д. И. Стихотворения [на обл.: Полн. собр. стихотворений]. СПб., 1834. Т. 7. С. 252.

⁴⁷ Цит. по: XIV, 237.

⁴⁸ ИРЛИ, ф. 244, оп. 2, ед. хр. 209 (написано рукой писаря, только подпись — автограф).

в 1903 году в книге «Из неизданных бумаг А. С. Пушкина».⁴⁹ В комментариях к различным изданиям этот сборник указывается как место первой публикации письма.

Рукопись приложенного к письму послания Хвостова в архиве Пушкина не сохранилась. При жизни обоих поэтов оно единственный раз было опубликовано в 1834 году в седьмом, дополнительном томе «Полного собрания стихотворений графа Хвостова» под заглавием «Александр Сергеевичу Пушкину, члену Российской Академии, 1831 года, при случае чтения стихов его о клеветниках России», с неизбежными примечаниями, которыми Хвостов почти всегда сопровождал публикации своих стихов.⁵⁰ По этому источнику оно впоследствии перепечатывалось в антологиях «Русские поэты о Пушкине»,⁵¹ а также в авторском сборнике Хвостова.⁵²

Ответное письмо Пушкина Хвостову нам неизвестно, но в первой половине ноября он сообщал Н. М. Языкову:

Хвостов написал мне послание, где он помолодел и потрянул стариной. Он говорит

Приблизаясь похода к знаку,
Я стал союзник Зодиаку;
Холеры не любя пилюль,
Я пел при старости июль

и проч. в том же виде. Собираюсь достойно отвечать союзнику Водолея, Рака и Козерога (XIV, 241).⁵³

Языков, очевидно, заинтересовался хвостовским посланием, а поскольку находился с ним в поэтической переписке, вероятно, попросил прислать его. Подобные просьбы Хвостов выполнял всегда с охотой. Сохранилось его письмо к Языкову от 18 января 1832 года, где

⁴⁹ См.: Шляпкин И. А. Из неизданных бумаг А. С. Пушкина. СПб., 1903. С. 153.

⁵⁰ См.: Хвостов Д. И. Стихотворения. Т. 7. С. 99–102 (текст), 261–262 (примеч.).

⁵¹ См.: Русские поэты о Пушкине: Сб. стихотворений / Сост. В. Каллаш. М., 1899. С. 301–304; Русские поэты о Пушкине: Юбилейный сб. стихотворений / Сост. М. Н. Арапова. СПб., 1899. С. 63–65 (не полностью).

⁵² См.: Хвостов Д. И. Соч. М., 1999. С. 139–142.

⁵³ В академическом Полном собрании сочинений Пушкина это письмо датируется 18 ноября; о проблемах датировки см.: Балакин А. Ю. Историко-литературный контекст пушкинского письма к Н. М. Языкову (1831) // Летняя школа по русской литературе. 2015. № 1. С. 45–51.

в постскриптуме он писал: «Прилагаю у сего мое последнее Сочинение в стихах, доселе еще ненапечатанное, к знаменитому Пушкину. Я высоко ценю дарование сего Современника нашего, но послание мое ему, нимало не оскорбительное, доказывает только, что мы с одной точки зрения видели вещи. Я никогда не утаю о том, что постигаю и чувствую».⁵⁴ Приложенная к письму рукопись послания сохранилась; здесь оно озаглавлено «Послание к А. С. Пушкину, сочиненное сентября 20 дня, отправленное к творцу Годунова 29 октября в ответ на его стихи: Клеветникам России»,⁵⁵ текст близок к опубликованному позднее, хотя и не содержит примечаний. О посылке этого стихотворения Языкову Хвостов сообщил и М. П. Погодину в письме от 21 января.⁵⁶ Почти одновременно с Языковым послание к Пушкину получил и В. А. Жуковский.⁵⁷

⁵⁴ ИРЛИ, № 19487, лл. не нумерованы; опубл.: Литературное наследство. М., 1952. Т. 58. С. 108.

⁵⁵ ИРЛИ, № 19488.

⁵⁶ См.: Письма Д. И. Хвостова к М. П. Погодину / Публ. Т. Ф. Нешумовой // Лица: Биографический альманах. М.; Л., 1993. Т. 2. С. 283.

⁵⁷ Посылка сопровождалась следующим недатированным письмом: «Вы мне при последнем свидании проговаривали, что не читали моего послания, перед болезнью моею писанного, о клеветниках и завистниках к нашему знаменитому Александру Сергеевичу Пушкину. Я оное у сего в рукописи имею удовольствием Вам сообщить. И очень рад случаю, отдавая полную справедливость дарованиям известного певца нашего, что не утаил перед моими читателями ни мыслей, ни чувствований, которые меня одушевляли по сему предмету, равномерно как и всегда при издании моих сочинений» (ИРЛИ, ф. 322, ед. хр. 35, л. 177). В оглавлении рукописного тома секретарем Хвостова проаннотировано: «Князю Вас. Андр. Голицыну при доставлении рукописного послания к Поэту Пушкину» (Там же, л. 5). Среди современников поэта действительно был надворный советник, князь Василий Андреевич Голицын (1772 — ум. после 1829; см.: *Голицын Н. Н.* Род князей Голицыных. СПб., 1892. Т. 1: Материалы родословные. С. 173), хотя никаких свидетельств о его знакомстве с Хвостовым нет. К тому же форма обращения этого письма («Милостивый Государь, Василий Андреевич») позволяет предположить, что составитель аннотации ошибся: обращаясь к сиятельным особам, педантичный Хвостов всегда соблюдал этикет и называл титул своего корреспондента: «Милостивый Государь, Граф Михаил Андреевич» (к Милорадовичу — ИРЛИ, ф. 322, ед. хр. 35, л. 86); «Милостивый Государь, Граф Арсений Андреевич» (к Закревскому — Там же, л. 190 об.) и т. п. Более того, после текста письма следует приписка: «К нему же 25 февраля еще письмо о покровительстве Родиону Яковлевичу Ветринскому и о поднесении его журнала <“Северная Минерва”> Великому Князю Государю Цесаревичу наследнику» (Там же, л. 177). Эта приписка в совокупности с отсутствием титула в обращении письма прямо указывает на его настоящего адресата: это Василий Андреевич Жуковский, бывший наставником цесаревича Александра Николаевича. В бумагах Хвостова сохранился и ответ Жуковского: «Милостивый Государь, Граф Дмитрий Иванович. Приношу

Больше ничего об истории создания, распространения и публикации послания Хвостова Пушкину известно не было. Однако разыскания в архиве графа позволили дополнить имеющиеся сведения некоторыми новыми фактами.

Сначала небольшое библиографическое уточнение. Письмо Хвостова Пушкину от 24 октября 1831 года было впервые опубликовано гораздо раньше выхода сборника «Из неизданных бумаг Пушкина». Оно было почти целиком процитировано в статье Е. Я. Колбасина «Певец Кубры», помещенной в журнале «Время» в 1862 году. Текст сопровождался следующими апокрифическими подробностями: «В 1831 году Хвостов был в одном литературном обществе, где кто-то сказал, что не все довольны стихами Пушкина “К клеветникам России”; к общему смеху певец Кубры стал защищать Пушкина, называя его своим преемником. Это было 24 октября; на другой день, 25 числа, Пушкин получил от Хвостова такое письмо»,⁵⁸ — и далее следовал текст письма. Мимо этой публикации прошли и Шляпкин, и готовивший отдельное издание переписки Пушкина В. И. Саитов, и редакторы 14-го тома Академического Полного собрания сочинений Пушкина Л. Л. Домгер и Л. Б. Модзалевский. Последнее особенно странно, потому что Модзалевскому-сыну статья Колбасина была знакома: процитировав в примечаниях к изданию писем Пушкина, начатого его отцом, полностью письмо Хвостова и указав на издания Саитова и Шляпкина, он также дал глухую отсылку к соответствующему номеру «Времени».⁵⁹ Однако любопытно другое: у Колбасина не было подлинника письма Хвостова, и он напечатал его по другому источнику. В середине 1850-х годов в руки Колбасина попал архив

вашему сиятельству искреннюю благодарность за доставление ваших двух стихотворений. Прочитал их с особенным удовольствием; вы не стареетесь. В сих последних стихах все отличительные черты вашего прежнего времени. Надеюсь часто иметь подобные от вас подарки. Примите уверение в искреннем почтении, с коим честь имею быть вашего сиятельства покорнейшим слугой. Жуковский. 1832. Января 30» (ИРЛИ, ф. 322, ед. хр. 78, л. 34). В оглавлении к книге, куда вшита эта записка, Хвостов оставил к ней горделивую аннотацию (записанную не его рукой, но, несомненно, под его диктовку): «Письмо Василия Андреевича Жуковского. Благодарность за доставление моей рукописи с посланием<м> к Пушкину, и что я не стареюсь, и видно черты прежнего времени» (Там же, л. 2 об.). Вместе с посланием к Пушкину Хвостов, вероятно, отправил Жуковскому свое «Послание Марье Петровне Охлестышевой» (СПб., 1832).

⁵⁸ Время. 1862. № 6. С. 177.

⁵⁹ См.: Пушкин А. С. Письма. М.; Л., 1935. Т. 3. С. 438.

Хвостова, представлявший собой несколько десятков роскошно переплетенных альбомов, где были в хронологическом порядке собраны его переписка и другие материалы. В одной из этих книг и находился черновик хвостовского письма. Он был изъят оттуда еще до поступления архива в Пушкинский Дом и до нас не дошел, однако в оглавлении книги последним, 130-м номером числится: «Пушкину при посылке стихов».⁶⁰

Опубликованный Колбасиным текст отличается от письма, полученного Пушкиным: очевидно, Хвостов доработал его перед отправкой. Приведем фрагмент с разночтениями, выделяя их курсивом: «Но убедясь в печальной истине опытом, что развращенные сердца завистливых крамольников ожесточены и слухи их не внемлют прелестной гармонии сынов Аполлона, я, *поразив врагов ваших*, ограничиваюсь желанием, чтобы знаменитая лира ваша предпочтительно *впредь* воспевала *только* богатырей русских давнего и последнего времени. *Не бойтесь и верьте, что творения ваши и мои будут оценены не сыщиками-современниками, а грядущим потомством. Оно об нас изречет настоящую критику правду.* Верьте почтению и преданности с коими есмь и буду».⁶¹ Впрочем, расхождения между подлинником письма Хвостова и его черновиком интересны только для биографов графа. Для биографов же Пушкина важнее другое.

Еще Л. Б. Модзалевский обратил внимание на то, что «цитируемое Пушкиным место из стихов Хвостова в печатном тексте читается иначе»,⁶² не сделав из этого никаких выводов.⁶³ Позднее было высказано предположение, что четыре строки, приведенные Пушкиным в письме к Языкову — это ироничная переделка оригинала, которая вполне укладывается в «арзамасскую» традицию пародирования Хвостовских текстов. Так, О. Л. Довгий, сравнив оба текста, сделала вывод: «Это уже Пушкин насмешничает».⁶⁴ Но в печатном тексте послания нет и строк, которые цитирует в своем письме Хвостов: «Против кра-

⁶⁰ ИРЛИ, ф. 322, ед. хр. 35, л. 6; другим почерком сделана приписка: «См. подлинник. Стихи поместить в 7-й том».

⁶¹ Время. 1862. № 6. С. 177.

⁶² Пушкин А. С. Письма. Т. 3. С. 439.

⁶³ Комментируя упомянутое письмо, И. Б. Мушина указала, что «стихи, приведенные Пушкиным, в печатном варианте послания заменены следующими <следует цитата>» (Переписка А. С. Пушкина: В 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 197).

⁶⁴ Довгий О. Л. Тритон всплывает: Хвостов у Пушкина. С. 48.

мол писал я много, / Изобличал безумцев строго».

Все это позволяло предположить, что в 1831 году Пушкин получил от Хвостова не тот текст, который был напечатан через три года.

Среди бумаг Хвостова сохранилась рукописная книга начала 1830-х годов, своего рода его «рабочая тетрадь». Она дошла до нас далеко не полностью — по-видимому, от нее осталось менее половины: всего в ней 70 листов, но авторская пагинация начинается с 137 страницы, конец также отсутствует.⁶⁵ Самый ранний текст этой книги — «Июль в Петрополе 1831 года» (июль 1831), самый поздний — «Русская песня» (декабрь 1833); впрочем, они перемежаются и более ранними стихотворениями. Почти все тексты записаны не самим Хвостовым, а его секретарями, многие имеют несколько последовательных редакций — граф тщательно работал над своими стихами, прежде чем отдавать их в печать. Кроме стихов самого Хвостова в книге переписаны и обращенные к нему — А. Н. Глебова, А. А. Волкова, Г. Н. Городчанинова и др.; здесь находим также копию пушкинского письма Хвостову от 2 августа 1832 года, которой предпослана преамбула: «Вот письмо, которое я получил от знаменитого Александра Сергеевича Пушкина 3-го августа 1832 года в ответ на посылку мою его Варваре <sic!> Николаевне печатной музыки и слов песенки: *Соловей в Таврическом саду*».⁶⁶ Двумя страницами выше находится сама «песенка», датированная «Маия 10-го».⁶⁷

В этой же тетради записана и ранняя редакция интересующего нас послания.⁶⁸ Первоначально оно имело заглавие: «Послание Александру Сергеевичу Пушкину 1831 года. Сентября 14-го»; позднее другим почерком добавлено: «По прочтении его стихотворения Клеветникам России». Затем оно было доработано, и нет сомнений, что именно этот промежуточный вариант получил Пушкин, поскольку в нем есть и те строки, которые автор «Клеветникам России» послал в письме к Языкову, и те, что процитировал в своем письме Хвостов.

Как и почти все тексты в этой тетради, послание было записано

⁶⁵ ИРЛИ, ф. 322, ед. хр. 41; отметим, что переплет и недостающая часть были утрачены, по-видимому, еще в XIX веке, тогда же оставшаяся часть была неправильно сложена, отчего архивная нумерация не соответствует порядку листов: начало — лл. 48–70 об., окончание — лл. 1–47 об.

⁶⁶ Там же, л. 8.

⁶⁷ Там же, л. 6.

⁶⁸ Там же, л. 59–61 об.

рукой переписчика, другими переписчиками были сделаны поправки; самим же Хвостовым вставлена лишь одна строка. Впоследствии рукопись была снова подвергнута многочисленной правке, после чего послание было записано еще раз в той же тетради:⁶⁹ текст, озаглавленный «Послание к А. С. Пушкину, сочиненное 1831 года [октября] сентября 20-го дня и отправленное к творцу Годунова 29 <sic!> октября, [в] ответ на его стихи: *Клеветникам России*», уже содержит примечания (их четырнадцать — больше, чем в печатной редакции) и очень мало отличается от того, который будет опубликован в седьмом томе стихотворений Хвостова. Очевидно, по этому источнику послание копировалось для публикации, что следует из пометы под заглавием: «7-й том / В число посланий».

Вот текст промежуточной редакции послания (разночтения с печатным текстом подчеркнуты):

ПОСЛАНИЕ АЛЕКСАНДРУ СЕРГЕЕВИЧУ ПУШКИНУ
1831 ГОДА СЕНТЯБРЯ 14-ГО.
ПО ПРОЧТЕНИИ ЕГО СТИХОТВОРЕНИЯ КЛЕВЕТНИКАМ РОССИИ.

Когда кипела в жилах кровь,
Я славить мог весну, любовь;
Приближаясь похода к знаку,
Я стал союзник Зодиаку;
Холеры не любя пилюль,
Я пел при старости Июль.
Поклонник давней Русской славы,
Пел в *Августе* приступ Варшавы,
И очень помню в *Сентябре*,
Гуляв на Яхромской горе,
Кубры извивом веселился,
Потом я на *шосе* пустился
И в Крестцах пел свиданья час.
Теперь, и в *Сентябре*, я снова
Пою о клевете два слова,
Крылатый, борзый конь Пегас
Перед глаза мои представил
Не Краков, Вильну иль Несвиж, —
Многоглаголивый Париж,
Без якоря, руля и правил,

⁶⁹ Там же, л. 64 об.—68.

Где шумных посреди Палат
Вития самозванец, хват
Вертит Европой без заботы,
К Варшаве посылает *флоты*
И на Себастиани гром,
Фигур злоречивых ядром
Из уст сварливо-вздорных мечет,
Иль *фразисом* некстати блещет,
Иль, о приступе слыша весть,
Зовет *соземцев подлецами*,
Кричит: «Французов пала честь, —
Скажи, скажи, что будет с нами?
Где бунт, там каждый уголок
Для видов лакомый кусок;
Ево усиливать потребно. —
Вот ремесло похвально, хлебно:
Французы, будто робкий зверь,
В норе прижались теперь».

* * *

Спасибо Пушкину-поэту;
Спасибо — говорю тебе,
Что Русских выставил примету
В своей с клеветником борьбе.
Твое творение прекрасно,
Замысловато, сильно, ясно,
Легко, приятно и умно;
Но попадет ли в цель оно?..
Царицу Россов клеветали,
Когда горела с турком брань;
Пускай Европу удивляли
Наполеонов меч и длань; —
Французы с клеветы собрали
Большую в это время дань. —
С ней рядышком самоуправство,
Корысть, хищение, лукавство,
Завистливая спесь, вражда,
Успех чужой для ней — беда,
Желание — других ничтожность,
Их счастье — противоположность.
Тебе дала поэта жар
Мать вдохновения — природа:

Употреби свой, Пушкин, дар
На славу русского народа,
Как начал громко — продолжай
О древних подвигах великих,
И вопли птиц ночных и диких
Средь песни Лиры не включай;
Злословье нагло-сумасбродно,
Для разума и чувств бесплодно.
Коль буйных не смиряет меч,
Напрасна им поэта речь.

* * *

Против крамол писал я много,
Изобличал безумцев строго,
Глухим в доводах нужды нет;
Поверь, рассудка чистый свет
Зло безначалья обесславит
И мир от гибели избавит.
Пуškai о лжи плодит нелепая молва,
Пуškai завистники злословят и проказят,
Они достоинства и храбрости не сглазят;
Им в ответ пойдут слова:
«Слава русская жива!»

Для нас нет сомнения, что эту редакцию следует публиковать в будущем издании переписки Пушкина в приложении к письму Хвостова от 24 октября 1831 года.

Однако на этом сюжет не заканчивается. В той же рукописной книге Хвостова, где находился черновик письма к Пушкину, есть еще одна заметка с упоминанием имени автора «Клеветникам России». Она имеет № 127 и заголовок «Новости литературные 1831 года. Разные выписки и замечания», начинаясь с подробного рассказа о заседании Российской Академии 11 сентября, где П. А. Ширинский-Шихматов читал свое похвальное слово Александру I. Затем следует текст:

26 августа <...> получено известие от генерал-фельдмаршала Графа Паскевича-Эриванского, что он приступом покорил Варшаву. Сие происшествие было объявлено городу 201 выстрелом из пушек Петропав-

ловской крепости.⁷⁰ Поэты наперерыв, давно этого не бывало: Веревкин,⁷¹ Сиянов,⁷² Трилунный,⁷³ Норов,⁷⁴ А. С. Пушкин, В. А. Жуковский печатали свои стихи в разных журналах. Солдатская песня на голос: *Гром победы раздавайся* есть прекраснейшее и вместе превосходное сочинение, имеющее литературный вес и, без сомнения, не как *vers de circonstances* будет известна потомкам нашим и похвалена оными. Что же касается до двух статей знаменитого Пушкина, под названием *Бородино* и *Клеветникам России*, то я не знаю, что об оных сказать. Славный автор Онегина и других вчера очень хвалил мои стихи на Холеру, то есть *Июль месяц*, и читал мне многое из них наизусть, то я боюсь, обрадуясь его *приветом*, прослыть льстецом и скажу только, что Пушкина стихи нимало не идут в сравнение с стихами Жуковского, хотя напечатаны в одной книжке и продаются по 2 рубли. За песнь Жуковского я заплачу охотно десять рублей, а что касается до Пушкина, то его стихи не поэзия, а политика — полемический вопрос, писанный, хотя с огнем эпиграмматически<м>, но мне показался далек от дара певца многих достохвальных сочинений.⁷⁵

Ранее о встрече Пушкина и Хвостова в конце 1831 года нам ничего не было известно. Найденная мемуарная заметка ставит перед нами как минимум два вопроса. Первый: когда и где произошла упомянутая встреча? Второй: почему всегда иронически относившийся к творчеству Хвостова Пушкин обратил внимание на его стихи о холере — пусть даже сообщение, что он их «очень хвалил» не следует принимать за чистую монету?

Попробуем определить временные рамки встречи двух поэтов. Нижней границей следует считать 24 октября — дату письма Хвостова к Пушкину, так как, напомним, оно начинается словами: «Не по-

⁷⁰ Об этом «Северная пчела» сообщила 5 сентября (1831. № 199).

⁷¹ Веревкин Н. Н. Взятие Варшавы. СПб., 1831 (цензурное разрешение: 13 ноября).

⁷² Сиянов П. Г. Солдатская песня на взятие приступом Варшавы // Русский инвалид. 1831. № 299. 25 нояб. Ранее там же было опубликовано стихотворение Сиянова «Мой ратный конь» (1831. № 228. 9 сент.), посвященное польским событиям, но написанное еще до взятия Варшавы.

⁷³ Стихи Трилунного (Д. Ю. Струйского), непосредственно посвященные взятию Варшавы, не выявлены (см.: Васильев Н. Л. Д. Ю. Струйский (Трилунный): Биография, творчество, библиография. Саранск, 2010. С. 260–261). Возможно, Хвостов имеет в виду его стихотворение «Богатырь» (Телескоп. 1831. Ч. 5. № 19. С. 327–328), посвященное воинской славе России, но без упоминания о польских событиях 1830–1831 гг.

⁷⁴ Норов А. С. Графу Паскевичу-Эриванскому // Северная пчела. 1831. № 202. 9 сент.

⁷⁵ ИРЛИ, ф. 322, ед. хр. 35, л. 202 об.–203 об.

встречая вас лично, по приезде вашем из Царского Села,⁷⁶ я имею честь послать к вам мои стихи...» Возможно, кстати, что встреча произошла даже после написания упомянутого выше письма к Языкову: похвалами хвостовским стихам и чтением их наизусть Пушкин отдал дань вежливости престарелому поэту, которому после этого уже не надо было «достойно отвечать». Верхняя граница, очевидно, 3 декабря — в этот день Пушкин уезжает в Москву, где пробудет почти месяц,⁷⁷ что отодвигает гипотетическую дату встречи на январь, а Хвостов едва ли делал свои записи спустя месяцы. Под № 128 в книге идет сентябрьская запись о его знакомстве с перепиской Екатерины II и Вольтера, под № 129 была заметка «О песне Якубовича, на взятие Варшавы»;⁷⁸ как и заключавшее книгу письмо Пушкину, эта заметка не сохранилась.⁷⁹ Запись о Пушкине диктовалась не ранее 25 ноября,⁸⁰ встреча двух поэтов состоялась, по-видимому, незадолго до этого.

К этим соображениям можно добавить еще одно. В конце 1831 года выходит в свет сразу несколько пушкинских шедевров: и отдельное издание «Повестей Белкина», и «Пир во время чумы» в «Альционе», и «Моцарт и Сальери», «Бесы», «Дорожные жалобы» и «Анчар» в «Северных цветах». Эти публикации неизбежно должны были отодвинуть «Клеветникам России» и «Бородинскую годовщину» в тень, понизив их литературную актуальность. Хвостов же не упоминает о них как о последних новинках; это можно счесть косвенным аргументом в пользу того, что запись была сделана в 1831 году.

Теперь попробуем ответить на вопрос более сложный: что же привлекло Пушкина в стихотворении Хвостова о холере и заставило «многое» из него запомнить?

Изображающее последствия петербургской эпидемии холеры⁸¹

⁷⁶ Пушкин вернулся из Царского Села в Петербург около 15 октября (см.: *Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина*. Т. 3. С. 400).

⁷⁷ См.: Там же. С. 417, 428.

⁷⁸ ИРЛИ, ф. 322, ед. хр. 35, л. 6.

⁷⁹ Л. А. Якубович был автором двух песен о польских событиях: «Песня русского» была опубликована в «Русском инвалиде» 12 сентября (№ 232), «Песня русского солдата» — там же 16 сентября (№ 235); Хвостова, вероятно, заинтересовала последняя.

⁸⁰ Именно в этот день было опубликовано упоминающееся в ней стихотворение П. Г. Сянова (см. выше, примеч. 72).

⁸¹ Ранее темы холеры он коснулся в небольшом стихотворении «Холера», посвященном прибытию Николая I в пораженную эпидемией Москву и датированном 8 октября 1830 г. (опубл.: *Невский альманах на 1831 год*. СПб., 1831).

стихотворение Хвостова «Июль в Петрополе 1831 года» было написано им 17 июля: под этой датой спустя несколько дней оно будет опубликовано в газете «Колокольчик» (1831. № 61. 31 июля. С. 243–244). С этого же набора был напечатан отдельный листок (без указания выходных данных и цензурного разрешения),⁸² 100 экземпляров которого было отдано автором в продажу с благотворительной целью.⁸³ Так, перепечатав в своем «Дамском журнале» стихотворение Хвостова, давний поклонник творчества графа и его многолетний корреспондент князь П. И. Шаликов снабдил текст примечанием: «Присланы автором и продаются у С.-Петербургского книгопродавца, Ивана Глазунова, в пользу сирот, которых родители умерли от холеры. Собранная сумма имеет быть доставлена к г-ну С.-Петербургскому градскому главе, коллежскому советнику и кавалеру Николаю Ивановичу Кусову».⁸⁴ Среди бумаг Хвостова действительно сохранились письма Кусова с расчетами по выручке от продажи листочка с «Июлем в Петрополе».⁸⁵ Впоследствии его автор не без гордости сообщал, что он «выручив от продажи в лавке Глазунова 250 руб. и пожертвовал для сирот, оставшихся после родителей, умерших от холеры».⁸⁶

Популярности стихотворения способствовало и то, что в «Санкт-Петербургских ведомостях» был напечатан восторженный отклик о нем, без сомнения, инспирированный самим Хвостовым (или даже сочиненный им).⁸⁷ Этот отклик с небольшими изменениями был

⁸² Единственный известный нам экземпляр находится в архиве журнала «Русская старина» (ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, ед. хр. 2979).

⁸³ См.: ИРЛИ, ф. 322, ед. хр. 78, л. 201.

⁸⁴ Дамский журнал. 1831. Ч. 35. № 38. С. 185.

⁸⁵ См.: ИРЛИ, ф. 322, ед. хр. 77, л. 102, 126 и др.

⁸⁶ Хвостов Д. И. Стихотворения. Т. 7. С. 251. Рассказы В. П. Бурнашева про брошюру Хвостова «Холера-Морбус» и ее распространение являются выдумками (см.: Касьянов К. [Бурнашев В. П.] Наши чудодеи. С. 9 pass.).

⁸⁷ Выписываем этот любопытный текст целиком как яркий пример литературных стратегий тщеславного графа: «Неисповедимым судьбам угодно было испытать терпение наше бедствием, постигшим нашу Столицу. Сраженный горестью Петрополь <Смотри Стихотворение Графа Дмитрия Ивановича Хвостова, называемое: Июль месяц в Петрополе 1831 года, напечатанное в 61 нум. журнала "Колокольчик". — Примеч. автора> беседовал с нашим Поэтом. Его внушения не потеряны для света: Автор воспользовался сим случаем с отличным искусством, изобразив резкими и верными чертами грозное явление в натуре. Разнообразие вымыслов и картин, верное подражание природе, богатство воображения, гармония стихов, обилие в мыслях и строгая подчиненность законам образованного вкуса составляют отличительные

перепечатан Шаликовым — уже в «Московских ведомостях».⁸⁸ Мнение же самого князя о стихотворении графа находим в его письме к последнему от 29 августа: «Я желал бы во всю жизнь свою слышать из уст Ваших, или по крайней мере читать Вашею рукою написанные стихи, столь, могу сказать, великодушные: “Я жив.... но много жертв достойных / Недуга пало под косою!”».⁸⁹ Процитированные Шаликовым строчки вспоминали и другие корреспонденты Хвостова, к при-

качества и главные достоинства сего классического произведения. Рассказ у Поэта нашего жив и занимателен. В произведении его движения много, и в раму довольно тесную он вложил действие, полное не от множества лиц и сцепления различных приключений, но от искусства, с каким Поэт умел выставить и оттенить главные предметы своего творения, в котором участие читателя поддерживается с начала до конца. Начало сего стихотворения изображает картину, рисованную рукою самой Поэзии; далее заметим, что Поэт имеет дар весьма живо воображать предметы свои и искусство переселять их в воображение читателя; каждое описываемое им происшествие имеет характер и образ, ему одному свойственный; и читатель точно присутствует мысленно при том действии, которое описывает стихотворец. Воображение, перебегая от явления к явлению, спешит видеть новую картину, отражающую новую мысль Поэта. Он имеет слог гибкий, который всегда применяет к своему предмету: то возвышается в описании величественном, то трогает нас простым изображением нежного чувства. Окончание сего стихотворения, облеченное покровом уныния, представляет не картину, но очерк, который изображает соприкосновение между лучшим миром, нашею обителью и теми призраками, кои исходят из страны, нам неизвестной и страшной; но по нем познается великое искусство Поэта. Такое окончание достойно предпочтения на суде знатоков пред многими картинами дарования. Должно еще заметить, что в сем творении нет пустого набора слов для замены мыслей, для рифм или меры. Вообще скажем о поэзии его, что она есть вестница лучшего мира, напоминающая о бессмертии души и исцеляющая земные раны упованием на правосудие Всемогущего; она никогда не унижается до изображения предметов, недостойных человека, проникнутого глубокими чувствами доброго, хорошего и изящного; не теряясь в пустых мечтах воображения, она строго наблюдает правила чистой нравственности и светских приличий и в кипящие чаши жизненных удовольствий вливает капли неземной жизни. Наконец сделаем заключение сему разбору следующим мнением: известный наш Поэт неоспоримо принадлежит к немногочисленному числу наших первоклассных стихотворцев, коих имена навсегда останутся украшением нашей поэзии.

Беспристрастным разбором желая изъяснить глубокие чувства моей усердной благодарности Поэту за прекрасный подарок Словесности, я мог ошибаться в суждениях, но не в выборе способа к изъяснению признательности» (Санкт-Петербургские ведомости. 1831. № 193. 19 авг. С. 805–806; подпись: Николай Кр–в). В бумагах Хвостова находится копия этого отзыва со следующей припиской на полях: «Сие объявление под статью литературы напечатано в Академических ведомостях под именем Николая Криворотова и замечено в скобках *сообщено*. Смотри август месяц» (ИРЛИ, ф. 322, ед. хр. 35, л. 192).

⁸⁸ См.: Московские ведомости. 1831. № 69. 29 авг. С. 2919–2920.

⁸⁹ ИРЛИ, ф. 322, ед. хр. 77, л. 112.

меру, митрополит Рязанский Евгений: «...имел в удовольствие по-лучить новое Ваше стихотворение под названием *Июля в Петрополе*, и в Академических С. Петербургских ведомостях читал очень хоро-ший отзыв об оном. Поздравляю Ваше Сиятельство с сим новым венком Вашей Лире. Милосердый Бог среди тысячи смертей сохра-нил Вас на память многих жертв достойных, недуга павших под косою». ⁹⁰ Высоко оценил «Июль в Петрополе» и другой Евгений, ми-трополит Киевский, писавший его автору 8 августа: «...благодарю Бога, что Он сохранил вас среди опасных болезней. С удовольствием прочитал я и ваши стихи на сию язву, среди которой ваша Лира ни-мало не ослабла». ⁹¹ Без преувеличения можно сказать, что «Июль в Петрополе» стал самым ярким и популярным произведением Хво-стова среди опубликованных им в 1831 году. Как видим, мимо него не прошел и Пушкин.

Поразительным образом настроение хвостовского стихотворения оказалось созвучно размышлениям Пушкина о бренности человече-ского бытия, о внезапном наступлении недуга и скоропостижности смерти, которая поражает без разбора — и юношей, и стариков. В ок-тябре 1830 года в Болдино был написан «Скупой рыцарь», где есть следующие горькие строки: «...Дни наши сочтены не нами; / Цвел юноша вечор, а нынче умер, / И вот его четыре старика / Несут на сгорбленных плечах в могилу». ⁹² Чуть более чем через месяц созда-ется «Пир во время чумы», весь пронизанный апокалиптическими мотивами: привычная жизнь замирает, побежденная страшной эпи-демией, люди полностью подчиняют себя мыслям о болезни, о воз-можной скорой смерти. Возможно, поэт обратил внимание на сле-дующие фрагменты «Июля в Петрополе», столь близкие его пережи-ваниям того времени:

Так чувствуя недуга тягость
Спешит на торжищи народ;
Не постигая скорби корня,
Тоскует лакомств вредных раб.

⁹⁰ Там же, л. 117.

⁹¹ Сборник статей, читанных в Отделении русского языка и словесности Импе-раторской Академии Наук. 1868. Т. 5. Вып. 1. С. 207.

⁹² Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб., 2009. Т. 7. С. 108–109.

Обители забав закрыты,
Не веют в тростнике Зефиры;
Увяли на лугах цветы,
Пресеклись съезды и гулянья;
При встрече бар, простолюдинов,
О черной немочи запрос. <...>

В годах моих унылых, поздних,
Покрытый сединой давно,
Я жив... Но много жертв достойных
Недуга пало под косой;
Кто здесь Отечеству полезен,
Тот в гроб всегда нисходит рано.
Ловя последний сердца луч,
Певец и скорби и печали,
Могу соземцев на гробницах,
Могу еще я слезы лить.⁹³

Возможно, последняя строфа нашла отражение и в переписке Пушкина. 22 июля он сообщает П. А. Плетневу оказавшийся ложным слух, что Хвостов умер (см.: XIV, 198), а уже в следующем письме, от 3 августа, пишет: «С душевным прискорбием узнал я, что Хвостов жив. Посреди стольких гробов, стольких ранних или бесценных жертв, Хвостов торчит каким-то кукишем похабным. Перечитывал я на днях письма Дельвига; в одном из них пишет он мне о смерти Д. Веневитинова. “Я в тот же день встретил Хвостова, говорит он, и чуть не разругал его: зачем он жив?” — Бедный наш Дельвиг! Хвостов и его пережил. Вспомни мое пророческое слово: Хвостов и меня переживет» (XIV, 206). Думается, в несколько пафосных строках про «ранние и бесценные жертвы» Пушкин невольно перефразировал знакомые ему строки престарелого графа.

3

Среди книг Пушкина есть две брошюры, каждая из которых со-

⁹³ Колокольчик. 1831. № 61. 31 июля. С. 243, 244.

держит по одному стихотворению графа Хвостова. Обе они были изданы в Санкт-Петербурге в 1832 году, обе пережили все приключения пушкинской библиотеки и теперь хранятся в Пушкинском Доме. Одна из них — «Послание Марье Петровне Охлестышевой. Отправлено в Крестцы с Кубры 1825 г. Августа 20-го дня», другая — «Прощание поэта с землею». На обеих есть дарственные надписи, оставленные не автором, а видимо, кем-то из его секретарей. На первой: «Александр Сергеевичу Пушкину от автора», на второй: «Е. П. Василию Андреевичу Жуковскому от автора».⁹⁴ Ниже мы попытаемся выяснить, когда и при каких обстоятельствах они попали к Пушкину.

* * *

В третьем томе «Летописи жизни и творчества А. С. Пушкина» отмечено, что поэт получил «Послание Марье Петровне Охлестышевой» в дар от автора в 1832 году, причем год отмечен знаком вопроса.⁹⁵

С этим посланием Пушкин мог ознакомиться гораздо раньше 1832 года. Как свидетельствовал сам Хвостов, оно было «сочинено на Кубре в августе месяце 1825 года, напечатано в том же году в *Невском Альманахе* г. Аладьина и на особливом листочке».⁹⁶ Действительно, впервые оно было опубликовано в «Невском альманахе на 1826 год» (СПб., 1825) под заглавием «М. П. О. Послание»⁹⁷ и выпущено отдельной брошюрой уже с измененным заглавием: «Послание М..... П..... О..... в селе Слободке на Кубре, 1825 года Августа 10 дня» (СПб., 1825), а спустя несколько лет вошло в пятый том Полного собрания стихотворений Хвостова (1830). Но неутомимый метроман был склонен к перфекционизму и постоянно дорабатывал свои сочинения, ранее уви-

⁹⁴ См.: *Модзалевский Л. Л.* Библиотека А. С. Пушкина: (Библиографическое описание). СПб., 1910. С. 112. № 412, 413. У Пушкина также было отдельно изданное стихотворение Хвостова «Двадцать второе Апреля в С.-Петербурге» (СПб., 1834), но до нас оно не дошло (см.: *Модзалевский Л. Л.* Библиотека Пушкина: Новые материалы // Литературное наследство. М., 1934. Т. 16–18. С. 1010).

⁹⁵ См.: *Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина*. Т. 3. С. 530.

⁹⁶ *Хвостов Д. И.* Полн. собр. стихотворений. СПб., 1830. Т. 5. С. 383.

⁹⁷ См.: *Смирнов-Сокольский Н. П.* Русские литературные альманахи и сборники XVIII–XIX вв. М., 1965. С. 105.

девшие печать. Эта участь постигла и послание к Охлестышевой: в 1832 году оно было исправлено, также выпущено «на особливом листочке» и еще раз включено в Полное собрание стихотворений Хвостова — уже в седьмой том, вышедший спустя два года.⁹⁸

Нам неизвестно, по какой причине Хвостов актуализировал свой старый текст, что именно заставило исправить его и выпустить новым изданием. Но мы знаем, когда он стал его распространять.

Педантичный Хвостов сохранял всю свою переписку, регулярно формируя из полученных писем и черновых отпусков толстые тома, переплетая их и составляя аннотированные оглавления. В этих томах материалы располагаются, как правило, в хронологическом порядке. Если открыть том, где собрана переписка за 1832 год, то в оглавлении можно увидеть следующую запись: «14. На одном листе четыре черновых письма при посылке стихов к Охлестышевой».⁹⁹ К сожалению, этот лист не сохранился, а «четыре черновых письма» в оглавлении не датированы, но их расположение в книге позволяет очертить границы датировки. Перед этим несохранившимся черновиком располагается «записка Шталмейстера Двора Е. И. В. князя Долгорукого» к Хвостову, от 19 января, а после — письмо к Хвостову поэта-слепца Н. М. Шатрова от 25 января; в последнем ничего не говорится о послании к Охлестышевой, хотя Хвостов регулярно слал коллеге свои поэтические новинки.

Дальше уже идут письма с благодарностями за присланную брошюру. 27 января Хвостову из Москвы пишет его старинный враг-приятель И. И. Дмитриев: «Чувствительно благодарю ваше Сиятельство за обязательное ваше письмо и сообщение мне трех экземпляров вашей поэзии, из коих один я отдал племяннику, а другой моей крестнице, которая дала мне слово выучить наизусть ваши стихи».¹⁰⁰ Еще раньше Хвостов получает короткую записку с благодарностями от В. А. Жуковского, датированную 30 января.¹⁰¹ 9 февраля Хвостову

⁹⁸ См.: *Хвостов Д. И. Стихотворения* [на обл.: Полн. собр. стихотворений]. Т. 7. С. 83–88 (текст), 256–259 (примеч.).

⁹⁹ ИРЛИ, ф. 322, ед. хр. 78, л. 2 об.

¹⁰⁰ ИРЛИ, ф. 322, ед. хр. 78, л. 36. В составленном Хвостовым оглавлении этой книги письмо проаннотировано так: «Письмо Ивана Ивановича Дмитриева о том, что заставляет наизусть твердить свою крестницу мои стихи к Охлестышевой» (Там же, л. 2 об.).

¹⁰¹ См. выше, с. 87–88.

отвечает редактор «Московских ведомостей» и «Дамского журнала» П. И. Шаликов, который время от времени публиковал в своих изданиях панегирики стихам престарелого графа: «О послании к Охлестышевой также напечатается по желанию Вашему, то есть с замечаниями на те места, которые Вы указываете...»,¹⁰² впрочем, подобная заметка свет, кажется, так и не увидела.

Конечно, у нас нет данных для того, чтобы назвать день, когда «Послание Марье Петровне Охлестышевой» получил Пушкин. Однако мы можем предположить, что среди «четырех черновых писем» была записка и ему. Следовательно, дата, приведенная в «Летописи жизни и творчества А. С. Пушкина» поддается локализации, и в новом ее издании она должна выглядеть так: «1832, январь, после 19».

* * *

В 1952 году в 58-м томе «Литературного наследства» в примечании к публикации фрагмента письма Хвостова к Н. М. Языкову от 18 января 1832 года, которое сопровождало отправку своему юному коллеге послания графа к Пушкину, было указано, что «24 марта 1832 г. Хвостов послал П. А. Плетневу еще какое-то свое произведение» и далее следовал фрагмент письма: «Сие-то стихотворение мое, как духовную состарившегося певца, к Вам посылаю, — писал он. — Прошу принять благосклонно отголосок мой при смерти и, в одолжение мне, при свидании, из числа приложенных экземпляров отдать один В. А. Жуковскому, другой — А. С. Пушкину, третий — князю П. А. Вяземскому».¹⁰³ Поскольку из публикации не было понятно, что именно передавал Пушкину Хвостов и дошла ли посылка, то этот факт не был отмечен в пушкинской «Летописи жизни и творчества». Однако, если прочесть письмо целиком, все становится ясным:

Свидетельствуя мое усердное почтение знаменитому приятелю моему издавна Петру Александровичу Плетневу, посылаю мое последнее стихотворение. Славный Римский Лирик Гораций Флакк

¹⁰² ИРЛИ, ф. 322, ед. хр. 78, л. 42 об.

¹⁰³ Литературное наследство. М., 1952. Т. 58. С. 108.

советовал оруженосцу в преклонных летах вешать на стену мечи, щиты и прочие военные принадлежности. Я последую его совету и говорю:

Покойся век моя золотая лира.

Сие стихотворение мое, как духовную состаревшегося певца, к вам посылаю. Прошу принять благосклонно отголосок мой при смерти, и в одолжение мне, при свидании, из числа приложенных экземпляров, отдать один В. А. Жуковскому, другой А. С. Пушкину, третий Князю П. А. Вяземскому. Вы етим меня много одолжите, имеющего честь быть

с истинным почтением

Ваш, милостивый Государь мой
покорный слуга.

Граф Хвостов.

Р. S. Я почти каждый вечер после шести часов дома. Ожидаю Васшего посещения и очень рад буду Вас видеть.

24-го марта

1832-го года.¹⁰⁴

В этом письме Хвостов цитирует строчку из первой строфы своего стихотворения «Прощание поэта с землею», выпущенного отдельной брошюрой в марте 1832 года:¹⁰⁵

Лучей золотых в одежду облеченный,
Куда, зачем отселе я парю?
Мой здешний дом, мне прежде драгоценный,
Где повстречал я поздних лет зарю,
Мое теперь не восхищает око.
Иль вознесясь от стран земных высоко,
Забыл уже Темиру и Неву?
Или стал чужд телесного я мира?
Покойся век моя золотая лира!....
Как лебедь, я по воздуху плыву.

Ранее оно увидело свет в журнале «Северная Минерва»,¹⁰⁶ а спустя два года вошло в упомянутый седьмой том итогового собрания Хво-

¹⁰⁴ ИРЛИ, ф. 234, оп. 3, ед. хр. 702; только подпись — автограф.

¹⁰⁵ Цензурное разрешение — 1 марта.

¹⁰⁶ См.: Северная Минерва. 1832. Ч. 1. № 2. С. 140–142.

стова. Таким образом, мы можем утверждать, что Плетневу для передачи Пушкину, Жуковскому и Вяземскому было послано именно отдельное издание этого стихотворения.

Но если посылка Хвостовым своих новых стихов Жуковскому и Пушкину выглядит вполне закономерной, то просьба передать их Вяземскому кажется странной. Последний лишь недавно переехал в Петербург, не пересекался с графом по службе и на светских раутах и ранее не выражал желания с ним встречаться. К тому же всем было известно, каким количеством эпиграмм язвительный князь почтил бесталанного графа. Думается, все решил случай: 19 февраля состоялся знаменитый обед в ознаменование переезда книжной лавки А. Ф. Смирдина. На следующий день Вяземский в письме к жене так описывал это событие: «Вчера были мы на литературском обеде у книгопродавца Смирдина, который праздновал свое новоселье и угощал всю пишущую братью. Нас было человек около ста. Пили в память и за здоровье мертвых и живых авторов и меня грешного. <...> Само собою разумеется, что Хвостов написал и читал стихи на этот случай. Мы с ним лобызались очень нежно, и на вопрос мой, позволит ли он к себе приехать, отвечал он мне *qu'il en serait extasie* <что он будет в восторге>». ¹⁰⁷ Нам неизвестно, посетил ли Вяземский Хвостова, но нет сомнения, что граф воспользовался этим случайным сближением, чтоб завербовать в свои читатели еще одного знаменитого литератора. ¹⁰⁸

В 1832 году Плетнев часто виделся с Пушкиным, и трудно строить предположения, когда именно он мог выполнить просьбу Хвостова. Также сложно понять, почему он отдал своему другу не только предназначенный ему экземпляр брошюры, но и экземпляр Жуковского. ¹⁰⁹ О том же, что в пушкинской библиотеке было два экземпляра

¹⁰⁷ Звенья. М., 1951. Т. 9. С. 293. Упомянутое стихотворение Хвостова опубли.: *Дамский журнал*. 1832. Ч. 37. № 11. С. 168.

¹⁰⁸ Хвостов послал «Прощание поэта с землею» и Дмитриеву, который 18 апреля писал П. П. Свиныну: «На-днях я получил <...> от Хвостова — прощание его с землею. Говорит, что он скоро полетит весь в лучах. Это любопытно было бы видеть» (*Дмитриев И. И.* Соч. СПб., 1893. Т. 2. С. 303–304; ср. письмо Дмитриева к Вяземскому от 21 июля. — Письма И. И. Дмитриева к князю П. А. Вяземскому. 1810–1836 годов. СПб., 1898. С. 50).

¹⁰⁹ Можно высказать следующее предположение: 18 июня Жуковский уехал на

«Прощания...», свидетельствует ее опись, где находим следующую запись:

1067. Прощание Поэта с Землею 2;¹¹⁰ —

вторым был, вне всякого сомнения, экземпляр с дарственной надписью Пушкину.

Как бы то ни было, в новом издании «Летописи жизни и творчества» Пушкина факт передачи ему «Прощания поэта с землею» должен быть отмечен; необходимо также внести дополнение в описание пушкинской библиотеки, а из описания библиотеки Жуковского¹¹¹ эту брошюру вывести.

лечение за границу, а Плетнев замешкался с передачей и не отдал ему брошюру до отъезда, решив, что впоследствии Пушкину это будет сделать проще. Высказывалось малоубедительное предположение, что Пушкин взял у Жуковского его экземпляр «Прощания поэта с землею» почитать и не вернул (см.: *Лобанов В. В.* О библиотеке В. А. Жуковского // *Альманах библиофила*. М., 1976. Вып. 3. С. 80).

¹¹⁰ ИРЛИ, ф. 244, оп. 19, ед. хр. 3, л. 117 об.

¹¹¹ См.: Библиотека В. А. Жуковского: (Описание) / Сост. В. В. Лобанов. Томск, 1981. С. 391. № 2805.

«ГРАФ НУЛИН» И ГРАФ РОСТОПЧИН*

(Об одной фразе пушкинской поэмы)

Александровская эпоха выдвинула на авансцену истории много ярких, неординарных и парадоксальных личностей. Эту характеристику в полной мере можно отнести к графу Федору Васильевичу Ростопчину (1763–1826), одному из «самых примечательнейших представителей» того времени,¹ прославившемуся прежде всего своими действиями на посту московского губернатора во время войны с Наполеоном.² На склоне лет П. А. Вяземский писал, что «граф Ростопчин будет известен в истории, как Ростопчин 1812-го года, Ростопчин Москвы, Ростопчин пожарный: нечто в роде патриотического Эрострата, озарившего имя свое заревом пожара...»³ Пожалуй, эти слова недалеки от истины: ведь нам Ростопчин представляется именно таким, каким он изображен на страницах «Войны и мира».

Но современники знали и другого Ростопчина. В начале XIX века этот «желчевой старик» (выражение Герцена⁴) пользовался славой одного из самых замечательных остроумцев эпохи. Как свидетельствовал один из его близких знакомых, «разговор графа Ростопчина

* Впервые: Временник Пушкинской комиссии. СПб., 2002. Вып. 28.

¹ Белинский В. Г. Собр. соч.: В 9 т. М., 1979. Т. 5. С. 214.

² Когда этот сборник готовился к печати, вышла в свет биография Ростопчина: Портной Л. М. Граф Ростопчин: История незаурядного генерал-губернатора Москвы. М., 2017.

³ Вяземский П. А. Полн. собр. соч. СПб., 1882. Т. 7. С. 500.

⁴ См.: Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1957. Т. 11. С. 637.

отличался разнообразию, оборотами необыкновенными и был испещрен так называемыми *острыми словцами*, кои поражали оригинальностью и правдою своею, и тотчас всеми выучивались и повторялись; он имел дар находить всегда смешную сторону всякой вещи и умел придавать особенную занимательность рассказу о происшествии самом обыкновенном».⁵ Черты, присущие разговору Ростопчина, отразились и в его немногочисленных сочинениях, опубликованных, по большей части, посмертно.

Но все же большинство остроумий Ростопчина бытовало лишь в устной традиции. До нас они дошли в виде анекдотов, которые внимательные современники фиксировали в дневниках, сообщали своим друзьям в письмах и вспоминали в мемуарах. Как мы попытаемся показать ниже, один из таких анекдотов был замечен Пушкиным и нашел отражение в его поэме «Граф Нулин» (1825).

Вспомним сцену разговора возвращающегося из Парижа заглавного героя поэмы с очаровательной провинциальной помещицей Натальей Павловной, которая стремится узнать из первых уст последние новости французской столицы. На ее вопрос: «А что театр?», — граф отвечает следующее:

О! сиротеет,
C'est bien mauvais, ça fait pitié.
Тальма совсем оглох, слабеет,
И мамзель Марс — увь! стареет...
За то Потье, le grand Potier!
Он славу прежнюю в народе
Доныне поддержал один (V, 7).

Как правило, в изданиях «Графа Нулина» комментарий к этим стихам был скуп. Объяснялось только, что Пушкин имел в виду французских актеров Франсуа Жозефа Тальма (1763–1826), Анн Франсуаз Ипполит Буте (сценический псевдоним: Марс; 1779–1847)

⁵ А. Б. [Брокер А. Ф.] Биография графа Федора Васильевича Ростопчина // Отечественные записки. 1826. Ч. 26. № 72. Апрель. С. 80. Эта статья, представляющая собой некролог Ростопчина, затем была републикована в «Русской старине» (1893. № 1. С. 161–172) с раскрытием автора, но без указания источника перепечатки. Н. С. Тихонравов в своей работе «Граф Ф. В. Ростопчин и литература в 1812 году» (1854) ошибочно приписал ее А. Я. Булгакову (см.: Тихонравов Н. С. Соч. М., 1898. Т. 3. Ч. 1. С. 52; паг. 2-я).

и Шарля Габриеля Потье (наст. фамилия: Потье де Кайетьер; 1775–1838). Имена первых двух были хорошо известны в России; последнего знали меньше. Однако в начале XIX века Потье во Франции был, наряду с Жаном-Жозефом Брюне, одним из самых популярных комических актеров. Современники отмечали его широкий творческий диапазон и талант импровизации; об этом писал, в частности, А. И. Тургенев, видевший Потье в Париже в 1820-х годах.⁶ Более того, он воспринимался как один из символов французской столицы; именно в таком контексте вспоминает о нем французский офицер в «Войне и мире»: «Paris, c'est Talma, la Duschénois, Potier, la Sorbonne, les boulevards...»⁷ Имя Потье время от времени упоминалось в русской периодике 1820–1830-х годов. Так, в 1822 году несколько анекдотов о нем публикует «Благонамеренный», отмечая при этом, что «Потье, известный парижский актер, отличается не только дарованиями своими в комическом роде, но и остротой ума».⁸ В 1827 году в «Северной пчеле» была помещена заметка о том, что он оставляет сцену, и сообщалось о его прощальном спектакле: «Он, как обыкновенно, удостоился величайшего одобрения зрителей, и по окончании пьес, пропел дрожащим от умиления голосом несколько куплетов, в которых прощался с публикою. Зрители вызвали его громким рукоплесканием и восклицаниями. Потье дебютировал на сем театре <“Варьете”. — А. Б.> в 1809 году, и с тех пор, с каждым представлением увеличивалась его слава».⁹ Спустя десять лет «Литературные прибавления к “Русскому инвалиду”» опубликовали не подтвердившийся впоследствии слух о скорой публикации мемуаров Потье, причем высказывалось мнение, что «если они будут так же оригинальны, как и его талант, то публика вероятно

⁶ См.: Тургенев А. И. Хроника русского. Дневники (1825–1826 гг.). М.; Л., 1964. С. 323, 357 (Литературные памятники). Об интересе членов императорской фамилии к Потье см.: Вигель Ф. Ф. Записки. М., 1892. Ч. 6. С. 53.

⁷ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. М., 1940. Т. 11. С. 370; перевод: «Париж — это Тальма, Дюшенуа, Потье, Сорбонна, бульвары...».

⁸ В. Анекдоты о французском актере Потье // Благонамеренный. 1822. Ч. 17. № 13. С. 517.

⁹ См.: Северная пчела. 1827. № 49. 23 апр. Впрочем, через год он вернулся на сцену, и в «Молве» появилась заметка, что «Потье, идол времен Империи, <...> продолжает еще <...> на старости лет буффонить» (Б. н.] Парижские зрелища // Молва. 1831. № 2. С. 4).

с жадностью раскупит издание». ¹⁰ Сообщалось и о смерти знаменитого некогда актера. ¹¹

Но слухи о славе Потье, несомненно, проникали в Россию и раньше. Вот здесь нам необходимо снова вспомнить о графе Ростопчине.

После своей отставки, случившейся в 1814 году, Ростопчин отправился в путешествие по Европе. Конечной целью его был Париж, куда он приехал в конце 1816 года. 26 декабря 1816 года (6 января 1817 года) бывший московский губернатор писал из Парижа своему другу А. Ф. Брокеру: «Живу уединенно и должен остерегаться в речах, потому что в английских газетах и в Брюсселе печатают, что я иногда говорил, и часто, чего не говорил». ¹² Тем не менее появление в парижских салонах человека, который имел славу поджигателя Москвы, не осталось незамеченным тамошним обществом. Как свидетельствовал один из современников, «французы изумились, встретя “в диком *Tatarrine*”, как они называли графа, человека светского, с высоким образованием и просвещенным умом. Ум и острота его скоро очаровали весь Париж. Самые заклятые его неприятели, глядевшие на него как на *зажигателя*, искали сближения с мнимым антиевропейцем». ¹³ И далее тот же источник приводит одну из острот Ростопчина, которую, как нам кажется, и припомнил Пушкин 13 декабря 1825 года, создавая «Графа Нулина»: « — Вы, верно, хотели сличить Париж с Москвою, после общего их несчастья? — спрашивали некоторые Ростопчина. Граф понимал сарказм, но он слишком льстил его самолюбию. И он отвечал эпиграммой, более любезной, чем оскорбительной. “Нет! мне хотелось лично увериться в истинных достоинствах трех прославленных мужей Франции: герцога Отрантского, ¹⁴ князя Талейрана ¹⁵ и акте-

¹⁰ [Б. п.] Смесь // Литературные прибавления к «Русскому инвалиду». 1837. № 28. 10 июля. С. 276.

¹¹ См.: Северная пчела. 1838. № 115. 25 мая. С. 458.

¹² Русский архив. 1868. Стб. 1892.

¹³ [Б. п.] Граф Ростопчин в Париже // Северная пчела. 1839. № 108. 18 мая. С. 431. Ср. в воспоминаниях С. Н. Глинки: «Граф Ростопчин, отдыхая в Париже от тяжелого двенадцатого года, рассеивался в театре, на бульварах, отыгрывался острыми словами и забрасывал любопытных шутками, разлетающимися по городу» (Глинка С. Н. Записки. СПб., 1895. С. 298).

¹⁴ Жозеф Фуше (1759–1820), бывший министр полиции Франции при разных правительствах; титул герцога Отрантского ему был присвоен Наполеоном в 1809 году.

¹⁵ Шарль Морис Талейран (1754–1838), французский дипломат, министр иностранных дел в 1797–1807 и 1814–1815 гг.

ра Потье”. — И вы нашли?... — “Я нашел, что более всех достоин своей славы последний”». ¹⁶

Очевидно, эта острота Ростопчина стала широко известна, несмотря на то, что в русской печати она появилась лишь после смерти графа. Со ссылкой на публикацию в «Северной пчеле» ее приводит Д. Н. Бантыш-Каменский во втором издании своего «Словаря достопамятных людей русской земли»; ¹⁷ нашла она отражение и в позднейшей французской биографии Ростопчина. ¹⁸ Более того, ее знало и ближайшее пушкинское окружение. Так, о ней спустя почти шестьдесят лет вспомнил Вяземский, мимоходом отметивший в своих заметках «Современные темы, или Канва для журнальных статей» (1873–1875): «Кажется, граф Ростопчин сказал, что из всего и всех, что он видел в Париже, оказался один Потье не ниже репутации своей». ¹⁹

Сейчас вряд ли возможно установить кто и когда поведал Пушкину об этой остроте Ростопчина. Возможно, Пушкин узнал про нее на «чердаке» у А. А. Шаховского, а может быть, про нее ему рассказал завзятый театрал, знаток французской сцены П. А. Катенин ²⁰ или тот же Вяземский. Интереснее другое: в какой контекст помещает Пушкин известный ростопчинский *mot*. Он вложен в уста героя, не понимающего его смысл и происхождение, который лишь повторяет очевидно ставшее расхожим для русской знати представление об одном из корифеев французской сцены. Внимательные же читатели, несомненно, узнавали и саму остроту, и ее подлинного автора.

¹⁶ Там же.

¹⁷ См.: Словарь достопамятных людей русской земли, составленный Бантыш-Каменским. СПб., 1847. Ч. 3. С. 166–167 (статья «Ростопчин»).

¹⁸ См.: *Ségur A. de. Vie du comte Rostopchine, gouverneur de Moscou en 1812.* Paris, 1871. P. 316.

¹⁹ Вяземский П. А. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 283.

²⁰ По свидетельству П. А. Каратыгина, Катенин, «будучи в Париже, в 1814 году, вместе с полком, <...> видел все сценические знаменитости того времени: Тальму, Дюшенуа, Потье, Марс, Брюне, Молле и проч.» (Каратыгин П. А. Записки. Л., 1929. Т. 1. С. 106).

НЕИЗВЕСТНЫЙ ОТЗЫВ СОВРЕМЕННОКА О ПУШКИНСКОЙ «ПОЛТАВЕ»*

У нас довольно трудно самому автору узнать впечатление, произведенное в публике сочинением его. От журналов узнает он только мнение издателей, на которое невозможно положиться по многим причинам. Мнение друзей, разумеется, пристрастно, а незнакомые, конечно, не станут ему в глаза бранить его произведение, хотя бы оно того и стоило.

*Пушкин. «Проект предисловия
к VIII и IX главам «Евгения Онегина»*

Вышедшая в конце марта 1829 года «Полтава» была первой поэмой Пушкина, которой досталось больше упреков, чем похвал. Редко кто из читателей писал о ней с восторгом, а чаще — с недоумением, неизменно ставя ее ниже «Бахчисарайского фонтана», «Цыган» или «Руслана и Людмилы». Сам Пушкин, очевидно, не был готов к подобной холодности. «Полтава не имела успеха, — писал поэт некоторое время спустя. — Вероятно она и не стоила его, но я был избалован приемом оказанным моим прежним, гораздо слабейшим произведениям...» (XI, 164).¹ Претензии как журналистов, так и публики касались в основном «слабости» и «исторической неверности» характеров поэмы и вынудили Пушкина даже выступить с антикритикой в свою защиту: в альманахе «Денница» на 1831 год он напечатал небольшой полемический фрагмент, цитату из которого мы привели выше.

К отзывам о поэме журналистов, друзей поэта и простых читателей, учтенных в «Летописи жизни и творчества А. С. Пушкина»,² нам бы хотелось добавить еще один. Он содержится в письме Петра Лялина к графу Дмитрию Ивановичу Хвостову.

* Впервые: Озерная текстология: Труды IV летней школы на Карельском перешейке по текстологии и источниковедению русской литературы. Поселок Поляны (Усукирко) Ленинградской области, 2007.

¹ Ср.: Пушкин в прижизненной критике. 1828–1830. СПб., 2001. С. 289.

² См.: Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина: В 4 т. М., 1999. Т. 3: 1829–1832. С. 39, 41–46, 53 и др.

Как известно, адресат письма до самой смерти живо интересовался текущей литературой, писал небольшие критические заметки, которые планировал объединить в цикл под заглавием «Записки о словесности». Напечатать их в периодике удавалось крайне редко, и большая их часть осела в его архиве. Лишь в прошлом веке были опубликованы заметки о «Стихотворениях Александра Пушкина» 1826 года³ и поэме Е. А. Баратынского «Наложница»,⁴ а также фрагмент заметки «О краткости надписей»;⁵ остальные ждут своего исследователя.⁶

Об авторе же письма нам известно только то, что сам он сообщает в других своих письмах Хвостову. Он был офицером, в конце 1820-х годов имел звание майора и служил в Калуге; судя по всему они с графом были знакомы семьями. Затем Хвостов выхлопотал ему какое-то место при Лефортовском госпитале, и в июне 1829 года Лялин переехал в Москву. Любопытно, что в его письмах нет того унижительного подбострастия, которым переполнены послания к добросердечному графу прочих искателей сиятельного покровительства. Он часто делится своими театральными впечатлениями, и его оценки могут представлять интерес для историков русского театра. Литературы же Лялин, судя по всему, был чужд: единственное известное нам его выступление в печати — это заметка «Калужские новости. (Письмо к издателю)», опубликованная в 1828 году в «Дамском журнале» за подписью «А. — А.»⁷ и, видимо, изрядно отредактированная как самим Хвостовым, так и издателем журнала П. И. Шаликовым. Едва ли можно его идентифицировать с неким П. Лялиным, поместившим во второй половине 1830-х годов в «Библиотеке для чтения» несколько статей о свекло-сахарном производстве. Впрочем, служебная биография Ля-

³ Литературный архив: Материалы по истории литературы и общественного движения. М.; Л., 1938. Т. 1. С. 271–272 (публ. А. В. Западова); фрагменты ранее опубл.: Морозов П. О. Граф Дмитрий Иванович Хвостов. 1757–1835 гг.: Очерки из истории русской литературы первой четверти XIX века // Русская старина. 1892. № 8. С. 413–414).

⁴ Летопись жизни и творчества Е. А. Баратынского / Сост. А. М. Песков. М., 1998. С. 264–266 (публ. Е. Э. Ляминой).

⁵ Хвостов Д. И. Соч. / Сост. О. Л. Довгий, А. Е. Махов. М., 1999. С. 182–183.

⁶ Когда эта книга готовилась к печати, вышла в свет наша заметка: Балакин А. Ю. Граф Хвостов о поэме Баратынского «Бал» // Пушкин и другие (двадцать лет спустя): Сб. статей к 80-летию Сергея Александровича Фомичева. СПб., 2017. С. 261–265.

⁷ Дамский журнал. 1828. Ч. 23. № 6. С. 305–308; об авторстве см.: ИРЛИ, ф. 322, ед. хр. 38, л. 12.

лина, которая может быть без труда восстановлена при обращении к архивным источникам, едва ли интересна для нашего сюжета.

Итак, 8 апреля 1829 года Лялин пишет из Калуги своему старшему другу и покровителю, откликаясь на две свежие литературные новинки:

...к неожиданному моему удовольствию мне удалось прочитать и *Выжигина*, и *Полтаву*; если Гений поэтов может стареть (чего, впрочем, я не заметил в отношении к Вашему), то вдохновитель А. С. Пушкина пошел под гору, что разительно доказывает его Полтава, ибо, по мнению моему, в этой поэме, не имеющей никакого плана, испорчены все характеры, начиная от Мазепы, который по омерзительному своему сладострастию и неестественной любви к нему Марии напоминает мне Злого Черномора, в поэме Руслан и Людмила, с тою только разницею, что тот не был счастлив взаимности обожаемой им Людмилы. Заговор, сделанный Мазепою против Петра, отнесен к буйному характеру козаков, требующего от Мазепы измены, следовательно, кто узнает в Мазепе исторический его характер, хитрый и проницательный. Кочубей сделан подлецом, обвинив себя вымученным признанием ложного на Мазепу доноса, после чего не хочет под пыткой сказать Орлику, где спрятаны его деньги. Не значит ли это, что жажда корысти имела в нем перевес над возвышенным чувством чести. Впрочем, стихи, где Кочубей отвечает Орлику о трех кладах, прекрасны, в целой же поэме отличных стихов немного, и она во всех отношениях слабее предыдущих его произведений. — *Выжигин* мне очень понравился своим описанием всех сословий наших соотечественников. Картины его описания резки, но естественны, только все разительные примеры собраны или подобраны к одному времени, но это не уменьшает достоинств романа, в котором должно представить все разительно. В завязке нет большого интереса, но я этого и не искал, будучи доволен языком и картинами.⁸

Ответное письмо Хвостова до нас не дошло, но мы можем реконструировать его мнение о поэме: очевидно, он был согласен со своим корреспондентом.⁹ В подтверждение тому мы можем процитировать фрагмент из примечания к четвертому посланию «Совет питомцам

⁸ ИРЛИ, ф. 322, ед. хр. 36, л. 80–80 об.; орфография и пунктуация приведены к современным нормам.

⁹ Отметим, что у Хвостова был еще один корреспондент по фамилии Лялин — Евгений Иванович (возможно, родственник Петра), также неодобрительно отзывавшийся о Пушкине (см.: *Морозов П. О. Граф Дмитрий Иванович Хвостов. С. 411*).

муз», опубликованного во втором томе «Полного собрания стихотворений графа Хвостова», который вышел в свет в том же 1829 году. Пассаж про то, что допускаемо, а что не допускаемо при изображении на театре исторических лиц, граф заключает следующими словами: «Сочинитель статьи: *Разбор Поэмы — Полтава*, очень основательно рассуждает, что исторические характеры должны быть соблюдаемы в точности. Смотри Журнал *Сын Отечества* 1829 года, Апр. месяц, № 15, стр. 49, 50, 51 и 52».¹⁰

Здесь Хвостов отсылает к опубликованной анонимно статье Ф. В. Булгарина о «Полтаве», а именно к следующим фрагментам:

Отчего она <«Полтава». — А. Б.> не произвела такого впечатления в публике, как другие произведения сего поэта? Оттого, что поэт был вправе не давать отчета в характерах и положениях *вымышленных* лиц, а от лиц *исторических* мы требуем полноты характера и желаем видеть события в их настоящем, правдоподобном виде даже в волшебном зеркале вымысла. Этого нет в поэме «Полтава». Разные эпохи и действия, представленные в отрывках, развлекают внимание и не сплочены так, чтоб составляли одно целое: общая занимательность гибнет в подробностях. <...> Допуская в романтическом роде все возможные вольности пиитические и не налагая никаких уз на воображение поэта, я не скажу, чтоб в поэме «Полтава» все лица были без характеров. Нет! всякое лицо имеет свой характер, но только не такой, как нам представляет история, и, следовательно, исторические события разногласят с вымышленными характерами. Пружины слишком слабы для сильного действия, и оттого мы видим огромную машину — в бездействии. История побеждает вымысел, и оттого потеряна в нем занимательность.¹¹

Как видим, Булгарин повторяет другими словами почти то же, что уже писал престарелому стихотворцу его далекий от литературы провинциальный корреспондент. По иронии судьбы, именно его «Ивана Выжигина» Петр Лялин, как и многие другие, противопоставил «Полтаве» — и подобное противопоставление, больше даже, чем относительный неуспех поэмы, задевало как Пушкина, так и его друзей. Именно с этого времени начинается конфликт Булгарина и Пушкина, впоследствии переросший в самую настоящую журнальную войну.

¹⁰ Хвостов Д. И. Полн. собр. стихотворений. СПб., 1829. Т. 2. С. 258.

¹¹ Пушкин в прижизненной критике. 1828–1830. С. 136, 138.

**ЕЩЕ О ПРАГМАТИКЕ И ДАТИРОВКЕ ПУШКИНСКИХ ПОМЕТ
НА ВТОРОЙ ЧАСТИ «ОПЫТОВ В СТИХАХ И ПРОЗЕ»
К. Н. БАТЮШКОВА***

1

Ниже пойдет речь о проблеме, которая владеет умами пушкинистов уже более ста лет. В разные годы выдвигались разные варианты ее решения, предлагались различные гипотезы, но ни одна из них не получила общего признания. Речь идет о том, каким временем следует датировать развернутые пометы Пушкина на принадлежавшей ему второй части книги Батюшкова «Опыты в стихах и прозе».¹ Хотим предложить одну гипотезу и мы.

В 1894 году в статье «Пушкин о Батюшкове» Л. Н. Майков сообщил о находке экземпляра второй части «Опытов...» Батюшкова, который был испещрен пометами Пушкина, а в конце находилась пушкинская копия батюшковской элегии «Есть наслаждение и в дикости лесов...»² Майков сразу оценил важность этих помет и процитировал многие из них в своей статье, не ставя, однако, своей целью точного и полного их воспроизведения. По ряду признаков он предположил, что они возникли «не ранее второй половины 1826 года и, может быть, не позже 1828 г.»³, хотя комплексное их изучение с целью более точной датировки ученым предпринято не было.

* Впервые: Slavica Revalensia. Таллинн, 2016. Vol. 3.

¹ Опыты в стихах и прозе Константина Батюшкова. СПб., 1817. Ч. 2: Стихи.

² См.: Майков Л. Н. Пушкин о Батюшкове // Русский архив. 1894. № 4. С. 528–555. С изменениями перепечатано: Майков Л. Н. 1) Историко-литературные очерки. СПб., 1895. С. 190–222; 2) Пушкин: Биографические материалы и историко-литературные очерки. СПб., 1899. С. 284–317.

³ Майков Л. Н. Пушкин о Батюшкове. С. 533.

Впоследствии пушкинский экземпляр пропал, но в начале 1930-х годов в Библиотеке Академии наук Л. Б. Модзалевский нашел принадлежавший Майкову экземпляр «Опытов...»,⁴ на который тот почти с дипломатической точностью перенес пушкинские пометы. Этот экземпляр изучил В. Л. Комарович, посвятивший пометам большую статью в пушкинском томе «Литературного наследства»,⁵ а затем подготовивший их публикацию в 12-м томе академического Полного собрания сочинений Пушкина (этот том вышел в свет в 1949 году уже после смерти ученого).⁶ Комарович предположил, что пометы наносились в два приема: пять чернильных помет были сделаны в 1817 году, а остальные карандашные — осенью 1830 года;⁷ копию же элегии он датировал 1819–1820 годами.

В 1974 году точку зрения Комаровича оспорила В. Б. Сандомирская, попытавшаяся поставить пометы в контекст творчества Пушкина и его отношения к Батюшкову в разные периоды жизни: «...ряд соответствий между произведениями Батюшкова и творческими замыслами Пушкина 1821–1824 гг., а также несомненная связь помет в “Опытах” с работой Пушкина по подготовке собрания своих стихотворений, план которого вполне сформировался в его сознании к концу 1824 г., позволяют нам датировать пушкинские пометы <...> 1821–1824 гг.»⁸ Что же касается датировки записи элегии, то Сандомирская присоединилась к мнению Майкова,⁹ который датировал ее 1826–1828 годами — тем же временем, что сами пометы.

Через три года свою гипотезу о времени возникновения помет выдвинула И. М. Семенко — в статье, сопровождающей подготовленное ей издание «Опытов в стихах и прозе» в серии «Литературные памятники». Исследовательница предположила, что одна из помет

⁴ Ныне хранится: ИРЛИ, ф. 244, оп. 6, ед. хр. 38.

⁵ См.: Комарович В. Л. Пометки Пушкина в «Опытах» Батюшкова // Литературное наследство. М., 1934. Т. 16–18. С. 885–904.

⁶ См.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч. [М.; Л.], 1949. Т. 12; далее этот том будет цитироваться с указанием страницы в тексте.

⁷ Эту датировку косвенно подтвердил И. Е. Бабанов, связавший одну из помет с идеями Г. Э. Лессинга, фигура которого была актуальна для Пушкина именно осенью 1830 года (см.: Бабанов И. Е. «Покровенная голова Агамемнона» // Русская литература. 1979. № 4. С. 170–171).

⁸ Сандомирская В. Б. К вопросу о датировке помет Пушкина во второй части «Опытов» Батюшкова // Временник Пушкинской комиссии. 1972. Л., 1974. С. 35.

⁹ Там же. С. 20.

перекликается с дневниковой записью В. К. Кюхельбекера от 28 апреля 1834 года. По ее логике, пушкинская запись является репликой в споре со своим бывшим лицейским приятелем, поскольку Кюхельбекер хоть и находился в то время в Петропавловской крепости, но состоял в переписке с Пушкиным и пересылал ему свои рукописи, а возможно, и части дневника. Предложив еще один косвенный аргумент, Семенко резюмировала: «Не исключено, таким образом, что пушкинские заметки сделаны после 1834 г.». ¹⁰

Спустя еще два года свою датировку предложила Р. М. Горохова. ¹¹ Она обнаружила перекличку одной из помет со статьей П. А. Плетнева «Разбор элегии Батюшкова “Умиравший Тасс”», опубликованной в третьем номере «Журнала изящных искусств» за 1823 год. ¹² Исследовательница предположила, что едва ли Пушкин мог читать этот журнал на Юге и скорее всего в его руки он попал уже в Михайловском. Исходя из этого было предложено датировать пометы концом 1824 — началом 1825 года.

В 1995 году к пушкинским пометам обратился В. А. Кошелев, предложивший взглянуть по-новому на их прагматику. Он писал: «Все исследователи (вне зависимости от того, каким временем датировали они эти пометы) исходили из того, что Пушкин делал на экземпляре “Опытов...” заметки “для себя”. Но, во-первых, все остальные дошедшие до нас заметки Пушкина на полях чужих сочинений <...> сделаны

¹⁰ Семенко И. М. Батюшков и его «Опыты» // Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе / Изд. подгот. И. М. Семенко. М., 1977. С. 491 (Литературные памятники).

¹¹ См.: Горохова Р. М. Пушкин и элегия К. Н. Батюшкова «Умиравший Тасс»: (К вопросу о заметках Пушкина на полях «Опытов» Батюшкова) // Временник Пушкинской комиссии. 1976. Л., 1979. С. 24–45.

¹² См.: Плетнев П. А. Разбор элегии Батюшкова «Умиравший Тасс» // Журнал изящных искусств. 1823. № 3. С. 210–227. В библиотеке Пушкинского Дома хранится комплект этого журнала, присланный Плетневу его издателем В. И. Григоровичем. На последней странице названной статьи есть помета автора: «NB. Места, поправленные карандашом, переменены были Цензурою без воли сочинителя» (цензором журнала был известный А. И. Красовский); приводим здесь эти перемены для будущего издателя Плетнева-критика или историка русской цензуры: стр. 211, строка 3: Казалось, что неблагоклонная к нему судьба → Казалось, что враждебная судьба; стр. 215, строка 3: как холодная и отчасти странная мысль → как холодная мысль; стр. 217, строка 6: пересилить неблагоклонной к нему судьбы → пересилить враждебной судьбы; стр. 225, строки 28–29: Любовь непорочная не противоречит набожности → Любовь не противоречит набожности; стр. 227, строки 9–10: должна уступить *Умирающему Тассу*. → в сравнении с *Умирающим Тассом* ученическое произведение.

не “для себя”, а для авторов этих сочинений. <...> Во-вторых, при таком подходе оказывается неясной *целевая* направленность большинства помет. Какой смысл “для себя” делать пометы типа: “прекрасно”, “вяло”, “лишний стих”, “неудачный перенос”, “ошибка мифологическая”, “галлицизм” и т. д.? Такого рода замечания <...> в контексте собственно пушкинской целенаправленности явно бессмысленны, и смешно предполагать, что Пушкин исправляет Батюшкова затем, чтобы в собственных стихах избежать подобных ошибок». ¹³ Ученый выдвинул гипотезу, что большая часть помет сделана молодым Пушкиным для самого Батюшкова, по его просьбе, перед его отъездом в ноябре 1818 года из Петербурга в Неаполь. Другая часть помет сделана, по его предположению, в 1824–1825 годах, когда Пушкин, услышав о помешательстве Батюшкова и остро переживая потерю первоклассного поэта для литературы, перечитывает его стихи.

И наконец в 2003 году большую статью проблеме датировки помет посвящает О. А. Проскурин. Подвергнув критике концепции Майкова, Комаровича, Гороховой и Кошелева (и не упомянув о Семенко), он в целом присоединяется к мнению Сандомирской, пытаясь локализовать предложенную ею датировку. При этом исследователь соглашается с замечанием Кошелева о важности ответа на вопрос: зачем и для кого Пушкин делал эти пометы. Сам Проскурин отвечает на этот вопрос так: «Пометы Пушкина на полях “Опытов” представляются нам *репликами и аргументами* в одесских спорах о Батюшкове с ведущими поэтами-“батюшковцами” — Раичем и Туманским. Сама демонстративная резкость некоторых помет объяснима только полемическим контекстом: скажем, указания на погрешности и шероховатости стиха Батюшкова могли быть вызваны неумеренными похвалами батюшковской “гармонии”, педантичная фиксация грамматических ошибок — восторгами по поводу совершенства языка батюшковской поэзии, констатация логических противоречий и несообразностей — восхищением композиционным мастерством, и т. д. <...> Скорее всего, пометы были результатом уже имевших место споров и выступали аргументами для их продолжения. Несомненно при этом, что обобщающие, оценочные комментарии под текстами

¹³ Кошелев В. А. В предчувствии Пушкина: К. Н. Батюшков в русской словесности начала XIX века. Псков, 1995. С. 98.

предназначались не “для себя”, а для чтения посторонним глазом <...>. Следовательно, мелкие пометы на полях, каково бы ни было их первоначальное назначение, тоже становились предметом чтения и, таким образом, могли стать известны и за пределами одесского круга. Разница между записями карандашом и чернилами свидетельствует о том, что записи делались не в один прием. Но никаких эстетических оснований относить комментарии к разным периодам творческого пути Пушкина <...> у нас нет: вероятная дистанция между ними — не годы, а дни или даже минуты». ¹⁴ Следуя этой логике и сопоставив ряд помет с пушкинским творчеством 1822–1823 годов, Проскурин датировал пометы августом — первой половиной сентября 1823 года, «то есть временем от окончательного переезда Пушкина в Одессу (и прибытия туда Туманского) до отъезда Раича в Москву». ¹⁵ О копии батюшковской элегии он не упоминает и, соответственно, никак ее не датирует, полагая, очевидно, — как и все предыдущие исследователи — что ее появление на пушкинском экземпляре «Опытов» никак не связано с остальными пометами.

Предлагая датировку помет, каждый из исследователей смотрел на них (включая копию элегии) не как на единый палеографический комплекс, а как на «собрание пестрых глав», слабо связанных друг с другом смыслом и логикой. Те их фрагменты, которые мешали той или иной концепции, либо не комментировались, либо объявлялись случайными и несущественными. Нам же хочется попытаться показать, что они все взаимосвязаны, подчинены единой логике, делались в одно время и с одной целью.

2

Попробуем охарактеризовать пометы, разбив их на несколько групп.

Первую составят оценки того или иного стихотворения, записанные, как правило, после текста, в нижней части страницы — всего их

¹⁴ Проскурин О. А. Пометы Пушкина на полях «Опытов в стихах» Батюшкова: датировка, функция, роль в литературной эволюции // Новое литературное обозрение. 2003. № 6 (64). С. 265–266.

¹⁵ Там же. С. 266.

три десятка.¹⁶ К этой группе примыкает другая — односложные в большинстве своем пометы такого же характера, относящиеся к той или иной строчке, обороту или периоду. Эта группа самая многочисленная, а разброс оценок колеблется от «какая дрянь» (270) и «как плоско!» (275) до «гармония» (268) и «прекрасно!» (267).

Следующая группа — это подчеркивания без каких-либо оценок (хотя в отдельных случаях Пушкин явно отмечает неудачные рифмы); кроме подчеркивания отдельных слов и строк сюда же надо поместить и отчеркивания на полях целых строф.

Особняком стоит группа помет, которыми Пушкин не только указывает на неудачное, по его мнению, место, но предлагает, как его исправить. Так, отмечая крестиком заглавие «Надежда», он предлагает: «Точнее бы *Вера*» (257); подчеркивая в строке «Цвела невинностью близь матери твоей» последнее слово, он ставит на полях «своей» (260); рядом со строкой «И жребий с трепетом читает» пишет: «Должно быть: свой жребий» (261); это и пометы «Невежество непростительное!» (266), «Библизм неуместный» (267), «*Te Deum laudamus*, а по нашему должно бы *Царю небесный*» (279) и ряд других.

В отдельную группу объединим вычеркивания — как отдельных строф, так и больших периодов (иногда сопровождаемые пометами

¹⁶ Это пометы: «Весьма дурные стихи» (257), «Вообще мысли пошлые, а стихи не довольно живы» (258), «Прекрасный перевод» (259), «Одна из лучших элегий Б.<атюшкова>» (260), «Стихи замечательные по счастливым усечениям — мы слишком остерегаемся от усечений, придающих иногда много живости стихам» (261), «Прелесть кроме первых 4» (262), «Прелесть и совершенство — какая гармония!» (262), «Есть чувство» (263), «Прелесть» (263), «По чувству, по гармонии, по искусству стихосложения, по роскоши и небрежности воображения — лучшая элегия Батюшкова» (263), «Не стоит ни прелестной прозы Парни, ни даже слабого подражания Мильвуа» (265), «Вся элегия превосходна — жаль, что перевод» (267), «Сильное, полное и блистательное стихотворение» (268), «писано в молодости поэта. Самое слабое из всех стихотворений Б.<атюшкова>» (272), «Это стихотворение дышет каким-то упоением роскоши, юности и наслаждения — слог так и трепещет, так и льется — гармония очаровательна» (274), «Преглупая пьеса» (274), «Прекрасно, достойно блестящих и небрежных шалостей фр.<анцузского> остроумия — и везде язык поэзии» (276), «Как неудачно почти всегда шутит Б.<атюшков>! Но его *Видение* умно и смешно» (276), «Цель послания не довольно ясна; недостаточно то, что выполнено прекрасно» (276), «Цирлих манирлих. С Д. Давыдовым не должно и спорить» (277), «Вот Бат.<юшковская> гармония» (279), «Переведенное острословие — плоскость» (279), «Конец прекрасен. Но плана никакого нет, цели не видно — всё вообще холодно, растянуто, ничего не доказывает и пр.» (283), «Лучшее стихотворение поэта — сильнейшее, и более всех обдуманное —» (283), «прелесть!» (284) и некоторые другие.

«Лишнее»): из элегии «Мечта» Пушкин вычеркивает 27 строк, из «Мои пенат» — 11, из «Любви в челноке» — 16, из «Счастливица» — 44, плюс полностью зачеркивает пять эпиграмм.¹⁷ Самому радикальному сокращению подвергается «Странствователь и домосед» — из него вычеркивается в совокупности свыше ста строк из 383-х.

Последнюю группу составят заметки историко-литературного и мемуарного характера; их меньше всего, но они наиболее известны и чаще всего цитируются. Пушкин отмечает, какие стихи нравились самому Батюшкову (263), какие ценил Вяземский (265), какие осуждал Дмитриев (262), над какими иронизировал Катенин (270); сюда же можно отнести также указания на источники переводов, подражаний и цитат,¹⁸ разночтения с предыдущими публикациями¹⁹ и пометы атрибуционного характера.²⁰

На экземпляре «Опытов» есть еще одна серия помет, о которой упомянул только Комарович: «Уже оглавление <...> имеет тут, почти перед каждым заглавием, особую помету карандашом: черточку или нолик; без всякого знака оставлено (может быть по недосмотру) только заглавие “Переход через Рейн, 1814”; из остальных же отмечены ноликами: “Дружество”, “Веселый час”, “Судьба Одиссея”, “На смерть супруги К-на”, “К П-ну”, “Хор для выпуска благородных девиц Смольного монастыря” и “Сон воинов”, т. е. все те пьесы, которые не имеют заметок Пушкина; заглавия остальных отмечены сбоку черточками».²¹ Похожими пометами Пушкин снабдил список своих стихотворений, составленный в 1828 году, только кроме кружочков и черточек там есть плюсы и тильды:²² как доказал Б. В. Томашевский, этими пометами он разносил свои стихи на определен-

¹⁷ Возможные мотивы зачеркивания эпиграмм проанализированы в статье: Кошелев В. А. О феномене намеренной «дубиальности» // *Tusculum Slavicum: Festschrift für Peter Thiergen*. Zürich, 2005. S. 87–95.

¹⁸ «Неудачное подражание Millevoeye» (263); «Подр.<ажание> Ломоносову и Torrismondo» (267); «Стих Муравьева» (277); «Подражание Парни, но лучше подлинника, живее» (277) и пр.

¹⁹ «Было прежде: чаш пролитых вином — точнее» (262); «Было прежде: белым снегом» (265).

²⁰ «Это не Батюшк<ова>, а Блуд<ова>, и то перевод» (279).

²¹ Комарович В. Л. Пометки Пушкина в «Опытах» Батюшкова. С. 886.

²² См.: Рукою Пушкина: Выписки и записи разного содержания. Официальные документы / Отв. ред. Я. Л. Левкович, С. А. Фомичев. Изд. 2-е, перераб. М., 1997. С. 178–179.

ные группы.²³ Еще раз подчеркнем: ноликами Пушкин отметил только семь не самых выдающихся стихотворений Батюшкова из почти семи десятков, вошедших в «Опыты»; причем только те, которые не удостоились внимания владельца книги — как благосклонного, так и неблагосклонного, и было бы странно предполагать, что эти пометы явились следствием каких-то эстетических споров.

Как видим, большинство пушкинских помет имеют отнюдь не полемический, а скорее редакторский характер: зачем для полемических целей вычеркивать неудачные строки и целые фрагменты, отмечать разночтения, предлагать свои исправления, указывать в оглавлении стихотворения, оставшиеся без замечаний? Кроме того, нельзя не обратить внимание, что Пушкин оставляет пометы только на второй, стихотворной части «Опытов», игнорируя прозаическую, хотя в его экземпляре обе части были «переплетены в одну книгу».²⁴ Но ведь если б он действительно спорил с поэтами-«батюшковианцами», то нашел бы пищу для полемических суждений и в батюшковских статьях. И совершенно естественно, что Пушкин как редактор не считал нужным ни править стиль Батюшкова-прозаика, ни спорить с его суждениями.

Интересно сравнить пушкинские пометы на экземпляре «Опытов» с его редакторскими замечаниями на рукописи стихотворения П. А. Вяземского «К ним», предназначенного для «Литературной газеты».²⁵ Если положить рядом эти два текста, то нельзя не увидеть типологическую схожесть пушкинских помет. Так, в строчке Вяземского «Меня прожгла незримою стрелою» Пушкин заключает в скобки последние два слова и пишет на полях: «лишнее»; на экземпляре «Опытов» в скобки заключена строка «Наследственным добром свои насытя взоры», а рядом на полях также стоит «лишнее» (280). Отчеркнув несколько строк стихотворения Вяземского, Пушкин пишет на полях «прекрасно»; такие же пометы нередки в его экземпляре «Опытов» (258, 266, 268, 272 и др.). Две строки Вяземского Пушкин подчеркнул, вероятно, отметив как неудачные; подобными подчеркиваниями пестрят страницы пушкинского экземпляра сборника Батюшкова.

²³ См.: *Томашевский Б. В.* Пушкин: Современные проблемы историко-литературного изучения. Л., 1925. С. 11, 112–113.

²⁴ *Майков Л. Н.* Пушкин о Батюшкове. С. 533.

²⁵ См.: *Рукою Пушкина*. С. 110–111.

Даже помета у одной строки «NB Княгиня <В. Ф. Вяземская> права, что морщится» очень напоминает пушкинские отсылки к мнению других лиц о тех или иных строках Батюшкова.²⁶

К мысли о редакторском характере помет наиболее близко подошла Семенко, писавшая: «Пушкин выступает как нелицеприятный рецензент, озабоченный при этом интересами автора; более того, он правит местами текст, зачеркивает длинноты, куски текста, которые считает “вялыми”. Происходит как бы повторная подготовка текстов “Опытов” к печати».²⁷ Спустя десять лет то же повторит и Н. Н. Зубков: «Пушкин сделал то, на что не решились, несмотря на просьбу автора, ни Жуковский, ни Вяземский, ни даже Гнедич, — отредактировал сборник, последовательно и тщательно».²⁸

Особого разговора заслуживает копия элегии «Есть наслаждение и в дикости лесов...». История текста этого стихотворения подробно изучена, поэтому изложим ее кратко. Недоработанный батюшковский перевод 178 и половины 179 строф из IV песни «Странствований Чайльд-Гарольда» состоял из 17 строк; в таком виде его узнают друзья поэта. В конце 1827 года при подготовке очередного выпуска альманаха «Северные цветы» текст редактируется (предположительно Пушкиным и / или Жуковским²⁹): последние пять строк отбрасываются, вследствие чего стихотворение приобретает законченный вид, в шести строках производятся замены.³⁰ Именно в таком виде эти стихи

²⁶ Ср. также пушкинские поправки на рукописях стихов А. А. Дельвига (см.: Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме: Научное описание / Сост. Л. Б. Модзалевский и Б. В. Томашевский. М.; Л., 1937. С. 271–274).

²⁷ Семенко И. М. Батюшков и его «Опыты». С. 487. Однако исследовательница была убеждена, что поэт делал пометы исключительно для себя, поэтому резюмировала: «Что было стимулом для нового, столь внимательного и придирчивого чтения Пушкиным “Опытов”, остается все же неясным» (Там же. С. 492).

²⁸ Зубков Н. Н. Опыты на пути к славе // Зорин А. Л., Зубков Н. Н., Немзер А. С. «Свой подвиг свершив...». М., 1987. С. 337.

²⁹ См.: Харджиев Н. И. «Есть наслаждение и в дикости лесов...» // Литературная газета. 1992. № 39 (5416). 23 сент. С. 6; Вацуро В. Э. Последняя элегия Батюшкова: К истории текста // Вацуро В. Э. Записки комментатора. СПб., 1994. С. 163–165; Пильщиков И. «Есть наслаждение и в дикости лесов...» К. Батюшкова (предыстория и эдиционная судьба) // Хрестоматийные тексты: русская педагогическая практика XIX в. и поэтический канон. Тарту, 2013. С. 118 (Acta Slavica Estonica IV. Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение, IX).

³⁰ «Ты сердцу моему дороже» на «Для сердца ты всего дороже»; «С тобой, владычица, я властен забывать» на «С тобой, владычица, привык я забывать»; «И то, что был, когда я был моложе» на «И то, чем был, как был моложе»; «С тобой я в чувствах

попали на страницы «Северных цветов на 1828 год». Кроме того, сохранилась их идентичная с печатным текстом наборная рукопись, выполненная самим Пушкиным.³¹

Теперь взглянем на текст, записанный Пушкиным на нахзаце своего экземпляра «Опытов». Майков не стал полностью его копировать, обозначив только разночтения с текстом «Северных цветов», которых два: вместо «Есть наслаждение и в дикости лесов» — «Есть наслаждение и в сумраке лесов», и вместо «Для сердца ты всего дороже» — «Для сердца моего дороже»; остальной текст, очевидно, совпадал с опубликованным. Отметим, что оба приведенные варианта не восходят и к первоначальному батюшковскому тексту, то есть являются самостоятельными. Из вышесказанного неизбежно следует вывод, что пушкинская копия не могла появиться раньше конца 1827 года, т. е. Пушкин записал элегию либо одновременно с публикацией, либо уже после нее. Но зачем Пушкину понадобилось записывать элегию в принадлежащую ему книгу Батюшкова, когда у него либо уже был, либо вот-вот должен был появиться экземпляр «Северных цветов» с ее публикацией, которую он сам же и готовил? С какой целью и для кого была сделана эта запись?

3

Вспомним события 1833 года.

Хотя с момента выхода «Опытов в стихах и прозе» прошло шестнадцать лет, их тираж к этому году едва ли разошелся: в газетах 1820-х годов время от времени появлялись объявления об их продаже.³² Но несмотря на это кто-то из друзей Батюшкова задумывает переиздание его наследия. Этот замысел был реализован летом 1834 года, когда из печати вышло два тома под заглавием «Сочинения в прозе и стихах» и пометой «Издание второе» (цензурное разрешение — 19 октября 1833 г.). До нас не дошло никаких сведений, кто был инициатором

оживаю» на «Тобою в чувствах оживаю»; «Их выразить язык не знает стройных слов» на «Их выразить душа не знает стройных слов»; «И как молчать о них, не знаю!» на «И как молчать об них, не знаю».

³¹ См.: Рукою Пушкина. С. 479–480.

³² См., в частности: Санкт-Петербургские ведомости. 1825. № 86. 27 окт. Приложение.

этого издания и кто готовил его к выходу в свет.³³ Б. В. Томашевский утверждал, что «издание было подготовлено к печати Н. И. Гнедичем, но вышло в свет после его смерти»,³⁴ однако не привел никаких документов или аргументов, доказывающих это утверждение. Согласно мнению В. А. Кошелева, в подготовке издания 1834 года принимал участие Д. Н. Блудов,³⁵ но документально это также не подтверждается.

Присмотримся к «Сочинениям в прозе и стихах» и попробуем определить, кто мог приложить руку к их появлению на свет.

«Сочинения» в основном повторяют структуру и состав «Опытов», но есть важные дополнения и перестановки. Во второй, стихотворной части, было добавлено несколько опубликованных к тому времени стихотворений (как появившихся в печати после 1821 года, так и увидевших свет ранее, но не вошедших в «Опыты»), а одно помещено впервые.³⁶ Также была произведена перестановка: замыкавшие книгу стихотворения «Умиравший Тасс» и «Беседка муз» были перенесены: первое — в начало открывающего книгу раздела «Элегии», а второе — в конец этого же раздела. Кроме того была полностью перепечатана брошюра «О греческой антологии», представляющая собой одноименную статью С. С. Уварова, в текст которой были интерполированы стихотворные переводы Батюшкова.³⁷

³³ Цензурные документы не проясняют этот вопрос, а ставят новые: согласно записи в цензурной ведомости, в цензуру оригинал книги (издание 1817 года плюс рукописные дополнения) предоставил книгоиздатель А. Ф. Смирдин; информированный Вяземский писал 7 февраля А. И. Тургеневу, что он предлагал за это издание «семь или восемь тысяч рублей» (Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899. Т. 3. С. 221), — тем не менее, спустя год книгу выпустил его конкурент И. И. Глазунов. Согласно той же ведомости, оригинал издания одобрил А. Л. Крылов, хотя на обороте титульного листа «Сочинений в прозе и стихах» стоит фамилия А. В. Никитенко; графы, предназначенные для отметок о том, когда и кому был возвращен одобренный к печати экземпляр, остались пустыми (см.: РГИА, ф. 777, оп. 27, ед. хр. 197, л. 44 об.—45).

³⁴ *Томашевский Б. В.* Список основных изданий сочинений Батюшкова // Батюшков К. Н. Стихотворения / Вступ. статья, ред. и примеч. Б. В. Томашевского. [Л.], 1948. С. 335 («Б-ка поэта». Малая сер.).

³⁵ См.: *Кошелев В. А.* О феномене намеренной «дубильности». С. 88.

³⁶ Опубликовано под заглавием «Отрывок из Элегии» с пометой «Начала сей пизсы не отыскано» и первой строкой точек (Сочинения в прозе и стихах Константина Батюшкова. Изд. 2-е. СПб., 1834. Ч. 2. С. 75); данная публикация остается единственным источником текста этого стихотворения, поскольку его рукописи нам неизвестны (в последних изданиях Батюшкова печатается под заглавием «Элизий»).

³⁷ Анонимный рецензент «Библиотеки для чтения» в кратком отклике на выход книги специально отметил это: «Новое издание творений умного и столь справедливо любимого писателя, отлично красивое и достойное имени автора. Оно сверх

В первой, прозаической части на первое и второе места книги были перенесены из ее конца статьи «Нечто о морали, основанной на философии и религии» и «О лучших свойствах сердца», а также добавлен раздел «Письма и отрывки» (т. е. отрывки из писем). Здесь было помещено восемь писем; семь из них были напечатаны ранее, а одно публиковалось впервые. Нет сомнений, что редактор книги получил его из рук адресата и что тот, следовательно, прекрасно знал о готовящемся издании.

Этот человек некогда был одним из ближайших друзей Батюшкова, а по выходе «Опытов» написал на них восторженную рецензию. Поэт посвятил ему лестное послание, а его труды неоднократно упоминал, сопровождая самыми высокими оценками. К 1833 году он стал влиятельным и могущественным сановником, управляющим Министерством народного просвещения, а затем и министром. Мы вправе предположить, что именно он мог вспомнить своего старого друга, столь рано и столь трагически покинувшего литературу, и выступить с идеей достойно издать его литературное наследие. Этим человеком был Сергей Семенович Уваров.

Конечно, инициаторами издания могли выступить и другие сочувственники Батюшкова: в 1833 году в Петербурге находились, в частности, Д. Н. Блудов и А. И. Тургенев, осенью из заграничного путешествия вернулся В. А. Жуковский. Но никаких следов их участия в издании 1834 года нет, хотя каждый из них располагал рукописными материалами Батюшкова, которые украсили бы его собрание сочинений,³⁸ а также мог указать на анонимные и псевдонимные публикации поэта в журналах 1800–1810-х годов. Отбор для нового издания опубликованных до 1821 года текстов удивляет: оно было дополнено лишь стихотворениями из «Вестника Европы» за 1810 год и «Драматического вестника»,³⁹ хотя Батюшков печатался и в «Цветнике», и в «Се-

того умножено его Антологию, которая некогда была напечатана *для друзей*, в числе только пятидесяти экземпляров» (Библиотека для чтения. 1834. Т. 5. № 8. Отд. VI. С. 1).

³⁸ К примеру, у Блудова находилась тетрадь авторизованных копий сочинений Батюшкова, отразивших последние авторские изменения текста, а у Жуковского — экземпляр «Опытов» со значительной авторской правкой. Списками стихотворений Батюшкова (а в том числе неопубликованных) располагал и Тургенев.

³⁹ Подавляющее большинство материалов в «Драматическом вестнике» публиковалось без подписей авторов или переводчиков, и на авторство Батюшкова мог указать только очень осведомленный человек. Фактически это был журнал, издававшийся кругом А. Н. Оленина (редактор — А. А. Шаховской), к которому в то вре-

верном вестнике», и в «Журнале российской словесности», и в «Сыне отечества». К началу 1830-х годов отношения Уварова с Блудовым, Тургеневым и Жуковским были уже далеко не дружескими, и они вполне могли устраниваться от участия в предпринятом им издании.

Сам Уваров, разумеется, не мог осуществлять редакционно-техническую работу по изданию, у него должен был быть помощник. А поскольку «Сочинения в стихах и прозе» были подготовлены на самом высоком для того времени уровне, то стоит думать, что этот человек был не новичком в книжном деле и обладал как вкусом к изданию книг, так и необходимыми профессиональными навыками. Всеми этими качествами в полной мере обладал непосредственный подчиненный Уварова (более того — его протеже), профессор Санкт-Петербургского университета Петр Александрович Плетнев.

Уже в 1820-е годы Плетнев приобрел в пушкинском кругу славу внимательного и добросовестного издателя. Он подготовил к печати сочинения В. Л. Пушкина (1822) и В. А. Жуковского (1824), которые с технической стороны получали самые положительные оценки современников,⁴⁰ а позднее стал издателем книг Пушкина и одним из ближайших к нему лиц. К тому же Плетнев был горячим поклонником поэзии Батюшкова и в своих статьях 1820-х годов посвятил ему немало восторженных строк.

Как упомянуто выше, впервые на смысловую близость некоторых помет Пушкина к плетневскому разбору «Умирающего Тасса» Батюшкова обратила внимание Р. М. Горохова. Исследовательница также указала на переключку пометы Пушкина «звуки италианские! Что за чудотворец этот Батюшков» с фразой из статьи Плетнева «Письмо к графине С. И. С. о русских поэтах» (1825): «Игривость Парни и задумчивость Мильвуа, выражаемые какими-то *Италианскими* звуками,

мя был близок Уваров. Это еще один аргумент в пользу того, что он имел отношение к изданию 1834 года (о «Драматическом вестнике» см.: Сводный каталог сериальных изданий России (1801–1825). СПб., 2000. Т. 2: Журналы (Г–Ж). С. 76–77, там же указана основная литература вопроса).

⁴⁰ К примеру: «Издание *Стихотворений В. Л. Пушкина* чрезвычайно удачно как по исправности текста, так и по типографической красоте» (Труды Вольного общества любителей российской словесности. 1822. Ч. 20. Кн. 2. С. 217: ср.: Русский инвалид. 1823. № 39. 16 февр.); аналогичные отзывы можно найти и о «Стихотворениях» Жуковского: «...издание сие в типографском отношении едва ли не превосходит все донныне напечатанное в России. Бумага, формат, литеры, исправность и чистота набора — все соответствует одно другому...» (Русский инвалид. 1824. № 81. 1 апр.).

дают только понятие об искусстве Батюшкова»;⁴¹ известно, что в январе 1825 года в Михайловском Пушкин внимательно прочел эту статью и высказал критические суждения в недошедшем до нас письме к ее автору.⁴² «Трудно сказать, — писала Горохова, — было ли это случайным совпадением оценок или Пушкин как бы воспользовался определением Плетнева. Менее вероятно, что Плетнев опирался на слова Пушкина».⁴³ Мнение Гороховой оспорил Проскурин; по его мнению, Плетневу стала известна формула Пушкина, и он повторил ее в статье, таким образом позиционируя себя как пушкинский единомышленник. На вопрос, каким путем петербуржец Плетнев мог узнать о содержании помет на книге одессита Пушкина, Проскурин предпочитает не отвечать: «Трудно сказать, воспроизвел ли их сам Пушкин в каком-нибудь из писем Плетневу (они сохранились далеко не полностью) или Плетнев узнал их каким-то иным путем».⁴⁴

Между тем, среди пушкинских помет есть одна, прямо полемизирующая с суждением Плетнева. Разбирая «Умиряющего Тасса», Плетнев цитирует его монолог и затем высказывает следующее суждение: «Поэтическое повествование, не отступая от исторического, должно иметь свой характер, свои красоты, свою цель».⁴⁵ Пушкин одну строку из этого же фрагмента элегии отмечает крестиком и рядом записывает: «Добродушное историческое, но не поэтическое» (284).

Если сравнивать пушкинские пометы с другими высказываниями Плетнева о Батюшкове, то нельзя отделаться от впечатления, что Пушкин спорит с ними, корректируя оценки, используя при этом его же лексику. Плетнев пишет о русском языке: «Ему вредят, его обезображивают неправильные усечения слов <...>. До времен Жуковского

⁴¹ Плетнев П. А. Письмо к графине С. И. С. о русских поэтах // Северные цветы на 1825 год, собранные бароном Дельвигом. СПб., [1824]. С. 38.

⁴² См.: Вацуро В. Э. «Опыт прямотуши»: Из истории литературно-критических воззрений Пушкина // Литературное обозрение. 1987. № 2. С. 4–7.

⁴³ Горохова Р. М. Пушкин и элегия К. Н. Батюшкова «Умиряющий Тасс». С. 38.

⁴⁴ Проскурин О. А. Пометы Пушкина на полях «Опытов в стихах» Батюшкова. С. 266.

⁴⁵ Плетнев П. А. Разбор элегии Батюшкова «Умиряющий Тасс». С. 219. Ср. другое суждение Плетнева: «...поэзия имеет свои виды, отличные от истории. Поэт не смеет только переменять то, что составляет сущность исторического лица, т. е. его характер. Но частности жизни всегда в его распоряжении» (Плетнев П. А. Сочинения и переписка / Изд. Я. Грот. СПб., 1885. Т. 1. С. 143; из статьи «Орлеанская Дева» Шиллера в переводе Жуковского», 1824).

и Батюшкова все наши стихотворцы <...> подвержены были сему пороку...»⁴⁶ Пушкин находит у Батюшкова стихотворение с усечениями и не соглашается со своим младшим другом: «Стихи замечательные по счастливым усечениям — мы слишком остерегаемся от усечений, придающих иногда много живости стихам» (261). «Состав его пьес всегда бывает обдуман строго; ход их ясен и свободен»,⁴⁷ — утверждает Плетнев; Пушкин не соглашается, указывая на композиционные недостатки ряда стихотворений («Конец прекрасен. Но плана никакого нет, цели не видно — всё вообще холодно, растянуто, ничего не доказывает и пр.» — 283), а у «Перехода через Рейн» отмечает: «Лучшее стихотворение поэта — сильнейшее, и более всех обдуманное —» (283). Плетнев пишет, что Батюшков в стихах своих исполнен «движения, силы и ясности (главных достоинств стихотворного слога, по его же словам)»,⁴⁸ Пушкин находит эти стихи: «Сильное, полное и блистательное стихотворение» (268), «Сильные стихи» (273) и уже цитированное выше «Лучшее стихотворение поэта — сильнейшее, и более всех обдуманное —» (283). «Но сколько прелести во всей этой картине!» — пишет Плетнев о стихотворении «Мой гений»,⁴⁹ Пушкин снижает пафос своего товарища: «Прелесть кроме первых 4» (262). «У него каждый стих дышит чувством», — восторгается Плетнев,⁵⁰ «Есть чувство», (263) — охлаждает Пушкин, находя его только в одном стихотворении, «В день рождения N.».

Все вышесказанное наводит на мысль, что пометы Пушкина предназначались для Плетнева, который приступил к подготовке нового издания сочинений Батюшкова и обратился к Пушкину с просьбой помочь ему в этой работе, высказать свои суждения о составе будущего сборника, отметить неудачные стихи и сократить длинноты. И Пушкин выполнил эту просьбу, буквально следуя своим же словам, с которыми некогда обращался к Плетневу же, готовившему его первый стихотворный сборник: «Только не подражайте изданию Батюшкова —

⁴⁶ Плетнев П. А. [Из «Общей характеристики русских поэтов»] // [Греч Н. И.] Опыт краткой истории русской литературы. СПб., 1822. С. 308.

⁴⁷ Там же. С. 314.

⁴⁸ Плетнев П. А. Антологические стихотворения: «Муза» и «К уединенной красавице» // Труды Вольного общества любителей российской словесности. 1822. Ч. 19. Кн. 1. С. 24.

⁴⁹ Плетнев П. А. Письмо к графине С. И. С. о русских поэтах. С. 39.

⁵⁰ Там же. С. 38.

исключайте, марайте с плеча» (XIII, 153). Это предположение позволяет, на наш взгляд, наиболее удовлетворительно объяснить смысл появления всех без исключения помет, которые нанес на свой экземпляр Пушкин. Тут мы видим и правку заведомо неудачных, по мнению поэта, мест, и мотивированные рекомендации по редактуре или исключению того или иного стихотворения, и историко-литературные заметки, которые Пушкин делал скорее всего потому, что видел в Плетневе будущего биографа Батюшкова и хотел снабдить его материалом. Именно практическими редакторскими нуждами объясняется и появление на нахзаце «Опытов» батюшковской элегии с разночтениями по сравнению с первой публикацией: Пушкин немного поправил текст, который несомненно был известен Плетневу, и указал на свои поправки. Этот же характер имеют и пометы на оглавлении «Опытов»: как нам кажется, кружочками Пушкин отметил те стихотворения, которые предлагал исключить сразу, без обсуждения. Переключки же и скрытая полемика со статьями Плетнева о Батюшкове свидетельствуют о том, что перед работой Пушкин освежил их в памяти.

Среди помет есть одна, которая, как кажется, дает *terminus ante quem*: «Я не видал элегии, давшей Б<атюшко>ву повод к своему стихотворению, но сравните *Сетования Тасса* поэта Байрона с сим тощим произведением» (283). Здесь речь идет о байроновской поэме «*The Lament of Tasso*» (1817), знакомство Пушкина с которой отразилось, в частности, в стихотворении «Труд» (1830).⁵¹ Обратим внимание на необычный перевод первого слова названия поэмы: поэт употребил нечастое для своего словаря слово «сетование» вместо напрашивающихся «жалоб» («Жалобы Тасса» — такой перевод названия этой поэмы закрепился впоследствии в русском книгоиздании). Однако именно под заглавием «Сетование Тасса» поэма была впервые переведена на русский язык В. Трубниковым: в журнале «Славянин» в 1827 году был опубликован фрагмент,⁵² а в 1833 году в «Литературных прибавлениях к «Русскому инвалиду»» появился полный перевод.⁵³

⁵¹ См.: Пушкин А. С. Соч.: Комментированное издание / Под. общ. ред. Д. М. Бетеа. М., 2016. Вып. 3: Стихотворения: Из «Северных цветов» 1832 года. С. 229–232.

⁵² Трубников В. Отрывок из поэмы лорда Бейрона «Сетование Тасса». (Посвящ<ается> М. П. Т.) // Славянин. 1827. Ч. 2. Кн. 26. С. 468–473.

⁵³ См.: Трубников В. Сетование Тасса: Поэма Лорда Байрона. (Посвящено В-ре Н-вне Фон-Дервиз) // Литературные прибавления к «Русскому инвалиду». 1833. № 52. 1 июля. С. 411–416.

Эта жегиз конето нине
свои чаббе — и не видава
жегиз, давшии б. бу повар
къ шовелу сирефворенето, но
справител Сотт вант
Тасса поэта Байрона

УМИРАЮЩІЙ ТАССЪ,

ЭЛЕГІЯ.

въ свѣтъ мощи и прони
вездности. Тассъ — бѣдѣ
любови и велики стра
стивни, а жгѣт, крои
славободѣ и добродѣ
ни (см. заштѣ.) негѣ
не видѣно. Это умирающіи
Н. Л. — а не то рѣшатѣ

Если интерес Пушкина к первому изданию неочевиден, то второе он, несомненно, читал и на перевод байроновской поэмы не мог не обратить внимание. Разумеется, поэтические достоинства перевода Трубникова были невысоки, к тому же Пушкин был знаком с поэмой и ранее. Однако мы не сомневаемся, что нанося помету, он неосознанно или сознательно воспроизвел заглавие уже опубликованного русского перевода. Отметим также, что в том же 1833 году Пушкин употребил то же ироническое определение «поэт Байрон» в черновиках поэмы «Езерский» (V, 417).⁵⁴

Если же наша гипотеза имеет право на существование, то остается ответить на вопрос, почему пушкинские замечания остались неучтенными в издании 1834 года? Возможно, дело было в разнице взглядов на творчество Батюшкова: для литератора Пушкина это был живой собеседник, волею судеб не успевший тщательно подготовить к печати собрание своих сочинений; Плетнев же, вероятно, смотрел на наследие впавшего в безумие поэта как филолог, стараясь представить его публике с дипломатической точностью: для него это был уже «литературный памятник». Не исключено также, что в редакционный процесс мог вмешаться и Уваров, отношения которого с Пушкиным с весны 1834 года стали едва ли не враждебными. До открытия каких-либо документальных свидетельств обо всем этом можно только гадать. Но в любом случае мы уверены в том, что на экземпляре второй части «Опытов в стихах и прозе» Батюшкова оставил свои пометы не Пушкин-полемист, а Пушкин-редактор.

⁵⁴ Укажем также на то, что в посмертном опекунском реестре пушкинской библиотеки «Опыты» Батюшкова не зафиксированы (см.: ИРЛИ, ф. 244, оп. 19, ед. хр. 3, л. 101–121 об.). Следовательно, пушкинский экземпляр отсутствовал в кабинете поэта в момент дуэли, но находился на руках у кого-то из его ближайшего окружения, так как впоследствии был возвращен в семью. Этот факт также может служить подтверждением нашей гипотезы, пусть очень косвенно и опосредованно.

2

**ШАХОВСКОЙ –
ПЕРСОНАЖ «ДОМА СУМАСШЕДШИХ» А. Ф. ВОЕЙКОВА***

Стихотворная сатира Александра Федоровича Воейкова «Дом сумасшедших» имеет богатую творческую историю. Она создавалась на протяжении почти четверти века, и если в первоначальной редакции 1814 года содержит двадцать четыре строфы всего про девятых литераторов, то в окончательной редакции 1838 года — уже более пятидесяти строф, а количество упомянутых лиц — свыше тридцати. Но работа Воейкова над «Домом сумасшедших» не ограничивалась тем, что он механически дополнял его новыми строфами. Нередко написанные ранее строфы, уже потерявшие актуальность, либо просто отбрасывались, либо заменялись другими, отражавшими новую фазу отношений автора сатиры с тем или иным литератором. Очевидно, что некоторые строфы Воейков создавал в порыве минутного раздражения, а затем, сознавая их слабость, или несправедливость, или даже опасность для себя, препятствовал их широкому распространению.

Среди единичных автографов и многочисленных списков «Дома сумасшедших» есть такие, где можно встретить строфы малоизвестные либо совсем неизвестные. К последним относится и следующая строфа, сохранившаяся в единственном списке:

* Впервые: «Липецкий потоп» и пути развития русской литературы: Сб. научных статей. Липецк, 2006.

На большой цепи железной
Шаховской в близи сидит,
Проклиная жребий слезной,
В сильной горести питит.
«Осмеял меня пред светом,
О неистовый нахал!
Висковатов! ты Гамлетом
Славу у меня украл».¹

Содержащий эту строфу список находится в альбоме, принадлежавшем кому-то из членов семьи Дуроп, о чем свидетельствует запись И. А. Шляпкина (в чьем фонде и хранится альбом) на его авантитуле: «Албом видимо принадлежал А. и Н. Дуроп. Куплен в Петрограде в ноябре 1915 г. (у Ф. Г. Шилова). И. Шляпкин».² Александр Христианович Дуроп (скорее всего, альбом принадлежал именно ему) и его старший брат Андрей были членами Вольного общества любителей российской словесности (куда вступили одними из первых в январе 1816 года) и поначалу принимали активное участие в его деятельности. На рубеже 1810–1820-х годов Александр Дуроп опубликовал большое количество стихов и переводов в журнале Общества «Соревнователь просвещения и благотворения», а также в «Благонамеренном» и «Невском зрителе»; Андрей Дуроп эпизодически выступал в печати как прозаик и переводчик.³ Таким образом, не будет преувеличением сказать, что братья Дуроп находились в центре литературной жизни того времени и появление списка «Дома сумасшедших» в их альбоме совершенно закономерно. Нельзя исключать и того, что он восходит непосредственно к автографу или авторизованному списку самого Воейкова, с которым Александр Дуроп, возможно, был знаком.⁴ Стоит также отметить, что список в альбоме

¹ ИРЛИ, ф. 341, оп. 2, ед. хр. 431, л. 12 об. Об этом списке см.: Балакин А. Ю. Списки сатиры А. Ф. Воейкова «Дом сумасшедших» в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2003–2004 годы. СПб., 2007. С. 200–201.

² Краткую информацию об альбоме см.: Вацуро В. Э. Литературные альбомы в собрании Пушкинского Дома (1750–1840-е годы) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 год. Л., 1979. С. 19–20.

³ Подробнее о них см.: Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М., 1992. Т. 2. С. 197–198 (статья В. Э. Вацуро).

⁴ Вряд ли был случайным положительный отзыв автора «Дома сумасшедших» о стихах Александра Дуропа: «...В Невском Зрителе выступили на поприще словес-

Дуроп почти не содержит ошибок и неточностей, что также говорит о его близости к протографу.

Материалы альбома дают возможность довольно точно датировать этот список, что важно для комментирования цитированной выше строфы. На титульном листе альбома стоит дата: «1822 год», а сразу после «Дома сумасшедших» имеется стихотворная запись Андрея Дуропа, датированная 20 марта 1823 года. Таким образом, сатира Воейкова была записана в альбом именно в этом промежутке времени.

Но строфа о Шаховском возникла, конечно же, раньше.

На первый взгляд, она должна принадлежать самой первой редакции «Дома сумасшедших». Упомянутая в ней трагедия С. И. Висковатова «Гамлет» (не перевод шекспировской трагедии, а вольная перделка французской адаптации Ж. Ф. Дюсиса) была впервые поставлена в 1810 году, и хотя держалась в театральном репертуаре вплоть до конца 1830-х годов, но уже к началу 1820-х полностью потеряла актуальность и воспринималась как явление вчерашнего дня. Спустя четыре года сатирический выпад Воейкова мог читаться как намек на то, что «Гамлет», премьера которого состоялась 28 ноября 1810 года, затмил единственную к тому времени трагедию Шаховского «Дембора», впервые представленную публике 24 января того же года. Но никаких свидетельств о возможном соперничестве Висковатова и Шаховского мы не имеем. Более того, оно едва ли было возможно, прежде всего потому что Шаховской к трагедии обращался лишь эпизодически и едва ли мог кого-нибудь всерьез считать своим соперником в этом жанре. И уж тем более этим соперником не мог быть малопродуктивный автор «Гамлета». Непонятно также, кого в этом случае Воейков мог подразумевать под «неистовым нахалом». Нелзя исключать и того, что строфа возникла в 1815 году, непосредственно после скандала, связанного с постановкой комедии Шаховского «Урок кокеткам, или Липецкие воды» (премьера — 23 сентября 1815 г.) и послужившего причиной образования «Арзамасского общества

ности многие <...> молодые стихотворцы. Вместе с некоторыми опытными литераторами, с коими мы советовались, осмеливаемся отдать первенство г. Дуропу: оно, по всей справедливости, принадлежит ему: его стихи сладкогласнее, сильнее и живописнее стихов, сочиненных его товарищами» (Воейков А. Ф. Историческое и критическое обозрение российских журналов // Сын отечества. 1821. Ч. 72. № 35. С. 80–81; подпись: В.).

безвестных людей», а под «неистовым нахалом» подразумевается либо Д. В. Дашков, автор сатирического гимна «Венчание Шутовского» и «Письма к новому Аристофану», либо П. А. Вяземский, которому принадлежит «Поэтический венок Шутовского, поднесенный ему раз навсегда за многие подвиги». Но тогда трудно объяснить, почему строфа о Шаховском дошла до нас в составе редакции, формирование которой относится к началу 1820-х годов, а в многочисленных списках, отразивших редакцию 1815 года, ее нет.

Гораздо более вероятно, что в строфе о Шаховском слышны отголоски нешуточной полемики, разразившейся в конце 1819-го и первой половине 1820 года на страницах журнала «Сын отечества». Эта полемика не раз становилась объектом внимания исследователей,⁵ поэтому обратим внимание лишь на некоторые ее эпизоды.

В самом конце 1819 года в последнем номере журнала «Сын отечества» появилось небольшое, всего на три страницы, «Письмо к издателю», подписанное «В. — Кл—нов». Неизвестный автор, уверяя читателей в полном своем беспристрастии (и подкрепляя это уверение сообщением, что его правая рука «осталась на Бородинском поле», а левый глаз — «на высоте Монмартра»), подверг язвительной критике русскую комедию и комических актеров, противопоставляя им репертуар и актеров французской труппы в Петербурге. «Недавно приехал я в Петербург и посетил Русский Театр, — писал он, — именно Комедию, которую люблю страстно. Какое нескладное, юродивое зрелище мне представилось! Исключая одной Актрисы благородного вида, но неодушевленной, единообразной, другой, которая изрядно представляет горничных девушек, но также везде и всегда одна и та же, одного Актера, которого все достоинство состоит в стройной фигуре, а искусство в способности не останавливаясь и не переводя духу, врать вздор — всё прочее меня рассердило и опечалило. Что за Комедии! что в них за стихи! что за проза! Тупые, или лучше сказать частым

⁵ См.: Слонимский А. Л. 1) Пушкин и комедия 1815–1820 гг. // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1936. Т. 2. С. 31–35; 2) Комедия первой четверти XIX века (от Крылова до Грибоедова) // История русской литературы. М.; Л., 1941. Т. 5. С. 307; Томашевский Б. В. Пушкин. М.; Л., 1956. Кн. 1. С. 292–295; Королева Н. В. Декабристы и театр. Л., 1975. С. 167–169; Лапкина Г. А. Театральная критика в 1810–1820-е годы // Очерки по истории русской театральной критики: Конец XVIII — первая половина XIX века / Под ред. А. Я. Альтшуллера. Л., 1975. С. 85–88; Александрова И. В. Драматургия А. А. Шаховского. Симферополь, 1993. С. 95 pass.

употреблением притупленные остроты, площадные шутки, бесхарактерные характеры, давно известные, можно сказать, *древние* интриги — составляют их существо и свойство».⁶

Адресат иронии «однорукого инвалида» был тщательно закамуфлирован, современники не поняли, в кого метила статья и поэтому восприняли ее как оскорбление русского театра вообще. В следующем году в полемику вступили В. И. Соц, Н. И. Греч, П. А. Катенин,⁷ Р. М. Зотов, Д. Н. Барков и, возможно, А. А. Жандр. Особенно резкой была антикритика Катенина, который принял «Письмо к издателю» на свой счет. Оппоненты В. Кл–нова утверждали, что он недостаточно образован и не способен понять законы сцены, что у него дурной вкус, что он не патриот, и дружно высказывали сомнение в его увечьях. В полемике собирався принять участие и молодой Пушкин (разумеется, на стороне противников В. Кл–нова), но его статья «Мои замечания об русском театре» не была закончена и увидела свет лишь в 1895 году: «Ужели <...> необходимо для любителя франц.<узских> акт.<еров> и ненавистника русск.<ого> театра прикинуться кривым и безруким инвалидом, как будто потерянный глаз и оторванная рука дают полное право и криво судить и не уметь писать по-русски? Думаю, что нет...»⁸ В опубликованных статьях тон был еще жестче: «Решительный голос, с которым он хочет втоптать в грязь все наши комические творения, весь наш Театр, заслуживает, чтобы его обличили и письменно и печатно. Мы хотя довольно приучены к самонадеянности и пристрастию в наших Литературных распрях и приговорах; но верно не найдется ни в вашем, ни в других Журналах ничего подобного строкам В. Кл....ва. Он, увидя, как сам пишет, в первый раз Русский Театр <...> нападает не на одного Автора, не на одну Комедию, не на одного Актера, а бранит гуртом все и всех. Брань ничего не доказывает, кроме досады, наглости и часто постыдного невежества».⁹

В. Кл–нов не оставил возражения своих критиков без ответа. В шестом номере «Сына отечества» было помещено еще два его «Письма к Издателю», на этого раз гораздо более пространных, чем

⁶ Сын отечества. 1819. Ч. 58. № 52. С. 275–276; под текстом: «С.П.6. Дек. 19. 1819».

⁷ Его выступления перепечатаны в кн.: Катенин П. А. Размышления и разборы. М., 1981. С. 173–177.

⁸ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. [М.; Л.], 1949. Т. 11. С. 9.

⁹ [Жандр А. А. ?] Письма к Издателю. 1 // Сын отечества. 1820. Ч. 59. № 2. С. 80–81.

первое. В них он не только отвечал на нападки своих оппонентов, но и почти без обиняков назвал того, против кого он метил своим первым письмом:

...никак не соглашусь, чтоб Сумароков был второй Расин, автор «Липецких вод» второй Мольер или даже второй Коцебу... <...> Вы, г. Издатель Сына Отечества, слышал я, великий грамотей, и вздумали было учить грамоте людей, которые пограмотнее вас! Скажите мне: если я говорю: я люблю *Трагедию*, я люблю *Комедию*, неужели это значит только: я люблю *Деббору*, я люблю *Полубарские затеи*! Я хотел сказать, что посетил именно *Комедию*, не *Трагедию*, не *Драму*, не *Оперу*, не *Балет*. Может быть, я ошибся в выражении. Тогда, признаюсь, я виноват пред *Грамматикою*, а отнюдь не пред *Комедиями*, коих имел честь (желал бы сказать: *имел удовольствие*) видеть с 6 Сентября по сей день довольное число. Я не похвалил наших *Комедий*. Хотя я это сделал и не сгоряча, но по прочтении 2 книжки «Сына Отечества», пробежал те из наших новых *Комедий*, которые напечатаны, и повторил в памяти непреданные еще тиснению. Результат был прежний: только две из них, и то переведенные или переделанные с Французского языка, обе в одном акте могут назваться хорошими: это *Притворная неверность* и *Воздушные замки*. После их можно еще назвать *Говоруна*. О прочих повторяю сказанное мною в 52 книжке «Сына Отечества» и не отрекусь никогда от моих слов. <...> Мнение о наших *Актерах* почерпнул я в тех пьесах, которые ими *выучены наизусть*, протвержены и представляются со всем старанием. <...> Не стану судить и догадываться о причинах сей золотой посредственности; но скажу мимоходом, что мне кажется, виною оной можно назвать Господ учителей. У нас составила какая-то особенная школа дурного вкуса и противоречия Природе. Наши *Актеры* весьма часто стараются играть хуже, нежели могут, думая играть лучше. Они коверкают себя и заглушают в себе талант, по совету каких-то ложных друзей. <...> Вы освободите меня от дефиниции изящного, но если пьеса написана хорошо, близка к натуре, и к натуре благородной, если она сыграна так, что произвела вообще и по частям своим приятное впечатление во всех просвещенных зрителях — то как не называть представления оной изящным? Неужели для этого пьеса должна быть написана в пять актов, и с рифмами? Неужели для этого *Актеры* должны говорить в ней не своим натуральным, а каким-то особым *драматическим* голосом?¹⁰

¹⁰ Кл-нов В. Письма к Издателю. I // Там же. № 6. С. 269–270, 271, 272, 273; под текстом: «Января 14 1820 г.».

Сейчас этот фрагмент требует развернутого комментария, но для современников он был понятен: В. Кл-нов высмеивал здесь комедии Шаховского и созданную им актерскую школу. Еще в первом письме он критиковал игру М. И. Валберховой, А. Е. Асенковой и И. И. Сосницкого (не назвав их по именам, но сделав намек весьма прозрачным) — это всё ученики Шаховского, занятые в главных ролях его стихотворной комедии в пяти частях «Пустодомы», премьера которой состоялась 10 октября 1819 года (именно ее имеет в виду В. Кл-нов, когда пишет о пьесе «в пять актов, и с рифмами»). Называя лучшие русские комедии, он показательно игнорирует пьесы Шаховского, предпочитая ему оригинальные комедии Хмельницкого и комедию, переведенную Грибоедовым и Жандром. Прямо в Шаховского метит и пассаж про коверканье таланта и про «*выученные наизусть пьесы*», в которых актеры говорят «особым *драматическим* голосом». Дело в том, что у Шаховского был свой особый метод преподавания актерского мастерства: он требовал, чтобы актеры в точности копировали его интонацию, позы и жесты. Как вспоминала одна из актрис, он, «прослушав чтение ученика или ученицы, вслед за тем читал им сам, требуя рабского себе подражания», и при этом указывал, «при каком стихе необходимо стать на правую ногу, отставя левую, и при каком следует перекинуться на левую ногу, отставя правую».¹¹ Наполнен иронией и пассаж с упоминанием пьес Шаховского — трагедии «Дебора» и комедии «Полубарские затеи», к которым автор письма относится, как видим, весьма пренебрежительно.

В конце концов в полемику вступил и сам Шаховской, сочинив и свое «Письмо к издателю», внешне бесстрастное, но наполненное то и дело прорывающимся на поверхность раздражением. Он не считал нужным защищать свои комедии, но вступился за честь своих учеников-актеров: «Я очень рад, что могу здесь принести мою душевную благодарность им и товарищам их <...> за все мои Комедии, которые они поддерживали своим усердием, дарованием и точным знанием ролей. Признаюсь, приятно писать Комедии для нашего театра: хотя перевес талантов на стороне прекрасных Актрис наших, но и гг. Актеры, а особенно некоторые, искусством, рачением, или природным дарованием делают большую честь нашей комической

¹¹ Цит. по: Каратыгин П. А. Записки. Л., 1929. Т. 1. С. 105–106.

сцене».¹² И хотя после этого в «Сыне отечества» было опубликовано большое предисловие Шаховского к его «Полубарским затеям», в котором он высказывал свое понимание значения комедий для современной сцены,¹³ и хотя еще позднее там же появились столь же развернутые «Замечания на предисловие к Полубарским затеям», подписанные «К... О.....въ»,¹⁴ хотя еще произошла легкая стычка между В. Кл-новым и Барковым¹⁵ — полемика, по сути, на этом была завершена. Победа и осталась за Шаховским и его сторонниками, но едкие замечания неизвестного «однорукого инвалида» вызвали, как видим, весьма бурную реакцию в театральном обществе и изрядно задели тщеславного комедиографа. Последнее несомненно хотя бы потому, что Шаховской вскоре отомстил В. Кл-нову, но не на журнальных страницах, а на театральных подмостках. 22 сентября 1820 года состоялась премьера его одноактной комедии «Ворожея, или Танцы духов» (цензурное разрешение — 16 июля 1820 г.), где среди персонажей был симулирующий ранение в руку и в глаз сочинитель Ключов, о котором другие персонажи пьесы отзывались весьма пренебрежительно.¹⁶

Думается, именно ехидные, полные колких намеков статьи В. Кл-нова и имел в виду Воейков, когда вкладывал в уста сидящего в «сумасшедшем доме» Шаховского слова: «Осмеял меня пред светом,/ О неистовый нахал!» В пользу этого свидетельствует и положение строфы в упомянутом списке «Дома сумасшедших». В 1820 году он был дополнен строфами про Греча, Измайлова и Каразина,¹⁷ кото-

¹² Шаховской А. А. Письмо к Издателю // Сын отечества. 1820. Ч. 60. № 8. С. 79.

¹³ Там же. Ч. 61. № 13. С. 11–26.

¹⁴ Там же. № 19. С. 299–313.

¹⁵ См.: Кл-нов В. Письмо к Издателю // Там же. № 17. С. 175–176; Барков Д. Ответ на письмо Г. Кл-ва, в 16 № С. О. // Там же. № 19. С. 314–316. Суть стычки заключалась в том, что В. Кл-нов попытался записать Баркова в свои единомышленники, а последний протестовал против этого: «...вы, надеюсь, видите, что я ни в чем на вас не похожу, потому более, что люблю беспристрастно все хорошее, а свое Русское вдвое; и так прошу вас, от звания своего последователя меня уволить и на мою помощь не надеяться» (с. 316).

¹⁶ См. об этом: Александрова И. В. Драматургия А. А. Шаховского. С. 96–97. Позднее фрагмент из комедии (без участия Ключова) был напечатан в альманахе «Русская Талия» (СПб., [1825]).

¹⁷ Обоснование датировки см.: Ермакова-Битнер Г. В. Примечания // Поэты-сатирики конца XVIII — начала XIX в. Л., 1959. С. 667, 678 («Б-ка поэта». Большая сер.);

рые заняли свое место в конце сатиры, перед заключительными строфами о Грузинцеве и Невзорове. Строфа же про Шаховского стоит перед ними, и это позволяет ее датировать этим же годом.

Не случайно упоминание и Висковатова, который наряду с Грузинцевым в кругу «арзамасцев» был символом бездарного драматурга, а его сочинения именовались «козлогласованием».¹⁸ В «Парнасском адрес-календаре» Воейкова, написанном во второй половине 1810-х годов¹⁹ (последняя редакция датируется как раз 1820 годом), про него сказано следующее: «Висковатов, при театральной дирекции; член комиссии для сочинения проекта смешить муз трагедиями».²⁰ Эта характеристика вполне объясняет, почему Висковатов «Гамлетом» украл славу у комедиографа Шаховского.²¹ Как видим, в этой строфе Воейков обратил свою иронию сразу против двух литературных противников. Ставя Шаховского на одну доску с драматургом, творчество которого считалось посмешищем и образцом галиматьи, автор «Дома сумасшедших» тем самым старался подчеркнуть его литературное ничтожество. Стоит обратить внимание на то, что сидящий на «большой цепи железной» Шаховской — пищит. Это вполне документальная деталь: по свидетельству П. А. Каратыгина, «наружность князя была очень оригинальна и даже карикатурна; он был высокого роста, голова большая, совершенно лысая, нос длинный с горбом, брюхо необъятной величины, и вообще вся фигура необыкновенной тучности, голос же, напротив, был тонок и писклив».²² О «визгливом голосе» Шаховского писал и С. Т. Аксаков.²³

Трудно сказать, почему строфа «Дома сумасшедших» о Шаховском не получила широкого распространения. Хотя к 1823 году

Лотман Ю. М. Сатира Воейкова «Дом сумасшедших» // Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии. СПб., 1996. С. 460.

¹⁸ «Арзамас»: В 2 кн. М., 1994. Кн. 1. С. 285.

¹⁹ Однако такой осведомленный мемуарист, как П. А. Вяземский, утверждал, что этот текст сочинен Воейковым до «Дома сумасшедших» (см.: Вяземский П. А. Старая записная книжка. Л., 1929. С. 80).

²⁰ «Арзамас». Кн. 2. С. 10.

²¹ Следует также отметить, что в 1820 году после долгого перерыва была возобновлена постановка «Деборы».

²² Каратыгин П. А. Записки. Т. 1. С. 118.

²³ См.: Аксаков С. Т. Литературные и театральные воспоминания // Собр. соч.: В 4 т. М., 1956. Т. 3. С. 79.

А. А. Шаховской. Гравюра из альманаха «Сто русских литераторов» (Том 1. СПб., 1839).

Шаховской «сближается со своими бывшими противниками»²⁴ — Жуковским, Вяземским, Василием Пушкиным — но едва ли это могло послужить причиной тому, чтобы принадлежащий к их кругу Воейков переменил свое мнение об авторе «Липецких вод». Более того, в мае 1823 года в своем журнале «Новости литературы» (№ 16) он помещает остросатирическое «Послание к Н. И. Гнедичу», где содержится резкий выпад против плодovitого комедиографа:

Иль в цех комических вступаю авторов:
Что день — то опера иль водевиль готов;
Что день — в афишах я, натиснутый, сияю;
Насильно публику смотреть себя собираю.
Осмеиваю всех, кто смеет быть острей
И чьи стихи моих забавней и складней.
Явлюсь ли как творец или как преложитель,
Но образованный всегда зевает зритель.
Глас общий ценит в грош мои полсотни драм,
И знают многие о них из эпиграмм!
Злой *Вяземский* мне сплел из них венок терновый.²⁵

²⁴ Иванов Д. Роль В. А. Жуковского в формировании полемического образа Шаховского // Пушкинские чтения в Тарту. 3. Тарту, 2004. С. 143.

²⁵ Поэты-сатирики конца XVIII — начала XIX в. С. 318. В Пушкинском Доме хранится список ранней редакции послания (содержащий также снятый в печатном тексте выпад против Катенина), где цитированный фрагмент звучит еще резче:

Иль в цех комических писателей вхожу:
Что день — то оперу иль водевиль рожу;
Что день — в афишах я, натиснутый, сияю,
Насильно публику смотреть себя собираю,
Осмеиваю всех, кто смеет быть умней
И чьи стихи моих забавней и складней.
Меня завистники зовут Аристофаном
А все нет прибыли быть зрителем тираном!
Глас общий ценит в грош мои полсотни драм,
И знают многие о них из эпиграмм,

Возможно, напечатав эти строки, Воейков исчерпал тем самым сатирический задор; нельзя исключать также, что он мог по размышлению счесть Шаховского недостойным для помещения в свой «Дом сумасшедших». Как бы то ни было, приведенная выше строфа не стала фактом литературной жизни. Но все же к полемическому образу Шаховского, который целенаправленно формировался его противниками в 1810–1820-е годы, она добавляет несколько весьма выразительных штрихов.²⁶

Из коих Вяземский мне сплел венок терновый.

(ИРЛИ, ф. 357, оп. 2, ед. хр. 439, л. 12 об.)

²⁶ Позволим себе высказать предположение о том, кто скрывался под псевдонимом «В. — Кл-нов». В одной из своих статей он сообщает: «Господа корреспонденты могут справиться в караульной книге у Московских ворот, и увидят, что я приехал в Петербург 6 сентября 1819 года» (Сын отечества. 1820. Ч. 59. № 6. С. 271). Согласно реестру «Санкт-Петербургских ведомостей» (1819. № 72. 9 сент. 1-е приб. С. 798), среди приехавших в Петербург с 3 по 7 сентября числится «отставный подполковник Воейков». Почти нет сомнения, что это младший брат редактора «Сына отечества» Иван Федорович, участник наполеоновских войн, офицер Александрийского Гусарского полка, получивший во время боевых действий несколько серьезных ранений. По свидетельству Н. И. Греча, он «был [тяжело] ранен в правую руку», так, что не мог ей писать (*Греч Н. И.* Записки о моей жизни. М.; Л., 1930. С. 638), а в сражении при Фер-Шампенуаз (после которого армии союзников был фактически открыт путь на Париж) «ранен пулею навывлет в нижнюю челюсть» (РГВИА, ф. 395, оп. 60, ед. хр. 5546, л. 2). Как нам кажется, эти факты и послужили основой для создания слегка гротескного образа инвалида, который уверял публику: «...пишу письмо сие левою рукою, ибо правая осталась на Бородинском поле, гляжу на бумагу одним правым глазом, ибо левый закрылся навсегда на высоте Монмартра!» (Сын отечества. 1819. Ч. 58. № 52. С. 275). Подробнее об этом см.: *Балакин А. Ю.* «Безрукий инвалид» в пушкинских «Моих замечаниях об русском театре» // *Unacknowledged Legislators: Studies in Russian Literary History and Poetics in Honor of Michael Wachtel* / Ed. by Lazar Fleishman, David M. Bethea and Ilya Vinitsky. Berlin, 2020. P. 61–69. (Stanford Slavic Studies. Vol. 50)).

ПОЭМА А. Ф. ВОЕЙКОВА «ИСКУССТВА И НАУКИ» КАК НЕСОСТОЯВШИЙСЯ ПОЭТИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ*

1

Литературное наследие Воейкова постигла странная судьба. С одной стороны, ряд его стихов входит в хрестоматии и разбирается в большинстве курсов истории русской литературы первой половины XIX века, но с другой — бóльшая часть опубликованного им не только ни разу не собиралась в книги и не изучалась, но даже внимательно не библиографировалась. Среди этой части — дидактическая поэма «Искусства и науки».

Эта поэма далеко не всегда упоминается в статьях о Воейкове и в преамбулах к его публикациям в коллективных сборниках. Если же о ней и говорят, то вскользь, мимоходом, как о чем-то незначительном и второстепенном, неизменно отмечая, что она не была окончена и что из нее публиковались лишь отрывки. Для сравнения приведем одно из самых ранних суждений о поэме и одно из современных. М. А. Дмитриев в «Мелочах из запаса моей памяти» вспоминал: «Впоследствии начал писать Воейков дидактическую поэму: “Искусства и Науки”, из которой несколько отрывков было напечатано в Вестнике Европы и в других повременных изданиях. Кажется, автор увидел наконец и сам, что предмет, столь обширный и неопределенный, не может составить дидактической поэмы, требующей точных пределов, полноты и целости. Некоторые отрывки были очень замечательны; но поэма оказалась неконченной».¹

* Впервые: Случайность и непредсказуемость в истории культуры: Материалы Вторых Лотмановских дней в Таллинском университете (4–6 июня 2010 г.). Таллинн, 2013.

¹ Дмитриев М. А. Мелочи из запаса моей памяти. М., 1869. С. 205.

Дмитриеву поверили, и миф о незавершенности поэмы повторяется в различных работах по сей день.² В комментариях А. Н. Архангельского и А. С. Немзера к подготовленному ими сборнику «Русская поэзия, 1813–1825», который вышел в 1990 году утверждается: «Будучи переводчиком описательной поэмы Ж. Делиля “Сады” (1816), Воейков пытается перенести ее жанр на русскую почву и создать образец бессюжетной поэмы “с продолжением”, с установкой на принципиальную незавершенность и незавершимость “описания”. Именно к такому жанру относятся <...> главы из поэмы “Искусства и науки”».³

Между тем это говорится о большой поэме, которую Воейков не без оснований считал одним из главных своих произведений и которая им была не только окончена, но и почти полностью напечатана: она содержит почти 2500 строк, из которых в рукописи осталось всего лишь менее сотни. Для сравнения: самое известное произведение Воейкова (разумеется, кроме «Дома сумасшедших») и одно из самых значительных литературных событий второй половины 1810-х годов — переведенная им поэма Жака Делиля «Сады» — всего на 700 строк больше.

Что же представляли собой «Искусства и науки»? Как случилось, что поэма, которую ждали и которую приветствовали при появлении в печати первых ее фрагментов, отрывки из которой включали в сборники лучших сочинений и хрестоматии, была фактически забыта еще до того, как вышли в свет ее последние публикации?

2

Вторая половина 1810-х годов — пик известности Воейкова-поэта. В 1815 году начинает расходиться в списках стихотворный памфлет «Дом сумасшедших»; с 1815 по 1817 годы Воейков вместе с Жуковским и А. И. Тургеневым издает 12 томов «Собрания образцовых

² К примеру, укажем на комментарий в новейшем издании А. С. Пушкина (см.: Пушкин А. С. Соч.: Комментированное издание / Под. общ. ред. Д. М. Бетеа. М., 2016. Вып. 3: Стихотворения: Из «Северных цветов» 1832 года. С. 276).

³ Русская поэзия. 1813–1825 / Сост. и примеч. А. Н. Архангельского и А. С. Немзера; Вступ. статья А. С. Немзера. М., 1990. С. 407.

русских сочинений и переводов», где перепечатывает лучшие свои стихотворения. В 1816 году его принимают в «Арзамасское общество безвестных людей»; тогда же выходит в свет перевод делилевских «Садов», сделавший поэта знаменитым. В том же году начинают публиковаться «Георгики» Вергилия, немного позднее — «Эклоги».⁴ Как вспоминал М. А. Дмитриев, «Воейков, начавший писать в одно время с Жуковским и Батюшковым, некоторое время разделял с ними и славу. Я помню, когда приводили имена лучших литераторов того времени, их троих не разделяли; говорили: Жуковский, Батюшков и Воейков; как после стали говорить: Жуковский, Батюшков и Пушкин; как еще позже: Пушкин, Баратынский и Дельвиг».⁵

В эти же годы Воейков много ездит по России, запасаясь материалом для путевых очерков, которые через несколько лет, уже осев в Петербурге, станет публиковать в своем журнале «Новости литературы». Одновременно он создает и ряд поэтических фрагментов, своеобразных «писем русского путешественника» в стихах; некоторые из них объединяются им в ряд посланий («Послание к другу моему — воспитаннику о пользе путешествия по отечеству», 1818; «Послание к жене и друзьям», 1821⁶), а другие — вставляются в путевые очерки или в письма к друзьям. Стихов же в 1815–1817 годах он печатает совсем немного, в основном это альбомные мелочи.

В 1817 году Воейков участвует в нескольких заседаниях «Арзамаса». В частности, своим арзамасским прозвищем «Две Огромные Руки» он подписывает протокол заседания 14 или 15 июля; также его имя стоит в протоколе заседания 13 августа, но подписи под протоколом нет: очевидно, вскоре после этого заседания Воейков покинул Петербург.⁷ Незадолго до отъезда он посещает какое-то собрание бывших участников «Беседы», вступает с ними в спор — и этот случай

⁴ В различных, в том числе и самых авторитетных справочниках можно встретить ошибочное утверждение, что «Эклоги и Георгики» якобы вышли отдельным изданием в 1816–1817 годах (см., например: *Песков А. М.* Воейков Александр Федорович // *Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь.* М., 1989. Т. 1. С. 456). Не избежал этой ошибки и автор настоящей статьи при первой ее публикации.

⁵ *Дмитриев М. А.* Мелочи из запаса моей памяти. С. 201.

⁶ Подробнее об этом см. в наст. книге статью «Стихотворение “Переход русских войск через Неман 1 января 1813 года” и его автор» (с. 231–245).

⁷ См.: «Арзамас» и арзамасские протоколы / Вводная статья, ред. протоколов и примеч. к ним М. С. Боровковой-Майковой; Предисл. Д. Благого. Л., 1933. С. 233, 234.

побуждает его по приезду в Дерпт начать «Послание к Тургеневу об пользе наук, искусств и просвещения», которое так и не будет закончено, но перерастет в поэму «Искусства и науки».

Сохранившаяся рукопись незавершенного послания⁸ дает возможность в деталях проследить, как происходит эта метаморфоза. Воейков берет тетрадку, сшитую из трех листов *in folio*, так что в его распоряжении оказывается 12 страниц, наверху первой страницы аккуратно надписывает заглавие, ниже ставит дату: «IX. 1817», оставляя место для числа, и далее набело, с минимальными поправками пишет текст послания — возможно, копируя его с недошедшего до нас черновика:

Как! на берегах Невы, в столице мира славной,
В Пальмире северной, — где видели недавно
Рыбачьи шалаши, болота и леса,
И где теперь, что взор, что шаг: то чудеса;
В которой не одно лишь место для жилища;
Но самая земля, но воздух, небо, пища:
Все завоевано искусством и умом! —
Есть просвещения гонители!.. признаться,
Счастлив, когда я мог в сей правде сомневаться;
Несчастлив, опытом уверившийся в том!

На днях я посетил один знакомый дом,
Где рассуждаемо об просвещеньи было;
Сперва меж двух-трех лиц, потом и вчетвером;
Гляжу — все поднялось, и все заговорило.

И далее рассказывается о том, какие речи о вреде знаний и учено-сти слышал автор послания в этом доме, как он возражал выступавшим, какие приводил при этом аргументы в защиту необходимости просвещения и пользы от искусств и наук. Судя по чернилам и характеру почерка, в один присест записаны первые 217 строк, занимающие шесть с небольшим листов — половину заготовленной тетрадки. Но потом работа застопоривается. Далее с каждым листом почерк становится все менее разборчивым и все более торопливым, появляется все больше исправлений: вероятно, Воейков уже не копирует черновик, а сразу пишет набело. Так продолжается на протяжении еще трех страниц, пока сам Воейков не начинает осознавать, что избранная им

⁸ ИРЛИ, № 2894.

тема слишком обширна для одного послания, что заданный эпический размах требует иного жанра, что текст начинает распадаться на плохо связанные между собой фрагменты, — и беловик послания превращается в черновик будущей поэмы.

Оставшиеся три листа заполнены уже не связным текстом, а торопливо набросанными отрывками, которые пестрят многочисленными поправками. Все они потом в исправленном виде займут свое место в «Искусствах и науках», туда же будут перенесены и некоторые фрагменты несостоявшегося послания, из беловой его части. Оставшиеся отрывки Воейков использовал в качестве стихотворных вставок в письмо Тургеневу, которое, очевидно, составил и отправил адресату вскоре после того, как отказался от послания в пользу поэмы. Письмо это имело откровенно «литературный» характер и спустя двенадцать лет, в 1829 году, было опубликовано Воейковым в издаваемом им журнале «Славянин» — под заглавием «Письмо к А. И. Т. из Д***» без подписи и с неверной датой «1816».⁹ Эта публикация не была замечена библиографами, и в 1872 году письмо было напечатано вторично¹⁰ по неисправной рукописной копии, восходящей к доцензурной версии текста,¹¹ причем также с неточной датой: «Начало 1817».¹²

3

Итак, в конце 1817 года Воейков приступает к созданию поэмы, которую немного позднее озаглавит «Искусства и науки». И хотя началу этой работы способствовал случай, сам замысел подобного сочинения случайным называть нельзя. Литераторами тех лет осознавалась потребность в оригинальной русской дидактической поэме; сожаления об ее отсутствии раздавались вплоть до появления романтических пушкинских поэм, но отдельные голоса звучали до

⁹ См.: Славянин. 1829. Ч. 12. № 52. С. 511–525 (в оглавлении журнала указана правильная дата).

¹⁰ См.: Русский архив. 1872. Стб. 1184–1195.

¹¹ Писарская копия с аналогичным текстом сохранилась в собрании журнала «Русская старина» (ныне в архивном фонде Воейкова: ИРЛИ, ф. 31, ед. хр. 16).

¹² Оттуда оно было заимствовано для сборника «Арзамас», с той же датой и без указания на публикацию 1829 года; см.: «Арзамас»: В 2 кн. / Под общ. ред. В. Э. Вачуро и А. Л. Осповата. М., 1994. Кн. 2. С. 423–431 (текст), 589 (примеч.).

середины 1830-х годов. Подобные мнения резюмировал С. Е. Раич, защитивший в 1822 году диссертацию о дидактической поэзии, где следующим образом пытался обосновать печальную судьбу этого своеобразного жанра:

Несчастливый выбор предметов, слишком однообразная форма, недостаток движения и действия, вероятно, суть единственные причины малого успеха Дидактической Поэмы. <...> Может быть, она ожидает Гения-преобразователя, который, вопреки негодованию и волнению робкой черни Парнасса, даст ей новое, лучшее, счастливейшее направление и подвинет к дальнейшему совершенству. <...> ...если бы явился ее преобразователь и дал ей другую форму, другой ход, тогда, вероятно, она явилась бы в новом блеске и величии, достойном Поэзии: ибо, что может быть прелестнее творения, в котором представляется взору читателей целый ряд очаровательных картин, озаряемых лучами Философии!¹³

Свою дань дидактической поэзии в конце 1810-х годов отдали многие поэты, но ни один из них не создал крупного, а главное, законченного произведения. Когда в том же 1822 году Н. И. Греч выпускал четвертую часть своей знаменитой впоследствии хрестоматии, то преамбулу к разделу «Дидактическая поэзия» был вынужден заключить следующим грустным признанием: «Русская Словесность не имеет образцов произведений в сем роде. Лучшая поучительная Поэма на Русском языке есть *Плоды Наук Хераскова*».¹⁴ Стоит напомнить, что «Плоды наук» были впервые изданы в далеком 1761 году; следующим текстом этого жанра в русской литературе должны были стать «Искусства и науки». В названном разделе Греч полностью перепечатал «Плоды наук», вслед за ним поставив два опубликованных к тому времени фрагмента из поэмы Воейкова; последним был помещен «Опыт о человеке» в переводе Поповского.

Первые две песни своей новой поэмы Воейков создает одновременно; возможно, именно из двух частей должны были состоять «Ис-

¹³ [Раич С. Е.] Рассуждение о дидактической поэзии // Вестник Европы. 1822. № 8. С. 266–268.

¹⁴ Учебная книга российской словесности, или Избранные места из русских сочинений и переводов в стихах и прозе, с присовокуплением кратких правил риторики и пиитики, и истории российской словесности, изданные Николаем Гречем: В 4 ч. СПб., 1822. Ч. 4. С. 143.

куства и науки» по первоначальному плану. Работа шла не последовательно, а вразбивку. Самую раннюю дату (15 сентября 1817 г.)¹⁵ мы видим под публикацией фрагмента из середины первой песни; декабрем 1817 — январем 1818 года датируется большая часть песни второй; последняя по времени дата (20 августа 1818 г.)¹⁶ стоит под фрагментом из середины первой же песни. В разные части поэмы попадают и строки, извлеченные из незаконченного послания к Тургеневу.

Судя по сохранившейся переписке, Воейков делился со своими корреспондентами замыслами поэмы и сообщал о ходе работы. Первое свидетельство находим в его письме к П. А. Вяземскому от 24 ноября 1817 года, т. е. спустя примерно два месяца после того, как Воейков начал писать послание к Тургеневу:

...спасибо за последние сладкие часы, которые провел я у тебя; это было торжество моего трудолюбия; да, трудолюбия; потому что я на- сильно втираюсь в храм славы, не имея ни дарований Батюшкова, ни твоих, ни Жуковского. Смелым Бог владеет! И, чорт возьми! если вы согласитесь еще раз так много на подряд хвалить меня; то я напишу поэму эпическую, острамлю Грузинцова, сшибу крылья Сладковскому, затопчу в грязь к<нязя> Шихматова; одним словом, наделаю таких пакостей, что меня выберут в члены Российской Академии. <...> Шутки в сторону, ты отец Искусств и Наук! <...> исповедываюсь перед современниками и потомством (NB. естли только современники захотят слушать мою исповедь) словесно, письменно и печатно в том, что естли моя поэма распреевенчается успехом, то этим я буду тебе обязан, тебе единственно.¹⁷

Из этого письма очевидно, что именно Вяземский посоветовал автору «Дома сумасшедших» взяться за поэму о пользе наук и просвещения, а также и то, что идея этой поэмы у Воейкова уже созрела и он уже приступил к систематической работе над ней.

Спустя немногим более полугода в письме от 27 июля 1818 года из Варшавы П. А. Вяземский, подробно и весьма строго разобрав незадолго до того появившееся в печати одно из посланий Воейкова,¹⁸ пишет следующее:

¹⁵ См.: Вестник Европы. 1818. Ч. 101. № 19. С. 177.

¹⁶ См.: Сын отечества. 1820. Ч. 64. № 37. С. 180.

¹⁷ РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 1602, л. 5.

¹⁸ Об этом см. с. 234–235 наст. книги.

Я жду твоих «Художеств и наук» как евреи Мессию. <...> Каково идет твоя поэма? Пришли мне что-нибудь из нее на закуску. Обязываюсь разобрать ее, когда она появится в свет, то есть мне хочется расхвалить ее. Ты покажешь новое явление в нашей поэзии, уже приготовленное твоими «Садами». Иди дорогою, которую ты пробил себе, но, ради Бога, не сбивайся и не аukaйся ты с лешими Беседы. Подавшись к ним на один шаг, не знаешь где очутишься. Лучше сиди на солнце, хотя оно иногда и палит, зато всегда светло в глазах.¹⁹

Новые номера «Вестника Европы» до Варшавы не доходили или доходили от случая к случаю, поэтому Вяземскому не было известно, что начиная с марта 1818 года фрагменты поэмы «Искусства и науки» уже печатаются ее автором в этом журнале, еще до того, как две песни были окончены. В шестом номере были опубликованы первые сто строк второй песни, следующие фрагменты появляются в 11-м, 18-м, 19-м, 21-м и 24-м номерах; еще один в том же году печатается в «Трудах Общества любителей российской словесности при Императорском Московском университете» (1818, ч. 10). В 8-м номере «Вестника Европы» за 1819 год появится еще один фрагмент. Итого за год с небольшим Воейков из 700 строк первой песни поэмы напечатает около 400, а из 760 строк второй — около 700.

Завершив к осени 1818 года работу над первыми двумя песнями «Искусств и наук», Воейков 8 октября отвечает Вяземскому:

Что касается до похвал моей поэме, то тебе надобно стоять за неё грудью: ты ввёл меня во искушение; ты виноват в этом смертном грехе. Я написал несколько отрывков, прочитал тебе, ты нашёл их хорошими, я возгордился, схватил перо — и поэма кончена.

Теперь она лежит под спудом, надобно забыть свои стихи, дать время воображению освежиться — и тогда можно будет читать их как чужие, без всякого предубеждения; тогда поправим, послушаем, что скажете вы с Жук<овским>, Батюшк<овым> и Дашковым, потом опять поправим, напечатаем — и станем ожидать лавров.²⁰

Возможно также, что к этому времени был готов и первоначальный вариант третьей песни: хотя под ее авторизованной копией и стоит

¹⁹ Русская старина. 1892. № 12. С. 660, 661–662.

²⁰ РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 1602, л. 9. Этот фрагмент процитирован в примечаниях к сборнику «Арзамас» (Кн. 2. С. 548), где ошибочно соотнесен с воейковским «Посланием к друзьям и жене».

(2)

Молодо, как и старость Милосерды ходят по улицам,
И веселая заплата и раздвигая куртки:
Предметы с поворота ханоманов и гонимых,
Круги имамов ^{белых} и ^{черных} и ^{красных}, и ^{зеленых},
Вспыхивающих в темноте их раздора,
И толпы запертой и брошенной тюрьмы...
Несравнимых с остальными счастливцев!
И брод, бродящий среди свиста выстрелов, ружей:

Рукописный отдел ИРЛИ.

дата «27 мая 1819»,²¹ но некоторые фрагменты, опубликованные позднее, датированы 1818 годом. Авторизованные же копии первых двух песен, написанные иным почерком, чем третья, не датированы.²² Судя по всему, они были изготовлены уже после того, как прошла первая волна публикаций в журналах — в конце 1819 года или, скорее, уже в Петербурге, в 1820 году. В пользу этого можно привести, в частности, следующий аргумент. Единственная публикация «Искусств и наук» 1819 года — фрагмент о русских поэтах, ставший впоследствии самым известным и самым широко цитируемым местом поэмы. В нем Воейков с похвалами отзываясь о Державине, Дмитриеве, Богдановиче, Нелединском-Мелецком, Сумарокове, Фонвизине, Озерове, Княжнине, Мерзлякове, Жуковском и Батюшкове, а перед текстом дает следующее примечание: «Сочинитель сего отрывка жалеет, что не мог наименовать здесь всех отличных русских стихотворцев, и в особенности Петрова, Востокова, Д. В. Давыдова и В. Л. Пушкина».²³ Когда же этот текст с большим опозданием дошел до Вяземского, тот был очень обижен, не найдя там своего имени. 1 ноября 1819 года он писал А. И. Тургеневу:

Боже мой, что сделалось с Воейковым? <...> ...сердит я на него, зачем в отрывке о русских поэтах ни слова не сказал он обо мне, хотя бы в примечании. Извиняется же он перед Василием Львовичем, наравне с Петровым и Денисом Давыдовым; зачем же ни слова и мне, тогда как письменно ставит меня в живоначальную трицу нынешних поэтов <...>. Конечно, никогда не поставлю себя на ряду с Жуковским и Батюшковым; пожалуй, хотя и успех наш был бы равен, но в разных родах. <...> А Мерзлякову что он говорит? Можно в рассуждении упомянуть о незрелости иных его стихотворений и о том, что по его мнению лучше перевел бы он Гомера, чем Тасса, но все это говорить потомству — неслыханное дело. Он меня совсем в дураки ставит.²⁴

Однако в копии второй песни фрагмент о Вяземском есть, и стоит он как раз после стихов о Батюшкове:

²¹ См.: ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, ед. хр. 499, л. 41 об.

²² См.: Там же, л. 2–31 об.

²³ Воейков А. Ф. Отрывок из поэмы «Искусства и науки» // Вестник Европы. 1819. Ч. 104. № 8. С. 248.

²⁴ Остафьевский архив князей Вяземских / Под ред. и с примеч. В. И. Саитова. СПб., 1899. Т. 1. С. 342.

Каратель Вяземский, ведущий славно брань
С пороком, с глупостью! вооружись и грядь
Неотразимую и колкою сатирой
В врагов, терзающих неистовую лирой
Наш избалованный твоею лирой слух:
Ты бич для Бавиев и Мевиев, то друг!
Быть может, осмеяв, ты их молчать заставишь;
Нельзя исправить их, коль ты их не исправишь.²⁵

Можно предположить, что негодующий отзыв Вяземского стал известен Воейкову, и он, чтобы сгладить оплошность, вставил в свою поэму эти комплиментарные строки.

В 1820 году Воейков переехал в Петербург, где сначала стал редактором Греча по «Сыну отечества», а через два года — редактором газеты «Русский инвалид» и литературного приложения к ней, журнала «Новости литературы». Тогда же продолжилась публикация «Искусств и наук», тогда же он перепечатал в доработанном виде свою старую статью «Об описательных и дидактических поэмах, и в особенности о Virgiliевых “Георгиках”»,²⁶ впервые опубликованную еще в 1812 году.²⁷ В начале 1820 года в «Вестнике Европы» появляется два отрывка из третьей песни, в конце года в «Сыне отечества» — из первой. В следующем году, 5 февраля, еще один фрагмент из первой песни был прочитан Н. И. Гнедичем на торжественном годовом собрании Императорской Российской академии. «Какое сердце не бьется восторгом при имени Великого Петра, какой русский не трепетал при чтении эпизода г. Воейкова о указе Его, писанном из среды враждебной, окружавшей русскую армию? — делился своими впечатлениями от этого чтения А. А. Бестужев. — Автор прекрасно изложил стихами истинно царское повеление: Сенату не слушать собственных его приказаний, если он будет вынужден турками повелеть противное выгодам и чести России. — Далее суд над непокорным Царевичем исполнил сердца ужасом и удивлением... <...> Иные говорят что сей эпизод украшает поэму Искусства и Науки, но будто вставлен туда без нужды. — Впрочем, поэма дидактическая не подлежит строгим

²⁵ ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, ед. хр. 499, л. 27 об.

²⁶ См.: Сын отечества. 1821. Ч. 72. № 36. С. 115–131.

²⁷ См.: Труды Общества любителей российской словесности при Императорском Московском университете. 1812. Ч. 3. Кн. 5. С. 51–69.

правилам поэм эпических. — Притом, где не видно следов Петровых, и где имя его может казаться лишним?»²⁸ В том же году этот эпизод был издан отдельной брошюрой; в следующем, 1822 году он будет перепечатан в «Новостях литературы».

В 1821 году появятся еще три фрагмента из третьей песни, посвященной политике и военному искусству: один — в «Новостях литературы», два — в «Русском инвалиде». Тогда же Греч, перечисляя в упомянутой выше четвертой части «Учебной книги российской словесности» труды Воейкова, шестым номером называет: «*Искусства и Науки*, дидактическая Поэма в 4 частях, из коих три готовы».²⁹ Это важное свидетельство показывает, что Воейков уже отлично представлял, из скольких частей должна будет состоять его поэма. Четвертую, заключительную песнь он дописывает в первой половине 1823 года (в отличие от первых трех песен, до нас дошел ее беловой автограф³⁰), в конце того же года и в начале следующего, разбив на две части, полностью печатает ее в «Новостях литературы», там же в конце 1824-го появляется небольшой фрагмент из песни второй (с ошибочным указанием, что он относится к третьей).

И вдруг все сходит на нет. После 1824 года появятся только три публикации фрагментов «Искусств и наук». В 1827 году начало третьей песни Воейков отдает Борису Федорову в его альманах «Памятник отечественных муз» и почти одновременно печатает отрывок из первой песни, частично пересекающийся с опубликованным ранее. И наконец, приступая к изданию «Литературных прибавлений к “Русскому инвалиду”», Воейков планировал помещать отрывки из своей поэмы и там, но это ему нужно было уже не как поэту, а как издателю — для заполнения печатной площади своей новой газеты. 12 ноября 1830 года он писал цензору П. И. Гаевскому: «Не удивляйтесь, что я обременяю вас приложенными у сего 100 литературных *затычек*.

²⁸ Бестужев А. А. Торжественное заседание императорской Российской академии // Труды Вольного общества любителей российской словесности. 1821. Ч. 13. Кн. 2. С. 308–309; подпись: Ал. Бес.жев.

²⁹ Учебная книга российской словесности. Ч. 4. С. 600.

³⁰ См.: ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, ед. хр. 499, л. 44–46 об. Сохранилась также авторизованная копия фрагмента этой песни, посланная Воейковым А. И. Тургеневу (см.: ИРЛИ, ф. 309, ед. хр. 2758); этот источник важен тем, что исправляет неточность в авторском примечании к поэме, допущенную при публикации (в автографе примечаний нет).

Они необходимы, ибо нельзя принаровить, чтобы последняя статья печатного листа именно оканчивалась с страницей вместе. Пробелов же оставлять, как в Сев<ерном> Меркурии и Бабочке, я себе не дозволю. Чем же занять пустое место? Литературными *затычками!*»³¹ В число этих «затычек» попало «7 отрывков из 1-й песни Поэмы: Искусства и науки» на 17-ти листах;³² спустя несколько дней Воейков посылает Гаевскому еще «Отрывок из 1-й песни Поэмы: Искусства и науки (об указе Петра I с Прута и о суде над Царевичем Алексием)»,³³ который столь триумфально был прочитан Гнедичем за десять лет до этого. Однако в «Литературных прибавлениях к “Русскому инвалиду”» появился всего один фрагмент — самое начало поэмы.³⁴

Сейчас сложно сказать, что помешало Воейкову довести поэму до книжной публикации. Возможно, его отвлекли новые замыслы (в первой половине 1820-х годов он активно переводил Делиля, опубликовав 14 фрагментов из его поэм «Жалость», «Воображение», «Сельский житель» и «Три царства природы»), возможно — журнальная рутина. А может быть, он почувствовал, что стремительное изменение поэтической моды сделало жанр дидактической поэмы неактуальным. К тому же литературная репутация Воейкова стала стремительно разрушаться; в глазах молодого поколения он предстает уже не другом и соратником Жуковского и Батюшкова, а вздорным журнальным педантом, способным ругаться из-за всякого брошенного на него косо критического взгляда. Время Воейкова-поэта отходило в прошлое. В 1823 году в статье «Взгляд на дидактические русские стихотворения» Н. А. Цертелев перед Воейковым уже ставит А. С. Норова, автора также неоконченной поэмы «Об астрономии», а про «Искус-

³¹ Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1892 год. СПб., 1895. С. 75; паг 2-я.

³² Реестр статьям, одобренным цензором Гаевским с 4 по 18 ноября 1830 г. (РГИА, ф. 777, оп. 1, ед. хр. 1011, л. 44). Как видно из этого реестра, Воейков передал Гаевскому еще три опубликованных к тому времени своих стихотворения: «К Алине», «Умиравший Христианин к душе своей» и «К будущей моей невесте», но в газете появились лишь первое, и то значительно позднее (1832. № 13. 13 февр. С. 103).

³³ Реестр статьям, одобренным цензором Гаевским с 18 ноября по 2 декабря 1830 г. (РГИА, ф. 777, оп. 1, ед. хр. 1011, л. 46). Авторизованная цензурованная копия этого фрагмента сохранилась: РГАЛИ, ф. 88, оп. 1, ед. хр. 57, л. 24–26 об.

³⁴ Стоит отметить, что, готовя к публикации текст, Воейков отредактировал его, в частности, избавившись от архаизмов; следы подобной же работы имеет и названная выше копия фрагмента о Петре.

ства и науки» пишет: «Г. Воейков занимается также сочинением дидактической поэмы “Искусства и Науки”. Отрывки оной были напечатаны в “Сыне Отечества” и в литературных “Прибавлениях к Русскому Инвалиду”. Если бы по частям можно было судить о целом, то я сказал бы, что в сочинении сем видно более красноречия, нежели Поэзии, и что в оном часто недостает гармонии стихов».³⁵

Если бы «Искусства и науки» были изданы в виде книги в первой половине 1820-х годов, они имели бы шанс прозвучать и быть замеченными; во второй же половине этого десятилетия такая публикация выглядела бы как анахронизм. Двадцать отрывков поэмы остались разбросаны по разным изданиям; в руках у читателей, критиков, а впоследствии и ученых не было чертежей, руководствуясь которыми, эти фрагменты можно было бы собрать в единое целое и рассмотреть замысел целиком. Сейчас такая возможность есть, и уже можно говорить о генезисе поэмы, о ее источниках и полемической направленности, о ее месте в литературном ряду эпохи.

³⁵ [Цертелев Н. А.] Взгляд на дидактические русские стихотворения // Благонмеренный. 1823. Ч. 21. № 5. С. 347–348; без подписи, но с примечанием: «Читано в Обществе любителей словесности, наук и художеств 22 ч<исла> фев<раля>». Авторство устанавливается по протоколу заседания ВОЛСНХ от 22 февраля 1823 г. (Научная библиотека СПбГУ; электронный ресурс <http://www.library.spbu.ru/rus/volsnx/prot/prot23.html>, доступ 24.01.2013).

ПРИЛОЖЕНИЕ
А. Ф. Воейков. Искусства и науки

ИСТОЧНИКИ ТЕКСТА

Рукописные:

Авторизованная копия песен I и II — ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, ед. хр. 499, л. 2–31 об.; содержит незначительную авторскую правку и карандашные пометы неустановленного лица (в основном подчеркивания; подчеркнутые места Воейков частично доработал); датируется ок. 1820 г., поскольку в публикациях 1818–1819 гг. правка не учтена, но учтена в более поздних.

Авторизованная цензурная копия фрагмента песни I (ст. 603–734) — РГАЛИ, ф. 88, оп. 1, ед. хр. 57, л. 24–26 об.; предназначалась для публикации в «Литературных прибавлениях к “Русскому инвалиду”»; датируется 1830 г.; текст по сравнению с первой публикацией доработан.

Автограф ст. 746–761 песни II — РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 1602, л. 9; в письме Воейкова к П. А. Вяземскому от 8 октября 1818 г.

Авторизованная копия песни III — ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, ед. хр. 499, л. 32–41 об.; датирована переписчиком 27 мая 1819 г.; содержит авторскую правку, местами имеющую характер кардинальной переработки текста (учтена в публикациях).

Автограф песни IV — ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, ед. хр. 499, л. 44–46 об.; в основном совпадает с текстом публикаций, но не содержит примечаний; датируется 1823 г.

Авторизованная копия фрагмента песни IV (ст. 143–236), посланная Воейковым А. И. Тургеневу — ИРЛИ, ф. 309, ед. хр. 2758; содержит примечания; в конце дата: 27 мая 1823 г.

Печатные (по хронологии выхода из печати):

Отрывок из II песни поемы «Искусства и науки». — Вестник Европы. 1818. Ч. 98. № 6. С. 103–107 (с пометой: «1817-го декабря 2-го дня. С. Муратово») (песнь II, ст. 1–100);

Отрывок из II песни поемы «Искусства и науки». — Вестник Европы. 1818. Ч. 99. № 11. С. 177–184 (с пометой: «1817 декабря 6 дня. С. Муратово») (II, 101–268);

Ломоносов. Эпизод из II песни дидактической поемы «Искусства и науки». — Вестник Европы. 1818. Ч. 101. № 18. С. 114–120 (II, 608–761);

Первый мореплаватель. (Из I песни поемы «Искусства и науки»). — Вестник Европы. 1818. Ч. 101. № 19. С. 168–177 (с пометой: «1817-го сентября 15-го. Дерпт») (I, 161–400);

Отрывок из I песни поемы «Искусства и науки». — Вестник Европы. 1818. Ч. 102. № 21. С. 17–21 (I, 455–550);

Отрывок из поэмы «Искусства и Науки». — Труды Общества любителей российской словесности при Императорском Московском университете. 1818. Ч. 10. С. 54–57; паг. 2-я (с преамбулой перед текстом: «NB. Автор, рассказав об изобретении мореплавания, о водяных мельницах, о заливных трубах и проч., говорит:») (I, 439–518);

Отрывок из II песни поемы «Искусства и науки». — Вестник Европы. 1818. Ч. 102. № 24. С. 248–254 (с пометой: «1818-го января 3-го дня. Дерпт») (II, 269–402);

Отрывок из поемы «Искусства и науки». — Вестник Европы. 1819. Ч. 104. № 8. С. 248–255 (с примечанием: «Сочинитель сего отрывка жалеет, что не мог наименовать здесь всех отличных Русских Стихотворцев, и в особенности Петрова, Востокова, Д. В. Давыдова и В. Л. Пушкина» и пометой: «1817. Дерпт»); перепечатано: Новое собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах, вышедших в свет от 1816 по 1821 год... СПб., 1821. Ч. 1. С. 265–271 (II, 403–546);

Отрывок из III песни поемы «Искусства и науки». — Вестник Европы. 1820. Ч. 109. № 1. С. 12–18 (с пометой: «1819 года апреля 13-го дня. Дерпт») (III, 99–234);

Отрывок из III песни поемы «Искусства и науки». — Вестник Европы. 1820. Ч. 110. № 8. С. 241–248 (с пометой: «1818 года мая 28 дня. Дерпт») (III, 235–393);

Отрывок из поэмы «Искусства и науки». — Сын отечества. 1820. Ч. 64. № 37. С. 178–180 (с пометой: «Дерпт. 1818 года августа 20 дня») (I, 392–454);

Отрывок из поэмы «Искусства и науки» А. Воейкова, читанный в торжественное годовое собрание Императорской Российской Академии

5 февраля 1821 года. СПб., 1821; перепечатано: Отрывок из поэмы «Искусства и науки». — Новости литературы. 1822. № 18. С. 76–80 (с примечанием: «Читанный в торжественное годовое собрание Императорской Российской Академии, 5-го февраля 1821 года и напечатанный по ее одобрению» и преамбулой перед текстом: «Сочинитель, сказав об изобретении Компаса, часов, Барометра, Телескопа и Микроскопа, описав военный корабль и воздушный шар Монгольфьера, громовой отвод и искусство книгопечатания, продолжает:») (I, 603–704);

Военное искусство. (Из III-й песни поэмы «Искусства и науки»). (Посвящается Е<го> П<ревосходительству>, генералу Засядке). — Русский инвалид. 1822. № 30. 2 февр. С. 120 (подпись: «В-въ») (III, 394–491);

Военное искусство. Из III-й песни поэмы «Искусства и Науки». (Посвящается генералу Дибичу). — Русский инвалид. 1822. № 52. 26 февр. С. 207–208 (III, 492–590);

Военное искусство. Из III песни поэмы «Искусства и Науки». (Посвящено генералу Ермолову). — Новости литературы. 1822. № 5. С. 76–79 (подпись: «В-въ») (III, 591–727);

Невское кладбище. (Эпизод из IV-й песни поэмы «Искусства и Науки»). Посвящено Александру Ивановичу Тургеневу. — Новости литературы. 1823. № 28. С. 29–32 (с пометой: «Царское Село, 27-го мая, 1823») (IV, 143–236);

Отрывок из поэмы «Искусства и Науки». (Песнь IV). — Новости литературы. 1824. № 1. С. 11–16 (с преамбулой перед текстом: «Сия песнь посвящена изложению важных услуг, оказанных Религии Науками и Художествами. Говорится об истреблении пыток, о терпимости Вер, об улучшении тюрем, уничтожении торго невольниками; исчисляются великие успехи Медицины и Хирургии, Богоугодные заведения, училища глухо-немых и слепо-рожденных, воспитательные учреждения, Библейские Общества, проповедание Евангелия диким народам в отдаленных частях света и пр. и пр.» и пометой: «1823-го года») (IV, 1–142);

Красноречие. Отрывок из III-й <sic!> песни поэмы «Искусства и Науки». — Новости литературы. 1824. № 23. С. 168–170 (с преамбулой перед текстом: «Сочинитель, сказав о Ваянии, Зодчестве, Музыке, Живописи, Гравировании и Поэзии, продолжает:» и пометой: «Дерпт. 1818») (II, 555–604);

Отрывок из поэмы «Искусства и науки». *Песнь третья*. — Памятник отечественных муз. Изданный на 1827 год Борисом Федоровым. СПб., 1827. С. 93–98 (с пометой: «1818 года. Дерпт») (III, 1–98);

Отрывок из первой песни поэмы «Искусства и Науки». — Славянин. 1827. Ч. 1. № 4. С. 54–58; 2-я паг. (с пометой: «Дерпт. 1818») (I, 17–144);

Отрывок из первой песни поэмы «Искусства и науки». — Литературные прибавления к «Русскому инвалиду». 1831. № 14. 18 февр. С. 110 (с пометой: «1818») (I, 1–76).

Выбор источника основного текста поэмы представляет собой сложную текстологическую проблему, которую возможно решить несколькими способами. В данной публикации песни III и IV печатаются по первым публикациям (первое примечание к песни IV — с уточнением по авторизованной копии ИРЛИ); в случае с песнями I и II приходится принять компромиссное решение: по авторизованной копии ИРЛИ печатаются фрагменты, опубликованные в 1818–1819 годах, фрагменты, опубликованные позднее — по публикациям (с единичными уточнениями по копии; I, 1–76 — по публикации «Литературных прибавлений к “Русскому инвалиду”»), за исключением фрагмента I, 603–734, который печатается по копии РГАЛИ.

ИСКУССТВА И НАУКИ

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Великий Александр, будь мне путеводитель!
Пел перед Августом Виргилий, мой учитель.
Перед тобою пел Делиль, наставник мой:
Идя за ними вслед, пою перед тобой
Благодаянья муз — Искусства и Науки.
Родного языка ты здесь услышишь звуки!
Животворящий твой внимая царский глас,
Я новую пробью дорогу на Парнас.

И где приличнее предмет сей, как не в славной
10 Пальмире Севера, где зрели мы недавно
Рыбачьи шалаши, болота и леса;
И где теперь, что взор, что шаг, то чудеса;
В которой не одно лишь место для жилища;
Но самая земля, но воздух, небо, пища:
Все завоевано искусством и умом,
И трудолюбием — всех доблестей отцом.

Тогда как населял Творец небес пустыни,
И солнца зажигал и разливал пучины:
Предел он положил планетам и звездам,

- 20 Круг действий силе бурь и трусам, и громам;
Стихии обуздал в полезном их раздоре,
И солнце запад свой, и берег познало море...
Неограниченным остался человек!
И Бог, вруча ему ума светильник, рек:
«Стремись к высокому, тебе дана свобода;
Отверсты небеса, открыта вся природа!»
И человек, кругом окинув быстрый взгляд,
Узрел зеленый лес, алмазный водопад,
И море синее, и светлые озёры,
- 30 И разноцветные холмы, лужайки, горы;
Орла парящего, огромного слона,
Быка тяжелого и легкого коня;
Свод неба голубой, шар солнца лучезарный —
И гимн Творцу воспет — и гимн сей благодарный.

- Ум — сила смертного: он, крепкий им одним,
Взял в руки власть — и стал владыкою земным.
Мы не обязаны ничем правам наследства,
Нам при рождении достались гордость, бедства
И слабости; но ум — орла, кита и льва,
- 40 И грозный бунт стихий, и грубость вещества
Искусством покорил: дуб твердый согнут кущей,
Кедр вспыхнул под рукой об древо древом трущей;
Покрыт шалаш травой и листьем от дождей,
А ложе мягким мхом и кожами зверей;
Из тыквы вырезан сосуд широкобокой.
И лук жужжащую стрелу послал высоко;
Льву череп палицей корнистой раздроблен,
Путь серне копием свистящим прегражден,
Лес темный частыми обставлен тенетами,
- 50 Грозит силками куст, а глубь реки сетями.
И пастырь-человек знакомится с конем,
Дает покров овце, дружится с верным псом,
Ночным товарищем и стражем стад надежным.
Уже кочует он по пустыням безбрежным,
Где долгая трава под тяжким шумом бурь
Переливается, как влажная лазурь,
Где все стези песок, волнуясь, засыпает —
И пастырь по звездам свой путь располагает.

- И самородные металлы найдены:
60 И в пользу смертными уже обращены:
Стуча раз в раз бьют по наковальне млаты,
И образуют плуг кривой и серп зубчатый,
Рвет ниву бороны, цепляясь пила
Визжит, вяз на доски широкие деля;
Колеса медные гремят под колесницей,
И мчится на коне ретивом всадник птицей.
Из кожи тигровой, на коей кровь видна,
Одежда брошена: кудрявая волна
И волокнистый лен теперь для одеяний...
- 70 И благородный червь ткать скоро будет ткани!
Вретена легкие, вертятся! летай,
Челнок проворный, ты, из края стана в край,
И крепко с нитью нить вяжи, перевивая!
Летай, придут те дни, когда, изображая
Тобой, как кистью, ткач картину и узор,
На ткани удивит и очарует взор.

- Круг солнца разделен двенадцатью звездами:
Равенство ночи с днем означено Весами;
Срок сказывать, когда ягнята и тельцы
- 80 Рождаются, должны Телец и Близнецы;
А Дева жатвы срок; созвездие же Рака,
Что Феб течет назад, сего достигнув знака.
Златыми буквами на небе в круглый год
Распределение написано работ.

- Но человек свое преобразил жилище:
Шалаш стал домиком, и дичь окрест гульбище.
Дремучие, как ночь, и старые, как мир,
Леса упали в прах под острием секир,
И черные их пни рассыпались золою.
- 90 Там, где на зелени, густой одевшись мглою,
Дремали воды блат ленивые досель,
И сторожила их задумчивая ель:
Теперь прокопаны пруды и водотоки,
В луга проведены ручьи с горы далекой.
Нарциссы с розами в сады приглашены,
В них плодовые древа поселены;

Гроздь пресмыкается наверх по жерди длинной,
И тихо огурец к ручью ползет долиной.

- Ум наблюдательный, медлительной стопой
100 Приведши опытность, дочь времени, с собой,
Орудья улучшил, дал средства кряж бесплодный
И бедный превратить искусством в плодородный;
Открыл, что виноград крупнее на холмах,
Лен волокнистее и выше на песках;
Струится желтая пшеница на равнине,
И гуще, и нежней всегда трава в долине.
Искусство цвет и вид иной древам дает,
И дерево горькое приносит сладкий плод;
И вяз, униженный каштанами, гордится,
110 И ясень, цветом груш осыпанный, дивится,
И врытый на гряде без корня свежий пенъ
Прозяб и разбросал ветвей младую тень.

- Любовь изобрела изящные искусства:
Желая выразить души унылой чувства,
Красавица поет с лампадой вечеру
Пред грустным женихом, с которым поутру
На завтра ей велел рок злобный разлучиться...
Вдруг видит — на стене тень друга шевелится...
Затрепетала вся... вскочила — и рукой
120 Поспешно обвела сей образ дорогой...
И ей в разлуке он единый утешитель;
Любовь ей помогла, любовь ее учитель!
Гречанки счастливой счастливейший отец,
При чуде новом сем в жару схватил резец,
И с помощью его весь очерк обсекает —
И тень минутную он телом облакает!

- В изобретеньях ум с предмета на предмет
Скользит — и Живопись Ваянию вослед
Родилась, пребывала в младенчестве несмелом,
130 Рисунки жалкие чертя углем и мелом.
Однообразные двух красок сих черты
Могли ль изобразить природы красоты:
Древесной зелени прелестные отливы,

Смесь света с тенью, даль и близость, переливы,
Или пожар морей и зарево сих туч,
Когда прощальный им бросает солнце луч;
Или молчащих рыб чешуйчатое злато;
Иль радужный убор станицы птиц пернатой?

- Пускай лежат сии искусства в пеленах!
- 140 По многих опытах, усилиях, летах,
Одушевится медь, задышит грубый камень,
И холст заговорит, и в красках вспыхнет пламень.
Любимцы Фебовы Зевксис и Аппеллес,
Как Промифеи, вновь похитят огонь с небес.

- О страх! или меня обманывают взоры,
Или в морских валах высоких так, как горы,
Чернеется челнок? то мчится вверх стрелой,
То погребается в могиле водяной...
- Пловец гребет веслом — и к цели правит смело...
- 150 Любовь, и хитрый сей челнок твое же дело!
О буря сердца! ты, подобно как металл
Коринфской части, всех металлов заключал;
Ты... слиты все в тебе единой наши страсти;
И небо, и земля твоей послушны власти:
Желанье, слава, грусть, надежда, ревность, страх
Кипят от твоего огня у нас в сердцах.
Творишь героев ты одним всеильным взглядом,
Готовых потрясти землею, небом, адом.
Велишь — и, округлив из древа утлый челн,
160 Любовник вверит жизнь непостоянству волн.

О Геснер! Авеля певец красноречивой
И жизни пастухов невинной и счастливой,
И первого пловца и первая ладьи!
Дай пламенную кисть и краски мне свои.

Кипр, остров исстари Венере посвященный,
Был прежде длинный мыс, с землей соединенный,
И брег излучистый его грядою скал
Ко берегу Сирии в то время примыкал.
Пафос и Амафонт в безвестности таились;

- 170 Не кровью жертв — росой поля сии кропились.
Опершись на столпы, великолепный храм
Еще не восставал главою к небесам,
Не жгли мастики в честь богини Цитереи;
Вся роскошь здесь была — гвоздики и лилеи.
Там на возвышенном в три яруса мысу
В уютном домике, в оливковом лесу,
За коим ручеек и тихая долина,
С родителем цвела веселая Алина:
Беспечность детская в душе ее младой,
- 180 Ум острый без вреда, взор светлый и живой;
Как лен в кудрях власы, как черный соболь брови,
И ямка на щеке, где скрылся бог любви,
Ресницы длинные, на коих слезы, вдруг,
Сверкнув, нанижутся в миг грусти, как жемчуг;
Высокий стройный стан, в походке плавной легкость,
В одежде тонкой вкус, в движеньях скромных ловкость,
В улыбке чувства жар: молчит иль говорит,
Стоит или идет, смеется иль грустит —
Все прелесть и краса, все кстати, все пристало.
- 190 И сердце пастуха Дамона к ней пылало.
Долиной и ручья межою отделён
От домика ее шалаш, где жил Дамон
С больною матерью, которой он отрадой.
Его занятия — сад, пчелы, невод, стадо.
Давно прелестной он Алиной пламенел;
Давно открыть ей страсть решался, но не смел;
Дарил ей все, что мог: то сливы наливные
С цветами в шляпе ей, то голубки молодые,
То меда золотой и ароматный сот
- 200 Он в раковине ей блестящей подает.
С зарей увидевшись, с зарею расставались;
Молчали, но глаза их, встретясь, потуплялись.
К чему терять слова, где чувства говорят?
Алина поняла красноречивый взгляд,
И у невинного спросившись только сердца,
С сей откровенностью беспечною младенца,
Перед которою злословие молчит,
И наглость не дерзка, и зависть не шипит,
Однажды пастуха она поцеловала...

- 210 «Люблю, люблю тебя!» — тихонько прошептала —
И разлился густой румянец на щеках,
Как молодой рассвет в перловых облаках.
К родителям они с боязнью поспешают,
И их родители в слезах благославляют...
Кто больше мог пылать и был счастливей их?
Но, ах! что прочно здесь и верно? и каких
Неизменяемых благ в мире сем желаем,
В котором сами мы, как призраки, мелькаем?
Еще горел закат, когда Дамон, простясь
- 220 С невестой, брел домой, мечтами веселясь...
И вдруг, как выходил уж он из чащи леса,
Упала черная с высот на мир завеса;
Предтеча бурь, уже бродящих на горах,
Лежала тишина глубокая в полях,
И ветры пропорхнуть не смели над долиной;
Но величавый кедр трепещущей вершиной
Заколыхал, и лес, недвижимый ничем,
Потрясся, застонал в дремучем мраке сем;
Предуstraшенная Природа содрогалась...
- 230 И вдруг подземный шум, земля поколебалась
С протяжным шумом сим — и сквозь раздранных туч
Бросала молния во тму кровавый луч.
Все ветры между тем на волны налетели,
И вихри, с вихрями столкнувшись, заревели,
И гневный океан на сушу устремлен...
И ах! разрывными громами потрясен,
От основания оторван по долину,
Алинин холм пошел в кипящую пучину.
- И наконец, согнав с земли и ночь, и тень,
240 За ночью адскою выходит райский день;
Все небо устлано лиловыми коврами,
И море вспыхнуло, и облит лес лучами,
Все ожило опять, надеется и ждет,
Все наслаждается, смеется и цветет;
Один Дамон стоит, мертвец непогребенный,
Недвижный взор вперя на волны разъяренны,
Которые вослед одна другой неслись
И, растревожаясь, еще не улеглись,

Как горы снежные, до облак восставали
250 И с грозным клокотом в гранитный брег хлестали.

Но что? восторг! восторг! он видит край земли,
Как точка малая чернеется вдали,
И над пучиною высоко вверх восходит...
Вскричал... сбегает... и другой предмет находит,
Который взор его не меньше поразил:
Дуб старый, бурю в хлябь моря брошен, плыл,
И из дупла его, дрожащая, без силы,
Собака виделась... Сильван, ему столь милый:
Сильван, которого Алине отдал он
260 От потопления чудесно так спасен!
Дуб грянулся в песок, и вал, его примчавший,
Оставив там его, отхлынул, застонавши.
Хотя шатаяся, хотя доползть чуть мог,
Сильван узнал его, ласкается у ног,
И, на море смотря, как бы сказать желает,
Что там вдали с отцом Алина обитает
И в одиночестве души любимца ждет.
Но кто его сквозь волн шумящих проведет?
Кто крылья даст лететь в далекую обитель?
270 Ах, человек тогда был робкий повелитель
Новосозданныя вселенны! — он не смел
Перешагнуть ему назначенный предел,
Казалось, самую Природою, — и море
Еще не пенилось под веслами; но вскоре
Любовь, которая Орфея в ад свела,
Дамону мужество и средство подала
Челн выдолбить, преплыть безвестную пучину
И, удивив судьбу, — отнять у ней Алину.

На дерево в песке дуплистое Дамон
280 Смотря, на долгий час был в думу погружен...
Вдруг мысль нечаянно в главе его сверкнула,
И будущность его лучами облеснула...
Спешит в шалаш, дошел, топор в его руке,
И в два мгновения опять уж на песке;
Дуб-путешественник отважною рукою
Лишен ветвей, скруглен, стал крепкою ладьею;

Уже ладья сия на море спущена,
И подняла её с роптанием волна.
Дамон торжествовал; но, истоща все силы,
290 Не мог оставить брег для сердца столь постылый;
Напрасно жердью он ладью отодвигал,
Победоносный вал на брег ее бросал.
Надеждой мучимый, которая готова,
На миг блеснув ему, навек оставить снова,
Он видел счастье столь близко, и уж мнил,
Что ветер глас ему Алины доносил...
Возможным все тогда в глазах его казалось;
Но, ах! искомое во тме еще скрывалось!
И, по морю кружась, нетерпеливый челн,
300 Вновь прибываем был ко берегу силой волн.
Стократ измученный, отчаянный, в страданье,
Он к милой посылал последнее прощанье;
Стократ любовь, пред ним морскую бездну скрыв,
Иль мост мечтательный на остров сгромоздив,
Цветы на путь ему бросала между терний!

Однажды, на берег пришедши в час вечерний,
Он наблюдательно смотрел на птиц-гребцов:
Там лебеди к брегам и прочь от берегов
Гребли ног веслами, по воле отдалялись,
310 Кружились и опять по воле возвращались.
Казалось, что любовь нарочно в этот миг
В наставники ему послала птиц своих,
Которые, как бы деля с ним сердца чувства,
Являли образец искомого искусства.
И ярко засверкал опять Дамонов взор,
Опять бежит домой, опять берет топор,
Ссек иву, обтесал — и с ивой округленной
Он зрелся, как Амур, веслом вооруженной.

Пора! пока челнок неопытный плывет,
320 Воображение нас вмиг перенесет
На остров, гроб живой Алины одинокой!
Сидя, не сводит глаз она с земли далёкой,

- Румянец побледнел, потух огонь очей,
Печаль течет в крови, печаль в душе у ней,
Ей мрачен солнца свет, луна и блеск денницы,
И влажны длинные и день и ночь ресницы.
Пускай несчастье бы гонителем её...
Нет! счастье самое восстало на неё!
Оно промчалось, как сладких снов мечтанье,
- 330 И ей оставило одно воспоминанье,
Как врана, сердце грызть и оживлять пред ней
Очаровательность прошедших ясных дней,
Веселую тоску, задумчивую радость,
И разговор очей, и поцелуев сладость,
И прелесть тайную вечерних тех бесед,
Когда, подкравшись, их заставлял рассвет,
И драгоценные в глазах любви подарки.
Так путник, жаждою томимый в полдень жаркий,
Когда раскалено и небо, и песок,
- 340 В мечтах скрывается под тенью в холодок,
Где пенистый ручей, студеный, бьющий жилой,
В кровь льется свежестью и в члены бодрой силой.
Забвенье горькое, несчастные мечты!
Поблекнут вмиг на миг расцветшие цветы,
Вертепы, тень лесов (игра воображенья!)
Преобратятся вновь в лютейшие мученья,
И ключ с пенистою холодною водой
Польется в грудь ему кипящею смолой.
- Внезапно взор открыл страдающей Алине
- 350 На колыхаемой зефирами пучине
Плывущий к острову предмет, неизвестный ей:
Вдруг сердце вещее забилося сильней;
Надежда и боязнь, предчувствие, сомненье,
И радость, и печаль, всех сильных чувств смешенье:
Ныряющий челнок ей с каждою волной
То жизнь, то смерть, то смерть, то жизнь несет с собой...
И близок к берегу!... Она затрепетала...
«Дамон! Дамон!» — и вниз слетела, не сбежала.
Отец дрожащею стопой за ней спешит

- 360 И видит, что уже без чувств она лежит
В объятьях милого отысканного друга.
Отчаянный Дамон, увидя, что подруга
Охолодела вся и смерть в ее очах,
Спешит дыхание найти в ее устах;
Он поцелуями ее отогревает,
И жизни, и любви Алину возвращает.
Очнулась, поднялась — и цвет молодой красы
Расцвел от радости, как роза от росы:
В глазах игра и блеск, в устах опять багрянец,
- 370 На томной белизне ланит живой румянец,
И длинные волосы вновь в кудри завились.
Любовник, дочь, отец с слезами обнялись,
И старец не лозу бессильную — подпоры
В них видит для себя; он насыщает взоры,
Смотря на ветхий дуб, на коем к ним Дамон
Любовью хитрою чрез волны пренесен...
Поник главой, и вдруг восторжен, дыбом волос,
Как бы виденье зря, предрек, возвыся голос,
О славе будущих во мгле сокрытых дней:
- 380 «О благородный челн, гордись судьбой своей!
Ты колыбель, где спят младенцы-исполины,
Которые должны перелететь пучины,
Искусству смелому Природу покорить,
И звезды новые, и новый мир открыть,
Свет веры в нем зажечь и насадить науки».
Сказал — и с нежностью четы влюбленной руки
В отеческой своей руке соединил
И к ложу брачному супругов проводил.
- И провидение сей брак благословило!
- 390 Семейство мирное и в счастье не забыло
Благодеяние любви — утлый челн.
И скоро смертные, дерзая в бездну волн,
В огромных кораблях из толстых древ согбенных,
Железом связанных и вервями скрепленных,
С пособием циркуля, линейки, букв и числ,
И с помощью колес, подъемов, коромысл,
Магнитной верная стрелы и звездочётства

Составили себе науку мореходства,
Преплыли океан — и цепью золотой
400 Связали все моря и земли меж собой.

Но мало этого: волн ярых победитель,
Быть хочет человек границ распространитель,
Отдвинул в море брег, плотиной запрудил,
И область новую землею забутил.
Нередко, над главой шумящи моря волны
Зря, путешественник дивится, страха полный;
Но море, побледнев от ярости, ревёт,
Переступить никак не смея чрез оплот.
Гремит ли водопад, свергаясь отважно
410 С гранитной высоты на дно долины влажной?
Внезапно на себе оковы ощутя,
Колеса двигая и жернова вертя,
Пшеницу мелет он; или, работник сильный,
Кует оружие, сошед в вертеп могильный;
На пряди делит шелк, лен чистит и прядет,
Мотает на клубки и красит, и точет:
Или, собрав куски холста лоскутьев черных,
Их рубит, их толчет с водой в чанах огромных,
Их месит, их белит, перемывает, льет
420 И нам их в образе бумаги подает.
На ней пером слова наш ум изображает
И опыты свои к потомству посылает.
Изобретение письмен есть верх Искусств!
Перо поверенным для тайных сердца чувств:
Печалит, радует, грозит, ласкает, просит,
Приветствует, хулит, все вести переносит
Из мира старого в мир новый — и опять
Все в новом новое спешит нам передать;
С друзьями, с милыми расставшись, заочно
430 Все таинства души рассказывает точно.
Нередко видим мы, что в полночь, в сильный ветер,
Огнь, в искре утаясь, в чертоги вдруг из недр
Сухого дерева выходит с дымом, с треском
И одевает мрак небес кровавым блеском...
Но благочиние, гражданам спящим, бдит!

Предусмотрительность на крыльях трубы мчит,
Реками вверх вода летит с огнем сразиться
И воли не дает ему распространиться.

- И воду ль человек одну поработил?
440 Он землю и огонь, и воздух покорил!
По манию его ветер, в мехе заключенный,
Дыша, сугубит жар, в горниле воспаленный:
И тают с хлопотом металлы, будто лед,
И черный их Циклоп в сосуд, как воду, льет.
Сребро и золото как мягкий шелк прядется;
Из меди утварь, шлем, броня и щит куется;
Чугун — решеток, плит, столпов приемлет вид;
Здесь глине прочность, цвет и блеск огонь дарит;
А там простой песок, искусством растопленный,
450 Преобразившимся в прозрачные зрим стены;
Ртуть, жидкое серебро, в стекле заключено,
Чтоб сказывать, как где тепло иль холодно.
И только ли? в трости кристальной барометры
Предвозвещают дождь, дни ясные и ветры.

- Огромной с стеклами трубой вооружен,
Глаз в темной пропасти небесной углублен,
Над млечным зрит путем всегда путь новый млечной,
И сферы, и миры в круженье стройном вечно.
Великолепие, огромность, красота,
460 И вместе сил, пружин, орудий простота
Искусство Зодчего вселенныя являют
И, ум величием смущая, ужасают.

- Ньютон! дай крылья мне, да небо облечу,
И для земли чертеж вселенны начерчу!
Твой в теле дух уж был небесным Серафимом,
И в мраке, до тебя никем не достижимом,
Ход, дальность, вес планет и звезд определил;
Погнал, достиг в бегу кометы, подчинил
Двум силам, держащим порядок в звездном мире —
470 И не заблудятся теперь они в эфире!

- Шар солнца есть Монарх, планеты — Двор его;
 Кружась почтительно вокруг Царя сего,
 Вертятся вкруг себя в одно и то же время;
 Царь облегчает их, они царево бремя;
 Они рабы Царя, а Царь законов их.
 Планеты также Двор и подданных своих
 В блестящих спутниках в свою черду имеют:
 Они им светят в ночь и в хлад, быть может, греют.
 Взаимно все шары один другой влекут
- 480 И, уклоняясь друг от друга, бегут
 В известной дальности, с чудесной быстротою,
 И каждая своей особенной стезею.
 Верховных солнцев сих, как искры, как пески
 Рассыпал без числа Создатель из руки;
 И солнцы оные с планетами, лунами,
 Огромнейших шаров суть данники и сами,
 И каждое из них с тьмой солнцев и планет
 Вкруг солнца своего верховного течет,
 Заемля и дая другим мирам сиянье,
- 490 И зная место, чин, путь, час и расстояние.
 Кометы, как послы, из мира в мир летят
 И между сферами союз любви крепят.
 Я вижу блеск, очам телесным нестерпимый:
 Престолы, Ангелы, Господства, Херувимы
 Сверкают в пламени струй чистых и живых:
 Здесь Солнце солнцев всех, святая здесь святых,
 Незаходимый свет полдневный, там Зиждитель
 Среди небес своих избрал себе обитель;
 Но краше, но еще величественней Бог
- 500 В сердцах у праведных имеет свой чертог!
- В обширности небес пареньем утомленный,
 Спешу сойти на луг, цветами испещренный;
 Но вижу новую здесь бездну пред собой,
 И глаз мой новою вооружен трубой!
 Там постепенно мир огромней становится,
 Здесь уменьшаяся, спешит от нас укрыться.
 Народ на листике древесном поселен,
 И в капле дождевой мир целый помещен.

Семейства, общества, цари, граждане, власти;
510 Свои враги, друзья, законы, нравы, страсти
У эфемеров сих: и в несколько минут
Все возрасты они до дряхлости пройдут
И вкусят и болезнь, и скорбь, и наслаждение:
Их часовая жизнь есть жизни сокращенье.
Но в устройении телесном тварей сих,
Невидимых для глаз за мелкостью их,
Премудрый неба тел огромных виден Зодчий,
И та же благодать здесь, и тот же промысл Отчий!

Здесь остановимся, светильники зажжем
520 И вместе с Лейбницем и Галлером взойдем
Природы в тайный храм по лестнице творенья,
Сочтем от атома до Серафима звенья
Чудесной цепи сей, от неба к небесам
И от миров к другим протянутой мирам!
Зрю сфер согласие, творений постепенность,
Разнообразие, единство, подчиненность
Деснице мудрого щедротами Творца,
Который цепи сей два крайние конца
Держа, единый вне, един не связан ею.
530 Чей ум измеряет, вися над бездной сею,
Могущество Того, Кому, чтоб свет создать,
Едва ли стоило и слово издержать?
Творец, бесчисленность создав духов бесплотных,
Металлов, камней, рыб, цветов, деревьев, животных,
Полипов, раковин, птиц пестрых, черных змей,
Узорных ящериц и росписных червей,
Дал каждой твари свой участок совершенства
И жизни на пиру урочный час блаженства.

Быть может, есть миры, где твари во сто крат
540 На низших степенях, чем на земле, стоят.
Быть может, есть миры, где тоньше наших звенья,
Где камни чувствуют и мыслят где растения,
И где прославленный, как ангел, человек
Тысящелетием считает долгий век.

Об славе Господа нам небеса вещают,
День дню и ночи ночь глагол пересылают;
И каждый гений — жрец верховный Божества,
С красот таинственных и чудных естества
Вскрывая темную завесу понемногу,
550 Есть вождь надежный нам к небесному чертогу!

Я слышу сладкий хор: то лики чистых муз!
Кто разорвет теперь их с смертными союз?
Свинец для глаз слова, для уха голос пишет,
И поздний внуков род глас прадедов услышит,
О Дмитриев! для них твой не остынет жар!
Нахлыньте вновь орды вандалов и татар!
Наполеон приди, и ты, Омар, воскресни!
Камчатка сбережет Горациевы песни.
Локк, Эйлер, Монтескьё, Шапталь, Линней, Боннет,
560 Теперь опасности твореньям вашим нет
Ни от громов земных, ни от громов небесных!
Ум с нитью опытов опасных и чудесных
Огонь молнийный в стекле заметил и открыл
И гром Франклиновой рукою притупил.

Куда ни обращаю глаза мои — повсюду
Дивлюся красоте искусства или чуду:
Здесь время, для меня приняв телесный вид,
Шагами мерными идет и говорит,
Пожатию перста послушно отвечает
570 И верно день, и ночь, и пору означает.
Путь смелый по снегам алпийским проведен;
Каналом океан с другим соединен;
Корабль готов взмахнуть широкими крылами,
Приветствовать друзей, разить врагов громами.
Простря могущую свою десницу, торг
Со дна жемчуг достал, из гор алмаз исторг.
Огонь, бури не страшась, мчит морем пароходы;
Река поверх реки течет чрез водоводы;
Вот Монгольфьер, землей наскучивший, без крыл
580 В шару за облака отважно воспарил.

Вот... но зовет меня к себе на новоселье
 Оратай-хлебосол взглянуть на земледелье.
 Доселе в бедности и удручен трудом,
 Днесь чрез науку стал могущий волхв с жезлом.
 Повсюду чудную премену замечаю!
 Повсюду новую природу здесь встречаю!
 Среди сограждан ли? в отечестве ли я?
 Кто блата обратил в цветущие поля?
 Кто подорвал сии утесистые горы?
 590 Кто создал зимний сей приют для зябкой флоры?
 Вот груша галльская, армянский абрикос;
 Вот вишня, кою в Рим на колеснице ввёз
 Лукулл торжественно; вот чернослив дамасский;
 Индейский ананас и персик закавказский!
 Вот крымская овца, вот английский овен;
 Сей чорлый бык с берегов батавских приведен.
 Вот аравийский конь летит на холм, как птица!
 Вот албионская гуляет кобылица!
 Вот в веяльнице ветер солому отделил,
 600 Особо плевелы и зерны положил!
 Вот молотильня бьёт снопы, не отдыхает
 И сто цепов, сто рук собою заменяет!

 Нет невозможного для смертных: сходят в ад,
 Чрез Океан плывут и в небеса летят.
 Чего не совершит их смелый ум и ревность?
 Об Амфионе нам рассказывает древность,
 Что звоном струн его творились чудеса:
 Каменья двигались, сходили с гор леса,
 Из дебрей дикие стекались народы
 610 Принести на жертву часть бесценныя свободы,
 Жить обществом, вкусить покоя и добра,
 О тень великая Великого Петра!
 К чему нам прибегать к рассказам баснословным?
 Ты истый Амфион! Водимый чудотворным
 Умом, ты показал в свой знаменитый век,
 Что может произвести единый человек.
 Как странник, областей Европы посетитель,
 Законодатель, вождь, творец, преобразитель,
 Построил корабли, законы начертал,

- 620 В болотной пустыне престольный град создал,
В России насадил Искусства и Науки.
Побед твоих гремят в потомстве позднем звуки;
В огнях, в морях, во льдах, везде тебя найдем,
С кормилом, циркулем, весами иль мечем.
Но я ищу тебя, о Петр! не под Полтавой,
Не окруженного воинской шумной славой;
Не одного среди толпы бунтовщиков,
Решимостию их разрушившего ков;
Не там, где разных трех ты флотов повелитель,
630 С трезубцем, как Нептун, над морем был властитель;
Не там, где к золоту индейскому ключа
Искал союзами и силою меча,
И, царство русское раздвинувши далече,
Был Александровым дружинам ты предтечей...
Но там, где не за жизнь, которую бросал,
За насажденные Науки трепетал
И за дражайшее тебе венца и жизни,
За благоденствие вновь созданной отчизны...
Под Прутом! в твой шатер со трепетом вхожу;
640 Печаль вокруг, в тебе я бодрость нахожу;
Готов гонец... рука Указ Сенату пишет,
Любовь к отечеству где в каждом слове дышет:
«Бесчисленной толпой врагов я окружен;
Кончина славная или бесчестный плен
Ждут с воинством моим почти неизбежно.
Я человек... могу под пыткой нестерпимой
Противный выгодам России дать указ...
Тогда... от клятвы я освобождаю вас!
Достойного царя себе вы изберите!»
650 Вот воля вам моя последняя! Простите!»
Сложив бумагу, Петр, и с чувствами отца,
Послав в опасный путь, поцеловал гонца
И взором проводил за стан с благословеньем.
Но скиптра ль, жизни ли единой приношеньем
Он чистую любовь к отечеству явил?
Петр сына своего для нас не пощадил!

Куда я пренесен крылатыми мечтами?
Какой я вижу храм, украшенный орлами

- И багряницею? Левитов ли собор
- 660 Священный держит здесь и таинственный спор,
Иль здесь Сенат царей, отчизна Сципионов?
Не вижу ль Фабиев, Камиллов и Катонов,
Мечом и доблестью завоевавших свет?
Почто их мрачен взор и смутен их совет?
Почто на лицах скорбь, подруга бедствий, зрима?
Иль снова Аннибал перед вратами Рима?
Иль мятежи и брань, где резал брата брат,
Где сын губил отца, республике грозят?
Нет! Русский зрю Сенат, российских иерархов!
- 670 О дело страшное! судить своих монархов
И сына царского перед отцом вины
По воле грозного Петра здесь созваны.
Воспитан слабостью и воздвоен коварством,
Наследник царства стал преступник перед царством:
Героев славных ветвь — царевич Алексей
Чужд битв, наук, искусств от самых ранних дней;
Чужд всех родителя великих начинаний;
Без нужных для владык душевных дарований,
Без честолюбия искал себе венца
- 680 И, друг мятежников, восстал против отца.
Как! этот юноша с раскаяньем во взоре —
Преступник, уличен в ужасном заговоре!
Он!... воспитание от колыбельных лет,
Как на воску, печать на сердце нам кладет.
Пусть времени рукой сия печать сотрется;
Но прежнее клеймо все видным остается.
И робкий сын Петра, друг неги, духом вял,
Ужасным опытом нам это доказал.
Он позван перед суд — и горестный родитель, —
- 690 Отбросив скиптр, предстал как сына обвинитель.
Что стоило ему стон сердца заглушить,
Чувствительность и скорбь, и нежность подавить?
Но добродетели в сем мире нужны жертвы!
Без испытаний мы до смерти уже мертвы!
И кто, кроме Петра, возмог, посмел бы дать
Пример отечество сынам предпочитать,
Когда и добрый Тит и мудрый Марк-Аврелий

- Сего примера дать монархам не посмели?
Необычайная потребна здесь душа!
- 700 Петр, слезы поглотив и вопли задуша,
Вещал: «Синод! Сенат! я требую не лести;
В душе родителей нет к детям злобной мести;
Но требую — и суд вам должно произнестъ,
На лица не смотря, но помня долг и честь!
Решите здесь царя-родителя судьбину:
Отчизне ль сыном я, или отчизной сыну
Обязан жертвовать? с одной страны отец,
Несчастный царский сын и доброта сердец;
С другой, отечество вам говорит и Вера;
710 Бог свыше зрит на нас, потомство ждет примера!»

- И хартия ему Сенатом вручена,
Где смерть царевичу слезами скреплена.
Исполнен правды долг; но вздохи и унылость
На осужденного зовут цареву милость.
И Феофан душой растерзанной изрек:
«Царь! отказавшийся от мира человек
Состраждет и мирит, но осуждать не смеет.
Царево сердце Бог в руке своей имеет!
Давид вождю полков своих вещал: “Иди!
720 Смири мятежника, но сына пощади!”...
Блудницу Бог простил! Ты будь подобен Богу:
Услышь раскаянье, открой к душе дорогу
Мольбам, слезам к тебе радеющих сердец;
И сына блудного простивши, будь отец!..» —
«*Отец Отечества!*» — царь прервал с гневным взором.
Ужасные слова! вы были приговором
Царевичу — и Петр не смел его простить.
Он трепетал ему Россию поручить.

- О ты, который был здесь больше всех несчастен,
730 Сыновних бед и бед отечества причастен,
Петр! если строгим кто назвать тебя дерзнет;
Указ Сенату твой под Прутом даст ответ!
И казнь царевичу скрепивший Долгорукой
За правосудие твое векам порукой!

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

- Сам Бог, которого величие и сила
Премудростью себя в творениях явила,
В нас искру первую к изящному возжег:
Сафирами убрал небесный свой чертог,
В день солнцем, в темну ночь звездами освещенный;
Развесил в нем зарю, как занавес червлёный;
Из солнечных лучей Он радугу соткал;
Рифей и Эльборус, и Альпы изваял;
Дал разноцветную игру лучей кристаллам
10 И благородный блеск алмазу и металлам;
Усеял жемчугом блестящим дно пучин,
Кремень преобразил в пылающий рубин;
Гор огнедышащих затеплил он кадила.
Десница мудрая Его расстановила
Картины скал, долин, оврагов, рек, лесов
И зеркала морей и рамы берегов;
В лугах ковры цветов и зелени постлала
И бархат бабочек и пчел разрисовала.
Бог резвых рыб одел чешуйчатым серебром,
20 Колибри сотворил летающим цветком;
Он соловью дал свист, раскаты, трели, грохот;
Дал водопаду гром, ручью в лужайке шопот;
Дал лесу сладкий шум, дал морю грозный рев,
Его творения — и величавый лев,
И серебристый бобр, и леопард узорный,
И легкий конь, и слон, в движениях непроторный.

- Но в человеке нам хотел явить Творец
Все роды красоты, всех прелестей венец,
Величье с нежностью и гордость с добротою,
30 Он подарил его улыбкой и слезою
И дал единому сие чело, сей взгляд,
Которые без слов понятно говорят.
В восторге человек сначала бросил взоры,
На солнце, на луну, на алый блеск Авроры;
Но родилась жена — и светлая краса
Подруги перед ним затмила небеса.

- Желая меж добром и злом поставить разность,
Бог прелесть дал добру, пороку безобразность;
Он заклеил разврат, коварство, гордость, лесть.
- 40 Опасность показав, хотел от ней отвесть.
Древа, которые свирепый яд скрывают,
Тяжелым запахом вокруг травы убивают
И в одиночестве осуждены стоять:
И мошка мимо их боится прожужжать,
И звери лютые с боязнью мимо рыщут,
И птицы гнезда вить на их ветвях не ищут.
Ужасен тигр, когда пронзительно ревет,
Ужасен крокодил, когда он слезы льет,
Ужасно змий шипит, сверкая острым жалом.
- 50 Мазепа в ласковом лице грозит кинжалом,
И подлы под венцом Лжедмитрия черты.
Но добродетели души и красоты
В осанке и лице написанны блистают
И в страннике Петре монарха обличают.
Вотще на хижину он променял чертог:
Петр-плотник в рубище — осанкой полубог.
В Кагульский день, когда, ударив, янычары
В российские ряды как вихрь вломились ярый,
Румянцев в красоте величия предстал,
- 60 И взглядом воинство от бегства удержал,
И бросил страх в врагов, не громом побежденных,
Но взглядом нашего Готфреда пораженных.
Платон, благовестя победу под Чесмой,
Сиял небесною в лице своем красой,
Тогда как, бросившись с кафедры на колени
Пред гробом нашего Петра, он к славной тени
Воскликнул: «Разорви оковы естества!
Восстани, нашего виновник торжества!
Взгляни на бунчуки, на флаги, на знамены,
- 70 Которыми твои украшены здесь стены:
Все это ты! твоя приносим от твоих!»
И Ерапкин в жару намерений благих,
Схватя бразды, из рук бессильных опущенны,
Во власть решимостью единой облеченный,
Средь черни яростной в Москве на стогнах зрим,
В божественных лучах, как горний Серафим,

- Фиал спасения с небес принесший граду,
И видом, словом уст вливающий отраду.
Державин, посланный против бунтовщиков,
80 Когда чудовищный возникнул Пугачев,
Без войска и один — к отчизне полный страстью
И добродетели сражающею властью,
Которою во всех чертах лица сиял,
Взволнованный народ средь буйства оковал.
Бард невский был в сей миг прекрасен, как в столице
Без страха истину вещающий царице!
Наш молодой Тиртей — пришедший с лирой в стан,
Влиявший мужество в унылых россиян,
Падением Москвы убитых и пожаром,
90 Нам предсказавший дни побед и мщенья с жаром,
В защите Промысла уверенной души,
Прекрасен у костра в ночь лунную, в тиши
Перед спасителем Отечества поющий,
И указующий на предков ряд — текущий
По светлым облакам: всех очи в небесах,
Всех чувство честь, все жизнь готовы бросить в прах;
Мечи до полножен в восторге обнаженны,
И Старца лик лучом величья озаренный...
Враги изящного! ужели вас сей вид
100 С добром и красотой еще не примирит?

- Есть люди странные, привыкшие злословить
И доброму всему упорно прекословить,
Чтоб мыслей развернуть особый образ свой
И красноречием блеснуть перед толпой!
Упрямый, черствый ум, предубежденны чувства
Показывают им Изящные Искусства
Опасной роскошью, которой тонкий яд
Имеет следствием изнеженность, разврат;
Или презренною для мудреца безделкой.
110 Но, почитая их души уделом мелкой,
Забавой праздности и детскою игрой,
Глупцы сражаются с Природою самой.
Позолотили жизнь изящные Искусства,
Образовали ум, возвысили в нас чувства;
Без них вселенная казалася пуста,

- И дикий человек был жалкий сирота.
Тащилось для него стопой тяжелой время;
Он живо чувствовал бесчувственности бремя,
И праздность сон души, и скуку яд сердец.
- 120 Но звуки лирных струн, но голос, кисть, резец
Сорвали черное с Природы покрывало,
И время по цветам для смертных побежало.
Любовь к изящному, любовь к добру, она
Нам в утешители, в вожатые дана.
Чем улаживает грусть пастух в день летний с стадом?
Садовник, в дождь и зной трудясь над виноградом?
Оратай, наклонясь на искривленный плуг?
Иль в жатву хоровод весёлых их подруг?
Чем коротает день пловец на дальнем море?
- 130 Чем с молотом кузнец рассеивает горе?
Чем облегчает труд прохожий на песках,
И жалкий труженик в сибирских рудниках?
Поют! — забыта грусть — и время пролетает.
То не безделица, что друга заменяет,
Что облегчает труд, страдания целит,
На бедность льёт елей и с жизнью мирит.
Златыми гусями Давид целит Саула,
И ярость дикая под звоном струн заснула;
Он улыбается, не ненавидит: вновь
- 140 В Сауловой душе и благость и любовь.
От гласа труб стена распалась Иерихона;
Пиит при звуке лир спартанские знамёна
Опять с изменницей-победой обручил.
Когда же Тимофей дремавшие будил
Перстами легкими волшебной лиры струны,
Всесокрушающе в сердца бросал перуны,
Разнеживал, томил, мертвил и оживлял;
То сладострастие, то гордость возбуждал,
То жалость, то любовь, то месть и жажду боя:
- 150 Он с лирою в руке был царь царя-героя,
У ног которого лежал в оковах мир.
Могущество меча молчит пред звуком лир!
- Но что за сладкие мой слух ласкают тоны?
Гром бубнов, вздохи флейт, треск труб, валторна стоны

И скрипки порознь струн, иль вместе, разговор;
 Хаос и стройность вдруг, согласие, раздор!
 Как страстной горлицы с подругой воркованье,
 Как будто бы листов с зефирами шептанье,
 Как будто бы ручья с ручьём веселый спор...
 160 И вдруг... как будто вихрь, свистя качает бор,
 Как будто в гнев Зевс за громом громы мечет,
 И взрытый океан бореями хлебещет.
 Любовь и ненависть, палящий огонь и хлад,
 Отверсты небеса, разинут черный ад...
 Благоговение и ужас потаенной,
 Восторги, смерть и жизнь в душе попеременно:
 Так сладкий поцелуй щекочет нежно слух;
 Так лобызание томит в восторгах дух;
 Так сердцу сладостно за милых нам страданье!
 170 Так сладко праведных с землею расставанье!
 О Гайден! о Моцарт! о славная чета!
 Вы честь Германии, вы мира красота!

Забуду ль зодчество? Забуду ли ваянье!
 В Петрополе, что шаг — то памятник иль зданье,
 Которые душе и взору говорят,
 И пышный град Петров соперником творят
 Блистательных Афин и Рима, царств владыки.
 Смотри, вот памятник Суворова великий!
 От рабства русские спасать готовясь мир,
 180 Хватались за мечи, встречая сей кумир;
 Сюда точить штыки трёхгранные ходили
 И, как Румянцева орел, душой парили,
 На гордый обелиск Кагульского смотря:
 Здесь умереть они клялися за царя!
 Смотри, над мшистою гранитною скалою
 Чесмесский памятник* подьмелется главою;
 К его подножию ласкается волна,
 Проглядывает вниз, бледнеючи, луна
 На цепи, на перун в когтях орла младова:
 190 Стамбул еще дрожит при имени Орлова!

* В Царском Селе.

- Дивись сим вереям чугунным и вратам;*
- Они свидетели грядущим племенам,
Каким был враг в Москве огнем потешным встречен,
На сих столпах его позор увековечен.
Бородино, и Кульм, и Лейпциг, и Бриен,
И кем Наполеон с престола низведен.
В великом подражать римлянам россов доля:
По берегу Невы, по стогнам Петрополя
Идет, шатаясь, гранитная гора —
- 200 И пала под стопы великого Петра.**
Москва, дочь старшая России! Кремль священный,
С стеной растреснутой, громами опаленный,
Твой лучший памятник! Но царь к тебе воззрел
И жертву чистую прославить восхотел:
На стогне ожили в меди по воле царской
Твои спасители и Минин, и Пожарской.
Храм Богу заложен, где смелость с простотой,
Огромность с прелестью и пышность с красотой;
В частях согласие и в целом соразмерность,
- 210 В котором не страшит, пленяет нас безмерность,
Пред коим высота поникнет пирамид.
Об храме римском свет, зря русский, замолчит,
И в славе, призванный, сойдет сюда Спаситель:
Здесь Бога христиан достойная обитель!
- Вот русских ряд картин: смотри, благоговей!
Вот образы граждан, вельможей и царей,
Давно сошедших в гроб, но славой незабвенных,
И животворною нам кистью воскрешенных!
Вот мудрый Гостомysl, поверженный на одр
- 220 Болезнью смертною, изнеможен, но бодр;
Пред ним старейшины, народное собрание —
И он спокойно им вручает завещанье.
Вот Олег, на челнах проплывший глубь морей,
Выходит на берег с дружиною своею —
И прибывает щит к воротам Царя-града.
Вот Святослав в тот миг, когда врагов засада

* Воздвигаемые в Царском Селе.

** Славный стих Рубана.

- Его, грядущего беспечно над Днепром
С немногочисленным богатырей полком,
Подметив, облегла полков несметных тучей,
230 И он, меч-кладенец тряся рукой могучей,
Вскричал, разрывный лук и стрелы сбросив с плеч:
«Для мертвых срама нет! Нам путь проложит меч,
Иль в чистом поле сем полягут наши кости!»
Вот в светлой gridнице князя, бояре, гости,
И в золотом венце Владимир-солнце сам
Велит беседовать из дальних стран послам,
Внимает жадно их о вере состязанье,
И, знак победы, крест — на высоте в сиянье.
Вот грозный Иоанн, вступающий в Казань,
240 Сумбеке-пленнице простер могушу длань,
С улыбкой милости с колен ее подьмет
И Ангелов горе хвалу поющих внемлет
Хвалу Подателю и мира и побед.
Вот Кремль, отверстый храм: вот Минин, Филарет;
Нисшедший с высоты своей на трон Пожарской!
И вот в обрызганной порфире кровью царской
Младой, но верою могущий Михаил;
В нем, в нем надежду Бог России сохранил!
Вот море, неба свод, усыпанный звездами!
250 Все спит; одна ладья мелькает меж волнами,
И весел слышится однообразный шум;
И Миних на корме, глубоких полный дум,
В воображенье зрит минувшего картину:
Свою блестящую и черною годину —
Когда, могучий вождь, по прихоти своей
Он возводил на трон и низводил царей;
Мнит слышать славы плеск, зреть лавры, колесницу,
Сибирь и эшафот, и вновь возврат в столицу...
И вновь изгнание с отеческих берегов
260 С царем, которому как он — игра валов —
Одна сия ладья осталась от полсвета!*Но отвратим свой взор от жалкого предмета:
Отрем слезу! Взгляни, победный россос строй

* Читатели вспомнят верность Миниха и спасительные советы, которые подавал сей знаменитый Военачальник Императору Петру III.

Поникнул лаврами увитою главою;
Кресты, священники, алтарь на бреге Сены...
И победитель-царь коленопреклоненный,
И осенил главу знамен дремучий лес...
И благодать летит с безоблачных небес!

- Поэзия сердца и слух, и глаз пленяет,
270 Ваянье, живопись и музыку вмещает.
Ее владение — земля, эфир, моря;
Заходит к пастырю, и гостем у царя.
Так златозарный Феб на колеснице блещет
И разноцветные лучи с эфира мечет
На горы, на леса, на нивы, на кусты,
На степи, озера, на снега и цветы.
Она есть зеркало изящных Природы,
Иль пышная река, которой ясны воды
Изображают нам и виды городов,
280 И звезды, и зарю, и дичь густых лесов;
Воинский шумный стан, шалаш и дом веселый
И в отдаленности разбросанные селы.
Но мало этого: прекрасною рукой
Живописуя нам движение, покой,
Поэзия творит, делит, соединяет
И, выбрав лучшее, по воле размещает;
Природу самую дерзает поправлять,
И в целом, и в частях ей вид иной давать;
В бесчувственное жизнь и дух вливает смело
290 И облакает мысль невидимую в тело;
Ласкает, учит нас, смеется, слезы льет
И для себя свой мир особый создает.

- Смотрите, как, в стихах соделавшись ваятель,
Кумира Фебова поэт второй создатель!
Непостижимо нам, как света сильный бог
В обломке мрамора пробыть столь долго мог!
О чудо! Божество резец освобождает...
Велит — и Аполлон из камня выступает:
Глаз зрит чудовище, стрела летит из рук,
300 В деснице божеской звенит, сотрясшись, лук
И дышит ярый гнев презрительно ноздрями.

Бог прозорливыми Пифона зрит очами,
Уже привыкшими как будто въяве зреть
Все то, что было, есть и все, что будет впредь.
В нем блещет красота, величие и младость,
И разливается победы светлой радость.
Нет, он не смертный — бог! Величественный вид
С эфирной легкостью в его осанке слит;
Едва он до земли касается стопами;
310 Власы разбросаны прелестными волнами;
По телу мягкому глаз с сладостью скользит,
И стройность целого пленяет и дивит!

Рафаель был Гомер, Творца живописуя;
Гомер Рафаель был, Юпитера рисуя,
Громодержавного властителя небес,
Колеблющего мир движением очес.
Кого не трогает Гомерова картина,
На коей вождь троян, сняв шлем, объемлет сына
И, смерть предчувствуя, но в бой горя идти,
320 Супруге говорит последнее прости?
Кого не устрасит Ахилл, за друга мстящий
И тело Гектора вокруг Трои стен влачащий?
Но ярый сей Ахилл влечет к себе сердца,
Когда смягчается при имени отца,
И длани Гектора, дымящиеся кровью,
Пряму подает с участием и любовью.

Виргилий сладостен, как флейта, как свирель,
Как соловьиная в лесу дремучем трель.
И кто с Дидоною не сострадал в несчастье?
330 Кто в Эвриаловой судьбе не брал участие?
Изображает ли Виргилий бурю нам:
Гремит из края в край гром грозный по громам;
Ночь в полдень! молния за молниєю с блеском!
Натруженный корабль со скрипом, с страшным треском
То мчится выспрь стрелой — и там висит во мгле;
То погружается в разинутом жерле!
К Циклопам ли ведет, кующим громы яры:
Шум слышится мехов и молота удары!
Живописует ли, как борзый конь бежит:

340 Дол стонет, пыль столбом от топота копыт!
К единоборству ль вождь против вождя несется:
Щит сгрянулс с щитом и меч с мечем сечется!
Орфей ли сходит в ад: Плутона умягчил;
Но, ах! в тот миг, когда на свет уж выходил...
Стал, оглянувшись он... и нету Эвридики!
Как жаль, что сей певец, столь сладкий, столь великий,
Рабом нередко вслед идет другим певцам,
Когда бы лучший мог пример оставить сам.

Тасс лавры и цветы, и пальмы рассыпая,
350 Не менее велик, не менее пленяя,
Поет святую брань — и рыцарей Креста
Ведет в Ерусалим отмстить за гроб Христа.
Его Ерминия — страстна и боязлива;
Его Ренальд — огонь, Клоринда — горделива;
Великодушен, добр и мужествен Танкред;
Богобоязнен, мудр и опытен Готфед.
Певец религии, войны, любви и славы,
Рисует, как Гомер, картины, страсти, нравы,
И, чародейства друг, в поэме он своей —
360 С жезлом Армидиным сам первый чародей.

Как опишу тебя, Протей по дарованиям,
Смесь грязи с золотом и мрачности с сияньем?
Историк, сказочник, поэт, софист, мудрец,
Хулитель Божества, зоил царей и льстец,
Вольтер единственный! Нельзя исчислить бедствий
И дерзости твоей преступной горьких следствий:
Высокий, сладостный, игривый, острый вдруг —
В Заире — ангел ты, в Кандиде — адский дух!

Любимцы Талии, любимцы Мельпомены
370 И проповедники прекрасного со сцены,
Софокл, Мольер, Шекспир! Вы, Шиллер и Расин!
Смеша и трогая, вы прелестью картин
Животворящего, волшебного искусства
К добру и истине влечете ум и чувства.
В театре лучший тон, обычаи и вкус,
И образованный язык я слышу Муз;

В Театре строгий ум, столь скучный с поученьем,
Находит к сердцу путь с изящным наслажденьем.
Там зимний вечер я невинно провожу
380 И лучшим всякий раз оттоле выхожу.

К тебе, о Пиндар! Ты дум пламенных в порыве,
Как наводненная дождем река в разливе,
Великолепен, быстр, блистателен течешь;
Торжествователям победный гимн поешь —
И гимн сей ценится всего на свете выше.

Гораций! твой полет величественный тише;
Со вкусом, с выбором в стихах бросаешь ты
Аттическую соль, авзонские цветы
И утешительных для жизни правил зрелость;
390 Не робость с дерзостью твои вожди, а смелость.

Хвалился баснями, о скромный Лафонтен!
Не знаменитым ты, но добрым наречен!
Что имени сего и краше и милее!
Бюффон не описал животных нам точнее:
Ты вникнул в нравы их, пороки рассмотрел,
Подслушал разговор, в совете их сидел
И просто описал, мудрец простосердечный!
Но разномерные стихи и слог беспечный
Тебя единственным являли б меж певцов,
400 Когда б не Дмитриев, Хемницер и Крылов...
Природу и они, как ты, подсторожили —
И твой зеленый лавр с тобою разделили.

Цветами новыми одевшие Парнас,
Поэты русские, благословляю вас!

Хвала, о богатырь, нам проложивший первый
Дорогу к Музам в храм, дорогу в храм Минервы!
У неба гром отняв, постигнув бег комет,
Хотел ты, как Атлант, поднять на плеча свет...
Хвала! ты был для нас Франклином и Ньютоном
410 И совместил в себе Пиндара с Цицероном.

- Хвала, Державин! битв, царей, любви певец;
Анакреон твой вождь, Гораций образец.
Но нет! в твоих стихах морозы и метели,
Цветы в проталинах, березы, сосны, ели
Приятнее для нас лилей и мирт чужих.
Мы видим Фабиев и Кольбертов родных
В твоём Румянцеве, Шувалове, Орлове,
Катона в Репнине, Кромвеля в Годунове.
Свой род поэзии особый создал ты,
420 В котором все твоё: ошибки, красоты.
Ты сбросил правила, как твой Суворов славный,
И как Суворова — твой гений своенравный
Природа отлила в особенный сосуд:
Обоим подражать напрасный будет труд!

- Хвала, наш Дмитриев! ты в оде, песне, сказке
По плану, ходу пьес, завязке и развязке,
По строгой верности и слога чистоте,
Игривости ума, огню и остроте —
Классический поэт! Ты смел без напряжений,
430 Блистателен, но прост; изящный вкус твой гений.

- А ты, об Душеньке воспевший нам шутя,
Простосердечное Харит и Муз дитя!
Ты сам не ожидал, чтобы твоя безделка,
В которой не блестит искусство и отделка,
Которая тебе не стоила трудов,
Где все достоинство — пленительность стихов,
Живой рассказ, жар чувств, шутливость и небрежность,
Назло трудам твою составила известность...
Безделка славная! С тобою Лафонтен
440 Сразившись за нее — остался побежден.

И ты, не менее приятный, больше страстный,
Нелединской, певец любви сладкогласный,
Анатомист души; не блеск, не остроты
В тебе пленяют: грусть, таинственность, мечты.
Живописуя страсть — весь пламень, весь ты чувство;
Скорбь сердца — твой талант, любовь — твоё искусство.

Певец! ты награжден не лавром, не хвалой,
Красавиц чистою, сердечною слезой.

- О, будь благословен гонитель, бич пороков,
450 Отец российского театра, Сумароков!
Не жди, слепым судьям не стану подражать,
Не стану я тебя Расином называть;
Не стану опытов твоих равнять с Вольтером
Или с единственным в комедиях Мольером.
Желаю быть к тебе не строг, а справедлив:
Ты вечно незабвен! Ты тем уже счастлив,
Что первый Талию к нам призвал с Мельпоменой
И первый овладел отечественной сценой,
Но груб и вял твой слог, неверен часто вкус,
460 И много ты писал, не спрашиваясь Муз:
Твои трагедии — младенца лепетанье!

Фон-Визин! острое твоё к *слугам Посланье*
За славу бы почел своим назвать Вольтер.
А в *Недоросле* ты наш истинный Мольер!
Скажи, зачем писал стихами так ты мало?
Зачем терпения в тебе недоставало?
В отечестве у нас один ли Простаков?
Для ста комедий мы нашли бы чудаков!

- Но что! какая вдруг счастливая премена?
470 Льет в душу жалость нам и ужас Мельпомена!
Характеры и план, и ход, и слог, и жар
Порукой за твоё искусство, вкус и дар
Бессмертный Озеров! Ты сердца знал пучину:
Ты Старна сотворил, Едипа и Моину.
Душа моя болит за Ксению твою;
Над Поликсеною из сердца слезы лью;
Люблю Димитрия с отважною душою:
Но смело признаюсь, муж славный! пред тобою:
Моя любимая трагедия *Вадим*.
480 С какою силою начертан Княжнинным
Новгородский Брут и Цесарь величавой!
Один — блистающий в короне чистой славой,
Свободу благостью заставивший забыть

И от безвластия власть спасшую любить;
Другой — свиреп и яр, как тигр неукротимый,
По добродетелям за полубога чтимый:
Обоим славная, ужасная судьба!
И нерешенною осталася борьба
Величья царского с величьем гражданина:
490 Корнелева пера достойная картина!

А вы, товарищи невинных дней моих,
Участники пиров веселых и младых,
Которые меня столь быстро обогнали
И лавром светлое чело свое венчали!
Далекий на пути ко славе и честям,
Товарищ прежний ваш по сердцу близок к вам;
Читая вас, в слезах, в восторге он трепещет —
И вместе с целою Россией рукоплещет.

Ты, по степенности, по летам старший нас,
500 Руководитель наш в дороге на Парнас;
Ты в образованном кругу не мелочами,
Но здоровым розыском, учеными трудами
И предложением нам древних авторов
Стяжавший честь — Лагарп российский, Мерзляков!
Когда б была в тебе к советам друга вера,
То перевел бы ты не Тасса, а Гомера.*
О, сколько бы венцов: Софокл и Еврипид,
Виргилий и Гомер, Бион и Феокрит!...
Тогда б незрелых ты не издал в свет творений:**
510 Бюффон давно сказал: терпение есть гений.

Жуковский! с якорем, лилеей и крестом
Ты об возвышенном, прекрасном и святом

* Сочинитель сих стихов в приятельских спорах своих с переводчиком «Освобожденного Иерусалима» всегда ставил перевод его из Гомеровою «Одиссеи» (под названием «Улисс у Алкиноя», в «Вестнике» Европы) напечатанный выше переводов из Тасса. Он и теперь упорно стоит на своем мнении.

** Здесь сочинитель говорит о тех немногих пьесах, которые, будучи, так сказать, вырваны из рук у поэта нашего, вероятно, против воли его, напечатаны прежде, нежели он успел довести их до того совершенства, печать которого носят на себе столь многие его переводы и сочинения.

Нам проповедуешь, несчастных утешитель!
Об небе говоришь, как будто неба житель;
Указываешь путь из сей юдоли бед
В мир истины, добра, любви, в тот мир, где нет
Разврата, низости, корысти, вероломства.
Ты режешь на меди для позднего потомства;
Ты любишь трудное; играя, сыплешь ты
520 Из полной горсти нам алмазы и цветы.
Брег дикий, монастырь, развалины, кладбище
И мрачный лес — твое любимое гульбище;
И сладок для тебя шум ветров и морей;
Но ты веселый гость на пиршестве друзей.
О друг! не позабудь, успехом обольщаем,
Что новых от тебя чудес мы ожидаем.
Твой пламень не погас среди бедствий: пусть же вновь
Ярчей зажжет его счастливая любовь!

А ты, в венке из роз и с прадедовской чашей,
530 Певец веселия и пиршеств жизни нашей,
Роскошный Батюшков! Пленительный твой дар,
Люби, поэзии, вина и славы жар.
Овидий сладостный, любимец Муз Гораций,
Анакреон и ты — вы веруете в Граций!
И девы чистые беседуют с тобой
На берегах Невы под тенью лип густой,
И роза пышная на льду при них алеет,
И обрывать ее косматый мраз не смеет,
И солнце яркое с безоблачных небес
540 Зимой нежиться зовет в прохладный лес.
У Тасса взял ты жезл Армиды чудотворный —
И гордый наш язык, всегда тебе покорный,
Волшебник! под твоим пером игривым жив,
Затейлив, сладостен, и легок, и шутив;
Рисуя нам любви и муку, и блаженство,
Прелестный, пламенный, твой слог есть совершенство.

Каратель Вяземский, ведущий славно брань
С пороком, с глупостью! вооружись и грянь
Неотразимую и колкою сатирой
550 В врагов, терзающих неистовую лирой

Наш избалованный твоею лирой слух:
Ты бич для Бавиев и Мевиев, то друг!
Быть может, осмеяв, ты их молчать заставишь;
Нельзя исправить их, коль ты их не исправишь.

- И Красноречие, пленитель мощный чувств,
Рука с рукой стоит в ряду других Искусств,
Изящных, как оно: с перунами, с цветами,
С кадилом иль мечом, с державой иль весами.
Но мало взоры, слух, сердца обворожить:
- 560 Оно желает ум, растрогав, убедить.
Во имя ли Христа, во имя ли закона,
Во имя ли царя, с кафедры или трона,
К гражданам ли, судьям иль войску говорит,
И укоряет ли, иль хвалит, иль грозит
Вития сладостный, огня и силы полный,
Колышет словом уст народа бурны волны.
Велит — и граждане Афин зывают: брань!
И ищет копия трепещущая длань.
Велит — и грозный гром на Катилину грянул,
- 570 Луч бездну облеснул, смятенный Рим воспрянул...
И страшный враг бежит унижен, посрамлен,
И Рим воинственный витиею спасен!
Велит — и мудрецы, вожди, владыки мира,
С которых смертью снят их лавр, венец, порфира,
К Гиббону, к Монтескьё, к Карамзину идут
Внимать своим делам их неумытный суд
И человечества быть славой иль позором.

- К вам обращаюсь я с грозою и с укором,
О сильные земли, которых гордый взгляд
- 580 Кичливо падает с высот на Феба чад!
Ужасные враги изящного и славы!
Увитый лавром меч, сияние державы
Вас от проклятия потомства не спасет!
Под шлемом, под венцом, под митрою найдет
И грянет мщение над вами Аполлона,*

* Само собою разумеется, что здесь имя Аполлона употреблено аллегорически, вместо — Поэзии, Красноречия, Истории и всех Наук и Изящных Искусств.

- Божественной стрелой сразившего Пифона!
Раскройте Летопись; остановите взор
На кровавых листах; прочтите свой позор!
Кто просвещения был в древности гонитель?
- 590 Глупец Калигула, Домициан губитель,
Неистовый Омар, чудовище Нерон!
На просвещении* поставлен крепко трон,
Свобода, правда, честь, законы, Вера, нравы.
Любители Наук всегда любимцы славы;
Плутарх и Ливий их дела опишут нам —
И будут в образец народам и царям,
Светилами веков — Перикл, Кольбер, Христина,
Лев, Август, Людовик, наш Петр, Екатерина
И ты, о Александр, о, лучший из царей!
- 600 Велик, освобождая Европу из цепей,
Велик ты, нового Атиллы победитель;
Но меньше ль — русского Тиртея покровитель,
И Тита-Ливия призвав и одаря
С великолепием российского царя?

- А вы, завистники, злословьте, клеветите;
Нет, вы сияния таланта не затмите,
Упрямый, сквозь преград он путь пробьет себе.
Как я люблю смотреть на гения в борьбе
С изобретательной в гонениях судьбою!
- 610 Он в люльке душит змей младенческой рукою;
В расставленной ему запутавшись сети,
Рвет сеть с презрением — и вдалеке спешит идти.
Пусть крылья у него обрежут: он их вскоре
Вновь слепит, как Дедал — и прелетит чрез море.
Запрут ли пылкого страдальца в тесный плен:
Терпением пробьет железных толщу стен.
Из заключения к богам на пир летает
И, верный славы раб, других властей не знает.
Отец Поэзии, божественный Гомер,

* Т. е. истинное просвещение, а не то, коим Европа была наводняема в продолжении последних пятидесяти лет. Вместе с Боссюетами, Фенелонами, Монтескьё, Лабрюйерами входили к нам вредные сочинения философов-самозванцев, которых сами французы не ставят рядом с мудрецами, просветителями рода человеческого. Они именуют философами только Декарта, Гассенди, Маллебранша, Паскаля.

- 620 Дал силы гения блистательный пример:
Его обширную рекой изображают,
Из коей влагу все искусства почерпают,
Седьм греческих градов присвоивают честь
Умершего на свет в стенах их произвести:
И олтари ему по смерти закурились,
И тридесять веков над гробом прокатились,
И каждый гроб его цветами осыпал,
И с каждым веком он блистательней сиял.
Великий Александр завидовал Ахиллу;
- 630 Но в жизни жертва бед — Гомер клял жизнь постылу:
Неблагодарностью убитый и тоской,
Из сострадания водимый сиротой,
Скитался в рубище сей знаменитый нищий
Без крова под дождем, а часто и без пищи.
Овидий сладостный, наперсник красоты,
Роскошно сыпавший Поэзии цветы,
Сын избалованный и счастья, и Феба,
Из-под сапфирного безоблачного неба
Быв сослан Августом в обитель вечных льдов,
- 640 В сугробы снежные — не позабыл стихов.
Вернет, когда померк небесной свет лазури,
Вздымались валы, шумели крылья бури
И каждый из пловцов об жизни трепетал —
Стоял на палубе и бурю рисовал.
Тасс, Рима красота, был бесприютный странник,
Торжествователь Тасс, страдалец и изгнанник,
В цепях вымаливал себе насущный хлеб...
И жив его талант под дланию судеб!
В отечестве зимы рожденный к славе россов,
- 650 Чего не испытал великий Ломоносов?
При этом имени я, мнится, вижу луч
Звезды, которая выходит из-за туч
И ярко в темноте на небосклоне блещет...
И сердце русское сильнее в груди трепещет...
Мой распрямился стан, глава приподнялась,
Отважность гордая мне в душу пролилась;
Я говорю: он был моим согражданином!
И сам себе кажусь в восторге исполином.
В угрюмом Севере, в сугробах Холмогор,

- 660 Где полгода почти не видит солнца взор,
Где полгода других оно, светя, не греет,
Где нету соловьев, где роза не алеет,
Где небо в пасмурных сокрыто облаках
И горы ледяные синеются в волнах —
В рыбацкой хижине, в пустыне полудикой
Родился Пиндар наш — ум сильный и великой;
Он рано угадал в себе к наукам дар,
И рано стал его тревожить славы жар,
И, предприимчивый, с деятельною страстью,
670 Повлекся тайною, неодолимой властью,
Беглец от родины, от братьев, от отца,
Под покровительством единого Творца,
Тернистую стезей в край незнакомый света,
Не зная, где прилечь и где искать привета.
Где мог найти его бездомный сирота,
Которого удел гонимость, нищета?
Кто объяснит ему то темное желанье,
Которым осужден на вольное изгнание,
Когда он сам его себе не объяснил?
680 Ах! он ни в чьей груди огня не находил,
Пылающего в нем преград к преодолению!
Тут с равнодушием его дивятся рвению,
Там, не спасая, дают спасительный урок,
Тут жаркий делают за смелый шаг упрек
И холодно берут в судьбе его участие
Или насмешками приветствуют несчастье;
Однако твердо шел вперед великий муж,
Не замечая сих презренных, низких душ:
К сапфирным небесам орел паря в размахе
690 Заметить может ли червей, ползущих в прахе?
Терпенье нуждам он противопоставлял,
В препятствиях к своему упрямству прибегал,
Успехом отвечал врагам на укоризны.
Но ждал враждебный рок страдальца вне Отчизны,
Чтобы нанести ему решительный удар
И потушишь навек его ко славе жар.
Рожденный с пылкою душой, с воображеньем,
Среди соотчичей встречаемый презреньем,
С родными без родных, с друзьями без друзей,

- 700 Он мог ли хладен быть к вниманию людей
Чужих и языком, и верою, в чужбине,
Участие в его приемлющих судьбине?
И мог ли юное он сердце уберечь,
И знал ли, как его от взоров остеречь
Иноплеменницы прелестной и радушной?
Льзя ль дружбу первую отвергнуть равнодушно,
Когда, из края в край прошедши целый мир,
Остался он как был — и одинок, и сир?
Она так мило с ним в несчастьях сострадала,
- 710 Так сладко грусть его разделом облегчала!
Любила проводить с ним вместе вечера
И слушать с жадностью нередко до утра
Повествование влюбленного поэта
Об том, как в родине в младенческие лета
Между огромных льдин по золотым зыбям
К необитаемым он плавал островам;
Как в полночь солнце зрел пылающей горою
И встречу утренней с вечернею зарею;
В багровом пламени пожара льды и лес,
- 720 И видел зарево холодное небес;
Об том, как он, плывя через Варяжски волны,
И детских сладостных воспоминаний полный,
Вздremaв на палубе под говором валов,
Под скрипом корабля, под шумом парусов
Зрел в сне пророческом свой океан холодный
И сети, и шалаш, и остров тот бесплодный,
Где часто с яростью седых боролся волн,
И близко острова рыбачий утлый челн
Бросаемый... в куски об камень раздробленный...
- 730 И труп отца его, волнами принесенный,
Оцепенелый труп, простертый на песке...
Он продолжать не мог, он слезы лил в тоске!
Мечтательница с ним свои мешала слезы,
С ним странствовала в дождь осенний и в морозы,
С ним плавала в ладье, с ним с мрежами на брег,
С ним вместе заметал ее пушистый снег;
И скрытно от отца с ним браком сочеталась;
И долго б тайна их от гневного скрывалась,
Когда бы не залог несчастных двух сердец...

- 740 Вновь осудил себя к изгнанию певец.
Стоная, милую подругу покидает:
Так птица с песнию унылой вылетает
Из разоренного, холодного гнезда.
Но здесь счастливая зажглась его звезда! —
И Промысла посол — его Шувалов встретил.
Кто Божией руки в сем ходе не заметил;
Руки, которая, в виссон облечена,
Под Прутом спасшая Отечество жена,
Рожденная к трудам, казалось, в низкой доле,
750 Руки, которая по всемогущей воле
Германскую княжну на русский трон взвела,
Чтоб довершить Петра Великого дела;
Которая Петру открыла полководца,
Градоправителя, посла и мореходца
В отважном мальчике, в пирожнике простом;
Кутузова своим заметила перстом,
Орлам российским путь к Парижу проложила
И роковой свинец поспешно отклонила
От Александровой бесценныя главы
760 В минуту страшную, когда Моро в крови,
Сраженный, на руки упал царя и друга!

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

- Жрец добродетели, мудрец, софист, мечтатель,
Блестящий, пламенный сердец очарователь,
Писавший золотым на мраморе пером,
Всесокрушающий из уст бросавший гром,
Я чту, люблю тебя, Руссо красноречивый! —
Но умствований свет — есть часто призрак лживый!
Скажи, ответствуй нам: против Наук восстав
И лжесуждениям вид наружный правды дав,
Зачем пристрастно ты смешал в порывах рвенья
10 Употребление и злоупотребленья?
Ты, смело сбросивший привычек вредных плен,
Младенцев свободив из тягостных пелен,
Витийством — матерей их долгу возвративший,
От китовых костей их стан освободивший,
Неужли, погасив священный правды жар,

- Хотел здесь показать блестящий слова дар?
Нет! неспособен ты, муж строгий, лицемерить!
Ты верил в то, чему — хотел заставить верить —
И от души писал. В наш просвещенный век,*
- 20 Ты видел с горестью, как низок человек,
Как от духовного далек он совершенства,
Как ищет не в добре и истине блаженства.
С негодованием ты зрел разврат семейств,
Холодную корысть, готовую злодейств —
Позорною ценой платить за наслажденье;
В судах постыдное законов нарушение;
В советах царских лести, и в пламени войны —
Богатые града, цветущие страны,
Завоевателей по воле прихотливой —
- 30 Опустошенные! заросшие крапивой;
Ты видел вежливость и утонченность чувств,
Открытия Наук, изящество искусств,
И дар Поэзии — в столице просвещения,
Не для сердечного святого наслаждения,
Не к возвышению души устремлены;
Но к вредной роскоши людьми обращены; —
И, огорчаемый картиною сих бедствий,
Искал причину ты таких ужасных следствий;
Ты мнил найти ее и думал доказать,
- 40 Что порчи нравственной в науках нам — искать.
«Наш философский век, — ты говоришь, — свидетель,
Что просвещение не терпит добродетель;
Рим был в невежестве — и мир завоевал,
Но просветился Рим и, развратившись, пал.
В Афинах зрелища, ристания, гульбища,
Богатой роскоши и праздной неги пища,
Собрание статуй изящных и картин;
Гремят ораторы — и вольных нет Афин!
Граждане их, вперя весь ум свой на забавы,
- 50 Забыли трудный путь и доблести, и славы».
Пусть так, согласен я, красноречивый муж!
Что роскошь яд сердец, губительница душ,
Что прихоти родит, что нравы развращает,

* В сих стихах изображен разврат французов перед революцією.

- И основанье царств сильнейших подрывает;
К утрате славы их — владык земных ведет
И к своевольствию безнравственный народ,
Престолам, олтарям равно грозит паденьем.
Но между роскошью и между просвещеньем
Нет связи никакой! Брось беспристрастный взгляд
- 60 На царства Азии! увидишь во сто крат
Там роскошь большую: увидишь злых шерифов,
Развратных далай-лам, мучителей халифов;
Увидишь, как паша по прихоти своей
Играет жизнью и вольностью людей,
В крови граждан-рабов свои купает руки
И рубит головы невольникам от скуки; —
Как вспыльчивый визирь своею чередой
Шлет черных евнухов к паше за головой;
Султан курит табак, невольниц обнимает
- 70 И петлю визирю, зевая, посылает.
У женщин отняла свободу строга власть,
И благородная в их сердце гаснет страсть,
Неразделенная, в неволе и страданье.
Зверям осуждена краса их на пожранье!
Без просвещения там царствует разврат,
Бич свищет, и рабы оковами гремят.
Пойду ль у диких орд искать златого века:
Там тигра нахожу я в виде человека;
Сколь отвратительны их зверские пиры!
- 80 Став кругом, разложу большие дров костры,
С свирепой радостью и криками победы
Несчастных пленников терзают людоеды,
Иль умертвляют их, — с мольбой на олтарях —
Бессмысленных богов, которых создал страх...
Где жалость? где любовь? Изгнавши их из сердца,
Мать, мать сама несет к жрецам заклать младенца!
Бог-лев, бог-крокодил глотают там людей;
Там вымысл лютых мук — занятие царей,
Чтут славным подвигом разбой, грабеж и кражу
- 90 И гонят подданных, как стадо, на продажу.
Но ты, Руссо, меня в Аркадию зовешь...
Раскроем летопись: повсюду ты найдешь
О веке золотом одно лишь сожаленье —

И жалобы людей на позднее рождение;
Где современники, и кто нам доказал,
Что в самом деле век золотой существовал?
Твоя Аркадия — Поэзии создание,
В воображении — ее существование!

- Нам любопытство, ум и волю дал Творец,
100 Который сотворил людей на тот конец,
Чтобы к духовному стремились совершенству.
Мы сими свойствами владеем по наследству,
И искра Божества пылает не вотще!
От колыбельных лет, когда душа еще
Завернута в густой и темной оболочке,
Как цвет до времени себя таящий в почке,
В младенце задолго до всех наук, искусств
Заметен жадный ум и быстрый пламень чувств:
Желает, сравнивать умеет, выбирает;
110 Надежду, страх, любовь и ненависть он знает.
Гость новый, новыми предметами пленен:
Хватает, ловит их и пожирает он.
Как на воску черты старинные тускнеют,
Но разогретые и видны, и яснеют:
Так, кажется, дитя не новое узнать,
Но уж знакомое спешить припоминать.
«Мы учимся, — сказал философ знаменитый, —
Тому, что знали мы, но было позабыто».

- Инстинкт животным вождь, рожденным без ума:
120 Сооружает бобр плотины и дома;
В лугу здоровые от ядовитых травы
Умеют отличать водимые им кравы;
Собака в вьюгу нас выводит на тропу;
Птенец разбить яйца умеет скорлупу;
По черному пятну, чуть видному в лазури
Небесной, курица предсказывает бури
И прячет под крылом заботливым цыплят;
И геометр-пчела умеет разрешать
Задачу трудную учеными углами.
130 Но все инстинкт не ум: и самыми пчелами
Я доказать могу, что здание сотов

- Все так же строится, как за двадцать веков;
Бобр-зодчий своего не улучшил искусства;
Собака, слушаясь врожденного ей чувства,
Все прежний верный страж и прежний друг людей;
Степенный, важный слон, умнейший из зверей,
Не шествовал стезей Коперников, Невтонов
И нам не открывал вселенныя законов.
Единый человек умеет улучшать,
140 Разнообразить все и все преобразать;
От самого себя умеет отделяться
И наблюдать себя; прекрасным наслаждаться;
К добру и истине в душе благоговеть;
В прошедшем обитать, грядущим овладеть,
К нам настоящее приковывать мгновенье
И размышлением умножить наслажденье;
На пользу опытность и случай обращать
И опыты свои векам передавать.
Добр, любящ, жалостлив, сквозь слез и мглу густую
150 Единый человек провидит жизнь другую:
Он Бога и в душе, и на небе открыл.

- Нас учит логика употребленью сил
И действий разума: степенно, прозорливо
И быстро находить, что истинно, что лживо.
Ум в кладязь истины один спуститься слаб —
Он воспитания и предрассудков раб;
Ложь на предметы все свои цветы наводит
И в заблужденье ум неосторожный вводит.
Так месяц катится златым щитом для глаз,
160 В коре скрывается прекраснейший алмаз,
Приемлем вещь вдали блестящую за золото,
Счастливыми зовем всех, кто живет богато;
Но Логика дает спасительный совет
И умственным глазам показывает свет,
Людей и общество, сорвав с них покрывало
И строгой истины держа в руке зеркало.
Так со светильником и нитью проводник
Низводит путника в оставленный рудник,
Природы в тайные, подземные чертоги,
170 Где перепутаны и извиты дороги,

- Где темнота одна при факеле видна,
Где страшен всякой звук, ужасна тишина,
Однообразными все кажутся предметы;
Но памятливый вождь, надежный на приметы
И верною рукой держа бегущу нить,
По перекресткам там умеет путь найти
И с безопасностью в вертепах горорытства
Дать осмотреть все, что достойно любопытства.
Далекий Логика предмет определив,
180 Рассея чувств обман и темный осветив,
Понятия об нем уничтожает лживы
И полный суд дает об нем, и справедливый.
Так телескоп — где глаз на тверди голубой
Лишь видит Млечный путь протянут полосой —
Показывает нам и солнца, и планеты.
Но только ль? Логика мельчайшие предметы,
Нераспознаемы для глаза и вблизи,
Осмотрит с точностью и порознь, и в связи,
И делает потом из следствий заключение.
190 Так видит микроскоп и членов устроенье,
И кожи пестроту, и множество их глаз
У тварей маленьких, которых век есть час.
«Когда хотим узнать об вещи многосложной,
Тогда нам целое делить на части должно».
Вещает Логика рассудка — и она
С анатомистами в сем случае сходна.
Подразделения в ней я с деревом равняю:
Класс корней, род сучком, вид ветвью называю.
Идеи Логика в уме распорядив
200 И по предметам их и сортам разместив,
Библиотекарю искусному подобна.

Нам Промыслом дана свобода превосходна:
Я мышлю, я могу желать и избирать,
Позволить самому себе и отказать.
Я с волей одарен способностью небесной
Знать, что добро, что зло, что честно, что бесчестно;
Что в действиях моих достойно похвалы
Или презрения и праведной хулы.
Мы совестью зовем сей нежный, сей врожденный

- 210 Вкус к добродетели — цвет сердца несравненный,
Благоухающий для всех людей равно.
Спросите сердце вы — и даст ответ оно!
«Кто был счастливее: Отрепьев в багрянице
Иль голодом Гермоген томящийся в темнице?
Кто был спокойнее: Сократ ли, яд приняв,
Или злодей Анит, его оклеветав?»
Любовь к добру, к Творцу и ближним наша должность;
Усилить оную имеем мы возможность.
Наставник наш, Мораль — наука должностей,
- 220 Остерегает нас от склонностей, страстей,
Для добродетели нас высшей образует
И к счастью путь прямой и ровный указывает.
Наука опытов и чувств души — она
В уединении и в свете нам нужна,
В болезни, в здравии, в спокойствии, в заботе,
В несчастье, в счастии, в час отдыха, в работе,
В цветущем возрасте, могилы на краю,
На троне, за сохой, в торгу, в суде, в бою;
Желаю ль другом быть, отцом, супругом, сыном
- 230 Или готовлюсь быть небесным гражданином,
Скажите случай мне, вообразите миг,
Когда бы выгодно нам было от святых
И вечных Божиих законов уклоняться,
Когда б не выгодно нам им повиноваться?

Напрасно многие клеветают на людей;
Нет, наши общества не скопища зверей,
Бессильной злобою в одном сведенных месте!
Где видим царство львов? живут ли тигры вместе?
Нет, обществом живут слон умный, голубь, бобр,

- 240 Пчела и человек: он от природы добр,
В нем много с голубем, с слоном, с пчелою сходства:
Доброта, кротость, труд — основа домоводства.

В начале, как Господь вселенную творил,
Одну чету людей в раю Он поселил,
Благословил их брак в то счастливое время;
И скоро на земле размножилось их племя.

Тогда, чтобы от ссор родных — потомков спасть,
Возникла первая родительская власть.
Так Патриаршее учреждено правление;
250 Так первое *смейств* явилось *уложение*.

С столетиями род от рода отделясь,
Удостоверились, что им потребна связь
И силы общие поддерживать их слабость:
И снова сблизились, и вновь познали сладость
Жить обществом, где мир, покой и простота;
Но принуждала их нередко теснота
Перекочевывать, менять свои жилищи
И, странствуя, искать себе потребной пищи.
Соскучась скоро жизнь бродящую вести,
260 Сперва решились они стада пасти,
Потом пахать поля и сеять жито стали —
И постоянные жилища основали.
Едва республика младая родилась,
Как польза частная возвысила свой глас
И общие признать законы убедила:
«Что в стаде, коль его похитить может сила?
На что поля орать? на что садить сады,
Когда надежды нет за труд пожать плоды?»
И, ниву дикую вспахавши, земледелец,
270 И попечительный богатых стад владелец,
И тот, кто прежде всех долину захватил,
Их в собственность себе законом получил.
И все, и каждый стал другого охранитель
И нарушителям прав собственности мститель.
И каждый в дар принес златой свободы часть,
И, над собой признав спасительную власть,
Стал безопаснее, вольней в повиновенье...
Вот как *гражданское* родилось *уложение*.

Ах! скоро собственность виною стала ссор,
280 И власть посредников должна тушить раздор;
К их скорому суду идет бессильный — правый...
И *благочиния* начертаны *уставы*.

Но трудность разрешать запутанны дела
Однообразный ход с порядком в суд ввела:
Фемиде отданы степенность, благородство,
Весы и зрение — вот *судопроизводство*.

И все не крепок был общественный союз:
Коварство с леностью не уважали уз
Вины гражданственной свободы и спокойства;
290 Они для пользы своих вводили неустройства;
Их обуздать сильна единая боязнь —
И введены им в страх темницы, ссылка, казнь,
Чтоб обратить стыдом и силою примера;
Но в наказаниях должны быть степень, мера
Определяемы по разности вины:
И *уголовные законы* созданы.

Часть выгод обществу принести необходимо:
За то мой дом, мое спокойствие хранимо;
За то мне брошены через реку мосты,
300 Дороги сглажены, разрыты гор хребты.
Великолепные общественные здания,
И храмы Господа, и храмы воспитания,
Хранилища казны, орудий, книг и вод,
И все полезное в отечестве цветет.
Священник, Божиих законов изъяснитель,
И воин, зоркий страж, и судия хранитель,
Гражданам жертвуя трудами жизни всей,
Берут с них дань: и вот *начало податей*.

Главы гранитных гор увенчаны лесами,
310 Как снегом их луга усыпаны стадами,
Там пастырь молоком и сырами богат;
У жителя холмов янтарный виноград
И вишня черная с золотым лимоном зреет;
Оратай на степи ячмень и жито сеет,
И ломаются его анбары от пшена;
Но он за чашу бы кипящего вина,
За желтый жирный сыр, за персик сочный, сладкий
Охотно дал пшена богатые остатки:

И началась мена: оратай, пастырь гор
320 Сошлись — и заключен *торговый договор*.

Как камень, в тихую реку с высот упавший
И малый круг сперва в воде образовавший,
Но тяжестью своей его распространя,
Одну струю другой все далее гоня,
Распростирает круг сей малый в бесконечность:
Так до краев земли — все двигаясь в окрестность
Из средоточия — как за волной волна,
Пустыни протекли земные племена,
И, положи между собой границей степи,
330 Дремучие леса и гор высоких цепи
Забыли, что Отца единого сыны
И в братском мире жить на свет сотворены.
Как прежде люди врознь, так общества и царства
Игрою сделались корысти и коварства
И начали одно другое притеснять,
Опустошать поля и земли отнимать.
Тогда, чтоб не носить держав могущих узы,
Державы малые составили союзы;
Тогда Политика пришла к царям в совет,
340 И *равновесие держав* родилось в свет.

Как лев рыкающий по пустыни безбрежной
С презреньем зрит ловцов и, на себя надежной,
Им кажет два ряда ужасные зубов:
Так царство мудрое границы от врагов
Обстановляет вкруг стенами, рядом башен —
И для него набег неистовых не страшен.

Во древней Греции и в Риме видел взор
На берегах крутых и на стремнинах гор
Твердыни толстые, высокие громады.
350 В век рыцарей и в век князей российских грады
И замки с шпицами, с зубцами на скалах
Днепровских, реинских, в помории варяг
И в Скандинавии, как гнезда птиц висели
И флаги башень их издалека пестрели.

Но порох выдуман — и вала вышина,
И неприступность стен, и моря глубина
Не сильны защитить твердыни от напасти:
Драконы медные, разинув страшны пасти,
Изрыгнув огонь, и гром, и серные пары,
360 Бросают в высоту чугунные шары,
Которые, дугой летя, в своем паденье
Усугубляют вес — и, треснув, разрушенье,
Пожар и смерть из недр по стогнам града шлют,
Ограды твердые и гор сердца трясут.
Преобразилось все: искусство укреплений
Не ищет скользких скал и гордых возвышений,
До облаков твердынь и стен не громоздит
И ищет от громов надежнейших защит.

Ты, новый Архимед, Вобан! твердынь создатель,
370 Искусства нового укреп изобретатель!
Открой мне таинство оплоты созидать,
От приступа, от бомб, от ядер их защищать!
Твои отлогие поземные твердыни
И погребенные в земле до половины
С презреньем вокруг себя ревущий слышат гром;
Одетый камнем ров их обошел кругом.
Стрельница каждая стрельницею прикрыта,
Для каждого угла соседние защита;
Бок каждый и с боков, и с тыла защищен,
380 И низкий вал стрельниц полкругом обведен.
Я вижу впереди и между ровов куртины,
И пушки длинные обстали равелины.
На части крепость вся расчерчена тобой:
Пред каждой частью вал и ров особый свой,
Ограды, рвы, валы внутри твердыни нужны;
Но укрепления еще сильнее наружны:
Вот здесь покрытый путь и ров еще один;
Вот скат и перед ним из острых кольев тын.
О ужас! в мрачном здесь и скрытом подземелье
390 Безмолвно искры ждет разрывистое зелье;
Готово матернюю утробу растерзать,
Дым, камни, трупы, кровь между собой смешать

И разбросать вокруг трепещущие члены:
Подорванный подкоп есть образец геенны.

Когда счастлив народ, могущ и кроток царь,
Дороже жизни им отчизна, трон, алтарь:
Свобода первое народов гордых чувство,
Свободы крепкий страж — Военное искусство.

- В старинной Греции лавр первый насажден,
400 Всех прежде Спартою был возлелеян он;
В ней Марса колыбель, училище героев,
Законы строгие и хитрость бранных строев;
Но в Фивах родилась фаланга. Мильтиад,
Эпаминонд, Лизандр, Павзаний, Ификрат
Искусство множеству противопоставляли
И воинов простых в героев претворяли.
О славный Марафон! бессмертный Саламин!
Там жизнь и смерть забыв, и помня стыд один,
С несметной силою полк греческий сражался
410 И к диву всех времен победой увенчался.

- Оставив Спарту, Марс на Запад поспешил
И в Капитолии знамена водрузил.
Там независимость, триумф, любовь отчизны,
Римлянам-воинам стократ милее жизни:
Им, приготовленным ко брани с детских лет,
Путем к могуществу была дорога бед;
Труды — веселье их, опасности — забава,
Честь — страсть, победа — цель и добродетель — слава.
Эмилий, Сципион, Лукулл, Помпей, Маркелл,
420 Британник, Цесарь, Брут, Тит, Фабий и Метелл:
Сколь много их рукой упало царств и воинств!
Какой великий ряд, чудесный блеск достоинств!
Напрасно Анибалл, Югурта, Митридат
Сих хитрых воевод остановить хотят;
Они умножили лишь только блеск их славы:
Устройство римских войск — хранитель их державы.

Но воинский устав царь-Рим в свой дряхлый век
При поздних цесарях, к несчастью, пренебрег —

И роскошь, порча душ, паденья царств предтеча,
430 Вандалов скликала и гуннов издалеча.
Бесчеловечные их орды, как вода,
Плотину слабую прорвавши без труда,
Империю римлян и грады наводнили —
Сожгли столицу их, граждан поработили.
Нет славы, нет вождей: решало бой число,
Война грабительство, Искусство ремесло,
И миру гибелен был Тактики упадок.
Но император Карл восстановил порядок:
По манию его монаршия руки
440 Смыкались, строились, делились, шли полки;
Водила строгость их, вливала дух щедрота;
При нем страшна была испанская пехота.

Вождь Мориц, школы сей достойный ученик,
Изобретателен, искусен, смел, велик
В избранье мест и средств при отступе, осаде,
В походе, на бою и в осажденном граде.
К повиновению дружины приуча,
Повел к свободе их — и силою меча
Невольничьих оков могущий сокрушитель,
450 Стал угнетенная Батавии спаситель.

Смотрите, с Севера победоносный флот
Густава и судьбу Германии несёт:
Сей, предков доблестей воинственный наследник,
Между бессильными и сильными посредник,
С победой об руку Германию прошел,
Низверженных князей в их прежний сан возвел,
Им возвратил права и праотцев наследство.
Быть может, что сия война была бы средство
Густаву власть свою в Германию простерть;
460 Но рано дни его в бою пресекла смерть...

Смотрите, вот Конде, любимый сын Беллоны,
Восстанавливает честь французския короны
И, прохладив врагов, дотоль счастливых, жар
И спесь, наносит им решительный удар:

Отважным натиском испанский строй мешает
И в поле Рокруа их славу погребает.

- Великого Конде соперником Тюрен:
Как тот, Беллоною и Марсом научен;
Но осторожнее, благоразумней, тише,
470 Коль не талантами, то доблестями выше.
В нем храбрость воина и скромность мудреца:
Тюрен выигрывал сраженья и сердца.
И мудрый Людовик, монарх честолюбивый,
Искусный в выборе, в наградах справедливый,
Вождей сих лаврами достойно увенчал;
Но он в младом пленце орла не угадал.

- Престола цесарей могущий охранитель,
Совета муж и войск искусный предводитель,
Евгений Людовику ужасно отомстил;
480 По Альпам он себе дорогу проложил.
Отважной быстротой единого похода
Французы изгнаны, Ломбардии свобода;
Зрит опустелый стан врагов своих Турин,
И вновь Италии стал цесарь властелин.
Евгений полетел на берега Дуная,
Последуйте за ним! Он, Белград осаждая,
Сам музульманами в окопах осажден;
Уж близко... идут... ждет — и вдруг воспрянул он,
Помчался, грянул в них и с поля сбил сраженья,
490 И нет нигде ордам отчаянным спасенья!
А он уж лестницы бросает на раскат —
И в страхе отворил ему врата Белград.

- Хвала чужим вождям, российским благодарность
За независимость, за славы светозарность,
За то могущество, с которым ныне зрим
Россию царств земных владычицей, как Рим,
И света на краях российские знамена!
Их грозный меч, как гром, разбил оковы плена;
По лаврам — каждый шаг, победа — каждый бой!
500 Россия, сильной их поддержана рукой,
На верхнюю ступень величия вступила,

Народам вольность, мир, торговлю возвратила,
Олтарь Христу, венцы и скипетры царям,
Свободомыслие, досуг и честь певцам.
О Муза! возложи на них венок лавровый!

Хвала вам, славные сподвижники Петровы!
Блестящий Меншиков величию заслуг
Пробивший путь к честям и славе, царский друг,
Сын избалованный фортуны и победы!
510 Тобой под Калишем настигнутые шведы
Погибли от твоих карательных громов:
Их не спасла река, союзница врагов,
Не защитило их пространство блат топучих,
И не укрыли мрак и дичь лесов дремучих.

Вождь Шереметев — страж отчизны крепкий был:
Он в Астрахани бунт опасный умирил;
Под Нарвой, под Лесным, под Ригой, под Полтавой
Покрылся вечною, невянущею славой.

Голицын осветил пожарами Стокгольм —
520 И в сердце Швеции бросая мстящий гром,
Смирлял вельмож ее и гордую царицу
И миротворную им простирает десницу.

Великий Миних нам усыновлен Петром,
Искусства бранного в отечестве творцом
И покровителем высоких дарований.
Сей знаменитый вождь обширностью познаний
В сооружении твердынь, укреп, плотин,
Каналов, гаваней, орудий и махин
Не менее имел и воинских достоинств:
530 Ретивый, хитрый был он предводитель воинств.
Им побежден черкес, татарин, оттоман;
Очаков, и Хотин, и Данциг им погран
И Сейма польского разрушена свобода.

Бесстрашный Салтыков, избранный воевода
Елисаветиных громоносящих сил,
Героя прусского двукратно победил

И обе Фридриха Великого столицы
Повергнул громами к стопам своей царицы.

- Румянцев... каждый мнил, что древний Аннибал
540 Во образе его полки распоряжал.
Сколь славен нам Кагул! несметна турков сила
Сего вождя полков немногих окружила...
Перелетим туда! Уж близко рой татар,
Сгущаются толпы свирепых янычар...
Друзья! рогатки прочь; сомкнитесь, славы чада!
Стена штыков и грудь — вот россиян ограда.
Вождь хитрый, громы скрыв, поставил так полки,
Что видели враги со всех сторон штыки
И лица россиян, на коих славы чувство.
550 Явилось в блеске здесь Военное Искусство;
Как туча, смутные нагрянули орды,
Но подан знак вождем — раздвинулись ряды:
Перуны русские посыпались градом,
И поле ратное для турок стало адом...
Смешались, дрогнули, рассыпались, как дождь:
Кагульский бой отмстил за Прутский мир — и вождь
Румянцев за Петра здесь отвечал вселенной,
Что страх о сей главе, для россиян бесценной,
Был мира Прутского виновником один.
- 560 По сердцу истый росс, по духу славянин,
Суворов не внимал на брани робкой власти
И кроме славы он другой не ведал страсти.
Его наука нам казалась проста!
Вперед, штык молодец, взор, натиск, быстрота...
Шесть слов!... Но кто в их смысл проникнул сокровенный?
Кто с войсками летал, как будто окрыленный?
Кто шагу ни в одном бою не уступил?
Кто царство конницей, промчався, покорил?
Кто крепкий город взял приступом с козаками
570 И пушки, не стреляя, с примкнутыми штыками?
Не раз был Лаудон и Фридрих поражен;
Он — никогда, никем, нигде не побежден.
Велик, кто перешел чрез Альпы без сражений,
Как Цесарь, Аннибал, Наполеон, Евгений!

Он больше: каждую он гору осаждал
И каждую скалу, как крепость, грудью брал;
Он на плечах солдат взносим был на стремнины
И на руках вождей спускаем с гор в долины.
Все опрокинуто! И что могло сдержать
580 Им предводимую Россиян смелых рать,
Когда ее Моро не удержал под Нови?
Напрасно силился сорвать венок лавровый
С чела Суворова завистливый Мелас:
В полях Маренгских мстит ему судьба за нас!
Оплошный вождь, он в бой безвременно вступает
И всю Италию в единый день теряет,
И открывает нам, спеша за свой рубеж.
В чьей голове созрел, кем выполнен чертеж
Сего чудесного Суворова похода,
590 Где им побеждены Массена и природа.

Кутузов, — музультман смиритель, галлов бич!...
Но что? Я вижу блеск, я слышу славы клич...
О Муза Севера! Перескажи согласно
О сей эпохе нам, столь славной и ужасной,
Когда нагрянули разбойничьи орды
И с ними смерть, грабеж, пожары и беды;
Когда, смущенные и отступом, и слухом
О множестве врагов — уныли россы духом;
Когда Москва тряслась, и град Петров дрожал,
600 И мир надеяться уже переставал
Свободы, радости, любви и спокойствия;
Когда казалась усилием геройства
Решимость — стать вождем расстроенных полков!

Уже нахлынули, уж слышен стук оков,
Уже, в развалины и пепел превращенный
И кровью, смешанной с слезами, орошенный,
У Бонапартовых Смоленск повержен ног,
И галльских полчищ Днепр остановить не мог;
Россияне в слезах взор к Небу устремляли,
610 В рядах вождей родных спасителя искали —
И Бог Кутузова монарху указал!

- Сей старец опытный давно уж тучи ждал,
Которая в тиши на Западе сгустилась —
И над Россиею столь страшно разразилась;
И, мудрая глава, давно искал он средств
Спасти отечество от угрожавших бедств,
От иноземцев нам готовимого плена.
Уже он перенес российские знамена
Из-за Дуная; там твердыни взорвал, срыл,
620 Искусно визирю здесь сеть расстановил,
И, легковверного успехом обольщая,
Переманил его на русский брег Дуная,
Где приготовлены перуны, голод, плен...
И лучший плод побед без битв приобретен —
Мир с Оттоманами; полезный мир, во время
Тяжелых войны он снял с России бремя,
Забот царя от нас в сей край не отвлекал
И к средоточию все силы обращал...
Но он в Петрополе, вожь избранный монархом,
630 Благословляемый на подвиг иерархом,
Коленопреклонен, сединою во прах,
Он молит помощи Всевышнего в слезах.
И вот! Верховный вожь в руке с жезлом Судьбины
Ведет к Бородину отмстителей дружины,
И вспыхнул бой! Но Вожь велит молчать громам,
И, чтоб Россию спасть, сдает Москву врагам,
С уверенностью, ему лишь только сродной,
На время уступая их силе превосходной.
И вот уже настал великий ряд чудес:
640 От глаз вселенных Вожь с воинством исчез,
Прирышущим врагам нет слуха, следа вести;
А он уже провел сынов Москвы и чести
К Тарутину, созвал союзников своих:
Мор, голод, нужду, страх и инеев седых;
Дорогу заслонил врагам домой обратно
И, не сражаясь, ждал поры благоприятной.
Одни летучие полки рассыпал он
Врагов тревожить днем, в ночь прерывать их сон
И пленом угрожать среди столицы пленной.
650 Меж тем Наполеон заснул в Москве сожженной...
Гром разбудил его напасти на краю:

Очнулся, обозрел погибель он свою
 И бросился назад... но в тыл, с боков и рядом
 Теснимые нуждой, морозами и голодом,
 Уже полки его не удивляют взгляд
 Сияньем шишаков, оружий, збруи, лат,
 Не развеваются знамена над главами,
 Медь пушек светлая не блещет за конями,
 Не слышно колесниц и ржания коней,
 660 Померкнул пышный блеск сей роскоши царей,
 И смерть лишилася блистательных уборов.
 Лишь безобразные развалины для взоров:
 Костями и бронями усеяны поля,
 Золою черною подернулась земля
 И Неман кровию слился с Москвой-рекою.
 Здесь воин в рубище, весь изможден нуждою,
 Остаток бытия ужасного влечет;
 Друзей и недругов дать смерть ему зовет;
 Там свежий юноша, недвижимый у дороги
 670 Сидит, унылый взор вперя на мертвы ноги.
 Тут мясо конское на пищу войны рвут,
 А там в беспамятстве они друг друга жрут.
 Здесь, к древу прислонясь, с оружием часовые,
 Осанкой грозные, стоят как бы живые,
 И очи их глядят, но жизнь слетела с вежд.
 Там трупы черные от дыма, без одежд,
 В снегу, лишённые и чести погребенья;
 И друг, и брат забыт, нет в храбрости спасенья...
 Всё в прах! Враги спешат нестройною толпой;
 680 И гибель ловит их нещадною рукой,
 И погоняет страх карающая мести.
 Равно к своим, к чужим, без жалости, без чести,
 Враг человечества и враг столиц бежит:
 Он сеял бедствия — и пожинает стыд!
 И се наш Александр, со старцем в колеснице,
 С венцами на главах, с перунами в деснице,
 Указывают путь за Неман знаменам.

Хвала Кутузова сподвижникам-вождям!
 Раевский! слышавший отечества призванье,
 690 На произвольное сынов ты вел закланье,

Как новый Авраам, отца забывший долг.
Твой медною стеной врагам казался полк!

Чсть Витгенштейну: Петрополя спаситель,
С неопытной толпой войск старых победитель,
Смиренный вождь, он храм за подвиг заслужил;
Но Господу сей храм в Печоре посвятил.

Хвала, наш Остерман! В день Кульмский незабвенной
В одной твоей руке была судьба вселенной!
Не столь решительный и твердый вождь полков
700 Не ждал, не выдержал бы натиска врагов.
Погибель, если б ты был только осторожным;
Ты невозможного не сделал бы возможным!
Холодная душа здесь средств бы не нашла
И мира дерзостью как ты бы не спасла.
Под Кульмом был твой дух, и пламенные чувства
Благодарнее всех хитростей Искусства.

Наш Милорадович — как перед тучей гром!
Пред войском от Москвы до Сены за врагом,
Ни отдыха, ни сна ему не позволяя
710 И пламенным мечом гоня и поражая!

Чсть Коновницину! Он храбр, неутомим;
Он войском как отец заботливый любим;
Совета, брани муж, Смоленскому Герою
Во время тяжкое он правою рукою.

А вы, которым здесь завидный жребий дан,
О знаменитая надежда россиян,
Ермолов, Воронцов, Каисаров!
Стамбул, Париж, Кавказ трясутся от ударов,
Которыми вы их основу потрясли;
720 Свой царь и чуждые монархи вас почли.
Герои юные! Идите вслед героям
И, в мире бодрствуя, готовьтесь к новым боям;
Готовьтесь свежие на битвах лавры рвать,
Врагов обуздывать, карать, мирить, спасать!
От вас ждет славных дел Российская Держава.

И, крылья распустив, уже готова Слава
Падения градов, побед грядущих честь
В концы вселенныя, из рода в род пронести.

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Давно ль в неистовстве свирепого усердья,
Во имя Господа щедрот и милосердья,
При пении Псалмов, с Распятием в руках,
Жгли братьев и отцов невежды на кострах?
Давно ли видели на ложах раскаленных
Среди несносных мук младенцев в свет рожденных,
В огонь ввергаемых рукою палача?
Давно ль, по прихоти от царства отлуча,
Первосвященники монархов изгоняли
20 И подданных от клятв на верность разрешали?*

Давно ль невежество преступное судей,
Средь раздробляемых под пытку костей,
Средь членов медленно истерзанных, в темнице
Подземной, и сырой, и мрачной, как гробнице,
Где часто трепетал от стога жертв палач,
Где слабый виноват, где вечно прав силач,
Признания вины несбыточной искали
И правосудием убийство называли?*

Давно ль еще, давно ль с печалью видел свет,
20 Богоугодное создание древних лет,
Больных святым приют и немощных жилище,
Преображенное в обширное кладбище
Незнающих врачей злодейскою рукой,

* Многие Римские Папы во зло употребляли власть свою; довольно назвать Александра VI и Григория VII. — В России никогда начальники духовенства не присвоивали себе гражданской власти и не вмешивались в дела светские. Наше отечество может указать на Св. Филиппа, Филарета, Гермогена, Авраамия, Св. Димитрия Ростовского, Феофана, Платона, как на светила, озарявшие его светом благочестия, высоких христианских добродетелей, любви к отечеству и приверженности к царям, помазанникам Божиим.

** Россия первая подала Европе пример, первая уничтожила пытки и смертную казнь. — Александр заключил Святой Союз и основал благотворительные и образовательные заведения, которым нет подобных в целом мире.

Где умирающий, и мертвый, и живой
В тлетворном воздухе лежали тесно рядом,
Отравлены, о страх! в целебной чаше ядом?*

Но просвещение в лице владык земных
Воссело на престол — и вопль рабов затих,
Потушены костры, свет осиял темницы,
30 От лютых варваров защищены границы,
На пленниках уже не слышен звон оков;
И крепче трон царей, и тверже крест Христов!

Что вижу? Сколь сей храм величествен и пышен!
Безмерный купол сей, как неба свод, возвышен;
И в целом, и в частях краса сохранена!
Не мраморная ль то гора обгранена?
Нет! Мишель-Анжем храм чудесный сей построен:
Богат, изящен, прост, Всевышнего достоин.

Войдем в него: смотри, дивись, благоговей!
40 С пылающей горы нисходит Моисей:
Скрыжали на груди, чело в лучах пылает
И славой Господа лице его сияет;
Предъидет перед ним Иеговы тайный страх!
Там в отдалении блестит Ливан в снегах
И кедров к небесам бегущие вершины.
Сыны Иакова, на черный прах долины
С покровом, на глаза накинутым, упав,
Простерлись в трепете, поднять не смеют глав,
Боясь, да не пожрет во гневе преисподня
50 Узревших славы блеск и свет лица Господня.

Вот Богоматери достойные черты!
Все от младенчества до детства красоты
В сем хоре Ангелов! Они, расправив крылья,
Парят на небеса без всякого усилья,
За Девой чистою в готовый ей чертог,
Где ждет ее с земли к себе на лоно Бог.

* Довольно назвать прививание коровьей оспы и поправление воздуха, по системе Гюйтона-де-Морво, чтоб увериться в превосходстве нынешней медицины.

Сколь непорочен лик, Успеньем просветлевший;
Блаженством влажен взор, для вечности прозревший.
Младенцы-Ангелы, одни других милей,
60 Одни живеи других, и мельче, и резвей,
Улыбкой ясною Марию привечают;
Большие маленьким отставшим помогают.
Здесь видим внутренность небес и Божество,
И Гвидо-Ренова искусства торжество!

А здесь гора Фавор: Христос преобразился;
Исчезнул человек и светлый Бог явился!
Ученики его не в силах глаз возвесть,
Ни белизны одежд, ни блеска взоров снесть.
Поникли небеса, земля благоговеет...
70 Рафаель! Ни земля, ни небо не имеет
Для образца того, что ты живописал:
Твой гений силою своей его создал!

Пюжотова резца достойное творенье —
Святой Себастиан! Какое выраженье!
Как страждет мрамор сей! Как угасает взор!
С святою Верою страданье держит спор!
И злодеяние в неистовстве посмело
Прекрасное сие пронзять стрелами тело,
Прекрасной сей душе дни казньи сокращать,
80 Душе, ниспосланной мир дольний украшать;
Душе, которая считает все мгновенья,
Чтоб, пострадав, лететь в небесные селенья!

Там Моисей сидит: скрижали под рукой,
Другая на груди покоится святой.
Сие чело с трудом обширный ум вмещает;
Сквозь мрамор как сквозь ткань он тонкую сверкает;
Отверзлись уста, мысль слова только ждет;
Волнами белыми брада его течет
И разливается по персям величаво,
90 И взор Пророка полн могуществом и славой.

На белом полотне, по снятии с креста,
Я вижу тело здесь простертое Христа;

Ученики его глубокой скорби полны,
С поникшею главой и бледны, и безмолвны,
Стоят, держа края священной пелены;
Три мироносицы в печаль погружены
И Матерь Божия безгласна, бездыханна,
Упала на руки святого Иоанна.

- Россия! Где страна, в каком краю чужом
100 Великолепнее и с большим торжеством
Богослужебные свершаются обряды?
Из чистого серебра сосуды и лампы,
Из золота скованы оклады образов,
Венцы их снизаны из крупных жемчугов;
На ризах, на крестах, на митрах зрим алмазы;
Рубины, яхонты, опалы и топазы.
Кадилиц сладкий дым, левитов стройный хор —
Все возвышает дух, все восхищает взор:
Сердца растроганы, в благоговеньи чувства!
110 Приносят Вере дань — Науки и Искусства;
Холодная Сибирь чрез них дары ей шлет,
Перу и Индия сокровища несет.

- И в храмах ли одних? Нет, даже на кладбище!
Там для чувствительных любимое гульбище.
Там утешительный внимаем Веры глас,
Что гроб есть колыбель бессмертия для нас
И что воздвигнуты на месте том гробницы,
Где мира дольного и горнего границы.
Жизнь к смерти крепко там прикована: супруг,
120 Мать, дочь, родитель, сын, сестра, любовник, друг
На пепл угаснувших приносят вопль и слёзы.
Сюда и кипарис, и мирт, и лавр, и розы!
Сюда зовут они Поэзию, Резьбу
Увековечить скорбь у милых на гробу.
Художник в мрамор сей влил животворный пламень:
Внемли! звучит труба... распался гробный камень,
С младенцем на руках воскреснувшая мать
Привстала... силится сей камень приподнять;
Свергает тление, к нетленью воскресает
130 И, внемля страшный зов, покорная вещает:
«Се аз и данное Тобою чадо мне!»

А здесь прикованный тоскою Гименей*
 К гробнице милая, и бледный, и безгласный,
 Трепещущей рукой светильник гасит ясный.
 А там — на памятник младенца посмотри:
 «Покойся, милый прах, до утренней зари!»** —
 Рука родителей на оном начертила.
 Здесь — спит красавица: тиха ее могила,***
 Для жизни и любви едва лишь расцвела
 140 И Ангел красоты и скромности была.
 Над ней младая Жизнь, склонив главу, рыдает
 И розу пышную в печали обрывает.

Угрюмый монастырь, веселый брег Невы!
 Для сердца памятен останетесь вы
 И вечер, на гробах великих проведенный!

Безоблачен и тих был Запад озаренный;
 Как светлый Божий рай окрестность вся цвела;
 С прохладой тишина сходила на поля;
 Давно-умершее пред взором оживало
 150 И настоящим мне прошедшее дышало.
 Великий век Петра предстал среди чудес,
 Елисаветин век безоблачный воскрес
 И век Поэзии, побед, веселий, славы,
 Екатеринин век... В руках его Уставы,
 Оборванная цепь,**** весы и светлый меч.
 Мне слышалась его божественная речь:
 «Я дал великому Российскому народу
 Законы, и права, и мыслить вслух свободу».*****

Шагами тихими между гробниц брожу:
 160 И Безбородкину гробницу нахожу,

* Батюшков.

** Карамзин.

*** Жуковский.

**** Покорением Тавриды, последнего гнезда хищных татар, и учреждением Кавказской линии премудрая Екатерина разорвала последнее звено тяжелой цепи, в которой три столетия стеснялась Россия.

***** Грамота Дворянству, учреждение Губерний, Городовое Положение, проект нового уложения и проч.

- И имя Бецкого с почтением читаю,
Пред Ломоносовым колена преклоняю.
Тут Панин, Михаил, Суворов, Чичагов,
И пышный Строганов, и скромный Муравьев.
Здесь царедворцы спят, вельможи, полководцы,
Послы, художники, поэты, мореходцы,
Которых доблести, таланты, блеск заслуг
В боях, в судах, в морях, в святилище Наук
Прославили царей и озарили царство.
- 170 Тот смело обличал неправду и коварство;
Сей, прежде, чем Франклин, у Неба гром исторг;
А тот, усердный сын отечества, расторг
Невежества покров и грубый мрак рассеял;
Тот степи заселил, как вихрь, врагов развеял;
А сей сквозь мрак и льды в Америку доплыл
И крест, и русское там знамя водрузил;
Тот с тронов низводил и раздавал короны;
Сей утешал вдовиц, сирот и старцев стоны;
Те кистью и резцом, витийством и струной
- 180 К высокому, к добру вливали жар святой
И, осветив свой век изящностью творений,
Потомству позднему свой завещали гений.
Чтят благодарные Искусства славных прах
И памятники им воздвигли на гробах.
Их лики светлые я вижу изваянны:
Пред ними плачет медь и стонет мрамор холодный.
Я вижу и гербы, и звезды, и венцы,
Которых алчем здесь, тщеславные слепцы!
Но Слава восседит на урнах утешитель
- 190 И драгоценного их пепла охранитель.
У добродетельных по смерти нет врагов!
Пусть зависть тмила блеск высоких их трудов,
Пусть в жизни добычей и клеветы, и злобы:
Не отворяются гонителям их гробы!
На месте, где Христу олтарь и фимиам,
О тени славные! приносим жертву вам;
Из пепла вашего небесный огонь вдыхаем,
Остатки гения угасшего собираем;
Душа моя бодрей, сон неги позабыт,
- 200 И прах героев вновь героев нам творит.

А вы, о юные, здесь спящие царевны!...
Как два цветка молодых лилей нераспущенны,
Как кисти алые еще незрелых лоз,
Которые убил безвременный мороз!
От материнских ласк, от скипетра и трона
Среди народного рыдания и стога
Вы смерти жадною оторваны рукой.
Порфиру променяв на саван гробовой,
О сани царском вы и мысли не имели
210 И в гроб перелегли из детской колыбели.

Что сердце сладко так забилося? Чей гранит
Мне об утраченных столь сильно говорит?
Повеяло душе веселой стариною,
Мечтами пылкими, надеждой молодою.
О братья! О друзья! Здесь наш отец и брат...*
Цветущий юноша и старец в гробе спят.
Лобзаю с нежностью бесчувственный сей камень:
Так добродетели здесь угасает пламень!
Короток с вами был священный наш союз;
220 Вы упредили нас — и тяжесть плотских уз
Вы сбросили с себя! Несносно разлученье;
Но есть, есть лучший мир: из тления — нетленье!

Какой унылый звон протяжно простонал?
То медный колокол отшельникам сказал:
«Час минул, ближе смерть!» — Сей глас для них не страшен.
Он, прокатясь, затих под мрачным сводом башен;
Но слышится душе встревоженной моей.
Ночь сходит на гроба — и траур их черней;
Накинуто на все предметы покрывало...
230 И вдруг по мраморам сиянье пробежало;
Печальная луна дрожащий луч лиет
И, мнится, будто бы таинственный то свет,
Который праведных в Эдеме озаряет.
Вид смерти, трогая, души не ужасает;
Милей является минувшего краса,
Знакомей будущность и ближе небеса.

* Иван Петрович и Андрей Иванович Тургеневы.

СТИХОТВОРЕНИЕ «ПЕРЕХОД РУССКИХ ВОЙСК ЧЕРЕЗ НЕМАН 1 ЯНВАРЯ 1813 ГОДА» И ЕГО АВТОР*

(История одной мистификации)

В феврале 1830 года, в третьем номере «военно-литературного» журнала «Славянин», который издавал поэт и переводчик, бывший профессор Дерптского университета А. Ф. Воейков, было опубликовано стихотворение «Переход русских войск через Неман 1 января 1813 года» с подзаголовком «Отрывок из большого стихотворения».¹ Под ним стояла подпись: «Батюшков».

Этот текст неизменно вызывал затруднения у комментаторов. Начиная с Л. Н. Майкова, который обнаружил его и включил в подготовленное им Полное собрание сочинений Батюшкова,² все редакторы говорят о нем по сути одно и то же: дата создания неясна,³ автограф не сохранился, было ли стихотворение закончено, неизвестно. Иногда добавляется, что сам Батюшков в форсировании Немана в 1813 году участия не принимал.

Исследователи творчества Батюшкова неизменно выделяли «Переход русских войск через Неман», отмечая высокий патриотический настрой этого стихотворения и его особенную поэтическую манеру, в которой различали элементы реализма.

* Впервые: Пушкинские чтения в Тарту 5: Пушкинская эпоха и русский литературный канон: К 85-летию Ларисы Ильиничны Вольперт: В 2 ч. Тарту, 2011. Ч. 2.

¹ Славянин. 1830. Ч. 13. № 3. С. 209.

² См.: Батюшков К. Н. Соч.: В 3 т. СПб., 1887. Т. 1. С. 154–155 (текст) и 374 (примеч.).

³ «Относим этот отрывок к 1813 г. гадательно, в виду того события, которое в нем описывается», — предполагал Л. Н. Майков (Там же. С. 374).

«Переход через Неман» интересен своим патриотическим настроением, воодушевившим поэта, — читаем в академической истории русской литературы. — После Державина в русской лирике вновь возникает батальная тема и стремление воспеть военную мощь русского народа. Трактовка батальной темы у Батюшкова сильно отличается от господствовавших в тогдашней русской поэзии изображений 1812 г., нередко подменявших показ армии и боя изложением малозначительных раздумий поэта <...> или архаически стилизовавших материал. Даже Жуковский не нашел ничего поэтического в боевых средствах современной армии <...>. От этих недостатков частично освобождается Батюшков, сумевший правдиво показать русскую армию и поэтически изобразить орудия современного боя».⁴

Своему коллеге вторит Н. В. Фридман: «Переходом через Неман начался заграничный поход русской армии, и нет ничего удивительного в том, что это крупнейшее военно-политическое событие привлекло творческое внимание Батюшкова. В “отрывке”, может быть, интереснее всего начало, где правдиво отображены страшные “будни войны”: один из уцелевших солдат растаявшей наполеоновской армии смотрит на трупы, лежащие у покинутого бивуака»; далее, процитировав фрагмент первой строфы, исследователь продолжает: «Эти “мертвы ноги” — реалистическая деталь, подобную которой трудно найти в поэзии периода Отечественной войны. За вступлением, подчеркивающим деморализацию разгромленной французской армии, следует живая картина движения русских войск к Неману».⁵

И наконец, В. А. Кошелев, также цитируя первую строфу стихотворения, говорит об «ином понимании правдивости, ином уровне типизации» и о том, что «Батюшков <...> подчиняет свое бурное поэтическое воображение жизненной реальности».⁶

В том, что «Переход русских войск через Неман» среди других произведений Батюшкова стоит особняком, нет ничего удивительного, потому что он не был его автором. Его настоящий автор — А. Ф. Воейков, осуществивший в 1830 году мистификацию с публикацией «неизвестных стихов Батюшкова» в своем журнале — скорее всего, с целью привлечения подписчиков.

Но обо всем по порядку.

⁴ *Верховский Н. П.* Батюшков // История русской литературы. М.; Л., 1941. Т. 5. С. 407.

⁵ *Фридман Н. В.* Поэзия Батюшкова. М., 1971. С. 173–174.

⁶ *Кошелев В. А.* Константин Батюшков: Странствия и страсти. М., 1987. С. 149.

Весной 1816 года Воейков задумал путешествие по южным губерниям России. Как писал Е. В. Петухов, Воейков «получил от Дерптского университета открытый рекомендательный лист ко всем губернаторам и архиереям, для оказания ему содействия “к обозрению все примечания достойного”; прося при этом совет университета, Воейков мотивировал необходимость такого путешествия тем, что хочет написать поэму о князе Владимире и поэтому нуждается в посещении тех мест, где действовал герой его будущей поэмы».⁷ Напомним, что за три года до этого Воейков в послании к Жуковскому призывал того создать героическую поэму про князя Владимира, а немного позднее на книге, предназначенной для работы над этим замыслом, оставил помпезное стихотворное посвящение, где уверял, что будущая поэма затмит сочинение самого Гомера.⁸ Есть свидетельство, что эту поездку для Воейкова устроил сам Жуковский — чтобы удалить его из Дерпта, подальше от семьи, для которой тот стал настоящим тираном.⁹ Известно, что Жуковский действительно предпринимал усилия, чтоб путешествие все-таки состоялось, хотя ранее сам планировал совершить подобную поездку с той же самой целью.¹⁰ 12 апреля 1816 года он писал А. И. Тургеневу: «Воейков собрался ехать в Киев и в Крым. Он просит рекомендательных писем к архиепископам Киевскому, Черниговскому и Псковскому. Пришли их. Это путешествие, вероятно, мечта; но если оно сбудется, то эти письма могут быть ему полезны. Ты должен их написать для его жены, которая с ним едет, и для меня.

⁷ Петухов Е. В. Кафедра русского языка и словесности в Юрьевском (Дерптском) университете. Юрьев, 1900. С. 43.

⁸ Об этой неосуществленной поэме см.: Ветшева Н. Ж. Планы и конспекты волшебно-исторической поэмы В. А. Жуковского «Владимир» (публикация и комментарий) // Вестник Томского государственного университета. 2006. № 291. Июнь. Сер. «Филология». С. 25–31; Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 2009. Т. 4. С. 609–621 (примеч. Н. Ж. Ветшевой). Стихотворение Воейкова «Надпись на белой книге, которая определена Жуковским для эпической поэмы “Владимир”» впервые опублик.: Русский архив. 1912. № 3. С. 414–415.

⁹ Об этом и о ситуации в семье Воейкова к началу 1816 года см.: Соловьев Н. В. История одной жизни: А. А. Воейкова — «Светлана». Пг., 1915. [Ч. 1.] С. 56–59.

¹⁰ «Мне бы хотелось в половине будущего года сделать путешествие в Киев и Крым, — сообщал он А. И. Тургеневу 4 августа 1815 года. — Это нужно для “Владимира”. Первые полгода я употребил бы на приготовление; а последние на путешествие» (Письма В. А. Жуковского к Александру Ивановичу Тургеневу. М., 1895. С. 151).

Не откажи в этом».¹¹ И в следующем письме, без даты: «Радость моя, напиши к Евгению <в то время архиепископу Псковскому. — А. Б.>; напиши к Киевскому архиерею. Твои письма могут быть полезны жене Воейкова; он поедет в Крым, а она останется в Киеве и, может быть, ей нужным будет в чем-нибудь архиерейское пособие. Но *напиши тотчас* по получении письма моего и посылай прямо в Псков и Киев, ибо Воейков едет через четыре дня из Дерпта, и здесь твои письма его уже не застанут».¹²

Отправившись в путешествие в середине весны, Воейков вернулся в Дерпт лишь в конце лета. Конечно, никаких материалов о князе Владимире он не собрал¹³ и никакой поэмы не написал (во всяком случае, свидетельств тому мы не имеем), но во время поездки он задумал большое стихотворение, по сути, описательную поэму, в которой должны были бы отразиться впечатления от тех краев России, где он побывал. Точный маршрут поездки 1816 года нам неизвестен, но, по всей видимости, он был таким: Псков, возможно Новгород, Киев, Екатеринослав, Одесса, Крым, возможно предгорья Кавказа. Ранее Воейков также немало путешествовал. «С 1802-го года каждое лето было мною посвящаемо на обозрение какой-нибудь отечественной области: то Казани и Нижнего-Новгорода, то Киева и Чернигова, то Воронежа, Харькова и Екатеринославля», — писал он в 1824 году.¹⁴ В первой половине 1820-х годов по материалам этих поездок он напишет и опубликует ряд путевых очерков.

Спустя некоторое время после возвращения Воейков отправляет П. А. Вяземскому, с которым находился в переписке, первую редакцию задуманного в поездке стихотворения, озаглавив его «Послание к друзьям и жене».¹⁵ В переработанном виде оно будет опубликовано в 1820 году под заглавием «Послание к жене и друзьям» с датой

¹¹ Там же. С. 154.

¹² Там же. С. 155; ср. с. 157–158.

¹³ Если не считать заметки «О найденных древних русских монетах. (Письмо к редактору)» (Вестник Европы. 1816. Ч. 87. № 12. С. 315–317), сообщающей о находке в Киеве монет эпохи князя Владимира.

¹⁴ Новости литературы. 1824. Кн. 9. Июль. С. 2.

¹⁵ Список этого послания сохранился в Остафьевском архиве (РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 1104, л. 32 об.—41 об.; после заглавия: «Написано в Дерпте 1816-го года по возвращении из Крыма и Одессы»); опубли. с неточностями: «Арзамас»: В 2 кн. М., 1994. Кн. 2. С. 323–332 (публ. О. А. Проскурина).

«20 августа 1816».¹⁶ В последующие два года Воейков пишет все новые и новые фрагменты, которые сообщает друзьям,¹⁷ и наконец в июле 1818 года в «Вестнике Европы» публикует часть написанного как «Послание к моему другу-воспитаннику о пользе путешествия по Отечеству».¹⁸

Вскоре этот номер журнала дошел до П. А. Вяземского, находившегося в то время в Варшаве. Он внимательно и с интересом читает послание Воейкова, в котором находит уже известные для себя строки, и 27 июля 1818 года пишет его автору большое письмо с подробным разбором прочитанного.¹⁹ Вяземский высказывает как соображения общего характера, так и замечания к конкретным стихам с мотивировками, что ему в них не нравится.

Воейков отнесся к претензиям Вяземского с чрезвычайным вниманием:²⁰ почти все отмеченные им места он изменил.²¹ До нас дошел

¹⁶ Сын отечества. 1821. Ч. 67. № 4. С. 177–186; поправки: Там же. № 5. С. 240; Ч. 68. № 11. С. 196. О полемике вокруг этого послания см.: Пушкин в прижизненной критике. 1820–1827. Изд. 2-е. СПб., 2001. С. 375–379 (примеч. Г. Е. Потаповой).

¹⁷ Фрагменты из писем к П. А. Вяземскому опубликованы: Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899. Т. 1. С. 526; Поэты-сатирики конца XVIII — начала XIX в. Л., 1959. С. 315–316 (Библиотека поэта. Большая сер.); впоследствии некоторые в измененном виде вошли во вторую редакцию «Послания к И. В. Лопухину» (1818; первая редакция — 1807). Этот текст Воейков пытался опубликовать в «Славянине» в начале 1830 года, см. его письма цензорам — К. С. Сербиновичу от 15 февраля (РГИА, ф. 1661, ед. хр. 960, л. 33) и П. И. Гаевскому от 19 февраля (ГПБ, ф. 831, ед. хр. 258, л. 11); как свидетельствует помета адресата на последнем письме («Статья о Лопухине возвращена издателю 19 февр<аля> для пояснения об упоминаемых в оной документах»), сомнения цензуры вызвали примечания к посланию, где цитировались неопубликованные записки Лопухина, из-за чего оно так и не было напечатано (автограф: ИРЛИ, ф. 31, ед. хр. 4, л. 1–3 об., 5 об.–6).

¹⁸ Вестник Европы. 1818. Ч. 99. № 12. С. 265–278.

¹⁹ Русская старина. 1892. № 12. С. 652–662 (подлинник: ИРЛИ, ф. 31, ед. хр. 45; копия этого письма сохранилась также в бумагах А. И. Тургенева — ИРЛИ, ф. 309, ед. хр. 1044). Краткую оценку послания Воейкова Вяземский дал также в письме к Тургеневу от начала февраля 1821 года (см.: Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 2. С. 156).

²⁰ В ответном письме от 8 октября 1818 года он писал: «Спасибо, крупное спасибо: и план, и ход, и стихи — все выправлю по твоим замечаниям, и не печатая пришло в Варшаву: если они тебе понравятся, то я уверен, что и благонамеренная публика погладит меня по голове и скажет: ай брат Воейков! Ну уж Воейков!» (РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 1602, л. 6 об.).

²¹ Исправленная редакция под заглавием «К М. М. М. О пользе путешествия по отечеству» опублик.: Славянин. 1827. Ч. 3. № 38. С. 450–462 (в оглавлении: «К Михайлову, о пользе путешествия по Отечеству»).

автограф Воейкова, зафиксировавший этот этап работы;²² здесь также набросаны фрагменты, тематически близкие к другим «стихам-травелогам» — уже упомянутому выше «Посланию к жене и друзьям» и посланию «К жене».²³ Это одиночный лист во вторую долю (так называемый «полулист») вержированной бумаги с синеватым оттенком и водяным знаком «А. О. 1817»; заполнен только с одной стороны, оборот пустой. На нем записано семь стихотворных набросков, отделенных изогнутыми линиями с двумя точками (такими значками Воейков обычно обозначал конец стихотворения). Автограф беглый, с минимальными одновременными поправками. Судя по чернилам и характеру почерка, все фрагменты были написаны одновременно. Вот они по порядку.

Первый:

Блажен и ты, мой друг, друг мира и свободы;
Обманутый людьми, в объятия природы
Ты сердце чистое несешь
И миру отслужу, служить желаешь Богу,
По дивной лестнице творений ты дорогу
Верней к Творцу найдешь.

Трудно сказать, к кому обращены эти строки. В названных выше текстах аналогий им не находится.

Второй фрагмент:

Далекие друзья! когда опять, когда
Сберёмся в домик мой на берегу Пруда
Попить, поесть, поспорить с жаром?
Хозяйка милая вас ждёт за самоваром!

Это вариант следующего фрагмента из «Послания к жене и друзьям»:

Но так и быть! нам надобно опять
В Москве и на Прудах, друзья! попировать.

²² ИРЛИ, ф. 31, ед. хр. 3.

²³ Вестник Европы. 1818. Ч. 99. № 9. С. 25–33 (подпись: «В-ъ»); впервые это стихотворение под заглавием «К Саше» и за подписью «-ъ» опубликовано: Северный наблюдатель. 1817. Ч. 2. № 26. С. 374–382.

Апрель. 1.

Возвращаясь к вам, мой друг, в этот вечер, в этот час;
Вспомнил я вас, и в душе моей
Мне казалось, будто вы были,
И в этот вечер, в этот час,
Мне казалось, будто вы были,
Вспомнил я вас, и в душе моей.

Давно вы были! куда вы были, куда
Вспомнил я вас, и в душе моей,
Вспомнил я вас, и в душе моей,
Вспомнил я вас, и в душе моей.

Вспомнил я вас, и в душе моей,
Вспомнил я вас, и в душе моей,
Вспомнил я вас, и в душе моей,
Вспомнил я вас, и в душе моей.

И вы были, и вы были, и вы были,
Вспомнил я вас, и в душе моей,
Вспомнил я вас, и в душе моей,
Вспомнил я вас, и в душе моей.

И вы были, и вы были, и вы были,
Вспомнил я вас, и в душе моей,
Вспомнил я вас, и в душе моей,
Вспомнил я вас, и в душе моей.

И вы были, и вы были, и вы были,
Вспомнил я вас, и в душе моей,
Вспомнил я вас, и в душе моей,
Вспомнил я вас, и в душе моей.

И вы были, и вы были, и вы были,
Вспомнил я вас, и в душе моей,
Вспомнил я вас, и в душе моей,
Вспомнил я вас, и в душе моей.

И вы были, и вы были, и вы были,
Вспомнил я вас, и в душе моей,
Вспомнил я вас, и в душе моей,
Вспомнил я вас, и в душе моей.

И вы были, и вы были, и вы были,
Вспомнил я вас, и в душе моей,
Вспомнил я вас, и в душе моей,
Вспомнил я вас, и в душе моей.

Вспомнил я вас, и в душе моей,
Вспомнил я вас, и в душе моей,
Вспомнил я вас, и в душе моей,
Вспомнил я вас, и в душе моей.

А. Ф. Воейков. Лист со стихотворными набросками. Автограф.
Рукописный отдел ИРЛИ.

<...>

Я здесь вас стану поджидать
На старом новоселье.²⁴

Третий фрагмент:

Жуковский развальясь на креслах чашки ждёт,
А перед ним [стоит] ему лишь видный чорт,
Пришел спросить с угрозой и сурово:
Зачем не помещён в его балладе новой?²⁵

Эти строки, скорее всего, предназначались также для «Послания к жене и друзьям»; тематически они соотносятся со следующим фрагментом послания «К жене»:

Вот с чашкою в руке и с новыми стихами
Ж<уковский> из угла пугает мертвецами:
Все в ужасе, никто не смеет идохнуть;
Бойтся *Лилия* иглою шевельнуть,
И замерла рука у Женни на гитаре,
И чайник замолчал, стоя на самоваре...²⁶

Четвертый фрагмент:

Я не завидую судьбе моей Сашеты:
Есть будет, у тебя обеда она
Пирог, салат, грибы, котлеты;
А я,
Я Русское письмо читая от Лилеты,
Так наслаждаюсь, как будто ем конфеты.

²⁴ Сын отечества. 1821. Ч. 67. № 4. С. 185 (о пирушках ср. в том же послании выше, с. 179). В доме Воейкова рядом с Новодевичьим монастырем («поддевическом доме») в 1801 году собирались члены Дружеского литературного общества (см.: *Истрин В. М.* Дружеское литературное общество 1801 г. (По материалам Архива братьев Тургеневых) // Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. 1910. № 8. Отд. 2. С. 275 pass; *Лотман Ю. М.* Андрей Сергеевич Кайсаров и литературно-общественная борьба его времени // Лотман Ю. М. Карамзин. СПб., 1997. С. 650 pass.). О более поздних «славных литературных вечерах и попойках» в доме Воейкова писал С. П. Жихарев (см.: *Жихарев С. П.* Записки современника. М.; Л., 1955. С. 192).

²⁵ Ср. с характеристикой Жуковского в «Доме сумасшедших»: «Вот Жуковский! В саван длинный / Скутан, лапочки крестом, / Ноги вытянуты чинно, / Черта дразнит языком» (Поэты-сатирики конца XVIII — начала XIX в. С. 304; эту строфу следует датировать 1815 г.).

²⁶ Вестник Европы. 1818. Ч. 99. № 9. С. 27.

Здесь Сашета — жена Воейкова Александра Андреевна, а Лилета — какая-то их дерптская знакомая по имени Лилия, упомянутая также в послании «К жене».

Пятый и шестой фрагменты использованы для замены соответствующих мест в «Послании к моему другу-воспитаннику...» и вошли в его новую редакцию без изменений. Строки «Здесь за оградой бездомные вдовицы, / Лишенные отцов и матерей девицы / В монастыре приют от бурь мирских нашли» заменили первоначальные «Здесь, здесь в монастыре вдовицы / И жены, и девицы / Приют от бурь мирских нашли», о которых Вяземский писал: «Повторенное “здесь” пахнет Херасковым, и оба стиха нашептаны тебе холодными устами его вялой тени»;²⁷ строки же «И Нижний-Новгород картинный / С рекою пышною своей, / И Воскресенск, и Соловецк старинный» показались по какой-то причине неудачными самому Воейкову и были заменены на: «И Свеаборг картинный / С гранитной крепостью своей, / И новый Воскресенск, и Соловецк старинный».²⁸

Седьмой фрагмент должен быть хорошо известен всем исследователям и просто любителям поэзии Батюшкова:

Снегами погребен, угрюмый Неман спал!
Равнину льдистых вод и берег опустелый,
И на берегу покинутые села
Туманный месяц озарял.
Всё пусто! коё-где на [тру] снеге труп чернеет,
И брошенных костров огонь, дымяся тлеет,
И хладный как мертвец
Один среди дороги,
Сидит задумчивый беглец,
Недвижим, смутный взор вперив на мертвы ноги!

²⁷ Русская старина. 1892. № 12. С. 658.

²⁸ Первоначально последняя строка читалась: «И Нижний Новгород, и Соловецк старинный», — но затем была исправлена. Эта редакция послания была создана не позднее 1824 года; в начале очерка «Путешествие из Сарепты на развалины Шери-Сарая, бывшей столицы ханов Золотой Орды» (Новости литературы. 1824. Кн. 9. Июль; дата под текстом: 20 июня 1824) Воейков цитирует один из его фрагментов (24 стиха) уже в исправленном виде. Другой фрагмент послания (11 стихов) ранее был процитирован им в очерке «Описание Сарепты» (Северный архив. 1822. Ч. 1. № 1. С. 48; дата под текстом: 30 августа 1813); один стих из этого фрагмента уже исправлен согласно указанию Вяземского, но два других соответствуют публикации «Вестника Европы», хотя в редакции «Славянина» читаются по-иному.

#

И всюду тишина! и се в пустой дали
Сгущенных копий лес возникнул из земли!
Он движется! гремят щиты, мечи и брони,
И грозно в сумраке ночном
Чернеют знамена, и ратники, и кони!
Несут полки Славян погибель за врагом!
Достигли Немана — и копыя водрузили!
Из снега возросли бесчисленны шатры!
И на берегу зажженные костры
Все небо заревом багровым обложили!
И в стане Царь молодой
Сидел между вождями;
И Старец-вождь пред ним, блестящий сединами
И бранной в старости красой.

Следует отметить два факта.

Во-первых, строфы разделены чрезвычайно характерным для Воейкова значком (# # #);²⁹ во-вторых, непонятно, почему Воейков, имея чистый оборот, записал последние девять строк на полях, впритык к неровному краю листа. Можно лишь предположить, что он считал его если не завершенным, то по-своему цельным, и не собирався продолжать. Но запоминающийся образ французского солдата, смотрящего на обмороженные и пораженные гангреной ноги, не остался в черновиках. Рачительный Воейков использовал его в третьей песни поэмы «Искусства и науки», законченной, судя по дате на ее копии, 27 мая 1819 года.³⁰ В этой песни рассказывается о развитии военного искусства и, в частности, о самых знаменитых победах русских войск. И несчастный солдат появляется в ней как раз при описании отступления Наполеона через Неман; там же возникают и молодой царь со старцем-вождем:

Костями и бронями усеяны поля,
Золою черною подернулась земля
И Неман кровию слился с Москвой-рекою.
Здесь воин в рубище, весь изможден нуждою,

²⁹ Таким же значком разделены строфы в автографах «Дома сумасшедших»: 1) РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 1186, л. 1–6; 2) Там же, л. 7–12 об.; 3) РНБ, ф. 151, ед. хр. 4, л. 1–57.

³⁰ См. наст. книгу, с. 156.

Остаток бытия ужасного влечет;
Друзей и недругов дать смерть ему зовет;
Там свежий юноша, недвижимый у дороги
Сидит, унылый взор вперя на мертвы ноги.
Тут мясо конское на пищу войны рвут,
А там в беспамятстве они друг друга жрут.
Здесь к древу прислонясь с оружием часовые,
Осанкой грозные, стоят как бы живые,
И очи их глядят, но жизнь слетела с вежд.
Там трупы черные от дыма, без одежд,
В снегу, лишенные и чести погребенья;
И друг, и брат забыт, нет в храбрости спасенья...
Все в прах! Враги спешат нестройною толпой;
И гибель ловит их нещадною рукой,
И погоняет страх карающая мести.
Равно к своим, к чужим, без жалости, без чести,
Враг человечества и враг столиц бежит:
Он сеял бедствия — и пожинает стыд!
И се наш Александр, со старцем в колеснице,
С венцами на главах, с перунами в деснице,
Указывают путь за Неман знаменам.³¹

Закончив заполнять упомянутый лист, Воейков надписал на самом верхнем краю «Архив. 1» и отложил, чтобы вернуться к нему через несколько лет.

В 1820 году началась карьера Воейкова-журналиста. Два года он с Н. И. Гречем издавал журнал «Сын отечества», отвечая за его литературную часть; с 1822 года — газету «Русский инвалид» и приложение к ней — журнал «Новости литературы». В 1827 году этот журнал прекратился, и со следующего года Воейков предпринял издание военно-литературного журнала «Славянин». Если в начале 1820-х годов Воейков не испытывал недостатка в поэтическом материале, то с каждым годом репутация его падала, прежние друзья прекращали с ним отношения, а после смерти жены (1829) он почти совершенно порвал с прежним литературным кругом. Поэтический отдел «Славянина» с каждым годом становился все бледней и бледней, а его редактор вынужден был довольствоваться лишь случайными подач-

³¹ Воейков А. Ф. Военное искусство: Из III-й песни поэмы «Искусства и Науки». (Посвящено Генералу Ермолову) // Новости литературы. 1822. № 5. С. 78; подпись: В-въ.

ками прежних друзей или подношениями литераторов второго и третьего ряда. Но кроме литературных новинок, Воейков активно печатал и старые опусы, как уже публиковавшиеся ранее и извлеченные им из старых журналов, так и неопубликованные. Перепечатывал он и свои стихи, причем зачастую без полной подписи — меняя заглавия и проводя мелкую косметическую правку. В поисках нового материала он обращается к своему архиву и среди прочего извлекает оттуда упомянутый листок.

Разумеется, черновые наброски не годились для печати, и Воейков попытался придать им заверченный вид, делая это уже карандашом в два этапа.

Сначала он проводит небольшую стилистическую правку, заменяя, в частности, в третьем фрагменте «Жуковского» на «Балладина» (это может служить дополнительным аргументом, что текст готовился к публикации); в интересующем нас седьмом фрагменте «Недвижим, смутный взор вперив на мертвы ноги» меняется на «Недвижный взор вперив на мерзнувшие ноги!», а «И всюду тишина... И се, в пустой дали» на «И всюду тишина! и вот в пустой дали». Эта правка делалась почти без нажима, сейчас она еле видна и скорее угадывается, чем уверенно читается.

Позднее другим карандашом он дважды зачеркивает запись «Архив. 1», косыми линиями перечеркивает пятый и шестой фрагменты, использованные во второй редакции «Послания к моему другу-воспитаннику...», к тому времени уже опубликованной, а остальные озаглаживает. Первый получает заголовок «Другу <нрзб>у», объединенные второй и третий — «Приглашение?», четвертый — «Письмо Лилеты», интересующий нас седьмой — «Неконченное стихотворение». Также в нем три решетки меняются на звездочку, в конце появляется строка точек, а после 15-й и в начале 16-й строки ставятся знаки «равно» — это указание для переписчика, что фрагмент на полях продолжает текст на нижнем краю листа. Карандашную правку в тексте переписчик не заметил, и в печати этот текст появился в своем первоначальном виде, открывая стихотворный раздел третьего номера журнала «Славянин» за 1830 год, где был приписан Батюшкову.

Эта авантюра удалась Воейкову не сразу. В первой половине января он послал цензору «Славянина» К. С. Сербиновичу какие-то стихотворения Жуковского (нам не удалось установить, какие именно)

и «Переход русских войск через Неман». Осторожный Сербинович не рискнул пропустить их в печать, решив спросить дозволения у Жуковского как у автора и как у фактического душеприказчика больного Батюшкова. Как свидетельствует запись в его дневнике, 14 января он «был у В. А. Жуковского; показал ему его стихи, кои хотел было напечатать у себя Воейков»,³² и, без сомнения, получил отказ,³³ о чем письменно сообщил редактору «Славянина». Возбешенный Воейков отвечал ему 18 января: «Позвольте мне заметить Вам не с досадою, не с претензиями, а просто: не пропускать стихов Ж<уковского> Вы могли, а передавать их ему не надлежало. Это значит желать подслужиться и нас поссорить. Вы бы просто отослали их ко мне обратно — и концы в воду. А переход через Неман я возьму. Ж<уковский> не в праве располагать им. Не сердитесь за правду!»³⁴ Судя по всему, Сербиновичу все же удалось охладить пыл Воейкова, потому что в следующем письме, от 21 января, его тон уже значительно более сдержан: «В ответ на Ваше письмо о стихотворениях Жуковского, скажу Вам, что если б

³² Литературное наследство. М., 1952. Т. 58. С. 258.

³³ Едва ли среди этих стихотворений было послание «Василию Алексеевичу Перовскому» («Товарищ! Вот тебе рука...»), помещенное без подписи и под заглавием «К П***» в начале стихотворного раздела первого номера «Славянина» за 1830 год. Этот номер выйдет в свет спустя три дня после упомянутого визита, 17 января (см.: Русский инвалид. 1830. № 15. 17 янв.; здесь в анонсе авторство Жуковского раскрыто): даже если Воейкову и удалось бы уладить дело, едва ли он мог бы отпечатать книжку за столь короткий срок. К тому же это послание ранее было опубликовано в «Московском телеграфе» (1827. Ч. 14. № 7; под заглавием: «Послание к . . .», также без подписи), и простая перепечатка не могла вызвать законных возражений; ср. в письме Воейкова к П. И. Гаевскому от 8 апреля 1831 года: «Четверостишие В. А. Жуковского, одобренное вами к напечатанию в Литературных Прибавлениях, было напечатано в № 1 Журнала Иностранной Словесности и Изящных Искусств 1831-го года, издаваемого г. Платоном Волковым, а потому я имею полное право, в силу устава о цензуре, перепечатать оное. Этот случай не подходит под запрещение. Жуковский не хочет, чтобы помещались в журналах те его сочинения, кои находятся в рукописи и кои, будучи написаны по особым каким-либо обстоятельствам, не должны быть публичны» (Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1892 год. СПб., 1895. С. 81; паг. 2-я). Упомянутое в письме четверостишие Жуковского — «О милых спутниках, которые наш свет...» (впервые опубл.: Московский телеграф. 1827. Ч. 15. № 9), позднее печатавшееся под заглавием «Воспоминание»; публикации в «Журнале иностранной словесности и изящных искусств» и «Литературных прибавлениях к «Русскому инвалиду»» (дающие несколько иную, чем в других источниках, редакцию стихотворения) в комментированных изданиях Жуковского не учтены.

³⁴ ИРЛИ, ф. 93, оп. 3, ед. хр. 226 (хранится как письмо Воейкова неустановленному лицу без даты).

я не надеялся на Ваше снисхождение ко мне: то не изложил бы Вам столь смело и даже несколько грубо своих мыслей о сем деле... но пора кончить. Кто старое помянет, тому глаз вон. Прошу не лишать меня Ваших советов как литератор, доверенности как цензор и приятни как человек».³⁵

Вскоре после этого случая Сербинович фактически перестает исполнять обязанности цензора, хотя числится им вплоть до 5 июля 1830 года,³⁶ и цензором «Славянина» становится П. И. Гаевский. На этот раз Воейков проявляет осторожность, посылая ему «Переход русских войск через Неман» без указания имени автора, 28 января получает одобрение,³⁷ и 13 февраля книжка журнала с этим стихотворением начинает раздаваться подписчикам.³⁸

Современники никак не отреагировали на публикацию этого стихотворения. Ни в газетах и журналах, ни в дневниках и переписке того времени не находится никаких упоминаний о нем — ожидаемого Воейковым резонанса не получилось. Характерно и то, что «Переход русских войск через Неман» не был включен в итоговое собрание сочинений Батюшкова 1834 года.³⁹

Кстати, ранее Воейков два раза выступал как публикатор стихов Батюшкова — и обе эти публикации сопровождались скандалами. В 1820 году в «Сыне отечества» он поместил записанное со слуха стихотворение «Надпись для гробницы дочери Малышевой» — под про-

³⁵ РГИА, ф. 1661, ед. хр. 960, л. 31.

³⁶ См.: *Замков Н. К.* О черновом письме Пушкина к «неизвестному сановнику» (1830 г.) // Пушкин и его современники. Пг., 1918. Вып. 29–30. С. 65; Литературное наследство. Т. 58. С. 259; *Гринченко Н. А., Патрушева Н. Г., Фут И. П.* Цензоры Санкт-Петербурга (1804–1917): (Аннотированный список) // Новое литературное обозрение. 2004. № 5 (69). С. 389.

³⁷ В «Реестре статьям, одобренным цензором Гаевским с 28 января по 4 февраля 1830» значитс предназначенное для «Славянина» стихотворение «На переход Русских войск чрез Неман 1 янв. 1813 г. 1 л.», одобренное 28 января (РГИА, ф. 777, оп. 1, ед. хр. 1011, л. 7).

³⁸ Объявление о выходе: Русский инвалид. 1830. № 42. 13 февр. С. 167. Цензурное разрешение на обложке (1 февраля) подписано Сербиновичем, но нет сомнения, что он не был единственным цензором этого номера: в упомянутом выше «Реестре статьям, одобренным цензором Гаевским...» значитс еще несколько материалов из третьей книжки «Славянина» — басня А. Е. Измайлова «Гордюшка книгопродавец» и четыре прозаических миниатюры И. Д. Пальмина («Зависть», «Фарфор», «Память юдей» и «Разнообразие суждений»).

³⁹ О нем см. наст. книгу, с. 124–127.

извольным заглавием и с неправильным делением на строки, что вызвало помещенную в следующем номере журнала гневную отповедь Д. Н. Блудова, который и привез эти стихи Батюшкова из Италии. А еще в следующем номере был напечатан ответ Воейкова; защищая себя и называя погрешности публикации совсем незначительными и даже улучшающими стихотворение, он не стеснялся в выражениях в адрес своего оппонента.⁴⁰ Через два года уже в «Новостях литературы» и почти одновременно во втором издании «Собрания образцовых русских сочинений в стихах», которое также издавал Воейков, появилось батюшковское послание князю П. И. Шаликову, который и доставил его издателю, сопроводив простодушным примечанием. На этот раз за Батюшкова вступился Вяземский, писавший Тургеневу 9 января 1823 года: «Опять напечатаны стихи Батюшкова <...> Ну, как они попадутся ему? Что за неуважение такое и варварское насилие? Известно, что Батюшков ничего ни писать, ни печатать не хочет, а его насильно тащут. <...> Сделай милость, пожюри Воейкова и возьми с него слово, чтобы он вперед ничего не печатал Батюшкова; а не то, право, придется изобличить этот литературный разбой».⁴¹

Нам неизвестно, исполнил ли Тургенев просьбу Вяземского. Скорее всего исполнил: хотя в распоряжении Воейкова и были ненапечатанные стихи впавшего в безумие поэта,⁴² новых публикаций не последовало. Однако спустя семь лет уже оставленный всеми прежними приятелями по жизни и союзниками в литературе Воейков все же нашел способ украсить именем Батюшкова свой угасающий журнал.

⁴⁰ Подробнее об этом инциденте см.: *Греч Н. И.* Записки о моей жизни. М.; Л., 1930. С. 643–647; *Батюшков К. Н.* Соч. М.; Л., 1934. С. 544–548 (примеч. Д. Д. Благого).

⁴¹ Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 2. С. 296–297.

⁴² В одном из альбомов А. А. Воейковой находятся списки стихотворений «Есть наслаждение и в дикости лесов...» и «Ты знаешь, что изрек...» (см.: *Вацуро В. Э.* Литературные альбомы в собрании Пушкинского Дома (1750–1840-е годы) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 год. Л., 1979. С. 26).

«И, МОЖЕТ БЫТЬ, ПРОСНЕТСЯ ШАРШ...»*

*В поисках биографии
одного забытого поэта 1830–1840-х годов*

История, которая будет рассказана далее, началась еще в середине 1990-х годов, вскоре после выхода третьего тома словаря «Русские писатели. 1800–1917». В один из дней Вадим Эразмович Вацуро, член редколлегии и один из главных вдохновителей словаря, говорил со мной о перспективах продолжения работы над следующими томами и об авторах, статьи о которых он хотел бы мне поручить. При этом он процитировал одно стихотворение, приписываемое Некрасову, которое не имеет авторского заглавия, но в научной литературе известно под заглавием «Плач о поэтах». Оно входит в состав рецензии на «Дамский альбом, составленный из отборных страниц русской поэзии», которая была напечатана в первом номере «Современника» за 1854 год. В этой рецензии приводится фиктивное письмо провинциального любителя поэзии, сетующего на ее нынешнее оскудение: «Вспомните: двадцать, тридцать лет тому назад великий русский поэт был окружен целыми десятками маленьких поэтов, а ныне... где они?.. увы! нет ни больших, ни малых! И если нет больших, то малые непременно были бы, если б не вы, неумолимые гонители поэзии... <...> Милостивые государи! сознаюсь: я сам принадлежал к числу маленьких поэтов того счастливого времени... и сознаюсь, что они были <...> действительно маленькие, посредственные поэты (и я тоже), но всё-таки они оживляли литературу, они наполняли тогдашние альма-

* Впервые: Чины и музы: Сб. статей. СПб.; Тверь, 2017.

нахи, доставляли разнообразием имен своих приятную глазам пестроту... И, право, сердце мое сжимается сожалением».¹ Далее следует стихотворение:

Мне жаль, что нет теперь поэтов,
Какие были в оны дни, —
Нет Тимофеевых, Бернетов.
(Ах, отчего молчат они?)
С семьей забвенных старожил
Скорблю на склоне дней моих,
Что лирой пренебрег Стромилов,
Что Печенегов приутих,
Что умер бедный Якубович,
Что дремлет Константин Петрович,
Что о других пропал и след,
Что нету госпожи Падерной,
У коей был талант примерной,
И Розена барона нет;
Что нет Туманских и Трилунных,
Не пишет больше Бороздна,
И нам от лир их сладкострунных
Осталась память лишь одна...

Через полтора года, когда внезапно начался новый поэтический бум, Некрасов напечатал в «Современнике» уже бесспорно принадлежащее ему «Послание к поэту-старожилу», ответ на процитированные выше стихи, где перечислил тех, кто выступил в печати за это время, назвав Майкова, Щербину, Фета, Огарева, Стаховича, самого себя, и заключил его следующими строками:

Поэтов новых всех родов
Фаланга целая готова,
И даже старых голосов
Два-три слышали мы снова.

Что ж? в добрый час! смелее, марш!..
Проснулись Солоницын, Греков
И, может быть, проснется Шарш
И отзовется Печенегов!...²

¹ Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. Л., 1990. Т. 11. Кн. 2. С. 101.

² Там же. С. 114.

Прочитав на память эти стихи, В. Э. заметил, что они являются своего рода конспективным словником раздела поэзии 30–40-х годов XIX века для словаря «Русские писатели». Но если, заключил он, почти обо всех названных здесь Некрасовым поэтах мы кое-что знаем — о ком-то больше, о ком-то меньше, то о двух последних — Шарше и Печенегове — нам неизвестно вообще ничего, даже их имен. И предложил мне попытаться найти хоть какие-нибудь биографические сведения о них, а в случае удачи написать статьи для следующих томов словаря.

Сразу хочу сказать, что в случае с Печенеговым я потерпел неудачу, а вот про человека, печатавшегося под именем Шарш, кое-что мне разыскать удалось. Чтобы сохранить некоторую интригу, своего рода детективный сюжет, буду рассказывать о своем пути по порядку.

* * *

Первое, что надо было сделать — посмотреть те источники, которые находились под рукой (именные указатели к полным собраниям сочинений и основным мемуарам), чтобы выяснить, не упоминал ли кто-нибудь об этом человеке. Но его имени не встретилось нигде, кроме как в цитированном издании Некрасова, где в примечаниях к 11-му тому он назван Н. Шаршем, а в указателе к этому же тому А. Шаршем. В примечаниях и указателе к 12-му тому того же Полного собрания сочинений (как и впоследствии в общем указателе ко всему изданию) он был именован П. Шаршем и аттестован как «малоизвестный поэт 1830–1840-х годов». Забегая немного вперед, скажу, что напрасно искал это имя и в Адрес-календарях, и в списках чинов различных министерств и ведомств, и в подсобных картотеках РГИА, и в адресных книгах Москвы и Петербурга, и во многих других справочных изданиях и картотеках. Ничего не дало и обращение к картотеке Б. Л. Модзалевского, а вот картотека С. А. Венгерова, где расписано содержание основных изданий того же времени, дала указание на несколько стихотворных публикаций Шарша в журнале «Маяк».

Журнал «Маяк» выходил в Петербурге с 1840 по 1845 год, его издавали С. О. Бурачок и П. А. Корсаков. Он был основан с целью противостоять тем тенденциям современной русской литературы, которые, по мнению издателей, извращали национальную самобытность и вносили в нее тлетворную западную струю. На страницах «Маяка»

преобладали стихотворения религиозной и патриотической тематики, а его издатели усиленно пропагандировали разного рода самородков, выходцев из низов, которые казались им носителями подлинной народности. Журнал вел сознательную и довольно агрессивную политику по выстраиванию собственной иерархии русской литературы, печатая и пропагандируя близкие по духу сочинения и резко критикуя те, которые казались духовно ущербными. У современников и потомков издание пользовалось совершенно определенной репутацией; короче всего мнение публики о нем выразил знаменитый остроумец той эпохи С. А. Соболевский:

Просвещения «Маяк»
Издает большой дурак,
По прозванию Корсак;
Помогает дурачок,
По прозванью Бурачок.³

Именно в этом издании в 1842, 1844 и 1845 годах появилось чуть больше двух десятков стихотворений с подписью «П. Шарш».

Эти стихи полностью вписывались в общее направление журнала. Вот что, к примеру, автор говорит о возможностях индивидуального научного познания:

О чем вы спорите, родня, —
Родня по братству и науке, —
О *правде*? Слушайте ж меня:
Коль спор ведете не от скуки,
Пусть всякой прав по-своему,
И дело фактами докажет;
Широко там летать уму,
Где знание крылышки подвывает.

³ Соболевский С. А. Эпиграммы и экспромты / Под ред. В. В. Каллаша. СПб., 1912. С. 28. Лишь в последнее время стали предприниматься попытки без гнева и пристрастия изучать эстетические позиции издателей и авторов «Маяка» и вписать их в современный им философский и литературный контекст; см., например: Мехтиев В. Г. Журнал «Маяк»: Духовная оппозиция эстетическим идеям журналистики 1840-х гг. и романтизму М. Ю. Лермонтова. Хабаровск, 2004. С. 7–30 (гл. 1, § 1: «Маяк» и русская литература (к вопросу о репутации журнала)); Сартаков Е. В. Творчество А. С. Пушкина в критике журнала С. А. Бурачка «Маяк» // Болдинские чтения 2016. Арзамас, 2016. С. 208–222.

Но знания всякого итог
Уже известен многи годы: —
Природа, Человек и Бог;
Вот все, чем учатся народы.
Кто сам собою разорвать
Посмеет эту целость знания,
Тому ей-ей несдобровать
И не избежать наказанья.
Хоть за себя он постоит, —
Но за — себя... Куда как много! —
В науке Я — преломкий щит!..
А и подавно нет с ним Бога.⁴

А вот его мнение о русской идентичности:

Друзья! ищите поскорей
Звезду Народности родимой!..
Довольно, скройся от очей
Дух иноземства нестерпимый... <...>
Очнись же Русь! ты, слава Богу,
Ручной мартышкой не была;
Пройдись-ко без ходуль немного,
Как мать природа создала,
Авось понравится... Что толку
Век жить себе наперекор.
А ну-тко! лень да спесь за холку,
А иноземство за забор.
Расстанься с модою да с печью,
Умом головку освежи,
Заговори родимой речью,
Молись, учися и служи
И куй из золота державу!⁵

О других стихотворениях можно сказать следующее: несколько из них связано с религиозной проблематикой,⁶ несколько — прославляют величие русских воинов,⁷ два посвящены памяти недавно скон-

⁴ Шарш П. Спорщикам о правде // Маяк. 1845. Т. 19. Кн. 38. С. 41.

⁵ Шарш П. Тарантас (графу Соллогубу) // Маяк. 1845. Т. 22. Кн. 44. С. 18, 19.

⁶ «Совет» (1844. Т. 17. Кн. 33. С. 10–11); «Слезы» (1845. Т. 19. Кн. 38. С. 47–48); «Храм» (1845. Т. 24. Кн. 48. С. 25–28).

⁷ «Смерть артиллериста» (1842. Т. 4. Кн. 7. С. 3–5); «Русский солдат» (1842. Т. 4. Кн. 7. С. 11–12); «Наши» (1842. Т. 6. Кн. 12. С. 12–15).

чавшихся членов императорской фамилии,⁸ одно — русскому мужику,⁹ еще одно — Петру I,¹⁰ присутствуют имитации народных песен и баллад,¹¹ эпитафии,¹² сатира¹³ и даже один перевод из Анакреона.¹⁴ В общем, стандартный эпигонский поэтический набор середины 1840-х годов — однако именно этим поэзия Шарша и интересна. Как поэт он совершенно несамостоятелен, но чрезвычайно восприимчив к преобладающим поэтическим тенденциям своего времени. Его творчество, как и творчество почти любого поэта второго и третьего ряда, является своего рода лакмусовой бумажкой, по которой можно определить вкусы среднего русского читателя. Как правило, эпигоны очень чутко реагируют на определенный социальный заказ: разрабатывая открытые их великими предшественниками месторождения, они без конца перебирают некогда золотиносную, а ныне совершенно истощенную руду, пытаясь выплавить из нее еще хоть каплю золота.

Как носитель истинной народности и нестигаемого русского духа, Шарш был, конечно же, восторженно принят в редакции «Маяка», которая снабдила его первую публикацию следующим примечанием: «Не имея права сказать, к *какому именно званию* принадлежит сочинитель этих стихов, не могу однако же не открыть часть тайны молодого нашего писателя-самородки: он чисто-*русский*, без всякой *примеси иностранного*, даже по воспитанию своему. Мать-земля русская была его единственною наставницею. Poetae nascuntur, oratores

⁸ «Цветок на гроб Великой Княгини Александры Николаевны» (1844. Т. 18. Кн. 35. С. 1–10); «Еще печаль: Памяти Великой Княгини Елисаветы Михайловны» (1845. Т. 22. Кн. 43. С. 12–13). Первое было отмечено в обзоре прессы 1844 года «Журнала Министерства народного просвещения»: «Из стихотворений, писанных в патристическом духе, мы встретили только одно: “Цветок на гроб Великой Княгини Александры Николаевны” П. Шарша (Маяк, № 11). Оно писано большею частию русским размером и представляет много прекрасного и трогательного» (Старчевский А. В. Обзорение русских газет и журналов за четвертое трехмесячие 1844 года // Журнал Министерства народного просвещения. 1845. Ч. 46. Отд. VI. С. 46; подпись: А. С.).

⁹ «Мужик» (1842. Т. 5. Кн. 10. С. 14).

¹⁰ «Ладожское озеро» (1844. Т. 17. Кн. 33. С. 10–11).

¹¹ «Песня. (Посвящена Е. Г.)» (1842. Т. 4. Кн. 7. С. 14–15); «Песня. (Посвящена М. О. Х.)» (1842. Т. 6. Кн. 12. С. 7–8).

¹² «Старцу», «Матери с младенцем», «Заслуженному воину», «Младенцам», «Другу» (1844. Т. 13. Кн. 26. С. 13–14).

¹³ «Ростовщик» (1844. Т. 6. Кн. 12. С. 8–11).

¹⁴ «Ночной гость. (Из Анакреона)» (1842. Т. 4. Кн. 7. С. 13–14).

fiunt». ¹⁵ Казалось бы, из этого экспрессивного, но малосодержательного текста никакой полезной информации извлечь нельзя. Но это все же не совсем так: как минимум два предположения можно сделать. Во-первых, слова «мать-земля русская была его единственной наставницею» наводят на мысль, что речь идет о сироте, который скорее всего воспитывался в каком-то казенном учебном заведении. Во-вторых, если редактор журнала не имеет «права сказать, к какому именно званию принадлежит сочинитель этих стихов», то это прямо говорит о том, что сейчас он служит в таком месте, где сочинительство считается предосудительным, а публикация в периодике связана с риском навлечь на себя гнев начальства. Сопоставив эти наблюдения с тематикой поэзии Шарша, можно было сделать вывод, что, скорее всего, он принадлежит к военному сословию и является низшим чином какого-то из расквартированных в Петербурге полков, ¹⁶ — последнее подтверждается тем, что под некоторыми стихами стоит помета «Петербург». Если эти предположения верны, то это, с одной стороны, объясняло бы отсутствие сведений о Шарше в упомянутых выше источниках, а с другой — утверждало бы то, что шансы найти о нем какие-нибудь сведения близки к нулевым — разве что его имя случайно бы промелькнуло в списках того или иного военного соединения.

Гораздо более ценная информация содержалась в рекламном объявлении об издании «Маяка», помещенном в последней книжке журнала за 1842 год. Там перечислены предполагаемые сотрудники журнала, причем все они поименованы с двумя инициалами. В этом списке был назван и П. Я. Шарш. Знание второго инициала давало надежду на то, что при случае нахождения каких-либо официальных документов человека, носящего эту фамилию, провести его идентификацию с сотрудником «Маяка» стало бы гораздо проще. Но пока таких документов в моем распоряжении не было, и я продолжил поиск его публикаций. И тут мне в первый раз повезло.

¹⁵ Маяк. 1842. Т. 4. Кн. 7. С. 15; курсив подлинника.

¹⁶ Ср. в стихотворении «Посвящение. При посылке тетради стихотворений. (Л. А. К-у)»: «Так вы не прочь от музыки волонтерки? / Позвольте ж ей снять ранец и суму; / Военная, вы знаете... <...> / Солдаточка проста и так послушна...» (Маяк. 1845. Т. 24. Кн. 47. С. 16; курсив автора). Можно предположить, что стихотворение посвящено коллеге Шарша по военной службе и по «Маяку» Льву Александровичу Кавелину (будущему архимандриту Леониду).

Просматривая подряд указатель Н. П. Смирнова-Сокольского «Русские литературные альманахи и сборники XVIII–XIX веков», я обратил внимание на информацию о следующем издании: «Цевница. На 1837 год. Соч. Шаршавого. Спб., тип. К. Вингебера, 1837».¹⁷ Составитель сообщал о нем следующее: «Никаких других книжек этого автора мне найти не удалось, и, надо думать, что издал он эту “Цевницу” всего один раз. Принимая во внимание дату цензурного разрешения 5-го декабря 1835 года, можно считать, что книжка у автора пролежала год не напечатанная. Таким образом, намерения издавать “Цевницу” ежегодно у него и не было». По счастью, это издание не оказалось раритетом, и уже на следующий день я держал его в руках.

«Цевница» представляет собой классический пример авторского альманаха периода упадка этого некогда популярного на книжном рынке вида печатной продукции. Расцвет альманахов пришелся на середину 1820-х годов, а к середине 1830-х их уже вовсю осваивали как эпигоны-книгопродавцы, пытавшиеся нажиться на одном славном имени и составлявшие свои книжки из сочинений, подписанных псевдонимами или инициалами, так и эпигоны-писатели, породившие такой своеобразный и почти не изученный подвид книжной формы, как авторский альманах. Хотя все тексты подобных альманахов принадлежали одному человеку, они имитировали как внутреннюю структуру, так и внешний вид своих славных образцов. Именно к такому типу изданий и относится «Цевница».

Как во всяком уважающем себя альманахе, в ней есть два раздела: «Стихотворения» и «Проза». В первом помещено девятнадцать стихотворений, во втором — три бессюжетных прозаических фрагмента и драматические сцены в стихах «Саул».

Стихотворный раздел альманаха представляет собой своего рода энциклопедию модных поэтических форм середины 1830-х годов. Здесь можно найти и элегию, и балладу, и религиозную оду, и романс, и народную песню, и любовное послание, и натурфилософские стансы. В качестве образца процитирую стихотворение «Поэт», своеобразно развивающее тему одноименного пушкинского стихотворения:

¹⁷ Смирнов-Сокольский Н. П. Русские литературные альманахи и сборники XVIII–XIX веков. М., 1965. С. 195.

Сей-час он весел был до иступленья;
А вот теперь — задумчив и угрюм.
Забыл себя — беспечное творенье;
Опомнился — он мудр, как самый ум.

Поэт, и ты земных страстей игрушка!
Но ты велик! ты житель всех миров;
Всеведущ ты; всему и брат и дружка;
Ты крот в кротах, орел между орлов.¹⁸

Разнообразна и проза, состоящая из бессюжетных этюдов «Мой вечер» и «Очарование» и отрывка «Чудак». Она заслуживает внимания прежде всего по смелому употреблению экспрессивных методов выражения и наличию звукоподражаний. Вот как рецензент «Библиотеки для чтения» рассказывает об «Очаровании»:

Сочинитель описывает, как он шел ночью и мечтал: вдруг разда-ется со всех сторон — «Агаум, уррр, агаум, уррр, Агаум, Агаум, ррр!» Так лаяли собаки. Автор после этого чихнул. Потом подъехала какая-то коляска, из которой вышла женщина и разговорилась с автором: он осмелился ее обнять и поцеловать у нее руку; женщина сама его поцеловала; он «трепетал, горел, забывался, и наконец сорвал сладкий, милый, нежный, вкусный, звонкий, дорогой поцелуй». Женщина уехала, назначивши на завтра свидание, а г. Шаршавый пошел, упал «в грязную гнилую канаву», и закричал: «Фу! э! э! фу! фу! ах! фу!» Оставляем автора в этом интересном месте рассказа.¹⁹

Из текстов альманаха можно кое-что узнать о его авторе. Так, в стихотворении «Новый год» он пишет:

...Настал и тридцать пятый год,
А мне уже с одним двадцатым...²⁰

То же самое он повторяет в упомянутом прозаическом опусе «Очарование»: «...я — молодой человек, с маленькою прибавочкою двадцать лет имеющий...»²¹ Таким образом, определенно можно сделать вывод, что Шаршавый родился в 1814 или в 1815 году.

¹⁸ Цевница. На 1837 год. Соч. Шаршавого. СПб., 1837. С. 19.

¹⁹ Библиотека для чтения. 1837. Т. 23. № 5. Отд. VI. С. 9.

²⁰ Цевница. С. 26.

²¹ Там же. С. 111.

А э..... А эпо..... что
значипгъ?..... взгляды?.....
..... Да..... о!
..... а..... о!.....
будешъ..... о..... Нѣтъ..
..... о..... а.....
у..... я..... это блаженство!
.....
..... Боже, тогда
.....
..... когда гдѣ эпошъ часть!
..... все дурь!!.....
..... О! А,..... о!..... у!.....
о!..... а.....
.....»

Эге! ну, довольно нагородилъ. Довольно,
предовольно наспавилъ почекъ. Наспавилъ
почекъ — вмѣсто того, что было, что рож-

Страница альманаха «Цевница. На 1837 год» (СПб., 1837).

Альманах не прошел незамеченным, на него появилось как минимум три рецензии. Одну я уже процитировал выше, другие были столь же саркастичны. Особой язвительностью отличился анонимный рецензент «Литературных прибавлений к “Русскому инвалиду”»:

Эта «Цевница» престранная книжица! Бог знает, к какому разряду причислить ее. Кажется, она имеет притязания быть альманахом; но до сих пор альманахи заключали в себе труды многих, а здесь подвизался только один, и то какой-то г. Шаршавый; думаем, что это псевдоним и отдаем полную справедливость изобретателю: никогда псевдоним не был так хорошо применен к книге. Первое отделение «Цевницы» заключает в себе стихотворения; это какие-то вирши, в которых нет ни мыслей, ни даже плавности в стихосложении... <...> Есть и проза. О, проза г-на Шаршавого — это преудивительная проза!

В «Цевнице» три статьи в прозе: «Мой вечер», «Очарование» и «Чудак». В первой автор зашел в какой-то лес, там восхищался он природой и *в порыве какого-то безотчетного удовольствия кричал «ау»*, а между тем кругом его пели *птички и синички*; потом впал он в какое-то исступление, *ни чувствовал, ни мыслил: не знаю что за состояние, в каком я находился* говорит он: *пусть решат натуралисты*. В самом деле, господа натуралисты, не худо было бы вам этим заняться; а мы решительно не можем сказать гласно, что это за состояние, хотя и догадываемся... Вдруг является г-ну Шаршавому какой-то старик в мантии с посохом в руке и начинает говорить. Мы уверены, что все сказанное им прекрасно; но, к сожалению, оно нам недоступно и мы не поняли его красноречия... Впрочем он говорил не нам, а г-ну Шаршавому, который верно все понял. В конце этой фантазии, которая называется «Мой вечер», автор спрашивает читателей: не соскучились ли они? Вопрос весьма благоразумный и уместный. Он напоминает нам, что и мы можем наскучить читателям, только рассказывая им содержание двух других фантазий г-на Шаршавого; да и сам г. Шаршавый говорит: *как же поймут меня (читатели), когда я и сам не знал и доселе не знаю, что такое было складено в моей голове и что из этого сброду выхватывал я?* Признание есть половина исправления... Дай-то Бог!

«Цевница» оканчивается сценами из драматической фантазии «Саул», которые писаны стихами. Виноваты, мы не имели терпения прочитать их до конца.

Вот каковы книжечки появляются у нас в 1837 году. И за ними мы, присяжные чтецы, должны тратить золотое время! что делать!... Пусть же наше самоотвержение послужит хоть кому-нибудь в пользу и предостережет наших читателей от этой «Цевницы».²²

Более краткую, но солидарную с процитированными оценками рецензию поместил в «Северной пчеле» Ф. А. Кони.²³

Разумеется, я не мог не предположить, что сочинитель «Цевницы» и сотрудник «Маяка» — одно и то же лицо. Кроме очевидного сходства фамилий, была еще одна ниточка: цензором альманаха был П. А. Корсаков, который через пять лет станет одним из издателей журнала «Маяк». Приняв как рабочую гипотезу, что Шарш — это усеченная форма фамилии Шаршавый, я изменил вектор поисков и начал искать информацию о последнем. Разумеется, и о нем ничего не говорили

²² Литературные прибавления к «Русскому инвалиду». 1837. № 27. 3 июля. С. 263–264.

²³ См.: Северная пчела. 1837. № 130. 14 июня; подпись: К.

как справочники, так и картотеки (иначе еще во время поисков Шарша я бы обязательно обратил внимание на эту фамилию), поэтому единственным источником, где можно было надеяться получить хоть какую-нибудь зацепку, оставались цензурные реестры.

И вот в реестре рукописей, поданных в цензуру в 1835 году, за № 551 обнаружилась следующая запись: «Ноября 30. Рукопись: Целое в частях <исправлено на: Цевница> сочинение П. Ш. от. г. Шаршавого». Эта рукопись была одобрена П. А. Корсаковым 5 декабря и через день отдана для доставки сочинителю.²⁴ Ранее, в сентябре, тот же г. Шаршавый подавал в цензуру другую рукопись — «Три Символа Русских солдат и Военный рассказ»,²⁵ которая была одобрена тем же Корсаковым, но, по-видимому, так и не увидела свет.

Как видим, первый инициал сочинителя «Цевницы» и поэта «Маяка» совпали, и таким образом наша гипотеза получила очень весомое подкрепление. Но увы, никаких новых сведений о П. Шаршавом, которые бы ее окончательно подтвердили, найти не удавалось. Поиски зашли в тупик, никаких выходов я не видел, оставалось лишь уповать на случай. И спустя несколько лет, когда я уже почти похоронил этот сюжет, мне еще раз чрезвычайно повезло.

Работая над биографией другого поэта 1830–1840-х годов (кстати, также печатавшегося в «Маяке»), но уже значительно более известного, по фамилии Щеткин,²⁶ я просматривал указатели к газете «Санкт-Петербургские сенатские объявления по казенным, правительственным и судебным делам», безуспешно пытаясь найти дату его смерти. И вот в указателе за 1865 год мне случайно попала на глаза знакомая фамилия. Когда через несколько минут принесли газету, я имел счастье прочесть там следующее: «С. Петербург. Гражд. надв. суд <...> вызывает наследников в установленный <...> срок, с ясными о правах их на наследство доказательствами, или их поверенных с законными на то доверенностями: <...> Умершего отставного капитана Петра Шаршавого».²⁷ Поиск среди приказов по военному министерству при-

²⁴ РГИА, ф. 777, оп. 27, ед. хр. 199, л. 66 об.–67.

²⁵ РГИА, ф. 772, оп. 1, ед. хр. 761, л. 58 об.

²⁶ Ныне эта работа закончена, см.: Балакин А. Ю. Из разысканий о литературном окружении молодого Гончарова: Поэт Яков Щеткин // Летняя школа по русской литературе. 2016. Т. 12. № 2. С. 130–153.

²⁷ Санкт-Петербургские сенатские объявления по казенным, правительственным и судебным делам. 1865. № 40. 20 мая. С. 290.

нес еще одну находку: 21 ноября 1847 года «за выслужением узаконенных лет» унтер-офицер Семеновского полка Шаршавый произведен в прапорщики и направлен на службу в Рязанский пехотный полк. Поиск в книгах по истории Семеновского и Рязанского пехотного полков, разумеется, никаких плодов не принес, и стало понятно, что теперь мой путь лежал в Москву, в Российский государственный военно-исторический архив.

Попасть мне туда удалось лишь спустя несколько лет, но поиск в картотеке сразу принес результат, и еще через некоторое время у меня в руках оказалось дело под заглавием: «По представлению начальника Резервной Кавказской дивизии об увольнении от службы штабс-капитана Шаршавого», начатое 1 августа и законченное 22 октября 1863 года.²⁸

Согласно ему, штабс-капитан Петр Якимович (Екимович) Шаршавый родился 2 декабря 1814 года, воспитывался в школе кантонистов при лейб-гвардии Семеновском полку, вступил в службу 6 февраля 1833 года рядовым в Семеновский полк, через четыре года стал «музыкантом унтер-офицерского звания» (17 апреля 1837 г.), еще через четыре года «переименован в строевые унтер-офицеры» (21 ноября 1841 г.). Затем, как уже было известно, «произведен в прапорщики с переводом по распоряжению начальства в Рязанский пехотный полк» (21 ноября 1847 г.), впоследствии кочевал по различным провинциальным полкам, в 1853 году получил чин подпоручика. Участвовал в Крымской войне, за что был удостоен бронзовой медали на Андреевской ленте. В 1859 году был назначен в 6-й резервный батальон Ставропольского пехотного полка, в следующем году — командующим ротой, а еще через год произведен в штабс-капитаны. В 1859–1862 годах воевал против горцев, причем ранен не был. 27 сентября 1863 года был уволен с пенсионом 290 рублей в год, кроме того, при увольнении был единовременно награжден 360 рублями серебром «за неимением бежавших нижних чинов за время командования ротой...». На момент составления послужного списка был холост и никакого недвижимого имущества не имел, ни наследственного, ни приобретенного.

Поразительно, но такой строгий официальный документ, как послужной список, донес до нас свидетельство того, что штабс-капитан

²⁸ РГВИА, ф. 395, оп. 55, 1863 г., I отд., 3 ст., д. 1153.

Шаршавый не был чужд сочинительству. 3 января 1848 года ему «за рукописное сочинение “Наше в царской службе” Его императорское высочество Государь Наследник (ныне благополучно царствующий Государь Император) Всемиловитейше соизволил пожаловать бриллиантовый перстень».²⁹ Таким образом, никаких сомнений в правильности идентификации поэта П. Шарша не осталось.

В деле находится еще несколько любопытных документов, позволяющих полнее представить жизнь этого человека. Открывается оно следующим прошением:

Всепресветлейший, державнейший великий государь император Александр Николаевич, самодержец всероссийский, государь всемиловитейший!

Просит штабс-капитан 6-го Резервного баталиона Ставропольского пехотного полка Петр Якимов Шаршавый о нижеследующем.

Болезненное состояние здоровья моего лишает меня возможности продолжать службу Вашего Императорского Величества, а потому, представляя при сем установленный законом реверс и Медицинское свидетельство за № 30-м Всеподданнейше прошу:

Дабы повелено было уволить меня от службы, с награждением следующим чином, мундиром и полным пенсионом. Укрепление Майкоп Мая 28 дня 1863 года. К поданию подлежит по команде. Сие прошение со слов просителя писал 6-го резервного баталиона Ставропольского пехотного полка унтер-офицер Алкун Дувидов Капилюшников.

К сему прошению 6 резервного баталиона Ставропольского пехотного полка штабс-капитан Петр Якимов Шаршавый руку приложил.³⁰

Этим же числом датирован и реверс:

Я, нижеподписавшийся, даю сей реверс в том, что если последует разрешение об увольнении меня от службы с пенсионом, существующими постановлениями определенным, то более о казенном содержании просить нигде не буду.

Жительство по отставке буду иметь в губернском городе С. Петербурге. Пенсион желаю получать из С. Петербургского уездного казначейства.³¹

²⁹ Там же, л. 10 об.

³⁰ Там же, л. 2–2 об.

³¹ Там же, л. 5.

И наконец, медицинское свидетельство — самый горький документ, объясняющий столь раннюю смерть бывшего поэта, который едва достиг пятидесятилетнего возраста:

По освидетельствованию оказалось: штабс-капитан Петр Екимов, сын Шаршавый, сорока восьми лет от роду, телосложения слабого, с расположением чахоточным, имеющий грудь узкую, плоскую, при всеобщем истощении тела, в военной службе состоит с 1833 года февраля 6-го дня. При исполнении служебных обязанностей, разновременно подвергаясь простуде, страдал воспалением легких, которое не будучи надлежащим образом излечено в свое время, приняло ныне хронический характер и обнаруживается сильным кашлем, одышкой с отделением мокроты гноевидной, которая нередко выкашливается с полосками крови, стеснением в груди при малой и нескорой ходьбе и даже при разговоре. <...> Для излечения своего болезненного состояния штабс-капитан Шаршавый употреблял разные врачебные средства, но облегчение получал только кратковременно и незначительное. Судя по важности болезненных признаков и органическому расстройству в легких полагаем, что болезнь у штабс-капитана Шаршавого неизлечима; поэтому он ни полевой, ни гарнизонной службе Его Императорского Величества продолжать не может...³²

Напомню, что после своей отставки Шаршавый прожил немногим более полутора лет, скончавшись в Петербурге — городе, где он провел свои молодые годы, где писал стихи и прозу, где его читали и, видимо, ценили.

Надеюсь, что теперь в указателях и справочниках позиция «П. Шарш, малоизвестный поэт 1830–1840-х годов» будет заменена следующей: «Шаршавый Петр Якимович (псевд. П. Шарш; 1814–1865), поэт и прозаик, сотрудник журнала “Маяк”, автор альманаха “Цевница”».

³² Там же, л. 8–8 об.

«ЛИТЕРАТУРНЫЙ» ВОДЕВИЛЬ 1830–1840-Х ГОДОВ*

Водевиль как средство журнальной и литературной полемики

1

Конец 1830-х — начало 1840-х годов — очень динамичный период в истории русской литературы. Как отмечал в 1841 году В. Г. Белинский, «пять лет в русской литературе — <...> это все равно, что пятьдесят в жизни иного человека!»¹ И действительно, за очень короткое время русский литературный ландшафт серьезно изменяется: реорганизуются старые журналы и основываются новые, подвергаются пересмотру репутации известных литераторов и на первый план выдвигаются писатели доселе малоизвестные или только что вступившие в литературу, меняются пристрастия читательской аудитории. С возникновением журнала «Библиотека для чтения» (1834) завершается процесс профессионализации литературы и резко повышается роль журналов. П. А. Вяземский позднее писал, что «в это <...> время литература переродилась в журналистику»,² — в свою очередь, это привело к поляризации литературных мнений и обострению полемики.

В те же годы подлинным королем театральных подмостков становится водевиль. По свидетельству В. Г. Белинского, «водвиль завладел современною сценою и исключительным вниманием театральной

* Впервые: Zeitschrift für Slawistik. 1998. Bd 43. № 1 (на нем. яз.); расширенная версия: Лесная школа: Труды VI Международной летней школы на Карельском перешейке по русской литературе. Поселок Поляны (Уусикирко) Ленинградской области, 2010.

¹ Белинский В. Г. Собр. соч.: В 9 т. М., 1978. Т. 3. С. 491.

² Вяземский П. А. Соч.: В 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 205.

публики».³ Количество водевилей, написанных на рубеже 1830–1840-х годов, огромно. Создавались и ставились они, как правило, очень быстро, что отрицательно сказывалось на их художественных достоинствах, зато эта быстрота позволяла своевременно откликаться на недавние события, вводить в куплеты актуальные намеки, в том числе и на известные зрителям факты журнальных полемик. Как отмечала И. С. Чистова, «жанровые возможности водевиля, как спектакля в первую очередь злободневного, позволили ему запечатлеть особенно острые моменты литературно-журнальной борьбы той поры».⁴

Количество зрителей, посетивших несколько представлений в Александринском театре, было сопоставимо с количеством читателей тех изданий, на страницах которых велась активная полемика. Таким образом, водевиль был серьезным полемическим орудием, и современники в полной мере осознавали это. Свидетельство тому оставил нам Н. А. Некрасов: главный герой его неоконченного романа «Жизнь и похождения Тихона Тростникова» (1843–1848), молодой поэт, сборник которого разругали рецензенты, думает, «какое бы средство избрать, чтоб отомстить журналистам», и его приятель, актер, предлагает следующее: «...напиши, братец, водевиль: выведи всех этих философов, отделай их хорошенько».⁵ Поэт пишет водевиль, где выводит «страшного негодяя и бездельника, который торгует своими мнениями, обманывает публику, обирает портных и сапожников, пишет за деньги похвалы кондитерам и сигарочным фабрикантам, гонит талант, поощряет бездарность».⁶ Перед самой премьерой журналист, послуживший прототипом этого персонажа, приходит к поэту, льстит ему, уговаривает убрать эту роль из водевиля, боясь увидеть себя на сцене, а когда тот отказывается, грозит ему «сильными мерами» — в итоге при постановке роль исчезает.⁷

Этот эпизод некрасовского романа интересен еще и тем, что в нем рассказывается о персонажах написанного поэтом водевиля и отме-

³ Белинский В. Г. Собр. соч. Т. 3. С. 360.

⁴ История русской драматургии: XVII — первая половина XIX века. Л., 1982. С. 415.

⁵ Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. Л., 1984. Т. 8. С. 160.

⁶ Там же. С. 177 (имеется в виду Ф. В. Булгарин).

⁷ О реальных случаях подобного рода см.: Мельгунов Б. В. Журнальный контекст водевиля Н. А. Некрасова и Ф. А. Кони «Утро в редакции» // Н. А. Некрасов в контексте русской культуры: Материалы конференции. Ярославль, 2006. С. 3–10.

чено, что публика безошибочно узнает их прототипы (Белинского и Межевича) и соответствующим образом высказывает к ним свое отношение. «Особенный хохот возбуждали нелепые и высокопарные тирады, набранные из употреблявшихся тогда в одном журнале терминов и оборотов, которых я не понимал. Человек, в уста которого были вложены такие тирады, — критик того журнала, — представлен был раздушенным франтом, ловким и пошлым любезником, беспрестанно толкующим о Европе и философии. Из других лиц более других насмешил сотрудник почтеннейшего <т. е. Булгарина. — А. Б.>, беспрестанно перебегавший из журнала в журнал, писавший за деньги статьи не только против чужих мнений, которые прежде разделял, но даже против самого себя».⁸

Современники неоднозначно оценивали использование водевилей как средства полемики или сведения литературных счетов. Так, в рецензии на постановку водевиля «Сей и оный» (о котором речь пойдет впереди) Ф. А. Кони писал, что «обиженный журналами автор, если чувствует свою правоту, должен смело выступить на поле полемическое, с пером в руках, и в честном бою показать свое преимущество и обличить несправедливость своих зоилов. Но всякая ретирада, закулисная или какая другая, доказывает слабость, вымаливающую себе помощь публики, всегда великодушной к беззащитному, хотя и виновному. <...> Насмешка — холостой заряд; ею не отстреляешься от метких стрел критики. <...> Если критика поражает судом своим автора, актера или другого художника, то это делается не для возбуждения мелочных самолюбий, не для составления целых армий кулплетов, колкостей и тому подобного».⁹ Другого мнения придерживался анонимный рецензент «Сына отечества» (возможно, Н. А. Полевой) уверявший, что «на водевильные шалости нет суда и сердиться на них не должно. <...> Скажут, что водевиль может употребить свое право насмешки во зло: нимало! Что не похоже, то и останется не похоже, а когда вашу забавную рожицу узнают в зеркале водевильном — ergo, она похожа; тогда вините ее, а не водевильное зеркало».¹⁰

В этой статье мы очертим круг водевилей и комедий, появившихся на рубеже 1830–1840-х годов, которые несли в себе определенный

⁸ Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 8. С. 190.

⁹ Северная пчела. 1839. № 152. 11 июля.

¹⁰ Сын отечества. 1839. Т. 10. Отд. IV. С. 61–62.

полемический заряд, постараемся выявить содержащиеся в них намеки и «личности», собрать и сгруппировать отклики современников. При этом остановимся лишь на наиболее характерных и вызвавших в свое время значительный резонанс произведениях, рассматривая их в хронологической последовательности.

2

18 января 1839 года в Александринском театре состоялась премьера комедии в одном действии В. А. Каратыгина «Семейный суд, или Свои собаки грызутся, чужая не приставай». Успеха она не имела и быстро сошла со сцены. «Сию гнусную пьесу ошикали», — свидетельствовал современник, побывавший на втором (и последнем) ее представлении.¹¹ «Русская галиматья, переделанная с французского вздора», — отозвался о комедии анонимный рецензент «Репертуара русского театра».¹² Для нас же эта пьеса интересна тем, что это фактически первый драматический пасквиль на Белинского, выведенного здесь под именем Виссариона Григорьевича Глупинского. Одна из героинь пьесы так характеризует его: «Глупинский, выгнанный студент, полученный романтик, пьянюшкин, конкретный дурак с его объективностью, субъективностью и призрачностью».¹³ Основное правило Глупинского, по его словам, «идти против общего мнения; когда все так, — я не так, когда все не так, — я так». Характерен монолог Глупинского, произносимый им на семейном суде:

Все бесконечное отличается от конечного своею неуловимостью и не передаваемостью с математическою точностью и ясностью. Причина этого заключается в том, что все бесконечное запечатлено печатью таинственности, которая составляет одну из основных потребностей духа и без которой погибло бы всякое наслаждение содержанием жизни. <...> До сих пор отвлеченность, призрачность и отсутствие всякой действительности были тождественны; прекраснодушный человек необходимо простился с действительностью и бродит в этом болез-

¹¹ Храповицкий А. И. Дневник // Русская старина. 1879. № 2. С. 355.

¹² [Б. н.] Отчет за истекшее полугодие о достоинстве пьес и выполнении их артистами на Александринском театре // Репертуар русского театра. 1839. Т. II. С. 3; особ паг.

¹³ Здесь и далее пьеса цитируется по цензурной рукописи (СПбТБ, I, XVIII, 3, 58).

ненном отчуждении от всякой естественной и духовной действительности в каких-то фантастических, произвольных, небывалых мирах, или вооружается против действительного мира и мнит, что своими призрачными силами он может разрушить его могущее существование, мнит, что в осуществлении конечных положений его конечного произвола и конечных целей его конечного рассудка <...> заключается все благо, и не знает, что самые страдания в действительной жизни необходимы как очищение духа, как переход от тьмы к свету, к конечному просветлению.

В. А. Каратыгин в роли Гамлета. Гравюра из альманаха «Русская талия на 1825 год» (СПб., 1824).

Между тем эту бессмыслицу вполне можно сопоставить со статьями Белинского тех лет. Вот, к примеру, фрагмент из статьи «Гамлет», драма Шекспира. Мочалов в роли Гамлета» (1838): «Чтобы постигнуть беспредельность, красоту и гармонию создания в его целом, должно, отрешившись от всего частного и конечного, слиться с вечным духом, которым живет это тело без границ пространства и времени, и ощутить, сознать себя в нем: только тогда исчезнет многообразие, уничтожится всякая частность, всякая конечность и явится, для просветленного и свободного духа, одно великое целое...»¹⁴ Схожие с монологом Глупинского сентенции можно найти и в статье Белинского о книге Алексея Дроздова «Опыт системы нравственной философии». Каратыгин умело использует туманную лексику Белинского и конструирует ложно-многозначительный, но на деле сугубо пародийный текст.

Характерно, что, по свидетельству Ф. А. Кони, из всей комедии публически понравились именно речи Глупинского. «“Семейный суд”, самый бесконечный и бестолковый суд, какой когда-либо встречался, — писал он в рецензии на спектакль, опубликованной в “Северной пчеле”. —

¹⁴ Белинский В. Г. Собр. соч. Т. 2. С. 38.

Муж с женой ссорятся, сами не зная за что; родные их судят, сами не зная зачем, и пьеса тянется, идет, спотыкается и падает так же, вероятно, не зная, зачем и для чего. Но тут есть лицо весьма забавное, Виссарион Григорьевич Глупинский, который, точно журнал, беспрестанно толкует о Гегелевой Философии, о *прекраснодушии*, о *объективной индивидуальности*, о *просветлении*, *любезномудрии* — и морит этим всю публику со смеху».¹⁵ Любопытно отметить, что имя Гегеля в пьесе не упоминается, его домыслил сам Кони исходя из своих представлений о Глупинском. Отметим также, что через три месяца «Северная пчела» изменила свое мнение о пьесе и ее оценке зрителями в худшую сторону. «Публика не любит вмешиваться в семейные дела посторонних людей, — писалось в анонимной заметке, — и в таком публичном суде присутствовала с явным неудовольствием».¹⁶

С большой долей уверенности можно предположить, что пером Каратыгина водила обида на Белинского за то, что тот находил в нем «недостаток истинного таланта».¹⁷ Вероятно, сведение личных счетов будет и в дальнейшем являться одной из основных причин появления на сцене и в печати пьес, содержащих выпады против литературных «обидчиков». И если «Семейный суд» прошел почти незаметно, то следующая пьеса, исполненная «личностей», имела едва ли не скандальный резонанс. Мы имеем в виду шутку-экспромт в одном действии «Сей и оный».

3

Премьера этой пьесы на Александринском театре состоялась 7 июля 1839 года; в том же году она вышла отдельным изданием. Вместо имени сочинителя на театральной афише было указано: «бар... Брамб...», на титульном листе отдельного издания стояли звездочки. По свидетельству Ф. А. Кони, пьеса сочинена была «целою *компаниею*... <...> Лучшие куплеты принадлежат драматическому писателю, который кроме того известен по весьма удачной пародии “Смальгольского барона”».¹⁸ Кони имеет в виду К. А. Бахтурина и его пародийную

¹⁵ Северная пчела. 1839. № 26. 1 февр.

¹⁶ Там же. № 86. 20 апр.

¹⁷ Белинский В. Г. Собр. соч. Т. 1. С. 131.

¹⁸ Северная пчела. 1839. № 152. 11 июля.

балладу «Барон Брамбеус», направленную против О. И. Сенковского. Комментируя «Барона Брамбеуса», В. С. Киселев-Сергенин высказывает предположение, что «поводом к ее написанию послужила разгромная рецензия Сенковского на сборник Б.<ахтурина> 1837 г.»¹⁹ Видимо, эта рецензия явилась и толчком для создания «Сего и оного».

Вот как пересказывает содержание пьесы анонимный рецензент «Отечественных записок»: «...к какому-то безграмотному издателю книг Буквину, у которого есть племянница Олинька, приходит сочинитель Лунский, влюбленный в Олиньку, и предлагает купить написанные им повести. Буквин, заметив, что в этих повестях много “сих” и “оных”, не покупает их. Лунский продал их другому, и повести принесли барыш издателю. Буквин в отчаянии, отрекается навсегда от “этих”, пристаёт к “сим” и выдает свою племянницу за Лунского. Вот и все».²⁰ В пьесе появляется также «какая-то странная фигура, Юяевич, молодой человек, тоже влюбленный в Олиньку, выдающий повести Лунского за свои сочинения, просящий у Буквина за эти сочинения денег на извозчика и говорящий такие пошлости, что уши вянут».²¹ Какие же «пошлости» говорит Юяевич и почему от них «уши вянут» у рецензента журнала Краевского? Приведем фрагмент первого разговора Буквина с Юяевичем:²²

Б у к в и н: Давно изволите заниматься?

Ю я е в и ч: О! давно, давно!... Вот уж четвертый год, как я живу на Козьем болоте, а начал писать еще на *Петербургской стороне*...

Б у к в и н: Позвольте... я не дослышал... где?

Ю я е в и ч: *На Петербургской.*

Б у к в и н (в сторону): ... *ржской!*... тотчас виден человек с дарованием.

Современники сразу увидели в здесь полемический выпад в сторону А. А. Краевского, который, как свидетельствовал И. И. Панаев, «пытался сделать некоторые грамматические перевороты и между прочим дать большую самостоятельность букве *ж*», и за это был прозван «*Краежским, петербургским журналистом*».²³ В «Литературных

¹⁹ Поэты 1820–1830-х годов. Л., 1972. Т. 2. С. 719 (Библиотека поэта. Большая сер.).

²⁰ Отечественные записки. 1839. № 8. Отд. VII. С. 21.

²¹ Там же. С. 22.

²² Здесь и далее пьеса цитируется по отдельному изданию (СПб., 1839).

²³ Панаев И. И. Литературные воспоминания. [Л.], 1950. С. 71.

прибавлениях к «Русскому инвалиду» рубрики назывались «Петербургские театры», «Петербургская хроника», что подвергалось неоднократным насмешкам.²⁴ Кроме слова «петербургской», Юяевич также произносит «сижарный», «всеможущего», «исторжшие» и пр. Колкости эти были подхвачены «Северной пчелой», которая в рецензии на отдельное издание пьесы сделала вид, что не понимает, в чью сторону направлен выпад: «Говорят, что эта шутка выходит из границ умеренности. Может быть! Но нам кажется, что в ней вовсе нет никаких *личностей*, что это просто фантазия, или, пожалуй, мистерия веселого водевилиста, и более ничего! Скажите, ради Бога, неужели у нас есть литераторы, которые говорят и пишут так: Петербургская сторона; <...> на Петержовском проспекте; всемоющею силою <...>? Неужели, в самом деле, у нас так пишут? Быть не может! По крайней мере, мы не знаем ни одного *литератора*, который бы писал таким Киргиз-Кайсацким наречием».²⁵ Выделение здесь слова «литератор» было особенно обидно для Краевского, противники которого видели в нем лишь удачливого чиновника, случайно попавшего в литературу.

Сенковский в «Сем и оном» был задет дважды: как писатель и как редактор «Энциклопедического лексикона» А. Плюшара. Редактором «Лексикона» Сенковский стал в 1838 году, и вышедший тогда же 14-й том, по свидетельству А. В. Никитенко, «изумил публику своей несостоятельностью»,²⁶ а по словам Н. И. Греча, «доказал всю лживость, бессовестность и небрежность Сенковского. Он был составлен без всякого рачения и наполнен бесчисленными недомолвками, ошибками».²⁷ Намек на репутацию Сенковского как «сального» журналиста содержится в следующих словах Буквина: «Книги товар не съедобный, кроме мышей да крыс никто его не станет есть, да и те, проклятые, стали разборчивы. Вон Лексикон, толст кажется... так начальные томы ни одна не понюхала: сухо — сала мало, а от последнего одни обертки остались». Более открыто высмеивается Сенковский как писатель:

²⁴ См.: Там же. С. 371–372 (примеч. И. Г. Ямпольского).

²⁵ Северная пчела. 1839. № 179. 11 авг.; без подписи.

²⁶ Никитенко А. В. Дневник: В 3 т. [Л.], 1955. Т. 1. С. 204.

²⁷ Греч Н. И. История первого Энциклопедического Лексикона в России // Русский архив. 1870. Стб. 1270.

Как сноровливый писака,
Не хватило своего,
То потреплет у Бальзака,
То у Виктора Гюго.
Жюль-Жанену также место, —
И потом, без дальних дум,
В фантастическое тесто
Запечет французский ум.
<...>
Все боятся, все лакейски
Имя гения дают.
Он напишет по-халдейски...
Чистым, русским назовут.

Были у Бахтурина и другие «обидчики». 20 мая 1839 года в «Литературных прибавлениях к “Русскому инвалиду”» появилась саркастическая рецензия на его трагедию «Батый в Рязани». Автором рецензии был В. С. Межевич, и подписана она была его обычным псевдонимом Л. Л. Месьт Бахтурина выразилась во фразе, следующей за приведенными выше куплетами: «А еще того лучше записаться в журнальный цех рецензентом, и там у меня был приятель, сам догадался, что плохо знает грамоте, так вместо фамилии, бывало, поставит четыре Л.»

Мнения рецензентов о пьесе резко разделились. Лица, не задетые в «Сем и оном», были достаточно снисходительны. «...Содержание водевиля неправдоподобно и невероятно, но — как хотите, а он, право, презабавная шутка, несмотря на все его недостатки», — отмечалось в «Сыне отечества». ²⁸ «Пьеса нашла свою публику и своих противников; ей аплодируют и шикают», — писал в «Северной пчеле» Ф. А. Кони и высказывал мнение, что «эта пьеса принадлежит более современным обстоятельствам и местности, а не искусству и литературе». ²⁹ Изданиями же Краевского, что вполне естественно, «Сей и оный» был оценен резко отрицательно. «Эта шутка принадлежит к тем произведениям письменности человеческой, которые не подлежат ни литературной, ни художественной критике», — утверждалось в «Литературных прибавлениях к “Русскому инвалиду”», ³⁰ а «Отечественные

²⁸ Сын отечества. 1839. Т. 10. Отд. IV. С. 62.

²⁹ Северная пчела. 1839. № 152. 11 июля.

³⁰ Литературные прибавления к «Русскому инвалиду». 1839. № 24. 17 июня.

записки» высказались о пьесе как о «пустой, вялой, пошлой шутке».³¹ «Библиотека для чтения» вообще обошла отдельное издание пьесы презрительным молчанием. Однако мнение Сенковского о ней дошло до нас: оно сохранилось в его письме к жене, написанном сразу после посещения театра: «Вчера вечером, против обыкновения, я побывал в русском театре, чтобы посмотреть очень глупый водевиль “Сей и оный”, который в афише имели бесстыдство обозначить как сочинение барона Брамбеуса. Мне было там ужасно скучно, но кажется, что имя бедного барона приносит хороший доход, потому что театр был заполнен как никогда. Придя в 7 часов, я уже не нашел ни одного билета и с большим трудом секретарь дирекции театров достал для меня не знаю у кого место в ложе на третьем ярусе, <...> потому что я нарочно хотел там показаться для того, чтобы все увидели меня в тот момент, когда актер, как меня предупредили, при криках «автора! автора!» выйдет объявить публике, что автора нет в театре. Я был оскорблен этой пьесой, которая была от начала и до конца поставлена в пику г-ну Краевскому и в пику одному из его сотрудников, и притом в самой неприличной манере. Этот русский театр — настоящий *кабак*. Я не пойду туда больше никогда». Далее он называет пьесу «позорной» и характеризует ее как «недостойную спекуляцию человека, чуждого всякому чувству благопристойности».³² Характерно, что Сенковский не хотел признаться, что водевиль направлен и против него, указав только на Краевского и Межевича.

И в дальнейшем реакция на пьесы с журнально-полемическим подтекстом будет похожа на ту, что мы видели в случае с «Сим и оним». Высмеянные журналисты, как правило, поспешат отозваться о таких пьесах резко отрицательно, а не втянутые в полемику — более или менее снисходительно.

4

Заметным явлением литературной борьбы на театральной сцене стала постановка водевиля Ф. А. Кони «Петербургские квартиры» (премьера — 3 сентября 1840 г.). Об этой пьесе сказано много, и по-

³¹ Отечественные записки. 1839. № 8. Отд. VIII. С. 20.

³² РНБ, ф. 391, ед. хр. 925 (подлинник по-французски).

дробно останавливаться на ней мы не будем. Отметим лишь одну деталь. По нашему мнению, «Петербургские квартиры», а точнее, четвертый акт — «Квартира журналиста на Козьем болоте» — написаны не только против Булгарина-Задарина, но также и с целью оправдать свое сотрудничество в «Северной пчеле», показать, в какие условия был поставлен сам Кони-Семячко, вынужденный полностью подчинять свое мнение вкусам и оценкам редактора газеты. И хотя из-за интриг Булгарина этот акт пьесы был при ее постановке опущен, нет сомнения, что он стал известен в литературных кругах.

Ф. А. Кони. Портрет, приложенный к юбилейной статье в журнале «Нива» (1909. № 14).

Месяц спустя в Александринке проходит премьера водевиля «Друзья-журналисты, или Нельзя без шарлатанства», переделанного из водевиля Э. Скриба и Э. Мазера «La charlatanisme» В. С. Межевичем и П. И. Григорьевым³³ и во многом полемичного по отношению к «Петербургским квартирам». В. Г. Белинский в рецензии на спектакль так пересказывал сюжет пьесы: «...ловкий журналист, думая помочь своему приятелю, ученому, искусному, но чересчур скромному и добросовестному молодому врачу, создает ему, через свою газету, ужасную славу, так что все зовут его к себе и требуют, — приглашениям нет конца. Разумеется, врачу слава нужна больше всего для того, чтоб жениться на своей возлюбленной — дочери богатого помещика, который помешан на авторской славе и слышать не хочет, чтоб дочь его вышла не за знаменитого сочинителя. Любский (юный и скромный врач) издал когда-то книжонку, которая не разошлась, — и Загвоскин (журналист) посылает своих людей скупить все экземпляры в книжных лавках; Тверской (помещик) ищет книги и узнает, к неизречен-

³³ Опул.: Репертуар русского театра. 1840. Т. II. Кн. 11.

ному восторгу своему, что она вся раскуплена в один день. Потом как-то с Любским сталкивается (по претензии на одну и ту же невесту) Шариков, сотрудник Загвоздкина; но дело, однако ж, улаживается, и Любский женится на Софье». ³⁴ Сам сюжет, казалось бы, далек от пьесы Кони; полемика же заключается в расстановке и характеристике персонажей.

С большой долей вероятности можно предположить, что прототип главного героя, «сочинителя романов и журналиста» Загвоздкина — Булгарин. Но если в пьесе Кони Задарин рекламирует в своей газете тех, кто дает ему взятки, то Загвоздкин делает рекламу подчеркнуто бескорыстно, из дружеских чувств. Да и в целом облик Загвоздкина, несмотря на ряд его проделок, не вызывает отрицательных эмоций. И все же сотрудник Булгарина Межевич в рецензии на постановку счел нужным подчеркнуть лояльность к своему шефу, объявив, что «все лучшее в этой пьесе принадлежит г. Григорьеву 1-му» и что сам он «считает долгом принести <ему> свою благодарность за ту готовность, с какою взялся он докончить перевод этого водевиля, начатый Л. Л. и оставленный им за недосугом». ³⁵ А далее Межевич делает весьма важное признание, косвенно подтверждающее наше предположение о полемической направленности «Друзей-журналистов», без всякого, на первый взгляд, основания соотнеся их с «Петербургскими квартирами»: «Разыграна пьеса была очень недурно... <...> Но несмотря на все это, публика приняла ее довольно холодно: она ожидала найти в ней некоторые черты, в роде тех, какими преисполнены “Петербургские квартиры” г. Кони, и ошиблась в своем ожидании».

На самом деле в пьесе содержались эти «некоторые черты». Мы имеем в виду фигуру Ивана Ивановича Шарикова, водевилиста и сотрудника изданий Загвоздкина. По нашему мнению, в образе Шарикова изображен Ф. А. Кони. Прямой намек на это имеется в реплике Загвоздкина, приветствующего входящего Шарикова: «Здравствуй, мой журналист, куплетист, водевилист — и что еще?», — которая прямо соотносится с названием одного из водевилей Кони — «Студент, артист, хорист и аферист», поставленного в 1838 году. Отношения

³⁴ Белинский В. Г. Собр. соч. Т. 3. С. 457.

³⁵ Северная пчела. 1840. № 239. 22 окт.

Шариков — Загвоздкин в «Друзьях-журналистах» прямо противоположны отношениям Семячко — Задарин в «Петербургских квартирах»: если Семячко горд, независим, то Шариков раболепен и подл. Он пишет хвалебные рецензии на свои собственные водевили, узнав, что актер отказался от его пьесы, меняет свое мнение о его таланте на прямо противоположное и т. п.³⁶

В рецензии на пьесу Белинский воспользовался ее содержанием, чтобы сделать выпад в сторону «Северной пчелы», используя прием «иронического недоумения», подобный тому, что использовала «Северная пчела» в рецензии на «Сей и оный» для удара по Краевскому. «Известно, что в Париже журнал и газета — всемогущие средства для известности всякого рода, — писал он, — но, скажите ради здравого смысла, какая газета может у нас в один год, не только в один день, дать известность неизвестному молодому врачу?.. Много-много ей чести, если иногда удастся ей дать дневную известность плохому водевилю своего сотрудника, водочистительному машинисту или сигарочной лавочке, если владелец этой лавочки неопровержимыми доказательствами уверит газетчиков в превосходстве своего товара...»³⁷ В качестве комментария к последней фразе укажем, что восторженная по тону статья о водоочистительных машинах Г. Дронсара появилась в «Северной пчеле» за две недели до премьеры «Друзей-журналистов» (№ 215. 24 сент.), а реклама Булгариным табачных лавок стала притчей во языцех, что нашло отражение и в «Петербургских квартирах».

Конец 1840 года был удивительно богат на водевили из литературной жизни. Ровно через месяц после премьеры «Друзей-журналистов» перед зрителями предстала еще одна подобная пьеса — водевиль П. А. Каратыгина «Авось, или Сцены в книжной лавке».³⁸ Содержание его в целом уже было рассмотрено И. С. Чистовой в указанной выше работе, мы же хотим акцентировать внимание на проблеме прототипов этой пьесы. Напомним ее сюжет, используя для этого рецензию В. С. Межевича из «Северной пчелы»:

³⁶ Подробнее о полемическом подтексте этого водевиля см.: Федотов А. Русский театральный журнал в культурном контексте 1840-х годов. Tartu, [2016]. С. 80–86.

³⁷ Белинский В. Г. Собр. соч. Т. 3. С. 457–458.

³⁸ Опубл.: Репертуар русского театра. 1841. Т. I. Кн. 1.

В лавку молодого книгопродавца, который только что завел типографию, приходит актер Маскин, встречается с *опытным литератором*, водевилистом Пустевичем. У Маскина скоро должен быть бенефис; он просит Пустевича написать для него водевиль; тот отговаривается, но Маскин не выпускает его из рук, сажает за стол, кладет перед ним бумагу, дает в руки карандаш, и бедный водевильст <...> должен писать водевиль из сцен, какие он увидит в книжной лавке.

Приходит журналист Барбосов и нахально требует, чтобы книгопродавец взялся печатать в своей типографии его журнал, обещается рекомендовать его публике и идет в особую комнату писать об нем статью; в это время является другой журналист, Зажигин, заклятый враг Барбосова: сцена в том же роде и такого же содержания; слышен стук кареты — приезжает третий журналист, Крапивин, от которого Зажигин прячется в особенную комнату; Крапивин — франт, который важничает непомерно, знает с аристократами и говорит беспрестанно пошлости; он начинает ругать Барбосова и Зажигина; те слушают, но когда книгопродавец обещает ему взять на себя печатание его журнала, те выходят из терпения, выбегают из засады, и тут начинается у них потасовка, чуть не за волосы. Вот главные сцены, которыми бенефициант-автор угостил своих посетителей.³⁹

При первом знакомстве с пьесой может показаться, что прототипы персонажей водевиля достаточно прозрачны. И. С. Чистова предлагает следующую расшифровку: Межевич — Пустевич, Барбосов — Сенковский, Зажигин — Греч, Крапивин — Белинский. Первая пара действительно не вызывает сомнений, что же касается остальных, то, по нашему мнению, они не могут быть столь однозначны. Правда, современники увидели в Крапивине Белинского, и М. С. Щепкин отказался исполнять направленные против него куплеты. Но манера поведения Крапивина слишком не соответствует манере поведения Белинского: он говорит по-французски, носит лорнет, завтракает в ресторане Кулона, живет на даче и не посещает русский театр. Все это скорее можно отнести к Сенковскому. В образе Барбосова видны многие черты Полевого: его журнал очень опаздывает с выходом и получается тоньше обещанного. Но в журнале Барбосова (что было нехарактерно для «Сына отечества») печатаются театральные фельетоны и статьи о театре, которые раньше ему писал Ф. А. Кони (в пьесе имеется прозрачный намек на это), а сейчас он пишет

³⁹ Северная пчела. 1840. № 264. 20 нояб.; подпись: Л. Л.

их сам. В издателе «чахотной газеты» Зажигине легко увидеть Булгарина (в скобках стоит отметить ряд Задарин — Загвоздкин — Зажигин; к тому же фамилия Зажигин может ассоциироваться с фамилией главного героя самого известного романа Булгарина «Иван Выжигин»), его словам «признайтесь по совести, где, кроме нашей газеты, найдете вы здравый смысл и справедливость» можно подыскивать аналогии в ряде статей «Северной пчелы». Однако он «немного близорук», что скорее является отличительной чертой облика Н. И. Греча.

Подобные примеры можно умножить, и это наводит на мысль, что целью Каратыгина было не пасквильное изображение популярных журналистов на сцене, подобно тому, как это делали упомянутые выше драматурги; скорее, он старался сгладить слишком характерные черты. Его главная задача — не выставить «личности», а показать методы и приемы журналистской борьбы, борьбы за влияние на книготорговца, на типографию, на подписчика. И, как нам кажется, именно поэтому рецензенты были к пьесе снисходительны. «Все это довольно остро и замысловато и как *сцены* — имеет большое достоинство, — отмечалось в «Литературной газете», — но *водевиля* без интриги нет, да и не могло быть... Куплеты большею частью хорошо просолены».⁴⁰ «Куплеты в этом водевиле, все без исключения, забавны и умны; но завязка и характер слабы, неправдоподобны, как нельзя более, — писал в цитировавшейся выше рецензии В. С. Межевич. — <...> Вообще пьеса, за исключением куплетов, очень скучна, а натянутыми, на каждом шагу попадающимися каламбурами наводит тоску на зрителя».

5

Последняя пьеса нашего обзора не была поставлена на сцене, но выход ее из печати вызвал взрыв негодования и весьма странненькие рецензии ведущих журналов, настолько она нарушала даже весьма условные нормы полемического приличия того времени. Мы имеем в виду комедию в пяти действиях в стихах

⁴⁰ Литературная газета. 1840. № 92. 16 нояб.; без подписи.

В. Невского «Демон стихотворства», опубликованную в Санкт-Петербурге в конце 1843 года.

К этому времени имя Невского уже было известно в литературе. В 1839 году он выпустил сборник «Вечерние рассказы», который вызвал отрицательный отклик Белинского и ироничный Сенковского,⁴¹ а спустя год осуществил одну из самых громких литературных спекуляций первой половины XIX века: под именем барона Брамеуса опубликовал «Фантастические повести и рассказы» в надежде на то, что читатели не обратят внимания на пропуск одной буквы в фамилии барона и примут их за сочинения Сенковского. Мистификация удалась, причем настолько успешно, что в нее уже в наше время поверил составитель указателя содержания к «Отечественным запискам» В. Э. Боград: отметив появившуюся в журнале анонимную рецензию на сборник, он безоговорочно приписал саму книгу Сенковскому.⁴²

Как выясняется из сохранившегося договора на издание «Фантастических повестей и рассказов»,⁴³ под псевдонимом В. Невский скрывался Василий Васильевич Черников, отставной подпоручик артиллерии, в 1839–1840-х годах гувернер императорского Царскосельского лицея.⁴⁴

Таким образом, мы видим, что автор «Демона стихотворства» к 1843 году уже был «обижен» ведущими журналистами, очевидно, был в курсе литературных полемика, а его заявление в предисловии к пьесе, что он весь свой век прожил в 900 верстах от Петербурга и 700 верстах от Москвы и не имел случая видеть в лицо ни одного из журналистов и литераторов, является мистификацией.

Взглянем на содержание пьесы глазами рецензента журнала «Москвитянин»:

⁴¹ См.: *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1954. Т. 3. С. 165; Библиотека для чтения. 1839. Т. 34. Отд. VI. С. 8–9.

⁴² См.: *Боград В. Э.* Журнал «Отечественные записки». 1839–1848: Указатель содержания. М., 1985. С. 76.

⁴³ РНБ, ф. 605, ед. хр. 97. Без указания на источник псевдоним Черникова раскрыт в книге В. Г. Дмитриева «Скрывшие свое имя» (2-е изд. М., 1980. С. 138).

⁴⁴ См.: *Селезнев И.* Исторический очерк Императорского, бывшего Царскосельского, ныне Александровского лицея за первое его пятидесятилетие, с 1811 по 1861 год. СПб., 1861.

Зорский, молодой человек, мечтатель, поэт, бросивший все, службу, почести, богатство, чтобы посвятить безраздельно всего себя поэзии, влюбляется в молодую богатую девушку, Ольгу Львовну. Она платит ему взаимностью. Но дядя и опекун ее <...> не иначе соглашается соединить их узами брака, как если комедия Зорского, которая <...> в первый раз идет на сцене, будет благосклонно принята публикою, и похвалена журналами. <...> И вот для достижения этой цели Ольга Львовна просит Князя Болтунова, отъявленного дурака, который волочится за ее приданым, поддержать с друзьями своими пьесу его соперника, не объявляя ему имени Автора, скрывающегося под скромным псевдонимом. Князь соглашается, раздает билеты приятелям, нанимает хлопальщиков и т. п. — Зорский же отправляется к известному книгопродавцу с предложением купить его комедию; но тот объявляет ему, что он не может дать ему решительного ответа, покамест журналы не объявят своего мнения о пьесе. В тот же день он дает обед всем литераторам... <...> После этого обеда журналисты каждый поодиночке подличают перед Зорским; стараются завербовать его в сотрудники своего журнала, бессовестно хвалят себя и ругают своих собратий по ремеслу. Подобная низость выводит благородного, непорочного душою и сердцем Зорского из себя. — Он обращается ко всем журналистам, говорит им грозную и наставительную речь <...>; они называют его сумасшедшим и отправляются в театр освистать его пьесу. — Но несмотря на их усилие, <...> партия Болтунова торжествует: автор вызван и Добряков <опекун. — А. Б.> по окончании пьесы <...> объявляет его женихом своей племянницы.⁴⁵

В предисловии, будто бы пытаясь отвести от себя возможные обвинения в «личностях», Невский объяснял, что «желал изобразить три главные направления, которым <...> следует наша литература: *Остро-словский* изображает собою дух французской словесности, *остроумной, легкой, антипоэтической*; *Туманин* должен быть выражением немецкой философии, которая всегда почти изъясняется языком туманным, неопределенным, надутым; *Пристрастьеву* назначено быть представителем английской литературы, которая составляет нечто среднее между двумя первыми» и что «будь эта комедия переведена на иностранные языки, верно, нашлись бы в Германии и во Франции добрые люди, которые сейчас узнали бы в Пристрастьеве, Острословском и Туманине своих знакомых литераторов».⁴⁶ Уже из этого объяснения современ-

⁴⁵ Москвитянин. 1844. № 2. С. 102–103; подпись: Владимир Тиунский.

⁴⁶ *Невский В.* Демон стихотворства: Комедия в 5-ти д., в стихах. СПб., 1843. С. VI.

О. И. Сенковский. Гравюра из альманаха «Сто русских литераторов» (Том 1. СПб., 1839).

ники безошибочно могли угадать в Острословском — Сенковского, в Туманине — Белинского, а в Пристрастьеве — Булгарина. Сравнивая «Демона стихотворства» с рассмотренным выше Каратыгинским «Семейным судом», можно заметить следующее: если Каратыгин пародирует словоупотребление и стиль статей Белинского, то Невский вкладывает в уста персонажей рифмованные цитаты из статей их прообразов и прямо намекает на эпизоды из их биографий. Вот, к примеру, фрагмент из монолога Острословского:

Нет! мой журнал известен всей земле...

<...>

Кто в нем печатает, тому большая честь,
И автор нам приносит благодарность;
Зато у нас волшебный ларчик есть,
Где превращается в талант его бездарность;
Всё принимает в нем опрятный, новый вид:
Ум вялый, неуклюжий, грязный,
По нашей милости причесан и умыт,
Предстанет в публику и ловкий и развязный!

Сравним приведенные слова с рецензией Сенковского на «Рассказы дяди Прокопья» А. И. Емичева, вышедшие в 1836 году: «Есть писатели, которые пишут прекрасно в одной только Б. для Ч. Когда они печатают в Б. для Ч., слог их жив, плавен, разнообразен, обороты их исполнены ловкости и вкуса, содержание мило и порой остроумно; но пусть только напечатают они в другом месте то же самое или что-нибудь новое, все эти качества вдруг улетают из-под их пера. <...> У Б. для Ч. есть ящик — что уж таиться с этим! — *есть* такой ящик с пречудным механизмом внутри, работы одного чародея, в который стоит только положить подобный рассказ, чтобы, повернув несколько раз рукоятку, рассказ этот перемололся весь, выгладился, выпра-

вился и вышел из ящика довольно приятным и блестящим...»⁴⁷ Что же касается биографических намеков, то Пристрастьев говорит о себе, что он в молодости был корнетом — это прямо отсылает к биографии Булгарина. Прямые переключки со статьями Белинского есть и в монологах Туманина.

В финале пьесе Зорский, alter ego автора, адресует журналистам презрительную речь:

Над истиной смеясь, пускаете вы в свет
Под именем ее, свои кривые мнения,
Так истину нагую, без прикрас,
Должны услышать вы хоть раз.
Словесность, говорят, есть зеркало народа,
И отражаться в ней должна его природа.
Да! было чистое сперва у нас стекло!
Но с той поры, как в руки вам далось,
Какое-то пятно его вдруг облекло,
И зеркало теперь неверно, грязно, косо:
Одно уродует, другому нагло льстит, —
И публика проходит мимо,
С презреньем отвращая взор, —
Но видно ей уж стало нестерпимо
Родной словесности упадок и позор.

Разумеется, подобной речью задеты были не только персонажи комедии, но и их прототипы. Отзыв не втянутого в полемику «Москвитянина» был еще более или менее сдержанным: «...автор говорит, что он желал олицетворить три главные направления, которым следует наша литература <...>, но ни одно из этих лиц кроме подлости, низкого самохвальства и грубых ругательств, ничего не представляет и не олицетворяет. Это просто, как остроумно выразился сам автор, мифы, и мифы безобразные и безобразные». И ниже утверждается, что в комедии «нет мысли в основании, нет ни завязки, ни развязки разумной, нет характеров, нет жизни».⁴⁸ Сенковский же и Белинский в рецензиях на «Демона...» дали полную волю своему сарказму. «Не имея понятия ни о людях, ни о обществе, ни об его языке, нравах, понятиях, приличиях, писать комедию, предпринимать критику лиц

⁴⁷ Библиотека для чтения. 1836. № 7. Отд. VI. С. 6, 8.

⁴⁸ Москвитянин. 1844. № 2. С. 104, 105.

и вещей себе вовсе неизвестных, насмехаться над незнаемым, остерить палкою по морю, ловить летучих мышей в совершенной темноте... Автор называет мифом! В медицине оно... того... имеет совсем другое название», — писал прототип Острословского.⁴⁹ Прототип же Туманина язвительно заметил, что «в русской литературе очень часто появляются произведения, которые далеко хуже еще и “Демона стихотворства”»: стало быть, эта комедия не может быть образцом возможной бездарности и нелепости».⁵⁰

«Демону стихотворства» было суждено стать одним из последних «литературных водевилей» николаевского времени; уже к середине 1840-х годов этот своеобразный жанр фактически угасает. Немалую роль в этом процессе сыграла и цензура, строго следившая за недопущением на сцену «личностей», а после событий 1848 года появление водевилей подобного рода стало попросту немыслимым. Но на рубеже 1830–1840-х годов «литературному водевилю» суждено было сыграть заметную роль как в истории русской сцены, так и в истории русской журналистики. В этой статье мы, конечно, не могли даже просто перечислить все созданные на рубеже 1830–1840-х годов «литературные» пьесы, как предназначенные, так и не предназначавшиеся для постановок. Подробный же их анализ мог бы многое прояснить в журнальной борьбе того времени.

1997

⁴⁹ Библиотека для чтения. 1844. Т. 62. Отд. VI. С. 13.

⁵⁰ Белинский В. Г. Собр. соч. Т. 5. С. 499.

ОТГОЛОСОК ОДНОГО ЛИТЕРАТУРНОГО СКАНДАЛА В «ЗАПИСКАХ ИЗ МЕРТВОГО ДОМА» ДОСТОЕВСКОГО*

Уже неоднократно говорилось «о необходимости “медленного”, вдумчивого, углубленного изучения русской журналистики 40–70-х гг. XIX в. для лучшего понимания полемического смысла многих страниц романов Достоевского».¹ Большая и трудоемкая работа по выявлению «полемического ряда» в романах и повестях писателя была проделана как комментаторами его Полного собрания сочинений, так и другими исследователями. Но все же работу эту нельзя (да, очевидно, и никогда нельзя будет) признать завершенной. Творчество Достоевского всегда провоцировало исследователей на разного рода гипотезы, догадки и сопоставления. Одну из гипотез хотим предложить и мы.

В ряду «идеологических романов» (выражение Б. М. Энгельгардта) Достоевского «Записки из Мертвого дома» стоят особняком. По жанру близкая к очеркам,² повествующая о событиях десятилетней давности, исключительно высоко оцененная читателями и крити-

* Впервые: *Pro memoria: Памяти академика Георгия Михайловича Фридендера* (1915–1995). СПб., 2003.

¹ Фридендер Г. М. Достоевский: об итогах и перспективах изучения (вместо предисловия) // Достоевский: Материалы и исследования. Л., 1985. Т. 6. С. 37.

² О жанровой природе «Записок из Мертвого дома» см.: Туниманов В. А. Творчество Достоевского. 1854–1862. Л., 1980. С. 73–83 (здесь же обзор существующих мнений); Захаров В. Н. Система жанров Достоевского: Типология и поэтика. Л., 1985. С. 174–185.

ками, эта книга, казалось бы, хотя бы в силу самой своей тематики не должна была содержать никаких сиюминутных полемических намеков и отголосков журнальных баталий. Но, как нам кажется, в одном эпизоде этой книги виден след полемики, который вел в 1861 году журнал братьев Достоевских «Время» с журналом М. Н. Каткова «Русский вестник».

Напомним в общих чертах жизненные обстоятельства Достоевского и его литературные отношения в тот период, когда создавались «Записки», вернее — интересующий нас фрагмент.

В сентябре 1860 года во многих периодических изданиях появилось объявление о подписке на новый журнал — «Время». Под ним стояла подпись: «Редактор М. Достоевский», однако автором был его младший брат.³ Это объявление имело характер развернутой программы зарождающегося издания, и, в частности, в нем провозглашалась его полемическая направленность: «Мы не уклонимся и от полемики. Мы не побоимся иногда немного и “пораздразнить” литературных гусей; гусиный крик иногда полезен: он предвещает погоду, хотя и не всегда спасает Капитолий».⁴ Слова эти были замечены и прокомментированы в журнальных кругах.⁵

С 1861 года реформируется и «Русский вестник». Постоянный раздел «Современная летопись» становится самостоятельным изданием; его сменяют «Литературное обозрение и заметки». В программной статье, открывающей этот новый раздел и определяющей его полемические задачи, Катков писал: «Мы не откажемся также от своей доли полицейских обязанностей в литературе и постараемся помогать добрым людям в изловлении беспутных бродяг и воришек...»⁶ И это заявление не осталось без внимания в периодике того времени.

Журналисты были готовы к битве, и она не заставила себя долго ждать. Началом ее послужила статья Каткова «Наш язык и что такое

³ Как вспоминал позднее Н. Н. Страхов, «это объявление несомненно писано Федором Михайловичем» и «представляет изложение самых важных пунктов его тогдашнего образа мыслей» (Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 384).

⁴ *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1978. Т. 18. С. 39.

⁵ См.: Там же. Т. 18. С. 233–235 (примеч. В. А. Туниманова).

⁶ Несколько слов вместо Современной летописи // *Русский вестник*. 1861. № 1. Лит. обозрение и заметки. С. 483–484.

свистуны»;⁷ постепенно затихая, сражение это продолжалось вплоть до прекращения журнала «Эпоха», духовного наследника запрещенного в мае 1863 года «Времени». Нас же интересует следующий его эпизод.

В апрельском номере «Времени» был помещен анонимный фельетон «Некоторые размышления по поводу некоторых вопросов».⁸ Автором его был поэт П. А. Кусков, последователь и проповедник «эстетического» направления в поэзии, по словам одного из посетителей редакционного кружка «Времени» (Н. Ф. Бунакова), «невзрачный молодой человек», который «горячее других оспаривал мнение большинства».⁹ В тогдашнем литературном мире к нему относились с иронией; он не пользовался большим уважением и служил постоянной мишенью для насмешек, объектом для пародий и персонажем карикатур.¹⁰ Названный фельетон был его первым крупным выступлением в журнале Достоевских; до этого он опубликовал там лишь несколько небольших стихотворений.

В фельетоне Кускова не было сквозной, доминирующей темы; он не имел никакой полемической направленности, а в литературном плане представлял из себя типичный «*отрывок, взгляд и нечто*». Нам же следует обратить внимание на тот его фрагмент, где автор описывает свою встречу с закоренелым преступником, убийцей, повинным в смерти двадцати трех человек. После того, как тот отказывается показать место, где зарыл одну из своих жертв, полицейские чины продолжали допрос:

- За что ты убил этого? — спросили они.
- А за то, что мне водки хотелось, а денег не было.
- Сколько же ты нашел у него?

⁷ Русский вестник. 1861. № 3. См.: Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского: В 3 т. СПб., 1993. Т. 1. С. 313.

⁸ Время. 1861. № 4. Фельетон. С. 131–148; цензурное разрешение номера — 19 апреля, выход в свет — 26 апреля (см.: Нечаева В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха». 1864–1865. М., 1975. С. 236).

⁹ Цит. по: Орнатская Т. И. Редакционный литературный кружок Ф. М. и М. М. Достоевских (1860–1865 гг.) // Достоевский: Материалы и исследования. Л., 1988. Т. 8. С. 254.

¹⁰ См.: Русская стихотворная пародия (XVIII — начало XX в.) / Вступ. статья, подгот. текста и примеч. А. А. Морозова. Л., 1960. С. 565–568, 801–802 (Библиотека поэта. Большая сер.)

— Четвертак.
— И стоило из-за четвертака убивать человека!
Преступник посмотрел на них с удивлением: «Всё равно, — сказал он, — что из-за четвертака, что из-за тысячи».

И ниже Кусков так размышляет о приведенном диалоге:

У этого человека было больше смысла, чем у тех, кто его допрашивал. Им всё хотелось благодушно снизить до его грубого понимания, и он постоянно оказывался выше них, и вместо того, чтобы им завладеть его душою, он все больше и больше приобретал над ними власти, и они поминутно чувствовали себя перед ним школьниками. Его грубая откровенность поминутно уничтожала их, потому что в ней все больше и больше, все страшнее и неотразимее восставал его человеческий образ, тогда как у них все пугливее и пугливее, все мельче и все ничтожнее пряталась их душа под грудю страниц, вырванных из разных когда-то прочитанных книг, под грудю правил, пестрящих наши прописи и азбуки.¹¹

Фельетон Кускова не был оставлен без внимания в Москве, и уже в майском номере «Русского вестника» Катков ответил на него фельетоном «Одного поля ягоды»,¹² где сравнил позицию «Времени» с позицией редактора журнала «Домашняя беседа», обскуранта В. И. Асоченского. При этом Катков счел, что автором «Некоторых размышлений по поводу некоторых вопросов» был сам Достоевский, и все свои этические претензии адресовал именно ему: намеки на это были понятны любому внимательному читателю. Особый же гнев московского публициста вызвал именно эпизод с рассказом о преступнике и размышления по поводу его поступка. Катков писал:

Эстетически таять и нравственно млеть перед диким душегубом, видеть в нем какой-то колоссальный человеческий образ, подавляющий собою прочих мелких людишек, из которых ни один никого еще не зарезал и которые осмелились подивиться, как это чудовище решилось из-за шкалика водки на свое страшное дело, — скажите, какое должно быть перо, способное написать это! <...> ...тут нет никакого нравственного смысла. Фельетонист не выражал никакого действи-

¹¹ Цит. по: Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Т. 19. С. 144.

¹² Русский вестник. 1861. Т. 33. № 5. Лит. обозрение и заметки. С. 1–26. Фельетон не подписан, но то, что его автор именно Катков, сомнения почти не вызывает.

тельного настроения своей души; все заставляет думать, что он не способен к каким-нибудь *действительным* настроениям; он живет в стихии фраз, образующей свой собственный мир, в котором возникают призрачные подобию настроений и мыслей. Эти фальшивые подобию могут развиваться и сочетаться в разнообразнейших комбинациях, составлять из себя поэмы, критические статьи, целые книги. Процесс и элементы этих развитий те же самые, какие Гоголь типически изобразил нам в Иване Александровиче Хлестакове. Точно так писал он к своему другу, фельетонисту Тряпичкину; точно так, вероятно, писал и Тряпичкин свой фельетон.¹³

Далее Катков снова возвращается к образу душегуба, негодуя по поводу интерпретации его поступка журналистом «Времени»:

Посмотрите, как он адвокатствует за этот великий человеческий образ! Посмотрите, какую позу принимает Тряпичкин перед обыкновенными смертными, которые подивились, как можно было зарезать человека из-за четвертака! <...> Эта «непоколебимая и мощная натура» захотела выпить водки, и вот она спокойно режет человека и берет из его кошелька четвертак, как будто ничего легче и проще этого не было. Перед этим бессмысленным, тупым, отвратительным зверством наш фельетонист преклоняет колени. Об этом-то говорит он тоном даже какого-то нравственного убеждения, какой-то гуманности, которая тем отвратительнее, чем более жеманится.¹⁴

Заканчивается фельетон следующими словами:

Между Хлестаковыми есть еще порода таких, которые зовут себя демоническими натурами. Таких молодцов действительно нельзя не побаиваться. Зарезать они не зарежут, но не кладите вашего четвертака плохо.¹⁵

И сам фельетон, и особенно его последняя фраза вызвали в журнальном мире настоящий скандал. На столь грубую выходку анонимного московского фельетониста обратили внимание многие периодические издания, причем даже те, которых, казалось бы, печатная междоусобица «Русского вестника» и «Времени» интересовать не могла.

¹³ Там же. С. 24–25.

¹⁴ Там же. С. 25–26.

¹⁵ Там же. С. 26.

«В ряду литературных явлений последнего времени замечательна статья, напечатанная в последней книжке “Русского вестника” под заглавием “Одного поля ягода”, — писал анонимный обозреватель журнала “Светоч”, благожелательно настроенный как по отношению к журналу Каткова, так и к журналу братьев Достоевских. — Странное дело: в самых по-видимому добросовестных наших журналах встречаются нередко выходки грубые и дикие, порождаемые одним самолюбием и непростительной щекотливостью. <...> Мы не будем разбирать, насколько в диатрибе фельетониста “Времени”, восторгающегося каким-то убийцей, есть хлестаковщины, согласимся даже, что это в самом деле выходка неловкая; но можно ли из-за этого ставить порядочный журнал подле, с позволения сказать, “Домашней беседы”? Отчего же, скажите, “Русский вестник”, более других наших журналов говоривший о литературном такте и приличии, вызывавший об уважении к литераторам и публике и в самом деле напечатавший несколько статей, замечательных в этом отношении, вышел из своей роли и с тона джентльмена спустился на грязные выходки? Неужели потому только, что во “Времени” напечатаны были против него две-три страницы, положим резкие, но не оскорбительные, самый солидный журнал наш забылся до неприличия, намекая на какие-то четвертаки, и решился тем самым показать публике, что сам он одного поля ягода с “Домашней беседой”. Какое грустное явление в литературе <...>!»¹⁶

Анонимный обозреватель «Иллюстрации» тоже обратил внимание на полемические приемы Каткова, а об интересующей нас заметке писал, что она «силилась доказать, что так называемые прогрессисты в литературе точно такие же витязи мракобесия, как известный редактор убогой газетки, Виктор Ипатьевич Асоченский... Доводы для доказательства сей гипотезы “Русск<ого> вестника” были приведены сильные, диалектические тонкости и хитросплетенные словоизлияния рассыпаны щедро...»¹⁷

Откликнулся на выходку Каткова и Д. Д. Минаев. Прочитировав в своем ежемесячном сатирическом обзоре «Дневник Темного человека» заключительные слова фельетона «Русского вестника», он вопрошал: «Что это такое? Ясно, что личность. Иначе нельзя и понять

¹⁶ [Б. н.] Петербургская летопись. «Русский вестник» на пути скандала // Светоч. 1861. Кн. 7. Современное обозрение. С. 70–71.

¹⁷ Иллюстрация. 1861. № 192. 26 окт. С. 270.

такую фразу: кто-то в московской редакции и, вероятно, из сотрудников похитил с конторки четвертак, а она, благо есть случай, взяла да и гласности предала такой поступок, действительно гадкий. По весьма остроумному замечанию одного петербургского журнала, в «Русском вестнике» не в первый раз такие случаи.¹⁸ Прошлый год она жаловалась на то, что у нее книгу какую-то похитили, а теперь вот и с четвертаком та же история... Но ведь это всё домашние дела. Вольно же иметь сотрудников такой плохой нравственности!.. Зачем же тут литературу-то примешивать, ее катаклизм предсказывать? Положим, украденный четвертак, действительно, жалко: все-таки деньги, но к чему же при этом восклицать: «Вот наша литература, наша критика, наши фельетоны!...» <...> Вы в полиции об этом объявите, в полицейских ведомостях напечатайте, а литературу оставьте в покое».¹⁹

Далее следует высмеивающее Каткова стихотворение, а заканчивает Минаев эту тему следующими словами: «Вот такие-то домашние дразги и мелкие сплетни вносит в литературу журнал, который в то же время громко вопиет против хлестаковства, в ней распространившегося. Как это понять?... Да, точно

Есть многое в редакциях московских,
Чего не объяснить всем нашим мудрецам...»²⁰

Нашел этот эпизод отражение также у Д. И. Писарева. В статье «Схластика XIX века»,²¹ говоря о «Русском вестнике» и «Отечественных записках», критик писал, что они «чистотою литературных нравов не отличаются. Об «Русском вестнике» довольно будет заметить, что он не уважает умственной деятельности своих сотрудников <...>, попрекает г. Чернышевского саратовскою семинариею и даже пишет о том, что у него крадут книги и четвертаки».²²

¹⁸ Имеется в виду фельетон Достоевского «Литературная истерика» (о нем см. ниже). О «похищенной книге» см.: *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. Т. 19. С. 311 (примеч. А. И. Батюто).

¹⁹ Русское слово. 1861. № 8. Смесь. С. 7.

²⁰ Там же. С. 8.

²¹ Там же. № 9; в этом номере была опубликована вторая часть статьи, содержащая интересующий нас фрагмент.

²² *Писарев Д. И.* Полн. собр. соч.: В 12 т. М., 2000. Т. 2. С. 286. В примечаниях к этому изданию (Там же. С. 460) процитирована фраза о четвертаке из фельетона «Русского вестника» и сказано, что она намекает на публицистов «Современника».

Вспоминали про историю с четвертаком и в последующие годы. Так, М. А. Антонович в обзорной статье «Литературный кризис», опубликованной в первом после его приостановки номере журнала «Современник» (1863. № 1–2), писал о противниках нигилизма: «Они поддавливают разные неблагоприятные факты, совершающиеся в практической жизни, и взваливают их на нигилизм теоретический, на базаровщину как на литературное направление, которое может быть совершенно неповинно в этих фактах и не должно нести ответственности за них <...>. Известно, например, что кто-то из участников “Русского вестника”, как объявлял он сам, похитил из редакции четвертак и зажил ли какое-то сочинение о Венгрии; обвинять за эти действия направление “Русского вестника”, говорить, что оно ведет к хищению и зажилыванию, — было бы в высшей степени нелепо».²³

Спустя же почти четыре года о четвертаке вспомнил и Василий Курочкин в стихотворении «Предвещения на новый год» (Искра. 1864. № 50):

Исчезнут сонмы фарисеев,
На карте същется Тамбов,
Аксаков обоймет евреев,
Свой четвертак найдет Катков.²⁴

Намек на эту историю содержался и в предназначавшейся для журнала «Будильник», но запрещенной цензурой драматической пародии «Не любо не слушай, а врать не мешай» (1868), направленной против нигилистов. В ней один из персонажей, надворный советник, спрашивает свою дочь-нигилистку: «Скажи мне, голубушка, кто бы это украл четвертак из гостиной... быть может, учитель Мошенников ошибкой завладел...»²⁵ В том же году в «Искре» среди экспонатов карикатурной «выставки редкостей и предметов, наиболее заслуживающих внимания каждого русского, незараженного идеями гнилого Запада», между «перьями, которыми однажды намеревался писать

²³ Антонович М. А. Литературно-критические статьи / Подгот. текста, вступ. статья и коммент. Г. Е. Тамарченко. М.; Л., 1961. С. 111–112.

²⁴ Курочкин В. С. Собр. стихотворений / Вступ. статья, ред. и примеч. И. Г. Ямпольского. [Л.], 1947. С. 189 (Библиотека поэта. Большая сер.).

²⁵ Цит. по: Ямпольский И. Г. Сатирические и юмористические журналы 1860-х годов. Л., 1973. С. 151.

Карамзин, но не писал по причинам, доселе еще неразъясненным» и «чернильницей, которую однажды чуть-чуть не купил Батюшков» был помещен и «четвертак, некогда пропавший из редакции “Русск<ого> Вестника”, но ныне мерами полиции отысканный».²⁶

Как видим, скандал был настолько громким, что его эхо прокатывалось по страницам журналов еще несколько лет. Поэтому нет никакого сомнения, что в момент своего появления фельетон Каткова не мог не вызвать у Достоевского крайнего раздражения. Если в предыдущих его полемических статьях, направленных против «Русского вестника», мы видим снисходительную иронию, то в ответе на эту катковскую

выходку тон писателя меняется. В седьмом номере «Времени» он помещает заметку «Литературная истерика», где практически полностью перепечатывает фельетон Каткова, и, подчеркнув его заключительную фразу — в которой и возникает четвертак, — комментирует ее так: «Что же касается до заключительных слов его статьи, в которых он говорит о демонических натурах и о пропавшем четвертаке, то мы не понимаем, как человек, себя уважающий, может всенародно решаться на такую площадную пошлость. Но припоминаем, что “Русский вестник” решается на это не в первый раз: когда-то он подобным же образом извещал публику о пропавшей с чьего-то стола книге, по поводу отпадения от журнала одного из его прежних сотрудников».²⁷

Далее в журнале следовало «Письмо П. А. Кускова к “Русскому вестнику”», где он в ерническом тоне отводил предъявляемые ему обвинения и защищал свою позицию.²⁸ Поэт тоже упрекал московский

²⁶ Искра. 1868. № 10. 17 марта. С. 125.

²⁷ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Т. 19. С. 146. Позднее про историю с четвертаком Достоевский напомнил в статье «Щекотливый вопрос» (Время. 1862. № 10; см.: Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Т. 20. С. 38, 47).

²⁸ Возможно, что Кусков был вынужден признаться в авторстве этого фельетона под давлением редакции «Времени»; этот факт позднее язвительно комментировался на страницах враждебных журналу Достоевских «Отечественных записок»: «...редакция “Времени” с жестокостью диких выдала сотрудника, написавшего статью против “Русского вестника”, именно г. Кускова. Все поняли, по крайней мере, какой образ полемики приличен со “Временем”» (Б. н. / Курьезы. II. Как отыскивается «направление» для журнала // Отечественные записки. 1865. Т. CLVIII. С. 160; pag. 2-я).

журнал в пренебрежении элементарными нормами приличия, а также, в частности, и за то, что анонимный фельетонист приписывает ему такие суждения, которых он не высказывал. «Может быть, в том, что я сказал <...> о разбойнике, что-нибудь и не так, и неловко выражено, непонятно сказано, — писал Кусков, — но навязать мне то, что вам хочется, — вам не удастся».²⁹

Это была последняя публикация незадачливого фельетониста во «Времени»; в «Эпохе» он не принимал участия вовсе. И мы думаем, дело здесь не только в том, что к нему отрицательно относился А. А. Григорьев, ведущий сотрудник изданий братьев Достоевских.³⁰ Вероятно, эта история крепко поссорила Кускова с Достоевским, и после нее их журнальные пути резко разошлись.³¹

Достоевского в фельетоне «Русского вестника» могло обидеть многое: и то, что ему попытались приписать мнения, с которыми он вполне мог быть не согласен,³² и то, что Катков пытался проповедовать ему свои понятия о нравственности в литературе и в жизни. То, что полемика с катковским журналом занимала важное место в мыслях Достоевского, свидетельствует следующий факт: писатель особо упомянул о ней в письме к Я. П. Полонскому от 31 июля 1861 года (т. е. на следующий день после выхода в свет номера «Времени» с «Литературной истерикой» и письмом Кускова), как бы рекомендуя адресату

²⁹ Время. 1861. № 7. Смесь. С. 60.

³⁰ См.: Туниманов В. А. 1) Примечания // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Т. 19. С. 349; 2) Кусков Платон Александрович // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М., 1994. Т. 3. С. 245.

³¹ Очевидно, не последнюю роль в этом сыграло и резко отрицательное отношение к творчеству Кускова тогдашних журналов. Так, один из рецензентов, утверждая, что «Время» «литературным отделом <...> поспорит даже с кем угодно, не уступит, пожалуй, и “Современнику”», продолжал: «И если бы еще при этом “Время” наравне с прекрасными стихотворениями гг. Мея и Майкова <...> не помещало поэзии мух бездарного г. Кускова, терзающей своими мотивами каждого хуже всяких насекомых, если бы оно уволilo читателей и от прозы этого знаменитого в своем роде писателя — поэта-прозаика и предоставило бы всю его кутерьму только ему одному или немногим подобным ему, кому он сочувствует, — оно оказало бы еще новую услугу, сделало бы еще шаг на пути своего усовершенствования» ([Б. п.] Листок // Сын отечества. 1861. № 25. 18 июня. С. 730). Не исключено, впрочем, что этот выпад — простое сведение каких-то личных счетов редакции «Сына отечества» с Кусковым (напомним, что в конце 1850-х годов поэт сотрудничал с этим журналом).

³² Позднее, уже в период «Эпохи», он писал, что «с образом мыслей» Кускова его журнал «вполне несогласен» (Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Т. 20. С. 135).

ознакомиться с ней: «С “Русским вестником” у нас продолжается баталия. Много бы можно рассказать, да уж лучше сами прочтете».³³

Но, как представляется, наибольшее несогласие у Достоевского могла вызвать прямолинейность этических оценок Каткова. Недавний каторжанин, он лучше других знал, что «во всяком человеке гораздо более добра, чем снаружи кажется»,³⁴ и главное — разглядеть это добро, помочь проявиться ему, вывести его на свет. «...В каторге, между разбойниками я, в четыре года, отличил наконец людей, — писал он брату в первом же письме после освобождения. — Поверишь ли: есть характеры глубокие, сильные, прекрасные, и как весело было под грубой корой отыскать золото».³⁵ Достоевского не могли не задеть слова Каткова, где тот называет человека, пусть и совершившего смертный грех, «возмутительный душегубом, за которым отказывается следить всякое человеческое чувство», «зверем», «чудовищем» и не понимает, почему он может предстать «могучим человеческим образом, обаятельным и чарующим...»³⁶

Но на мировоззренческом уровне полемику с редактором «Русского вестника» Достоевский продолжать не мог, да и не считал нужным. Свое несогласие с ним писатель выразил в художественном произведении, над которым тогда работал — в «Записках из Мертвого дома», а именно, в седьмой главе первой части.

Указанная глава появилась в октябрьском номере «Времени» — через два месяца после публикации «Литературной истерики». Можно предположить, что Достоевский работал над этой главой почти одновременно с названным фельетоном. Напомним, что в ней писатель выводит на сцену «самого решительного, самого бесстрашного из всех каторжных»³⁷ — убийцу Петрова.

Рассказчик, от имени которого ведется повествование, описывает характер Петрова так: «Страсти в нем таились, и даже сильные, жгучие; но горячие угли были постоянно посыпаны золою и тлели тихо. <...> Над такими людьми, как Петров, рассудок властвует только до тех пор, покамест они чего не захотят. Тут уж на всей земле нет пре-

³³ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Т. 28. Кн. 2. С. 20.

³⁴ Там же. Т. 3. С. 162.

³⁵ Там же. Т. 28. Кн. 1. С. 172.

³⁶ Русский вестник. 1861. Т. 33. № 5. Лит. обозрение и заметки. С. 25.

³⁷ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 84.

пятствия их желанию».³⁸ Затем рассказывается, как иногда проявлялась эта черта его характера:

«Дивился я на него тоже, когда он, несмотря на видимую ко мне привязанность, обкрадывал меня. Находило на него это как-то полами. Это он украл у меня Библию, которую я ему дал только донести из одного места в другое. Дорога была в несколько шагов, но он успел найти по дороге покупателя, продал ее и тотчас же пропил деньги. Верно, уж очень ему пить захотелось, а уж что очень захотелось, то должно быть исполнено». И далее следует фраза, выглядящая как продолжение прямой полемики с Катковым: «*Вот такой-то* режет человека за четвертак, чтоб за *этот четвертак выпить косушку*, хотя в другое время пропустит мимо с сотнею тысяч».³⁹

Мы не склонны думать, что последняя фраза — это осознанный ответ Каткову. Вряд ли Достоевский мог рассчитывать, что либо сам редактор «Русского вестника», либо кто-то из читателей, пусть даже внимательно следивших за журнальными боями, обратит на нее внимание и соотнесет со скандальными фельетонами. Конечно, нет. Видимо, в момент создания интересующей нас главы «Записок...» писатель мысленно спорил с Катковым, и фрагмент этого спора случайно выплеснулся на их страницы.

Так это или нет — в любом случае рассказанная нами история подтверждает тезис о том, что текущая журнальная борьба часто находила отражение в художественном творчестве Достоевского, причем иногда там, где этого меньше всего можно было бы ожидать.

³⁸ Там же. С. 84–85.

³⁹ Там же. С. 86; курсив наш. — А. Б.

**ЕЩЕ ОБ АВТОРСТВЕ СТАТЬИ
«ВЫСТАВКА В АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ ЗА 1860–61 ГОД»,
АТРИБУТИРУЕМОЙ ДОСТОЕВСКОМУ***

Ниже речь пойдет о статье, которая уже без малого сто лет включается в корпус сочинений Ф. М. Достоевского и считается очень важной для понимания его эстетических воззрений. Без подробного ее разбора не обходится, пожалуй, ни одна работа на тему «эстетика Достоевского» или «Достоевский и искусство»; удостоилась она также и отдельных исследований. Эта статья, названная выше в заголовке (далее — *ВАХ 60–61*), была опубликована анонимно в октябрьской книжке за 1861 год издаваемого братьями Достоевскими журнала «Время».¹

1

Жанр обзора ежегодных или двухгодичных выставок в петербургской Академии Художеств возник в конце 1840-х годов, его родоначальниками были А. Н. Майков и В. П. Гаевский. К началу 1860-х годов публиковать развернутые разборы академических выставок считали своим долгом почти все столичные газеты и журналы. За краткую историю журнала «Время» в нем было опубликовано всего лишь два подобных материала — названная выше статья и обзор выставки

* Впервые: Slavica Revalensia. Таллинн, 2015. Vol. 2.

¹ Вышла из печати 1 ноября (см.: Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского: В 3 т. СПб., 1999. Т. 1. С. 339).

1862 года «По поводу годичной выставки в Академии художеств» в октябрьской книжке за этот же год.

Исследователи творчества Достоевского обратили внимание на *ВАХ 60–61* в 1918 году. «Большую часть статьи занимает разбор картины молодого художника Якоби “Привал арестантов”, — писал Л. П. Гроссман в примечаниях к 22 тому Полного собрания сочинений Достоевского. — По детальному знакомству с бытом ссыльных и каторжных, по основательным знаниям обычаев и нравов арестантов, по обстоятельнейшим сведениям из жизни этапных партий, наконец, по характеристике этапного начальства и ссылке на законы о состоянии лишенных прав, статья эта невольно наводит на мысль, что автор ее личным опытом изучил среду и жизнь каторжников».² По мнению Гроссмана, автором *ВАХ 60–61* мог быть «только наблюдатель, переживший ссылку и острог», а среди сотрудников «Времени» этот опыт был только у Достоевского. Кроме того, по его наблюдениям, *ВАХ 60–61* близка к другой статье Достоевского об искусстве — «По поводу выставки» из «Дневника писателя» 1873 года: «В обеих статьях одинаковая критическая манера<:> те же приемы оценки живописи, те же художественные критерии. Близко совпадают и отдельные места».³ Все эти аргументы дали Гроссману основания включить статью в корпус Достоевского. Независимо от Гроссмана, в 1924 году *ВАХ 60–61* уверенно атрибутировал Достоевскому Оскар фон Шульц, переводя на немецкий язык значительную часть статьи.⁴

² Гроссман Л. П. [Примечания к статье «Выставка в Академии Художеств за 1860–61 год»] // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Пг., 1918. Т. 22. С. 101.

³ Там же. С. 103.

⁴ См.: Schoultz O. von. Ein Dostojewskij-Fund. Helsingfors, 1924. S. 12 pass. (Societas Scientiarum Fennica. Commentationes Humanarum Litterarum. Tom 4. № 4). В рецензии на эту книгу Н. К. Пиксанов отмечал: «Особенно щедро обставляет Шульц аргументацию в пользу принадлежности Достоевскому статьи о выставке в Академии Художеств. Он дает, во-первых, почти полный перевод этой, действительно, замечательной статьи на немецкий язык. Затем собирает важные свидетельства об интересе и высказываниях Достоевского в области пластических искусств и музыки — в pendant к этой статье. Для наглядности Шульц воспроизводит снимки с автографа “Жития великого грешника” — с рисунками Достоевского, а также — с рисунками бар. Клодта и картины Якоби (о коих идет речь в статье) и т. д.» (Печать и революция. 1925. Кн. 2. С. 250). Мы не можем не согласиться с позднейшим мнением Г. Хетсо, что метод атрибуции фон Шульца «отличается особенной степенью гипотетичности» и основывается «главным образом, на идеологических и тематических параллелях с бесспорно принадлежащими Достоевскому статьями...» (Хетсо Г. Принадлежность Достоевскому: К вопросу об атрибуции Ф. М. Достоевскому анонимных статей в журналах *Время* и *Эпоха*. Oslo, 1986. С. 10).

Спустя несколько лет Б. В. Томашевский подверг сомнению тезисы Гроссмана и фон Шульца. Он писал: «...многое в этой статье говорит в пользу принадлежности ее Достоевскому. Однако вопрос не следует считать решенным. Главное указание, что один Достоевский мог знать подробно некоторые детали каторжной жизни, на которые есть указания в статье, не убедительно. Автор этой статьи мог эти подробности услышать от Достоевского, мог их знать и помимо Достоевского. <...> Параллель с аналогичной статьей Достоевского 1873 года <...> показывает глубокое различие в построении этих двух статей: статья во “Времени” гораздо ближе к традиционному отчету о выставке, с обязательным перечислением мелких экспонатов. Также не до конца убеждают и другие аргументы».⁵

Томашевский предположил, что инициалы П. К. (которыми был во «Времени» подписан обзор академической выставки 1862 года) принадлежат Платону Кускову и что *ВАХ 60–61* могла быть написана тоже им или при его ближайшем участии. Саму же статью Томашевский поместил в раздел «Статьи, приписываемые Достоевскому» редактируемого им издания.

В начале 1970-х годов к проблеме атрибуции статьи вернулась В. С. Нечаева. Указав, что инициалы П. К. под статьей 1862 года принадлежат Павлу Ковалевскому, она оспорила гипотезу Томашевского: «Высказанные Б. В. Томашевским сомнения в авторстве Достоевского и предположения, что автором мог быть Платон Кусков, кажутся нам мало убедительными. <...> Но, считая Ф. М. Достоевского автором первых пяти страниц статьи <...>, т. е. описания и критики картины Якоби “Партия арестантов на привале”, мы думаем, что следующие 22 страницы написаны лицом, близко стоящим к современной художественной жизни, следившим за ней (автор вспоминает выставки прежних лет), свободно ориентировавшимся в ее направлениях и специфике творчества разных авторов».⁶ Далее исследовательница высказала гипотезу, что соавтором Достоевского был Я. П. Полонский, подкрепив ее как соображениями идеологического характера, так и косвенными данными гонимых книг журнала «Время».

⁵ Томашевский Б. В. Достоевский редактор // Достоевский Ф. М. Полн. собр. художественных произведений. М.; Л., 1930. Т. 13. С. 607–608.

⁶ Нечаева В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время» 1861–1863. М., 1972. С. 263–264.

К мнению Нечаевой поначалу присоединился Г. М. Фридлендер.⁷ Тем не менее, в 1979 году *ВАХ 60–61* была включена им в основной раздел 19-го тома Полного собрания сочинений Достоевского;⁸ критически разобрав наблюдения и суждения предшественников, ученый привел еще ряд косвенных аргументов в пользу авторства редактора «Времени», написав в заключении: «...мы не располагаем аргументами, которые бы позволили уверенно утверждать, что вторая половина статьи написана другим лицом и что статью следует на этом основании отнести к числу работ, написанных Достоевским в соавторстве. Те фактические сведения об академических выставках предыдущих лет, которые в ней содержатся, хотя писатель и не мог быть знаком с их экспозицией лично, он мог почерпнуть из устных бесед с М. М. Достоевским, Д. В. Григоровичем, П. М. Ковалевским или с кем-то другим» (318–319).

То же ученый повторил и пять лет спустя: «...несмотря на сомнения, которые продолжают до сих пор высказывать отдельные исследователи <...> по поводу принадлежности Достоевскому статьи “Выставка в Академии художеств за 1860–61 год” (1861), редакция сочла возможным, учитывая всю сумму аргументов в пользу авторства Достоевского, которой мы в настоящее время располагаем, включить в корпус статей писателя также и эту, во многом программную <...> для направления журнала “Время” и притом наиболее близкую по своей идейно-эстетической платформе из числа основных членов редакции журнала в первую очередь именно Достоевскому статью...»⁹

Почти одновременно с подготовкой упомянутого 19-го тома лингвостатистический анализ нескольких как бесспорно принадлежащих Достоевскому статей, так и текстов, атрибуция которых редактору «Времени» остается под вопросом, провел Г. Хетсо; в число последних попала и *ВАХ 60–61*. Вывод ученого подтвердил сомнения скептиков: «Результат наших вычислений <...> говорит против принадлежности статьи Достоевскому <...>. Правда, в статье высказываются взгляды об

⁷ См.: Фридлендер Г. М. 1) Новые материалы из рукописного наследия художника и публициста // Литературное наследство. М., 1971. Т. 83: Неизданный Достоевский. С. 122; 2) Эстетика Достоевского // Достоевский — художник и мыслитель. М., 1972. С. 145.

⁸ См.: Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1979. Т. 19. С. 151–168; далее ссылки на этот том будут даваться в тексте с указанием страницы.

⁹ Фридлендер Г. М. Приписываемое Достоевскому (dubia) // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 389.

искусстве, о живописи, о дагерротипизме, которые во многом совпадают с положениями бесспорно принадлежащих Достоевскому статей. Однако нельзя сказать, что взгляды эти отличаются особой оригинальностью. Напротив, как свидетельствует комментарий к этой статье <...>, они высказывались и другими сотрудниками почвеннических журналов начала 1860-х гг. На наш взгляд, включение этой статьи Г. М. Фридлендером в корпус <...> представляется весьма рискованным. В лучшем случае можно было бы включить ее в раздел “Dubia”, как это в свое время сделал Б. В. Томашевский, но не в основной корпус произведений писателя».¹⁰

Однако в редакционном примечании к русской публикации статьи Хетсо Фридлендер не согласился с этим выводом норвежского исследователя: «...Г. Хетсо, сосредоточиваясь на статистическом обследовании текстов, отвлекается от обсуждения всего сложного комплекса вопросов, поднятых его предшественниками при обсуждении проблемы авторства той или иной статьи (например, статьи “Выставка в Академии художеств за 1860–1861 год”). <...> Все это заставляет отнестись к выводам автора критически».¹¹ Тем не менее спустя несколько лет Фридлендер не включил *ВАХ 60–61* в облегченное собрание сочинений Достоевского в 15-ти томах, которое делалось на основе полного.

Прошло время, и мнение об атрибуции *ВАХ 60–61* изменилось: Достоевского стали называть не единоличным автором, но редактором этой статьи. Подобная точка зрения отразилась в пятом томе Полного собрания сочинений писателя, издаваемого Петрозаводским государственным университетом, где она была помещена в раздел «Редакторская работа Достоевского»; в сопроводительной статье к тому В. Н. Захаров писал: «Наш анализ подтвердил выводы норвежского исследователя <Г. Хетсо> при рассмотрении текста в целом, но при разделении статьи на три части (оригинальный текст Достоевского в начале статьи, значительно отредактированный им текст в середине статьи, незначительно отредактированный чужой текст в конце статьи) мы получили иные результаты: первая и вторая части по всем методикам статистического определения авторства атрибутируются Достоевскому, третья часть дает отрицательный результат, что очевидно указывает на соавторство в статье; соавтор Достоевского —

¹⁰ Хетсо Г. Принадлежность Достоевскому. С. 69; ср.: Хетсо Г. Автор статьи — Ф. М. Достоевский? // Достоевский: Материалы и исследования. Л., 1985. Т. 6. С. 219.

¹¹ Достоевский: Материалы и исследования. Л., 1985. Т. 6. С. 208.

П. М. Ковалевский, обзор которого, опубликованный во «Времени» год спустя, написан в том же стилистическом ключе, что и третья часть статьи о выставке 1861 г.». ¹² Позднее автор несколько скорректировал свою точку зрения на степень участия Достоевского в редактировании статьи, однако, основной вывод остался прежним. ¹³

2

Как видим, на роль соавтора Достоевского был приглашен беллетрист и журналист Павел Михайлович Ковалевский (1823–1907). Гипотеза эта на первый взгляд выглядит убедительной: Ковалевский и ранее, и позднее активно выступал как художественный критик (в частности, как обозреватель годичных выставок в Академии Художеств¹⁴); он был знаком с Достоевским, а его взгляды на современное искусство пользовались симпатией редактора «Времени».

Однако Ковалевский не мог быть ни автором, ни соавтором *ВХ 60–61*.

Во-первых, о выставке 1861 года Ковалевский уже писал — в сентябрьском номере журнала «Современник», в составе фельетона «Петербургская жизнь», ¹⁵ и некоторые его оценки выставленных работ резко расходятся с оценками автора *ВХ 60–61*. К примеру, вот как

¹² Захаров В. Н. Идеи «Времени», дела «Эпохи» // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: Канонические тексты. Петрозаводск, 2004. Т. 5. С. 706. В другом издании Достоевского, редактором которого был также В. Н. Захаров (см.: *Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.*: В 18 т. М., 2005. Т. 5), *ВХ 60–61* тоже была помещена в разделе «Редакторская работа Достоевского», но уже с указанием авторов: Ф. Достоевский, П. Ковалевский.

¹³ См.: Захаров В. Н. Имя автора — Достоевский: Очерк творчества. М., 2013. С. 223–224. В 2008 году к вопросу об авторстве анонимных статей в журналах «Время» и «Эпоха» (в том числе и *ВХ 60–61*) вернулся небольшой коллектив сотрудников Филологического факультета СПбГУ, использовав для их атрибуции математические методы (см.: Марусенко М. А., Родионова Е. С., Мельникова Е. Е. Об авторстве анонимных и псевдонимных статей, приписываемых Ф. М. Достоевскому (журналы «Время» и «Эпоха», 1861–1865). Ч. I // Вестник СПбГУ. Сер. 9. 2008. Вып. 3. Ч. I. С. 48–56; Ч. II // Там же. Вып. 4. Ч. I. С. 68–73). В результате было обосновано авторство четырех статей, однако *ВХ 60–61* в их число, к сожалению, не вошла.

¹⁴ См.: Материалы к библиографии по истории Академии Художеств: В 4 т. СПб., 2009. Т. 1 (по указателю).

¹⁵ См.: Дмитриева Н. Из истории русской художественной критики 60–70-х гг. XIX века // Искусство. 1950. [№ 2:] Март–апрель. С. 86–87; Боград В. Э. Журнал «Современник». 1847–1866: Указатель содержания. М.; Л., 1959. С. 403, 581.

Ковалевский пишет о жанровой живописи: «В числе жанровых картин первое место, по бойкости и ловкости кисти, занимают две небольшие картинки г. академика Трутовского (К. А.): *Деревенская Ярмарка* и *Игра в карты*»,¹⁶ а вот мнение автора *ВАХ 60–61*: «Между жанристами первое место в нынешнем году принадлежит г-ну Бракелееру, который выставил картину “Ловля мышей”» (165). Обратим внимание на то, что Ковалевский в своем обзоре вообще не упоминает Бракелеера, а автор *ВАХ 60–61* — Трутовского. Среди пейзажей, по мнению автора *ВАХ 60–61*, «первое место занимают два прекрасные вида г-на Горавского» (165); Ковалевский в первую очередь выделяет пейзажи М. К. Клодта,¹⁷ а работы Горавского обходит молчанием. Согласитесь, если бы эти две статьи писал один человек, такое было бы невозможно.

Разное отношение у Ковалевского и автора *ВАХ 60–61* к исторической живописи. Если первый в своих обзорах либо обходит ее молчанием,¹⁸ либо уделяет ей по небольшому, полному иронии абзацу,¹⁹ то второй разбирает представленные на выставке картины этого рода подробно и серьезно, указывая на недостатки композиции, промахи против исторической правды и здравого смысла, делая далеко идущие выводы (см.: 156–160).

Во-вторых, в статье есть ретроспективные отсылки к выставкам прежних лет, которых Ковалевский видеть не мог, поскольку с 1853 по 1858 год был за границей, в Швейцарии и Италии.²⁰ Вот интересующий нас фрагмент: «Некоторые живописцы пользуются уже готовым содержанием и выполняют его как задачу. Так, несколько лет тому назад один художник, кажется г-н Бронников, выставил умирающего гладиатора, по Лермонтову. <...> Еще тоже несколько лет тому назад один господин выставил две отдельные картины: на одной была недурно написана сосна, а на другой прекрасно написана пальма, и объявил,

¹⁶ Современник. 1861. № 9. Отд. II. С. 76–77.

¹⁷ См.: Там же. С. 77–78, 81.

¹⁸ См.: Ковалевский П. М. О художествах и художниках в России: (По поводу выставки в Петербургской академии художеств) // Современник. 1860. № 10. Отд. III. С. 363–382.

¹⁹ «Большие картины выставки (называемые обыкновенно историческими) менее всего могут заставить говорить о себе, и даже тем менее, чем они более» (Ковалевский П. М. По поводу годичной выставки в Академии художеств // Время. 1862. № 10. Современное обозрение. С. 86; подпись: П. К.).

²⁰ См.: Тхоржевский С. С. Ковалевский Павел Михайлович // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М., 1992. Т. 2. С. 577.

что это из Лермонтова или из Гейне; сосна думает, как далеко на юге растет пальма» (168). Этот фрагмент в академическом тридцатитомнике Достоевского остался без комментария.

Здесь упоминаются следующие картины: «Гладиатор-славянин, умирающий в коллизе, в Риме» Ф. А. Бронникова, которая была представлена на академической выставке в 1857 году,²¹ и парные картины «Из поэзии Гейне» Е. М. Кольцовой-Масальской, экспонированные еще раньше, на выставке 1854 года.²² Повторим: Ковалевский не мог видеть ни картину Бронникова, ни пейзажи Кольцовой-Масальской; не мог их видеть и Достоевский. Участие же в редактировании статьи третьего лица, как и предположение Фридлендера, что редактор «Времени» (или же Ковалевский) «фактические сведения об академических выставках предыдущих лет <...> мог почерпнуть из устных бесед» (318–319) с кем-нибудь из их постоянных посетителей, кажется нам чрезвычайно неправдоподобным: автор *ВАХ 60–61* вспоминает не выдающиеся работы, а проходные, причем вспоминает их по случаю, мимоходом.²³

Итак, как видим, Ковалевский не мог быть основным автором *ВАХ 60–61*. Мы совершенно согласны с мнением Фридлендера, что «хотя Ковалевский был лично знаком с Достоевским и сотрудничал во “Времени”, предположение о нем как о возможном соавторе Достоевского при написании второй половины данной статьи приходится отвергнуть <...>: при сходстве оценок ряда картин и художников в статье “Современника” и в статье Достоевского (Якоби, Калам, Ларсон) в других случаях Достоевский и Ковалевский заметно расходятся между собой и в выборе репертуара выделенных ими имен, и в оценке некоторых художников и произведений (пейзажи Клодта, Диде и др.). Несходен и стиль обеих статей» (321).

²¹ См.: Указатель художественных произведений, выставленных в музее Императорской Академии Художеств. СПб., 1857. С. 16. Работа Бронникова была идентифицирована в комментарии к изд.: *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: Канонические тексты. Т. 5. С. 871; здесь также указана ее дата, но не упомянуто, что она экспонировалась на академической выставке этого же года.

²² «Нягягина Масальская. <...> 210. Из поэзии Гейне. 211. То же. (Получила 2-ю серебряную медаль)» (Указатель художественных произведений, выставленных в музее Императорской Академии Художеств. СПб., 1854. С. 14).

²³ В статье есть еще пример ретроспективной отсылки: пересказ одной из сцен балета «Наяда и рыбак», премьеры которого состоялась в 1851 году и который, по-видимому, вскоре сошел со сцены (см.: *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. Т. 30. Кн. 2. С. 419–420).

Попробуем сформулировать критерии, каким должен удовлетворять ее автор. Он должен быть жителем Петербурга, не покидавшим его надолго; он должен был постоянно посещать академические выставки и хорошо разбираться в живописи; наконец, поскольку стиль *ВАН 60–61* демонстрирует, что ее автор не был новичком в журналистике, он должен был иметь опыт сотрудничества с каким-либо периодическим изданием. Фридлендер справедливо писал, что «как редактору журнала Ф. М. Достоевскому приходилось редактировать статьи других сотрудников — и эта работа нередко превращалась в фактическое соавторство. Так могло быть и с данной статьей, однако, лишь при условии, если первоначальным ее автором был сравнительно молодой, начинающий, малоизвестный литератор или лицо, близкое к редакции, один из постоянных сотрудников “Времени”» (318).

Но кто же из «молодых», «начинающих», «малоизвестных литераторов» и «близких к редакции лиц» удовлетворяет всем вышеизложенным критериям? Кто принес ее текст в редакцию «Времени»? Как нам кажется, ключ к определению основного автора *ВАН 60–61* можно попытаться найти в двух ее последних абзацах:

Портретов выставлено довольно много, точно так же немало и фотографий. Но мы поговорим о них в другой раз, именно по поводу сочинений г-на Даля.

Архитектурных проектов выставлено очень мало, не более одиннадцати; все они отличаются великолепием и необычайной грандиозностью. Вообще Академия не любит у нас простой, утилитарной архитектуры и всё делает проекты колоссальные. Но и об архитектурных проектах мы поговорим в другой раз (168).

Комментируя *ВАН 60–61*, Фридлендер обратил внимание на первое обещание, указав, что оно «журналом выполнено не было: статьи о сочинениях Даля во “Времени” ни в 1861 году, ни позднее не появилось» (318). Действительно, Достоевский как редактор журнала «Время» не выполнил обещания поговорить ни о photographиях в связи с сочинениями Даля, ни об архитектурных проектах, но это не значит, что его не выполнил настоящий автор статьи.

Просматривая петербургскую периодику конца 1861 года, можно найти издание, на страницах которого обсуждались обе названные темы. Это — газета «Санкт-Петербургские ведомости».

В начале 1860-х годов «Санкт-Петербургские ведомости» были одной из самых авторитетных и многотиражных газет своего времени. Номинально их редактором числился А. Н. Очкин, но фактически изданием руководил А. А. Краевский. В отличие от других изданий середины XIX века, «Санкт-Петербургские ведомости» не становились специальным предметом изучения для историков литературы. Мы очень плохо представляем, кто составлял круг авторов этой газеты, ничего не знаем о редакторской кухне и о том, как распределялись редакционные обязанности. Однако под некоторыми фельетонами этой газеты подписи стоят, и авторов их мы знаем. В одном из таких фельетонов было выполнено первое обещание, данное автором *ВАХ 60–61* — поговорить о фотографиях в связи с сочинениями В. И. Даля. 14 декабря 1861 года, через полтора месяца после выхода в свет интересующей нас книжки «Времени», в газете появилась большая статья о новом восьмитомнике сочинений Даля.²⁴

Ее автором был Михаил Андреевич Загуляев (1834–1900), универсальный журналист, умевший писать «с безразличной добросовестностью патентованной машины <...> одинаково хорошо, гладко и убедительно»²⁵ на самые разнообразные темы для самых разных изданий. Начав карьеру журналиста в 1857 году, на рубеже 1850–1860 годов он уже сотрудничал со многими петербургскими изданиями. Будучи классическим для своего времени журналистом-«невидимкой», Загуляев предпочитал публиковаться анонимно, крайне редко выставляя настоящие или вымышленные инициалы. Это чрезвычайно затрудняет изучение его творческого пути, поскольку содержащиеся в посвященных ему публикациях сведения недостаточны и противоречивы.²⁶ Из-

²⁴ В новейшей библиографии Даля эта статья не отмечена (см.: В. И. Даль: Биография и творческое наследие: Библиографический указатель / Сост. Н. Л. Юган, К. Г. Тарасов. М., 2011. С. 361–362). К слову, в ней пропущена также большая рецензия на восьмитомник Даля, принадлежащая А. И. Хитрову (Сын отечества. 1861. № 46. 12 нояб. С. 1384–1392; без подписи, автор указан в оглавлении годового комплекта журнала).

²⁵ Михневич В. О. Наши знакомые: Фельетонный словарь современников. СПб., 1884. С. 87.

²⁶ Ср.: «...в Сыне Отечества он напечатал ряд рассказов и роман “Дюжинный человек”, вел в течение четырех лет там же фельетоны под заглавием “Петербургская жизнь” и “Общественный листок”, <...> участвовал в *Светоце* (рассказы и фельетоны), в Русском мире (повести “Бедовик”, “Актриса” и перевод “Гамлета” <...>) и в *С.-Петербург-*

вестно, что в начале 1860-х годов он был одним из ближайших знакомых Достоевского, а также входил в редакционный кружок журнала «Время».²⁷ Хотя мы не знаем публикаций Загуляева во «Времени» и его имени нет в приходно-расходном журнале, это отнюдь не означает, что он там не печатался. К примеру, выявлены публикации не менее полутора десятка человек, сотрудничавших во «Времени», чьи имена отсутствуют в приходно-расходном журнале; с другой стороны, как видно из того же журнала, около десятка человек получили гонорары за какие-то свои публикации, которые нам неизвестны. К настоящему времени неатрибутированными остаются около 10–12% материалов «Времени».²⁸

Итак, напомним, что в начале *ВАХ* 60–61 ее автор высказывает тезис, что от художника требуется «не *фотографическая* *верность*, не механическая точность, а кое-что другое, больше, шире, глубже»; истинный художник «в картине ли, в рассказе ли, в музыкальном ли произведении непременно виден будет он сам; он отразится невольно, даже против своей воли, выскажется со всеми своими взглядами, с своим характером, с степенью своего развития», а поскольку «эпического, безучастного спокойствия в наше время нет и быть не может», то «зритель и вправе требовать от него, чтобы он видел природу не

бургских Ведомостях Краевского, где был деятельным сотрудником библиографического отдела. В 1862 г. М. А. сделался на некоторое время сотрудником в *Сыне Отечества* (превратившемся в ежедневную газету) по вопросам внутренней и иностранной политики, и с тех пор, в течение тридцати пяти лет, М. А. уже не покидает пера политического обозревателя» (*Б. н.*) М. А. Загуляев // *Нива*. 1896. № 26. С. 668); «После литературного дебюта в “Морском сборнике”, М. А. Загуляев сделался с 1857 года деятельным сотрудником еженедельной газеты “Сын Отечества” редакции А. В. Старчевского, где помещал повести, рассказы, фельетоны общественной жизни, статьи компилятивного характера и рецензии под буквами М. и М. З. и где работал вплоть до 1863 года. Кроме того, он печатал повести, рассказы, фельетоны и рецензии в “Светооче”, редакции А. П. Милюкова, “Русском мире” А. С. Гиероглифова, “С.-Петербургских Ведомостях” А. А. Краевского, “Библиотеке для Чтения” и разных мелких изданиях» (*Быков П. В.* М. А. Загуляев // *Всемирная иллюстрация*. 1897. № 1457. С. 9 (подпись: П. Б.); см. также: *Березкин А. М.* Загуляев Михаил Андреевич // *Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь*. М., 1992. Т. 2. С. 308–309).

²⁷ Об отношениях Достоевского и Загуляева см.: *Белов С. В.* Энциклопедический словарь «Ф. М. Достоевский и его окружение». СПб., 2001. Т. 1. С. 308–309; о редакционном кружке «Времени» см.: *Орнатская Т. И.* Редакционный литературный кружок Ф. М. и М. М. Достоевских (1860–1865 гг.) // *Достоевский: Материалы и исследования*. Л., 1988. Т. 8. С. 247–262.

²⁸ За эту справку благодарю А. Н. Першкину.

так, как видит ее *фотографический объектив*, а как человек» (153–154; курсив наш. — А. Б.). И говоря конкретно о картине В. И. Якоби «Привал арестантов» (ныне ГТГ), которая, бесспорно, стала главным событием выставки 1861 года, фельетонист повторит тезис о различии между подлинным произведением искусства и «фотографическим снимком»:

Картина поражает удивительною верностью. Всё точно так бывает и в природе, как представлено художником на картине, если смотреть на природу, так сказать, только снаружи. Зритель действительно видит на картине г-на Якоби настоящих арестантов, так, как видел бы их, например, в зеркале или в *фотографии*, раскрашенной потом с большим знанием дела. <...> Художественности в этом смысле в картине г-на Якоби нет ни на волос; он *фотографировал* каждого из своих субъектов и не картину написал, а совершил следственную ошибку (153–154; курсив наш. — А. Б.).

О том же самом говорит и Загуляев в фельетоне «Санкт-Петербургских ведомостей»:

Главное условие художественности произведения — любовь и сочувствие художника к избранному им предмету <...>. Г-н Даль, когда-то <...> считался народным писателем, и, спешим прибавить, не без основания. Знание русского народного языка, огромная память, сохранявшая все слышанное и виденное им с *фотографическою верностью*, <...> при этом наблюдательность — все это давало ему возможность хорошо знать русский народ. <...> Перечитывая в высшей степени разнообразные произведения нашего автора <т. е. Даля. — А. Б.>, мы были поражены тою трудностью, которою сопровождалось это дело. Кажется, все есть в этих рассказах: и интерес содержания, и живой, всегда верный язык, и огромная наблюдательность, а между тем все это сухо, мертво и читается трудно. Отчего это? Нам кажется, дело вот в чем: природа одарила г. Даля всеми качествами, нужными для безукоризненной литературной техники, но не дала ему одного, важного, качества, без которого не может выработаться писатель в полном значении этого слова — не дала любви и сочувствия к избираемым им предметам. Из произведений г. Даля видно, что интересуется он решительно всем, но не видно, чтоб он любил что-нибудь особенно. <...> Лучшими из произведений г. Даля должно считать его рассказы из народного быта <...> и сказки из русского сказочного цикла <...>. Но и здесь везде заметно безучастие автора

к изображаемому предмету: выводов и заключений не видите, везде одни факты, одни *фотографические снимки* попадавшего на глаза, или подслушанного».²⁹

Можно увидеть связь между *ВАХ 60–61* и другими текстам Загуляева.

Так, в интересующей нас статье ее автор называет Александра Дюма то «знаменитым сказочником», то «знаменитым блажёром» (152).³⁰ Сравним это с тем, как пишет о приезде в Петербург автора «Трех мушкетеров» Загуляев: «Великий сказочник, как слышно, начал с блестящих успехов свое поприще в нашей столице, толки о его приезде занимают не один праздный язычок, и великий король *благеров* своими начинаниями обещает доставить не на один десяток анекдотов».³¹ Отметим, что слово 'блажёр' в языке Достоевского не встречается.

Сопоставим также тезис о невозможности демонстрации на сцене физической немощи и смерти. «Но представьте же себе, что актер или актриса стали бы умирать на сцене по всем правилам *патологии*, со всевозможною не *сценическою*, а естественною правдой, передавая всю агонию, одно явление за другим, так как это бывает в природе <...>. Да все зрители разбежались бы от такого представления» (167), — это мнение автора *ВАХ 60–61*. А вот что писал за два года до этого Загуляев: «Он понял, что страшное нравственное расстройство не могло не отразиться на физическом организме почти девяностолетнего старика, и это трясение головы вышло у него не только *сценически*, но даже, да позволено мне так выразиться, *патологически* верно».³²

²⁹ Загуляев М. А. Литературная летопись. Сочинения Владимира Даля, новое, полное издание. Том I–VIII, изданные М. О. Вольфом. Рассказы Н. В. Успенского // Санкт-Петербургские ведомости. 1861. № 277. 14 дек. С. 1513–1515; подпись: М. З. (курсив наш. — А. Б.). Ср. с мнением Загуляева о Шекспире в предисловии к отдельному изданию выполненного им перевода «Гамлета»: «Люди, им изображаемые, не произведения фантазии, пересоздающей человечество на свою мерку, а *фотографические снимки* с природы, верные не только в художественном, но даже, если так можно выразиться, в физиологическом отношении» (Загуляев М. А. Гамлет Шекспира и его переводы и переделки на русском языке: Несколько слов в виде вступления // Шекспир В. Гамлет принц Датский: Трагедия в пяти действиях / Пер. с англ. М. Загуляева. СПб., 1861. С. III; курсив наш. — А. Б.).

³⁰ *Фр. blagueur* — 'хвастун', 'враль'.

³¹ Загуляев М. А. Общественный листок // Сын отечества. 1858. № 25. 22 июня. С. 708; подпись: М. З.

³² Загуляев М. А. Король Лир на петербургской сцене // Сын отечества. 1859. № 2. 11 янв. С. 44; подпись: М. З.

Напрашивается вывод, что на основании сделанных наблюдений *ВАХ 60–61* можно атрибутировать Загуляеву, однако сделать это не позволяет следующее: подобно Ковалевскому, он тоже высказался о выставке 1861 года — в октябрьском фельетоне журнала «Светоч».³³ И хотя его текст весьма лапидарен, он решительно противоречит сказанному в *ВАХ 60–61*. Загуляев пишет, что может отметить только четыре картины: это «Привал арестантов» В. И. Якоби, «Последняя весна» М. П. Клодта, «Иродиада с дочерью, ожидающая главы святого Иоанна Предтечи» В. Г. Худякова и «Овцы, загоняемые бурей в море» И. К. Айвазовского. В оценке первых двух картин он в принципе сходится с автором *ВАХ 60–61*, но последний вообще не упоминает картину Худякова, а о картине Айвазовского отзывается с иронией:

³³ Как мы знаем, Загуляев сотрудничал со «Светочем» (см. выше, примеч. 26), но о характере этого сотрудничества ничего не было известно. Однако сохранилось письмо Загуляева в Комитет литературного фонда от 26 апреля 1863 года с просьбой о пособии, в котором он подробно перечисляет свои литературные работы и указывает издания, где печатался. Поскольку никто из исследователей к этому документу не обращался, считаем важным провести его библиографическую часть целиком:

«Статьи мною помещались:

а) В Морском Сборнике (за 1857 и 1859 год). Две статьи «Об abordажном оружии» и «О системе вооружения американских военных шлюпок».

б) В Сыне Отечества. В 1857 году повести «Старый камердинер» (в июле), «Полтинник» (в октябре), «Гнилой плод» (в декабре). 3 фельетона (в декабре). В 1858 году, фельетоны на весь год еженедельно, библиографические и критические статьи (за подписью *М.* и *Библиофил*, фельетоны подписывались *М. З.*). В 1859 году, фельетоны за весь год. В 1860 году. Фельетоны до мая месяца (без подписи), повесть «Дюжинный человек» (в июле и августе), Провинциальная хроника (март, апрель). В 1861 году, повесть «Зелье» (июль). В 1862 году, ежедневный политический отдел и по временам статьи о внутренней хронике событий. (В августе, в сентябре, в октябре и ноябре). К числу этих статей принадлежит довольно обширная статья об значении основных положений преобразования судебной части в России (октябрь № 241, 242, 243). Кроме того, в этом году напечатано (в апреле) краткое изложение 1й части романа В. Гюго «*Les Misérables*». В 1863 году ежедневный политический отдел.

с) В Русском Море. В 1859 году повесть «Тетушка» (сентябрь, подписано *М. — евъ*). В 1860 году, повесть «Актриса» (декабрь, подписано — иль — евъ). В 1861 году повесть «Бедовик» (декабрь, подписано полным именем). В декабре же месяце этого года начат печатанием мой перевод «Тамлета», изданный впоследствии г-ном Стелловским отдельною книгою, а в 1863 году поставленный на сцену Мариинского театра.

д) С. Петербургские ведомости. 1861 год библиографические статьи (за октябрь, ноябрь, декабрь) под заглавием Литературная летопись. В 1862 году те же статьи за январь.

е) Светоч. 1861 год, фельетоны за октябрь, ноябрь, декабрь. Повесть «Из невозвратно минувшего прошлого» (ноябрь). Критическая статья о комедии Островского «Женитьба Бальзаминова» (октябрь)» (РНБ, ф. 438, ед. хр. 12, л. 210–210 об.).

На нынешней выставке есть стадо овец, загоняемых вьюгой в море. С отлогого берега мчится стадо; два пастуха стараются остановить его; некоторые овцы уже в воде; их бьет волна, и в этой сумятице не разберешь, где начинаются волны и где кончаются овцы: всё покрыто свинцовым колоритом вьюги. Очень хорошо, всё это возможно; естественная правда тут есть, но нет правды художественной. Знаменитый герой охотничьих карикатур Хама, барон Крак, выходил однажды из болота, где доставал убитую утку, запнулся, упал и, растянувшись, прямо попал рукою на лежавшего в траве зайца. В то же время его ружье неожиданно выстрелило и попало в летевшего мимо бекаса. Всё это физически возможно, но художник не решился бы написать это в картине, точно так же, как не рассказал бы этого Аксаков, если бы с ним что-нибудь подобное случилось. Но г-н Айвазовский не останавливается перед подобною нехудожественною правдой (162–163).

Загуляев же пишет о ней хоть и кратко, но совершенно в другом тоне:

Великолепная картина профессора Айвозовского <sic!>, изображающая стадо баранов, глупо загнанное порывом ветра в море, помимо своих технических и художественных достоинств, также производит сильно<е> впечатление по мысли.³⁴

Думается, если бы *ВАХ 60–61* писал Загуляев, то он бы упомянул о картине Худякова, а о картине Айвазовского высказался бы более уважительно. Но возможную гипотезу о его авторстве (по крайней мере, авторстве единоличном), помимо отсутствия *ВАХ 60–61* в приведенной выше автобиблиографии позволяет отвести не только этот факт.

4

Обратим внимание на анонимный еженедельный фельетон «Петербургская летопись» «Санкт-Петербургских ведомостей», подробно рассказывавший о жизни столицы. Именно неизвестный автор этого фельетона выполнил второе данное во «Времени» обещание: поговорить «в другой раз» об архитектурных проектах.

³⁴ Загуляев М. А. Петербургская летопись // Светоч. 1861. № 10. Отд. IV. С. 59; подпись: Посторонний человек.

Из контекста статьи понятно: автору *ВАН* 60–61 не по душе, что «Академия не любит у нас простой, утилитарной архитектуры и всё делает проекты колоссальные», и он решил это свое неудовольствие мотивировать подробнее. Случай подвернулся еще до выхода октябрьской книжки «Времени» из печати. В середине октября вошел в строй первый жилой дом «Общества для улучшения помещений недостаточного населения», который стал серьезным шагом вперед по улучшению домашнего быта: «Комнаты квартир невелики — шагов пять-шесть вдоль, шага четыре поперек — но они весьма уютны и удобны. При каждой квартире кухня, с маленькою плитою, ватерклозетом, краны с чистою водою и лахань для выливания воды грязной, шкаф для съестных припасов».³⁵

Рассказав обо всех этих удобствах и выразив восхищение деятельностью «Общества», автор фельетона перешел к суждениям о состоянии современной архитектуры:

Желательно, чтобы новый дом, с его нововведениями в устройстве, обратил на себя внимание и частных капиталистов, и архитекторов. <...> Что касается до архитекторов, то посмотреть новое здание им тоже не мешает. А то на художественных выставках мы видим удивительные составляемые ими проекты разных биржей, публичных библиотек, почтамтов, чуть не фантастического вида, дома же, строящиеся ими для простых смертных, оказываются крайне неудобными, расположение квартир не представляет ни малейшего уюта, а, между тем, квартиры занимают много места, и потому стоят весьма дорого... Не мешало бы архитекторам, подобно живописи, переходящей к жанру, перейти к проектам, удовлетворяющим вседневным нуждам, и вместо проектов исполинских замков строить дома с более удобными и дешевыми квартирами...³⁶

³⁵ [Б. н.] Петербургская летопись // Санкт-Петербургские ведомости. 1861. № 228. 15 окт. С. 1261.

³⁶ Там же. С. 1262. Укажем также, что сходные идеи были высказаны в «Санкт-Петербургских ведомостях» годом ранее при обзоре академической выставки 1860 года: «Говоря об архитектурных планах, выставленных в академии, мы не можем не задать вопроса: отчего на академических выставках представляются всегда проекты зданий монументальных, и почти никогда мы не видим планов домов, назначенных для жилья обыкновенного? Может быть, к этому есть особая причина, которой мы — профаны, вовсе не подозреваем; однако, все же нельзя не заметить, что каких-нибудь роскошных бань, колоссального госпиталя, громадной биржи, вероятно, большинству архитекторов никогда и соорудить не придется, тогда как каждый из них соорудит, верно, не один дом для простых смертных. А между тем,

Укажем также еще на одну параллель — между *ВАХ 60–61* и фельетоном «Санкт-Петербургских ведомостей» от 19 ноября 1861 года. В руки фельетониста попала рукописная статья, защищавшая основные принципы избрания тем для академических конкурсов. Напомним, что автор *ВАХ 60–61*, как и другие писавшие о выставке, критиковал устаревший, по его мнению, подход к выбору конкурсных сюжетов:

Такого рода задача, как Харон с душами, предлагается ученикам Академии на том основании, что тут можно писать тело, что без тела нет академической картины. По мнению Академии, картина особенно хороша, когда тело представлено голое, без одежды, или, по крайней мере, с некоторою драпировкой, не более. Правда, что художнику необходимо изучить анатомию, точно так же, как и врачу; но у того и у другого это только средство, а не цель. <...> Сверх того, климат Греции позволял не прикрывать одеждой тело так старательно, как приходится это делать нам. Это другая причина, почему тело в Греции было у художников в большом почете. Затем у нас остается одна с ними общая причина: поклонение прекрасному; а конечно, ничего нет на свете прекраснее прекрасного тела. Но где же взять нашим художникам тело? Где взять натуру, чтобы написать тело в самом деле прекрасное, — такую натуру, после которой не очень много оставалось бы идеализировать? У нас еще есть возможность за хорошие деньги найти порядочного натурщика, но сколько-нибудь сносных натурщиц —

в деле постройки частных зданий еще далеко не сказано последнее слово: для них нужно придумать много разных улучшений и усовершенствований; лучшим доказательством этому служит большинство домов в Петербурге, отличающееся гораздо больше неудобствами, чем удобствами помещений» (*Б. н.* Петербургская летопись // Санкт-Петербургские ведомости. 1860. № 202. 18 сент. С. 1059). Справедливости ради отметим, что сторонником утилитарных архитектурных проектов был и Ковалевский, мотивируя их необходимость несколько по-иному: «...почему же, например, гг. архитекторам не подумать о проектах домов с дешевыми квартирами для бедных классов? Жизнь в Петербурге нестерпима и не для бедных людей, квартиры неприступны по цене. Не шутя, будущим строителям недурно бы, проникнувшись гуманным и филантропическим направлением нашего времени, заняться такими проектами. Все-таки это было бы полезнее, чем трудиться над несбыточными и колоссальными фантазиями оранжерей, музеев и тому подобного» (Современник. 1861. № 9. Отд. II. С. 79). Номер «Современника» с обзором Ковалевского прошел цензуру 6 и 16 сентября и вышел в свет 8 октября (см.: *Боград В. Э.* Журнал «Современник». С. 402), почти за месяц до выхода в свет номера «Времени» с *ВАХ 60–61*, поэтому было бы неверным предположить, что Ковалевский выполняет обещание автора *ВАХ 60–61* «поговорить» об архитектурных проектах: очевидно, подобные идеи обсуждались в литературных кругах.

вовсе нет. <...> Но как же быть художнику? Что же делать? Тела негде взять, а кринолин, корсет и фрак — претят человеку с сколько-нибудь развитым вкусом (156–157).

А далее дал еще одно обещание: «Но что же именно делать — об этом поговорим впоследствии» (157). Как легко убедиться, пролистав статью до конца, обещание это автор *ВАХ 60–61* не выполнил: в статье он так и не предложил рецептов выхода из кажущегося замкнутым круга академических требований. Но, возможно, он вернулся к этому же вопросу по случаю знакомства с рукописью защитника сюжетов из античной мифологии и русской истории для творческого экзамена в Академии Художеств:

...замечание о неосновательности нападений на картины в роде Харона, потому что рисование голого тела весьма важно, что, рисуя голое тело с древних статуй, необходимо рисовать и картины из древнего мира и т. п., едва ли выдержит строгую критику. В том, что изучение голого тела для живописца составляет азбуку — спорить никто не будет. Но, во-первых, азбука эта изучается не только по древним статуям, но и по натурщикам, которые, как известно, нисколько не греки и не римляне. Да, наконец, как бы ни изучалось художниками человеческое тело, во всяком случае непонятно, для чего они, чтобы доказать свои познания, должны насиловать воображение сюжетами в роде Харона и т. п. <...> Разве нельзя задать сюжета, который потребует и изображения голого тела, и воображения, сюжета, не чуждого окружающей действительности и в то же время не лишенного драматизма? Да возьмите за тему, например, хоть рекрутское присутствие, когда сдаются рекруты. Один, нагой, стоит под мерой, другие, то голые, то набросив на голое тело полушубки, ожидают своей очереди. Поставьте их в разных позах, заставьте каждого выразить волнующее его чувство — и будет у вас картина, в которой ученик выкажет и знание тела, и еще многое другое... А таких сюжетов не один.³⁷

У нас нет серьезных оснований предполагать, что неизвестный нам автор еженедельного фельетона «Санкт-Петербургских ведомостей» является единоличным автором *ВАХ 60–61*, но мы можем предположить, что он участвовал в ее написании или хотя бы обсуждении. Нельзя исключать и того, что какую-то свою лепту в создание этой

³⁷ [Б. н.] Петербургская летопись // Санкт-Петербургские ведомости. 1861. № 258. 19 нояб. С. 1414.

статьи внес и Загуляев. Пока же у нас не будет надежных документальных свидетельств, любая атрибуция *ВАХ 60–61* будет сугубо гипотетической. Однако, как нам кажется и как мы пытались доказать, следы ее автора следует искать в редакционном кружке газеты Краевского.

5

Но какой бы гипотезы не придерживаться, все равно встает вопрос об участии Достоевского в создании *ВАХ 60–61* и о том, каким именно было это участие.

На наш взгляд, редактор «Времени» дописал к первоначальному тексту статьи два абзаца, занимающие в журнале чуть более полутора страниц, — с подробной критикой упомянутой картины В. И. Якоби «Привал арестантов» и указанием допущенных художником неточностей. С разбора этой картины начинается и основной автор *ВАХ 60–61* — но и данные им оценки работы Якоби, и даже описание того, что на ней изображено, резко расходятся с тем, что можно прочесть в интересующем нас фрагменте. Так, в начале статьи мы читаем: «Картина поражает удивительною верностью. Всё точно так бывает и в природе, как представлено художником на картине <...>. Зритель действительно видит на картине г-на Якоби настоящих арестантов, так, как видел бы их, например, в зеркале или в фотографии, раскрашенной потом с большим знанием дела. <...> Из этой картины очевидно, что г-н Якоби <...> употребил все свои силы, всё старание, чтобы правильно, верно, точно передать действительность» (153, 154). И еще несколько раз повторяется тезис о зеркальной, фотографической точности изображенного на картине. Но ниже на той же странице утверждается совершенно противоположное: «А знаете ли вы, г-н Якоби, что гонясь до натянутости за правдой фотографической, вы уже по этому одному написали ложь? Ведь ваша картина не верна положительно. Это мелодрама, а не действительность. Вы слишком гнались за эффектом и натянули эффект» (154) и т. п. И дальше перечисляются все ошибки, допущенные Якоби при изображении быта арестантов.

Отметим особо, что у соавторов расходятся даже оценки персонажей картины. Основной автор статьи пишет: «Все у него равно безобразны, начиная с кривого этапного офицера до клячи, которую

В. И. Якоби. Привал арестантов. 1861. Открытка начала XX в.

отпрягает мужик. Есть одно только исключение: это исключение — герой картины, покойник, накрытый изорванной рогожей» (154). А буквально на следующей странице утверждается иное: «Самая художественная фигура во всей картине — это, конечно, офицер; он очень хорош» (155).

Укажем также, что только в этом фрагменте автор статьи обращается непосредственно к художнику: «А знаете ли вы, г-н Якоби...»; «Вы не согласились даже...»; «Известно ли вам тоже...»; «Вы, конечно, их забыли...» и т. п. — ничего подобного в остальном тексте статьи нет.

Кстати, нельзя не заметить, что Достоевский вставил свой фрагмент совершенно механически: если его удалить из текста, то разорванный им абзац станет цельным и логически стройным. Вот как бы выглядел пассаж автора *ВАХ 60–61* без вмешательства редактора «Времени» (место вставки отметим двумя линиями):

Из этой картины очевидно, что г-н Якоби, ученик Академии, употребил все свои силы, всё старание, чтобы правильно, верно, точно передать действительность. Это весьма полезное, необходимое ста-

вание и весьма похвальное для ученика Академии. Но это покамест еще только механическая сторона искусства, его азбука и орфография. Конечно, и тем и другим надо овладеть совершенно, прежде нежели приступить к художественному творчеству. Прежде надо одолеть трудности передачи правды действительной, чтобы потом подняться на высоту правды художественной. || Будем надеяться, что г-н Якоби стоит на хорошей дороге и на полупути не остановится. Он уже добирается до правды действительной; далее, до остальной, высшей правды он дойдет уже не академическими работами, не под руководством своих профессоров живописи, а общим развитием, общим образованием, чего, как известно, всегда недоставало не всем, а большинству наших художников (154, 156).

Стык совершенно не виден, без отметки трудно угадать, куда именно Достоевский поместил свой комментарий к картине.³⁸ Кроме того, очевидно, что он не редактировал статью, иначе, несомненно, привел бы к общему знаменателю свои высказывания о картине Якоби и суждения о ней основного автора *ВАХ 60–61*.

Итак, как нам кажется, в Полном собрании сочинений Достоевского следует печатать несомненно принадлежащий Достоевскому фрагмент как <«Интерполяция в анонимную статью “Выставка в Академии художеств за 1860–61 год”»> с подробным рассказом в примечаниях истории вопроса — подобно тому, как публикуется <«Вставка в статью Н. Н. Страхова “Нечто о полемике”»> (см.: 139, 309).

2002–2015

³⁸ Нашу гипотезу можно также подкрепить материалами, собранными Г. Хетсо. Ученый сделал подсчет употреблений в журнальных статьях Достоевского языковых дублетов ‘чтоб : чтобы’ и выяснил, что «форма чтоб в среднем употребляется в 7–8 раз чаще, чем форма чтобы» (Хетсо Г. Автор статьи — Ф. М. Достоевский? С. 224). В тексте *ВАХ 60–61* форма «чтобы» употребляется 15 раз, а форма «чтоб» — всего три раза, причем два раза в том фрагменте, который, по нашему мнению, принадлежит Достоевскому.

ПО СЛЕДАМ ГЕРОЕВ «СЕВЕРНОГО ДНЕВНИКА» ЮРИЯ КАЗАКОВА*

Летом 1960 года уже известный к тому времени писатель Юрий Павлович Казаков «больше месяца»¹ прожил на берегах Белого моря, проехав по маршруту Архангельск — Мезень — Койда — Майда — Ручьи — Архангельск.

Это был не первый его приезд на Русский Север. Впервые Казаков увидел Белое море в 1956 году. Доплыв на корабле от Архангельска до Пертоминска, он прошел по Летнему берегу «от деревни к деревне (а они друг от друга километрах в сорока — пятидесяти), где пешком, а где на карбасах и мотоботах»,² закончив свое путешествие на Соловках. Эта поездка стала поворотной в его литературной судьбе: писатель буквально заболел Севером. «В жизни каждого человека есть момент, когда он всерьез *начинает быть*. У меня это случилось на берегу Белого моря...»³ — это позднее признание писателя теперь

* Впервые: Литературная учеба. 2015. № 1 (сокращенная версия); Соловки в литературе и фольклоре (XV–XXI вв.): Сб. научных статей и докладов международной научно-практической конференции. Архангельск, 2015.

¹ Казаков Ю. П. Вечерний звон: Повести, рассказы, путевые, дневниковые, литературные заметки, письма. М., 2011. С. 134. (Собр. соч. Т. 3).

² Там же. С. 224.

³ «Единственно родное слово»: Беседа с Юрием Казаковым // Литературная газета. 1979. № 47. 21 нояб. С. 6. Хотя это интервью вошло в Собрание сочинений Казакова, при его перепечатке утрачен курсив в словах «начинает быть» (см.: Казаков Ю. П. Вечерний звон. С. 228).

цитируется едва ли не в каждой монографии о его творчестве.⁴ Через два года он побывал на Зимнем берегу, в Нижней Золотице, в последующие годы отправлялся еще севернее и восточнее, доплыв до берегов Новой Земли. Впрочем, подробную карту литературных маршрутов Казакова еще предстоит начертить его биографам. Но именно после поездки в Койду и Майду им было написан очерк «Северный дневник», который считается ныне одним из самых значительных литературных произведений о Русском Севере.

В 1956 году Казаков отправился на Белое море по командировке от журнала «Знамя»;⁵ очевидно, что в 1960-м он был также командирован этим журналом, а «Северный дневник» возник в качестве отчета об этой командировке:⁶ впервые он был напечатан в мартовской и апрельской книжках «Знамени» за 1961 год под рубрикой «Рассказы о людях семилетки».⁷ Как кажется, место для поездки было выбрано не случайно: в 1960 году крупному и богатому колхозу «Освобождение», объединявшему жителей Койды и Майды, исполнилось тридцать лет, и его история могла стать подходящим материалом для «производственного очерка».

Если в первые поездки Казаков ездил один, то в этот раз с ним был его близкий друг, детский писатель Юрий Коринец,⁸ также большой любитель странствовать по Русскому Северу. Через несколько лет Казаков в предисловии к книге стихов Коринца «Суббота в понедельник» (М., 1966) так вспоминал об их совместных путешествиях: «Путешествовал и я вместе с Коринцом. <...> Мы побывали в Великом Устюге,

⁴ См., например: Кузьмичев И. С. Юрий Казаков: набросок портрета. Л., 1986. С. 118; Галимова Е. Ш. Художественный мир Юрия Казакова. Архангельск, 1992. С. 69.

⁵ См.: Казаков Ю. П. Вечерний звон. С. 242.

⁶ Косвенно это подтверждал и сам Казаков. В тексте «Северного дневника» приведено множество фактов и статистических данных о жизни колхоза и колхозников, а в одном из ранних интервью он признавался: «Жизнь специально я не изучаю и материалов не собираю, кроме тех случаев, когда едешь по заданию редакции» (Казаков Ю. П. Вечерний звон. С. 145).

⁷ До этого фрагмент (о рыбной ловле на тоне Майдица) был опубликован в «Литературной газете» (1960. №129. 29 дек.) под заголовком «У Белого моря» в рубрике «Из летних путешествий». Планировалось начать публикацию очерка с февральского номера, но, как писал Казаков Виктору Конецкому 15 января 1961 года, «перенесли в № 3 <...> Все из-за проклятых художников. Они затянули, а теперь типография не успевает сделать клише ко второму номеру» (цит. по: Конецкий В. В. Ледовые брызги: Из дневников писателя. Л., 1987. С. 465).

⁸ См.: Жирмунская Т. Мы — счастливые люди: Воспоминания. М., 1995. С. 228 (письмо Казакова к Жирмунской от 26 июля 1960 г.).

в Котласе, в Архангельске, добрались до Белого моря, потом до реки Онеги, с Онеги поехали на Кольский полуостров, в Мурманск...»⁹

Вернувшись домой в августе, Казаков по горячим следам приступил к созданию очерка на основе своих путевых дневников. Если сюжеты многих своих рассказов писатель вынашивал годами, а писал за один присест, то здесь ситуация была противоположной: редакция журнала ждала творческий отчет о поездке на Белое море, а он давался Казакову нелегко. «Был я на Севере, очень славно съездил, — сообщал он 7 сентября 1960 года Виктору Конецкому, — и теперь с натугой ворошушь в своих записках и пишу не более, не менее как путевые очерки и не более, не менее как листа на четыре».¹⁰ О том же он писал Марине Литвиновой спустя десять дней, 17 сентября: «У меня дело застряло. Мне надоели очерки. И я поклялся, что больше ни за что, кроме рассказов, не возьмусь. <...> Так вот — я застрял. И наверно не уложусь в срок».¹¹ Как тяжело создавался «Северный дневник», Казаков рассказывал Конецкому 23 ноября, уже после окончания работы над книгой: «...смылся я в маленькую деревеньку, и там таял и таял проклятый свой северный очерк и никак не мог его постичь, наконец, постиг и вышло у меня четыре с чем-то листа — местами ничего, а местами так себе. Устал я от всего этого и закаялся впредь связываться с чем бы то ни было, кроме рассказов, милых моих драгоценных и блистательных рассказов».¹² Не позднее середины октября текст был завершен: в письме от 30 октября Конецкий делился с Казаковым впечатлениями о прочитанной рукописи.¹³ Первоначально очерк назывался «Тихие герои» и имел подзаголовок «Северные путевые заметки»,¹⁴ но, очевидно, такое название было отвергнуто редакцией «Знамени».¹⁵

⁹ Казаков Ю. Об авторе // Коринец Ю. И. Суббота в понедельник: Стихи и сказки. М., 1966. С. 4.

¹⁰ Цит. по: Кузьмичев И. Жизнь Юрия Казакова: Документальное повествование. СПб., 2012. С. 357.

¹¹ Литвинова М. Из «Воспоминаний» // Полдень: Литературный альманах. 2013. Вып. 12 (электронный ресурс <http://polden.ruspole.info/node/4980>; доступ 18.08.2014).

¹² Цит. по: Конецкий В. В. Некоторым образом драма: Непутевые заметки, письма. Л., 1989. С. 29–30.

¹³ См.: Конецкий В. В. Ледовые брызги. С. 464–465.

¹⁴ См.: Кузьмичев И. С. Юрий Казаков. С. 125.

¹⁵ Определение «тихие герои» осталось в тексте и вызвало замечания рецензентов: «Но почему Казаков называет своих героев “тихими”? Пожалуй, само определение выбрано им неудачно, но за ним стоят наблюдения правдивые и непредвзятые» (Шитова В. О вещественном и необходимом: Юрий Казаков. Северный дневник.

Публикация «Северного дневника» стала важной вехой в творческой биографии Казакова. Во-первых, он наконец был признан как писатель даже теми литературными кругами, где до этого к нему относились критически и даже враждебно. «“Северный дневник” был единодушно одобрен критикой и воспринят как начало нового этапа в творчестве писателя, как свидетельство его гражданского возмужания».¹⁶ Но, во-вторых, что для нас важнее, после командировки 1960 года изменился творческий метод Казакова в его «северных» произведениях. Впечатления от первых поездок по берегам Белого моря выливались в рассказы: «Никишкины тайны», «Манька», «Поморка», «На острове» — это образцы классического fiction, где стихия вымысла доминирует над точностью путевых заметок, география размыта и неопределенна,¹⁷ а биографии героев не выходят за границы повествования. После «Северного дневника» Казаков стал тяготеть к nonfiction: путевым очеркам и травелогам, содержащим минимальные беллетристические вкрапления.

Позднее и сам писатель стал разделять эти две линии своего творчества. Уже в 1961 году он задумывает выпустить книгу своих «северных» произведений, так рассказывая о плане будущего издания в письме к К. Г. Паустовскому от 26 сентября: «Помните мой “Сев<ерный> дневник”? Так вот, я решил все цифры оттуда выкинуть, еще поднатужиться, чтобы лучше в смысле словесном получилось, к этому куску прибавить еще кусок мурманский,¹⁸ калевальский,¹⁹ кусок с Зим-

«Знамя», №№ 3, 4, 1961 // Новый мир. 1961. № 8. С. 260).

¹⁶ Галимова Е. Ш. Художественный мир Юрия Казакова. С. 76. «Северный дневник» сразу стал переводиться. Позднее Казаков писал не без гордости: «После каждого приезда я писал что-нибудь о Севере. Мои очерки стали переводить на всевозможные языки. Чего скрывать — писателю приятно, когда его читают в Италии, в Америке, во Франции. Но тут, честное слово, мне было более радостно за моих героев! Северные фамилии их — Малыгин, Котцов, Жуков, Попов — появлялись на шведском, датском, немецком и прочих языках, и как же мне приятно было думать о том, что сидит сейчас где-нибудь в Праге или в Марселе какой-нибудь мой читатель, попиывает себе там бордо или кальвадос и читает про поморов, на свой испанско-английский лад выговаривая наши имена» (Казаков Ю. П. Вечерний звон. С. 118).

¹⁷ Удачную попытку локализации места действия одного из «карельских» рассказов Казакова см. в статье: Шилова Н. Л. Карельские реалии в рассказе Ю. Казакова «Адам и Ева» // Уч. зап. Петрозаводского гос. ун-та. Серия: Общественные и гуманитарные науки. 2014. № 5 (142). С. 82–85.

¹⁸ Очерк «На Мурманской банке».

¹⁹ Очерк «Калевала».

него берега (там у меня кулак один великолепный!),²⁰ потом кусок зверобойный (для этого я специально поеду в феврале со зверобойной командой на шхуне к берегам Гренландии).²¹ Но и это еще не все, а придумал я прошпиговать все это еще своими же рассказами — “Манькой”, “Никишкиными тайнами”, “Поморкой” — и кончить весь этот, с позволения сказать, роман “Осенью в дубовых лесах”. Я подсчитал — получается увесистая книга, листов на 13–15. Все мои рассказы и записки будут в этом романе как бы главами, частями. <...> Речь в нем будет вертеться все вокруг одного и того же: вокруг Белого моря, рыбаков, времен года...»²² Задуманная Казаковым книга появилась через двенадцать лет,²³ но ни одного рассказа в ней не было: с натяжкой к этому жанру может быть причислен только «Нестор и Кир». Остальные десять произведений, включенных автором в эту книгу, нельзя отнести к fiction. Все они в той или иной степени жанрово и тематически примыкают к «Северному дневнику», представляя собой, по точному выражению Дмитрия Бавильского, «локальные тексты-клеймы, берущие отдельные места и ситуации как бы крупным планом...»²⁴

Документальность «Северного дневника» подчеркивалась самим автором. «То, что твой герой — живой, конкретный человек, а не собирательный образ, конечно, представляет для писателя особые трудности, но в то же время здесь заключена и сила жанра, — писал он в заметке, сопровождающей выход книги. — <...> Я не сочинял ничего. Я даже фамилии своим героям не придумывал, все они у меня живут под своими именами...»²⁵ Поэтому перед исследователем творчества Казакова должна вставать проблема реального комментария

²⁰ Рассказ «Нестор и Кир».

²¹ Этот замысел не был осуществлен.

²² Казаков Ю. П. Вечерний звон. С. 347.

²³ Казаков Ю. П. Северный дневник. М., 1973. Укажем также, что в сборнике 1969 года (Казаков Ю. П. Осень в дубовых лесах. Алма-Ата, 1969) был выделен раздел «Северный дневник (вторая часть)», куда Казаков включил ряд текстов, не вошедших впоследствии в издание 1973 года. Любопытно, что в этом же сборнике были перепечатаны рассказы «Манька» и «Поморка» — но в другом разделе.

²⁴ Бавильский Д. Юрий Казаков. «Северный дневник» // Электронный ресурс <http://lj.rossia.org/users/paslen/1446007.html> (запись от 7.02.2014; доступ 19.07.2014).

²⁵ Казаков Ю. П. Вечерний звон. С. 225, 226. Впрочем, немного позднее на вопрос интервьюера «По-видимому, многие герои “Северного дневника” — это реальные люди?» писатель отвечал: «Нет, как правило, они “придуманные”. То есть встречались мне, конечно, чем-то похожие типы — взял одного, другого, третьего и слепил в уме...» (Там же. С. 245).

к его путевым очеркам, ведь «Северный дневник», несомненно, заслуживает критического издания, подобного тому, как публикуются и комментируются другие ставшие классикой травелоги — «Путешествие в Арзрум» или «Фрегат “Паллада”».

В июле 2014 года я принял участие в фольклорно-археографической экспедиции Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, которая работала в местах, где полвека назад бывал Казаков, — селах Койда и Майда Мезенского района Архангельской области. Разумеется, невозможно было не воспользоваться случаем расспросить местных старожилов об их односельчанах, упомянутых в «Северном дневнике». ²⁶ Надеемся, собранный материал будет интересен как будущим комментаторам Казакова, так и его неравнодушным читателям. Алексей Варламов в предисловии к одному из последних сборников Казакова писал: «Интересно было бы сегодня пройти по местам, им описанным, посмотреть, как живут Койда и Майда, узнать, <...> что случилось с героями его дневника — кто из них жив, кто, когда и как умер и ведают ли их потомки о том, что их отцы, деды, бабушки попали в большую литературу». ²⁷ Настало время пройти по этим местам, пользуясь «Северным дневником» как путеводителем. ²⁸

* * *

Из Мезени до Койды Казаков плыл на сейнере «Белужье», где встретил первых жителей Койды.

На палубе, на солнце, в запахе рыбы, жмурясь от дыма папиросы и от света, сидит лоцман. Он из Койды и едет теперь домой, страшно довольный, что не нужно дожидаться парохода. Сидит он вольно, по-

²⁶ Здесь необходимо выразить признательность всем людям, делившимся со мной материалами и воспоминаниями; назову тех, беседы с которыми были особенно содержательными: в Койде — Иван Дмитриевич Котцов (племянник Е. А. Котцова), Николай Клавдиевич Малыгин, Иван Евгеньевич Малыгин, Надежда Александровна Матвеева; в Майде — супруги Роза Андреевна и Петр Тихонович Бурковы, Фаина Филипповна Буркова (невестка П. Е. Буркова), Любомир Андреевич Малыгин (внук И. И. Титова), Ликонида Ильинична Титова (дочь И. И. Титова), Клеопатра Дмитриевна Титова (племянница Е. А. Котцова).

²⁷ Варламов А. Н. Паломничество в страну Севера // Казаков Ю. П. Северный дневник. М., 2008. С. 7.

²⁸ Далее «Северный дневник» будет цитироваться по указанному выше изданию 1973 года с указанием в скобках страницы.

В. С. Малыгин. Фото 1948 г.

ложив ногу на ногу, выставив острую коленку, покачивает рыбацким сапогом. <...> Его бесконечные истории, в которых варьируются кошки, ветры, приливы и отливы, его хвастовство, ленивая самоуверенность похожи на обыкновенное пьяное бахвальство. Но слушают его серьезно и даже с некоторым почтением. Может быть, потому, что он из рода Малыгиных — славных мореходов? Или потому, что не может человек, доживший на море до пятидесяти лет, действительно не знать всех этих банок, кошек, приливов и отливов? (18, 19).

Здесь Казаков рассказывает о Василии Степановиче Малыгине (1910–1979), ходившем капитаном и помощником капитана на разных судах — мотоёле «Стахановец», мотоботе «Иван Малыгин», транспортном судне «Микоян», сейнере «Параллель», МРТ «Долгий». Незадолго до приезда Казакова, 1 марта 1960 года он из Мезенского МРС был переведен вторым помощником капитана на РС-5276, затем плавал на различных сейнерах в должности помощника капитана и штурмана. В 1965 году вышел на пенсию, а спустя два года был избран депутатом Койденского сельсовета.²⁹ Гораздо меньше сведений о другом плившем на «Белужьем» койдянине: «С нами едет еще Игорь Попов — судовой механик из Мурманска. Родом он из Койды, но в Койде никого у него нет, и сам он не был там уже восемь лет» (19). Известно лишь, что Игорь Федорович Попов (род. ок. 1928–1930) всю жизнь ходил на судах — на ботах, СРТ и ПТС (промыслово-транспортное судно), а умер в Архангельске; родных в Койде у него действительно не осталось.

²⁹ Сведения о В. С. Малыгине почерпнуты из официальных документов (трудовая книжка, военный билет и др.), которые любезно предоставила его невестка Елена Алексеевна Малыгина. К сожалению, следует отметить, что это был единственный подобный случай: биографии других упомянутых Казаковым лиц приходилось восстанавливать по рассказам односельчан (которые не всегда согласовывались между собой), а даты жизни — по надгробиям, если их удавалось найти на местных кладбищах.

«Миновав банку Окдена, Воронов маяк, мы бросаем якорь против Койды, далеко в море» (28), — здесь Казаков допускает редкую для него неточность: плывя из Мезени в Койду минуешь Абрамовский маяк, напротив которого далеко в море находится банка Окден, а Вороновский маяк расположен дальше по берегу, по пути в Майду. Якорный буй, около которого суда ждали прилива, чтобы зайти в Койду, сохранился — сейчас из него сделали часовню в память погибших на море, которая стоит в центре села, около церкви, побывавшей за долгую жизни и клубом, и складом. На стенах часовни — памятные доски с именами койдян, погибших на море, и стихотворение про гибель в 1945 году на Мурмане колхозного бота «Каганович». Это стихотворение и сейчас поется жителями Койды на вариант напева «Волховской застойной» («Выпьем за родину, выпьем за Сталина, / Выпьем и снова нальем...»):

Поздняя осень, ветер и бури,
Море бушует, штормит.
Бот «Каганович», выйдя из Койды,
В Мурманск на зимовку спешит.

Весь горизонт затянуло туманом.
Маячных не видно огней.
Пришлось держаться им курса вслепую,
А ветер крепчал все сильнее.

С новым порывом снежного шквала
Все помутнело кругом,
А бот «Каганович», словно скорлупка,
В море дрожащем и злом.

Силой течения,
Силой прибоя
В память родным берегам
Доску с названием вынесло в Койду
На горе и плач матерям.

Не знает ни мать,
Ни отец и ни братья
Последний их жизненный миг,
Лишь чайка морская знает всю правду,
Как бот «Каганович» погиб.

Помянем команду,
Погибших в том шторме.
Только их жизнь не вернем.
Вспомним друзей, утонувших на боте,
И вечную память споем.³⁰

На память об этой и других трагедиях жители села поставили не-
вдалеке от устья реки, в нескольких километрах от Койды, на высоком
берегу три памятных креста — их можно видеть, заплывая в реку со
стороны моря. Архангельский писатель Евгений Богданов так писал
про эти кресты в своем романе «Поморы», посвященном становлению
колхоза «Освобождение»: «Сюда, словно на древнее языческое капи-
ще, каждый год в день поминовения приходили матери и вдовы уто-
нувших рыбаков плакать и причитать <...>. Только ветры да пустын-
ный берег знали, сколько тут было пролито слез, сколько произнесено
сокровенных, идущих от сердца слов».³¹

«Белужье» все-таки в реку не вошел: за Казаковым и его спутни-
ками колхоз послал дору, на которой было плыть до пристани часа
полтора.

Показываются первые сизые постройки, высокие амбары на бере-
гу, очень редкие, одинокие, со съездами, по которым можно вкатывать
бочки и даже въезжать на телеге на второй этаж. Возле амбаров стоят
свежеотесанные желтоватые колья от ставных неводов. Колья высокие,
метра три с половиной, составлены в пирамиды и напоминают изда-
ли индейские вигвамы.

Дома, избы серые и черные от времени, с белыми наличниками
окон в два этажа, все чаще. На отмелем берегу видны уже следы людей
и коров, уже чернеют первые вытащенные на берег карбасы, а впе-
реди видна церковь без креста, частота построек, деревянные тротуары,
изгороди, перечеркивающие все это зеленое и серое, глухие длинные
бревенчатые стены складов и домов, виден причал, бот возле прича-
ла, доры, моторки на якорях — все повернутые носом против течения.
А на берегу дикий, громадный, неожиданный здесь крест — покосив-
шийся, поддерживаемый только проволокой, натянутой от земли
к телефонному столбу... (32–33)

³⁰ Цит. по: *Комелина Н. Г.* Смерть на море: к производству сакрального (по мате-
риалам экспедиций на Летний и Зимний берега Белого моря 2012–2014 гг.) // Со-
ловки в литературе и фольклоре (XV–XXI вв.). С. 276.

³¹ *Богданов Е. Ф.* Поморы: Роман в трех книгах. Архангельск, 1982. С. 537.

Если плыть от моря к Койде сейчас, то можно видеть почти такую же картину. Правда, сначала появятся гигантские цистерны для хранения солярки — на ней работает обеспечивающий Койду электричеством движок, затем разрушенные здания фабрики по обработке тюленьих шкур, проржавевшие остовы сейнеров, а потом уже и заколоченные амбары. Некогда богатство и славу Койде доставляла зверобойка, теперь же бить тюленя запрещено, а весь комплекс — от вольеров и клеток до ангаров и цехов — гниет, ржавеет и разваливается. Объединяющий Койду и Майду колхоз «Освобождение» по сравнению с другими, соседними, не может считаться бедным: ему принадлежат два сейнера, один из которых вошел в строй недавно — а совокупная прибыль за 2012 год составила свыше 60 млн. рублей. Однако ряд промыслов ныне заброшен: уже никто промышленно не ловит ни камбалу, ни навагу; раньше в колхозе было свыше сотни коров, сейчас — лишь десяток.

Казакова и Коринца на причале в Койде встретил председатель колхоза (33), через несколько страниц будет названа его фамилия — Воронухин (40, 41, 48, 54, 55). Афанасий Макарович Воронухин был родом из мезенского села Кимжа; воевал, дошел до Берлина. После войны был прислан в Койду «по партийной линии»: сначала работал культорганизатором в избе-читальне, затем около десяти лет был парторгом, а с 1956 по 1967 гг. — председателем колхоза «Освобождение». После выхода на пенсию уехал в Архангельск, где жил и скончался. Точных дат его жизни никто в Койде вспомнить не мог; говорили только, что в 1960 году ему было около сорока лет.

Причал, на который ступил Казаков, сохранился; правда, он уже не используется и находится в полуразрушенном состоянии. Рядом

Поклонные кресты на берегу р. Койда. На среднем видна табличка с погибшего бота «Каганович», найденная на побережье Белого моря недалеко от с. Койда. Фото 1977 г. Колхозный музей с. Койда.

Старый причал и здание рыбкоопа в Койде. Фото 2014 г.

с ним — заколоченное здание рыбкоопа (38), а вот стоявший чуть поодаль, уже упомянутый «сизый покосившийся крест, поддерживаемый проволокой от телефонного столба» (38), ныне заменен другим, хотя остатки старого не убраны и лежат рядом. Напротив креста — дом, где останавливался Казаков.

Этот небольшой по северным меркам одноэтажный дом был построен для двух братьев и сестры и их семей и, соответственно, разделен на три части. Две фасадные части занимали братья, сестре досталась задняя часть, окна которой выходили в противоположную от реки сторону. В этой части и поселился Казаков. «Живу я у старой, высокой, сухопарой женщины. Скотины она не держит и не работает. Раньше работала на почте: зимой и летом, в морозы и дожди носила и возила почту» (35), — и далее повествуется о женщине-почтальоне на Летнем берегу Белого моря, о том, как он хотел написать о ней «грустный, но героический рассказ» (36) и что сейчас «как бы вновь встретился с давней своей героиней...» (37).

Хозяйкой Казакова была Анна Евгеньевна Попова (1907–1990), которая много лет работала почтальоном, ходила по берегу моря пешком (изредка на лошади) из Койды в село Нижа (ок. 40 км), где встречалась

Дом в Койде, где останавливался Юрий Казаков. Вдали виден дом, который он рассматривал в бинокль. Фото 2014 г.

с почтальоном из Долгощелья, с которым обменивалась почтой. По рассказам односельчан, она была мастерица печь пироги и снабжала ими всякий праздник или поминки. «К хозяйке приходят женщины, коротко оглядывают меня и садятся тоже к окну» (37), — это также точная деталь: с Анной Евгеньевной дружила ее соседка Мария Александровна Малыгина, они часто сидели вместе у окна. Сейчас часть дома, где жила Попова, необитаема: дверь закрыта на замок, крыша провалилась, хотя в окна видно, что часть старой обстановки сохранилась. Сохранился и остов дома, который Казаков рассматривал из окна в бинокль (39); правда, сейчас от него остались одни стены, и из окон дома Поповой он не виден — загорожен другим, построенным позднее. Когда-то в нем жила крепкая богатая семья, которую впоследствии раскулачили, а дом отдали бедноте. Этот лиственничный дом ставили на века, однако новые хозяева достаточно быстро довели его до ветхого состояния, и к моменту приезда Казакова в Койду он был почти необитаем: только в одной части жила незамужняя женщина.

Из Койды Казаков и Коринец уезжали на доре до тони Малая Кедовка, откуда грузовик довез их до Майды. «Капитан доры, мальчишка лет восемнадцати, курносый, с круглыми глазами» (67) оказался

А. Е. Попова

единственным персонажем «Северного дневника», живущим ныне в Койде и помнившим Казакова, — это Николай Клавдиевич Малыгин (р. 1942).³² Более того, когда в 1977 году «Северный дневник» был издан полуторамиллионным тиражом «Роман-газетой»,³³ то, будучи подписчиком этого издания, он не только узнал себя, но и оставил на полях своего экземпляра следующую запись: «Это было в 1960 г. 27 июля. Я ходил на доре капитаном и было мне 18 лет».³⁴ Окончив ремесленное училище, Николай Клавдиевич работал в колхозе: плавал на доре капитаном, впоследствии был сварщиком, токарем, жестянщиком, кузнецом, слесарем, делал

лодки и отливал для них винты. На мой вопрос, каким образом он запомнил точную дату отъезда Казакова из Койды, Николай Клавдиевич ответил, что ему памятен следующий день, — 28 июля его дора сторела.

³² Отметим, что Н. К. Малыгин был одним из героев серии о поморах цикла документальных фильмов «Люди воды» (2013).

³³ Казаков Ю. П. Долгие крики: Северный дневник. М., 1977. (Роман-газета. 1977. № 12 (826)). Благодаря огромному тиражу этого издания, распространявшегося по подписке, количество читателей путевых очерков Казакова и их география резко увеличились, однако здесь «Северный дневник» был опубликован со значительными сокращениями.

³⁴ В статье к 80-летию Казакова журнал «Наш современник» сетовал: «Те же люди, чье мнение Ю. Казаков ценил (например, поморы-рыбаки), его книги, как многих других писателей, не читали» (Павлов Ю. История мгновений // Наш современник. 2007. № 8. С. 254). Хочется опровергнуть это тенденциозное и голословное утверждение: «Северный дневник» читали и в Койде, и в Майде — и не только в издании «Роман-газеты». О том, что его читают поморы, знал и сам Казаков (см.: Казаков Ю. П. Вечерний звон. С. 304). Кроме того, Казаков переписывался со своими знакомыми из Лопшеньги, деревни на Летнем берегу Белого моря (см.: Горышин Г. «Сначала было слово»: Воспоминания о Юрии Казакове // Наш современник. 1986. № 12. С. 162); нет сомнений, что они также читали его рассказы и очерки.

Окна дома А. Е. Поповой. В этой части дома останавливался Юрий Казаков. Фото 2014 г.

Между рассказами о Койде и Майде в «Северном дневнике» есть глава, посвященная колхозу «Освобождение», где приведены данные о количестве хозяйств и колхозников, об их заработках, о планах вылова рыбы на 1960 год и распределении полученной прибыли. Интересно сравнить эти планы с реальными цифрами, обнародованными в койденской стенной газете, видимо, начала 1962 года (ее фотография сохранилась в местном клубе); данные приведены в центнерах:

	ПЛАНЫ ПО КАЗАКОВУ	ОТЧЕТ В СТЕНГАЗЕТЕ ³⁵
Сельдь	7000	6996
Тресковые	6800	6472
Навага	650	1872
Камбала	100	не указано
Семга	330	509
Морзверь	3730	1806

³⁵ Нельзя не пройти мимо того факта, что в следующем, уже не юбилейном для колхоза «Освобождение» году, вылов наваги и семги по какой-то причине резко сократился соответственно до 902 и 293 центнеров.

Н. К. Малыгин. Фото начала 1960-х гг.

Значительное расхождение данных в последней строке таблицы удивительно и наводит на мысль об опечатке в тексте «Северного дневника», так как колхоз «Освобождение» и в последующие годы не добывал более двух тысяч центнеров морзверя: по данным другой стенгазеты, в 1963 году его было добыто 1669 центнеров, план на 1964 год — 1660 центнеров. Укажем также на другое расхождение. В первой журнальной публикации «Северного дневника» есть абзац, позднее снятый автором: «Годовой доход колхоза за прошлый год составил 3 917 тысяч рублей. Из этой суммы 500 тысяч дало колхозу сельское хозяйство.³⁶ Кроме всего прочего, колхоз получает ежегодную государственную дотацию на износ орудий лова».³⁷ Согласно данным стенгазеты, колхозная прибыль 1960 года от сельского хозяйства составила 50 900 рублей, что согласуется с данными Казакова; а вот общая прибыль — 686 440 рублей, что значительно больше суммы, указанной в «Северном дневнике». Отметим, что в следующем, 1961 году, она значительно выросла, составив 833 280 рублей — как указано в той же стенгазете. Здесь же приведены цифры колхозных расходов: в 1960 году на строительство было израсходовано 24 700 рублей, на подготовку кадров — 1 863 рубля, на «культурчреждения» — 2 654 рубля, на «детплощадку и прочие» — 1 822 рубля, внесено в кассу взаимопомощи 2 702 рубля.

В «Северном дневнике» читаем: «Остаток в виде чистого дохода составляет 477 тысяч рублей. На эти деньги колхоз разворачивает капитальное строительство, приобретает машины и т. п. За последние годы, например, колхоз приобрел две электростанции, одну мощно-

³⁶ Напомним, что в «Северном дневнике» указаны суммы до денежной реформы 1961 года, когда рубль был денонминирован в 10 раз.

³⁷ Казаков Ю. П. Северный дневник // Знамя. 1961. № 4. С. 144.

Клуб в с. Майда. Фото конца 1970-х гг. Колхозный музей с. Койда.

стью в 49 киловатт (в Койде) и другую в 20 киловатт (в Майде). В Койде построена больница на десять больничных и пять родильных мест и приобретена аппаратура для больницы. Построены, кроме всего, школа и клуб в Майде» (74–75). До появления дизельных электростанций электричество деревням давали ветряки. В 1954 году для Койды был приобретен генератор немецкой фирмы «Buckau-Wolf» (вероятно, трофейный), в 1959 году, незадолго до приезда Казакова, генератор появился и в Майде. В том же году, в январе, в Майде был открыт упомянутый в «Северном дневнике» клуб, немного ранее — школа; при ее строительстве был использован старый сруб военной казармы, стоявшей поодаль от села.

«Редки деревни на Белом море, и каждая резко отлична от другой — расположением своим и народом. <...> Одни больше, другие меньше, погрязнее и почище, повыше домами и пониже... И народ в одних поприветливее, пословоохотливей, в других поравнодушней, как бы попривычней к приезжим» (91), — так начинается в «Северном дневнике» рассказ о приезде в Майду. В этих строках лаконично обозначены различия между двумя соседними селами, бросающиеся в глаза

Улица в с. Майда, по которой шел Юрий Казаков. Вдали справа виден сарай, у которого он встретил П. Е. Буркова. Фото конца 1970-х гг. Колхозный музей с. Койда.

приедем. Если в Койде большинство старых домов двухэтажные, то в Майде такой был только один; улицы в Койде песчаные, в Майде — мощенные деревом; в Койде люди закрытые и скупые на слова, в Майде — радушные и общительные.³⁸ «Мы пошли <...> по улице, по бревнам, и они музыкально, как ксилофон, звучали под нашими шагами, а по сторонам были изгороди, и огороды, и дома, и прекрасный клуб наверху, и радио играло на столбе...» (92) — так описывает Майду Казаков. Деревянные настилы сохранились в этой деревне до сих пор, хотя перестеленные досками; раньше они были широкими — по словам одного из местных жителей, «чтоб четыре девки в ряд помещалось» (или, скорее, чтоб могла проехать телега), сейчас еле можно разойтись и двоим. Изгородей почти не осталось, огородов мало, а упомянутый ранее клуб при нас (июль 2014) разбирали на дрова. Зато сохранился большой колхозный сарай, около которого, по всей

³⁸ Последнее различие осознается и подчеркивается и самими жителями этих деревень (см. об этом: Дранникова Н. В. Локальная идентификация в фольклорно-речевой практике жителей Зимнего берега Белого моря (Мезенский район Архангельской области) // Уч. зап. Петрозаводского гос. ун-та. Серия: Общественные и гуманитарные науки. 2011. № 7 (120). С. 33–34).

И. И. Титов (справа) в кругу семьи; вторая слева в верхнем ряду — его дочь Ликонида Ильинична Титова. Конец 1940-х гг.

видимости, Казаков встретил первого жителя Майды, которого упомянул в своей книге — «заместителя председателя Буркова» (92).

Поликарп Екимович Бурков (1930–2005) стал заместителем председателя колхоза «Освобождение» А. М. Воронухина в 1959 году и занимал эту должность около десяти лет (точнее его должность называлась «заведующий участком»); под старость уехал в Архангельск, где умер и был похоронен. «Увидев нас, Бурков одернул розовую рубашу, выслушал нас, поздоровался, тихо улыбнулся и пошел говорить с кем-то, — пишет Казаков, — и было похоже, что он — молодой — пошел куда-то к отцу посоветоваться, где бы нас поместить...» (92–93). Как можно предположить, Бурков ходил советоваться к своему старшему товарищу, который занимал должность заведующего участком перед ним — Илье Ивановичу Титову.

С ним читатель «Северного дневника» уже познакомился в предыдущей главе книги. Именно он был самым ценным информантом Казакова, именно за ним на тоне Майдица писатель записывал рассказы о походах семги, о хороших и худых ветрах, о тюленях и социалистическом соревновании, именно на его тоне наблюдал за ловлей рыбы и морским закатом. Эти рассказы впоследствии многократно

Тоня Майдица. На переднем плане — остатки старой избушки. Фото 2014 г.

цитировались — и лингвистами, и этнографами, и публицистами; о них прежде всего вспоминают, когда заходит речь о культуре поморов. Можно без преувеличения сказать, что Титов стал одним из наиболее значимых персонажей «Северного дневника».³⁹

«Титов — пожилой, небритый, худощавый, с изможденным лицом, но почему-то довольный — встречает нас у своей тони. А тоня его — маленькая избушка о двух окнах: одно на море, другое вдоль берега, на юг. Рядом с тоней избушка еще меньше, такая, что, кажется, и повернуться в ней негде. И уже подле той избушки стоит, высоко вознесенный, покосившийся восьмиконечный крест, каких множество я видел по берегам Белого моря» (79), — так описывается в «Северном дневнике» тоня Майдица, стоящая рядом с устьем одноименной реки, и ее хозяин. За прошедшие пятьдесят лет многое изменилось: несколько раз меняла русло река, море отошло дальше от избы, но

³⁹ Один из критиков писал: «...мудрый человек, звеньевой Илья Иванович Титов из Майды. Ю. Казаков просто влюблен в него! Ему все интересно в этом человеке. И окружающие его мелочи и привычка пить “пуншик” — водку с горячим чаем. Интересно Казакову и его государственное ощущение нужности своего труда» (Фоменко Л. Мир творимый и мир сущий // Знамя. 1974. № 12. С. 247).

Старая (слева) и новая тonya на Зимнем берегу Белого моря, между сел Койда и Майда.
Фото конца 1970-х гг. *Колхозный музей с. Койда.*

сохранились и переделанный из часовни ледник, и крест — правда, он покосился и потерял две перекладины. Рыбачья же изба теперь другая: в конце 1970-х колхоз обновлял тони, ставил новые, более просторные избы, а старые сносил. От избы, где был Казаков, остался только заросший травой пол и остатки печки. Находилась она метрах в двадцати левее современной избы (если смотреть со стороны моря) и немного дальше ее от берега. По словам старожил, она была рассчитана на шесть рыбаков; вдоль двух стен стояли одноэтажные полаты, тогда как в новых избах полаты уже, как правило, двухэтажные.

Самому Титову в 1960 году было 57 лет; он родился в 1903 году, скончался в 1972-м. Уроженец Майды, он работал продавцом, во время Великой Отечественной войны воевал на карело-финском фронте. После войны был заместителем председателя колхоза, затем заведовал складом; был мастером на все руки: делал грабли, сани, правил косы. Надпись на могильном камне (едва ли не единственная на кладбище в Майде) сообщает, что Титов был коммунист и «ветеран колхозного строительства».

На тоне Титов рыбачил не один, у него была напарница: «...на стол накрывает милая рыбацкая, с грустной, приятной улыбкой слушает

Е. Г. Титов. Фото с надгробного памятника.

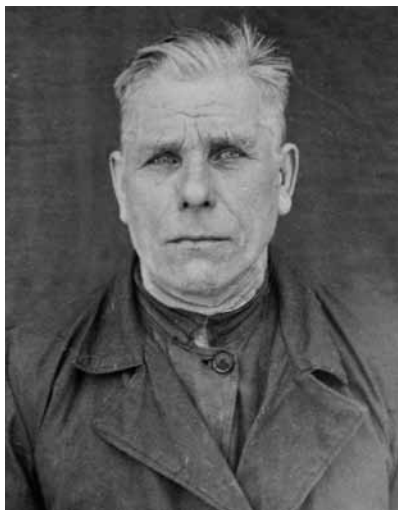
наши вопросы, ходит, прихрамывая, по избе, достает стаканы, режет хлеб, усаживает нас. Зовут ее славно: Пульхерия Еремеевна Котцова» (80). Эта женщина оставила самую добрую память о себе; односельчане ласково звали ее (и сейчас зовут) Полуша. Родилась она в 1917 году (была в Майде единственным человеком этого года рождения); в восьмилетнем возрасте ей перебило ногу упавшей дверью, отчего она всю жизнь хромала. Полуша никогда не была замужем, жила одна, и у нее любили собираться на посиделки майденские девушки. По воспоминаниям односельчан, она была очень

добрая, любила петь и шутить. Умерла в середине 1980-х годов в Мезени: внезапно почувствовала себя плохо, за ней прилетел вертолет и увез в районную больницу, но на следующий день она там скончалась.

Майденские старожилы идентифицировали также неназванного Казаковым эпизодического героя его книги: «...заходит в дом ранний гость, глухонемой с лицом Иванушки-дурачка, с прелестной радостной улыбкой, от которой расплывается у него нос. Жестами, мычанием, лицом, на котором горечь и боль утраты, показывает, как горят и горят леса где-то на юге, и как дым застилает солнце, и как самолеты летают тушить, но неудачно» (89). Здесь описан Евлампий Григорьевич Титов (1923–1972), глухонемой от рождения, которого в деревне звали «нёмушко»; единственный факт его биографии, о котором помнят односельчане — что он утонул в день рыбака. Кроме того, в 1960 году действительно вверх по течению реки Майда, около озера Летнее, случился катастрофический лесной пожар, возникший из-за того, что кто-то из расчищавших лес колхозников оставил без присмотра костер, на котором грел чайник («гарь была как в тумане», — вспоминают старожилы).

Стоит обратить внимание и на еще одну упомянутую Казаковым деталь: у выловленной семги «через час вынут <...> жабры, сделают

на брюхе два «кармана»...» (90) — так шкерят рыбу только в Койде, не целиком разрезая брюхо, а оставляя перемычку около нижних плавников, чтобы сохранить товарный вид. По этой примете и сейчас можно отличить койденскую семгу, которая считается едва ли не лучшей на Белом море: «Семга ловится по всему Белому морю — в Двинской губе, в Мезенской, Кандалакшской и Онежской губе и на Печоре. Самая лучшая, крупная и нежная семга добывается в Мезенской губе и на Печоре» (77).

Е. А. Котцов. Фото 1950-х гг.

В Майде Казаков и Коринец остановились у Евлампия Александровича Котцова. В «Северном дневнике» так описан их первый приход к нему:

Прекрасный это и старый был дом! В нежилой половине его, служащей как бы преддверием повети, сложены были сырые кирпичи и навалены кучи сухого мха и пахло почему-то очень отчетливо сыренью. Мы вошли направо, в кухню, и застали чаепитие в разгаре. При нашем появлении встала с места и хорошо на нас посмотрела женщина средних лет, а в дальнем конце стола сидел высокий прямой старик и тоже смотрел, улыбаясь, как мы снимаем рюкзаки.

Семьдесят лет было ему, как мы потом узнали, семьдесят лет, но на вид и пятидесяти нельзя было дать — такие густые сивые волосы валились ему на лоб, такое красное здоровое лицо было у него и такое веселое и хозяйственность играли постоянно на этом лице!

Повел он рукой, показывая на комнату позади себя, и мы начали переносить вещи туда, а он тут же приказал нести и самовар к нам и вдруг сам вошел — не вошел! — вполз к нам на коленях, и больно было смотреть, как этот красивый старик, мужественный и веселый, ползает, шуршит и постукивает культяпками своими в бахилах. А он, внимательно и вопросительно посмотрев на нас, тут же выполз и скоро вернулся с полной тарелкой квашеной семги и потом ползал

с невероятной быстротой, несмотря на наши протесты, носил стаканы, блюдца, сахар, а женщина — она оказалась падчерицей его — тоже бегала и ставила на стол что-то еще и еще... (93–94).

Евлампия Александровича Котцова и сейчас помнят многие жители Койды и Майды. Подробный рассказ, как он потерял ступни ног, есть в «Северном дневнике»:

— Это событие произошло такое. Сполнилось тогда мне двадцать лет от роду, парень я был крепкий, хороший, сказать тебе, парень. И все делал как следует быть. Пошел я раз на зверобойный промысел Белого моря...

Почувствовав, что опять впадает в торжественность, он⁴⁰ запнулся на миг, улыбнулся и окончательно сменил тон:

— Пошли мы обыдённой... Обыденка, сказать тебе, товарищ, это когда утром уходишь, а вечером домой ворочаешься. И вот ушли мы в море далеко, и пал на ту пору ветер горний. А как пал — зашлось у нас сердце, а потому зашлось, что на гору (на берег) попасть мы не могли никак... Унесло, понимаешь, кругом-то море да льды плавают, и сказать тебе, берега уж не видно. Вот как, милый товарищ. А утром встали, уж земли нашей и совсем след пропал! Находились мы потом, сказать тебе, в тонкой разнилатке...

Разнилатка-то? А это, к примеру, тонкой лед, сантиметра так три. А от берега стали мы по всем нашим расчетам километров за двадцать, не мене. Погоревали мы, погоревали, кушать совсем нечего и стали, понимаешь, домой пробиваться. Стал я на коргу лежать, на брюхе, ноги свесивши наружу и вперед. Корг — это, тебе сказать, будет нос на лодке. Дальше? А дальше так было, что товарищ мой гребет, а я на коргу лежу да ногами лед разламываю.

Этим путем мы трое сутки попадали до берега. Сказать тебе, товарищ, смерть возле нас стояла и глядела на нас, как мы копошимся. А мы все ж копошимся, потому, понимаешь, что ничего иного не остается нам делать. Трое суток ломался я на коргу, разламывая ногами лед и уж боле ничего не понимал, где у меня руки, где ноги, а где голова.

Дальше? <...> Дальше попали мы, попали на гору, но не в деревню, а, сказать в пустое место, в двадцати километрах от деревни нашей к югу. Хорошо! Вытянули мы лодку на берег и пошли пешим порядком в сторону Майды. Идти плохо можем, ноги, понимаешь, чувствуют ненормальность. Отошли так километра три, ну в крайнем случае

⁴⁰ В тексте цитируемой книги здесь опечатка: «но» (ср., например: Знамя. 1961. № 4. С. 154 и др. издания).

четыре, так сказать, избушка. В этой избушке живут люди койдена (из Койды), три человека, их ребята.

Дальше, понимаешь, заворотили мы в эту избушку. Нас приняли. А мы голодные, холодные, пятеро сутки не едали никого. Приняли хорошо, обули, одели, накормили, худо ли, хорошо, по-местному будем говорить — приятно сделали для нас. Вот вы были в Койде-то? Так есть там старичок такой Артемий Васильевич, а его отец был в те поры капитаном. То есть капитан шхуны, или, сказать тебе, лодьи.

Ноги-то мои примерзли к голяшкам (кожаные сапоги). Он раздел голяшки, дал мне пимы. «Я, говорит, пойду за конями, обратно спущу вас». А пошел под вечер, в три часа, приехал назад в двенадцать часов ночи на лошадях. Так... приехали, нас забрали и привезли сюда.

Дальше что получилось... Дальше получилось такое событие, что стали ноги у нас разбалчиваться. А у товарища одна: он на коргу лед не ломал дак. Болят и болят и что ни день, то все сильнее и прямо, понимаешь, ступить нельзя — так болят! А помощи медицинской тогда не было, сторона наша была порато глухая и неизвестная. Дело дошло до того, что сам собой сидеть не мог. Как малого ребенка ложили и поднимали.

Хорошо. Решили везти меня в Мезень и поехали на лошади. Трое сутки ехали, а январь, так и метет, и мороз порато сильный на те поры был. Ну что ж... Привезли меня в Мезень, там в больницу представили. Врачей не было, одни фершала, народ слабый, в медицине мало понимали.

А у меня уж, простите за выражение, на ногах внизу от кости отвалилось. Дальше. Дальше медицина все это сразу отрезала. На одной ноге с пяткой, на другой одну ступню, а пятка целая осталась. Смертельное дело мне приходило, товарищ ты мой! Даже в смертельную камеру выносили не один раз. Не пил, не ел больше недели совершенно ничего. Потом почувствовал полегчение и есть захотел. Лежал больше месяца, пить-есть стал, стал домой проситься. На распутице и привезли меня домой.

Год целый не ходил никуда и не ползал, не мог. А потом стал кое-как помогать отцу. Отец-то неграмотный, темный в деле письма был, а на казенной муке вахтером стоял, продавал, учет вел. Хлеб-то, тебе сказать, у нас всегда привозной, и цена ему золотая.

А потом работать стал по хозяйству, а потом революция. Я в колхозе стал работать, приспособился вот и все могу, только ходить уж не пойдешь, не побежишь. Вот жизнь-то наша северная какая, другой раз и голову загубишь и пропадешь, а ничего, живем, сказать тебе, и стихии наперекор идем! (96–98)

Руины дома в Майде, где останавливался Юрий Казаков. Фото 2014 г.

К этому драматичному рассказу можно добавить только одну характерную деталь: приведшая к ампутации гангрена началась оттого, что его отмороженные ноги вместо спирта растерли горячим тюленьим жиром. После операции Котцову сделали специальные тюни из шкуры серки (молодого тюленя), благодаря которым он не только мог ползать на коленях, но даже очень ловко ходить на лыжах — на рыбалку за несколько километров; иногда вставал на ноги: сохранилась фотография, где он стоит рядом с И. И. Титовым. До войны Евлампий Александрович возил на лошади почту (племянница вспоминает, как он изредка брал ее с собой), во время войны руководил бригадой женщин-зверобоев, добывавших тюленя на острове Моржовец. После войны работал приемщиком семги на рыбпункте, причем отличался непомерной строгостью: тщательно проверял вес привозимой с тоней рыбы и нещадно ее отбраковывал. Женат Котцов был на своей однофамилице Александре Степановне. Когда ее муж умер от испанки вскоре после советско-финской войны, Евлампий Александрович перешел жить к ней в дом, где спустя двадцать лет и останавливался Казаков. Этот дом строился для двух братьев и был разделен на две

половины; Котцов занимал левую, дальнюю от реки. Сейчас от дома остались лишь руины, но по ним и по рассказам старожилов можно представить его архитектуру. Первый этаж был нежилой, его занимали сарай и хлев, на втором было всего две жилые комнаты; никакой светелки («вышки») не было, зато был широкий съезд, сохранившийся до сих пор.

После того, как в 1958 году жена Котцова скончалась, ее дочь от первого брака Екатерина Федоровна Титова (1914–1995) вместе с четырьмя детьми перешла жить к отчиму, поскольку давно была вдовой (ее муж Семен Иванович погиб на войне), а мужнин дом обветшал. Это она «хорошо посмотрела» на Казакова и его спутника, это она «тоже бегала и ставила на стол что-то еще и еще».

С Евлампием Александровичем Котцовым связан еще один эпизод «Северного дневника»:

Е. Ф. Титова

Пришла к нам жаловаться женщина и поставила нас в тупик. Многодетная мать, она хотела накопить сена для себя, не дожидаясь окончания колхозных покосов, так как двое или трое детей ее работали на пожнях, косили для колхоза, а колхоз все равно, справившись со своими делами, разрешал потом всем косить для себя. Правда человеческая была вроде на ее стороне, и мы уже хотели было поговорить с заместителем председателя, но тут не вытерпел Котцов. <...>

Во всей речи его колхоз выставлялся на первое место. Он ругал эту женщину, но ругал мягко, он убеждал и доказывал, и приводил примеры, и пускался в экономические подсчеты. Весь он раскраснелся, не выдержал, сполз со стула и стал перебегать на коленках по кухне, волосы свалились ему на лоб, и вся картина была тем более интересна, что женщина не просто слушала его и соглашалась — нет, она спорила и тоже очень здраво, но только в ее доводах перевешивала сторуна личная, человеческая, а в его — государственная, колхозная.

А какая осведомленность во всем, как быстро и уместно напомнил он ей о всех ее достоинствах, об овцах и корове и о сыновьях, работающих в Атлантике и прекрасно зарабатывающих, и как очевидно становилось и нам и ей, что живет она хорошо, а сейчас просто поторопилась, пожадничала... (94–95)

По мнению старожилов Майды, здесь упомянута Агриппина Владимировна Титова (1912–2000-е), мать одиннадцати детей, один из сыновей которой, Георгий, плавал в Атлантике. Напомним, что, по сведениям Казакова, «рыбаки, занятые в Северной Атлантике и Баренцевом море, получают за сезон — с ноября по июль — от 25 до 30 тысяч рублей на СРТ и по 8–9 тысяч — на сейнерах» (74); позднее он вспоминал: «Люди здесь жили крепко. <...> Большинство наших колхозников в 50-х годах получали трудодни. А тут — деньги, и хорошие деньги». ⁴¹ Отметим также, что сейнера «Освобождения» начали ловить рыбу в Атлантике только в 1958 году.

Евлампий Александрович Котцов скончался в 1969 или 1970 году — разные люди называли разные даты. Умер же он не от старости: в жаркий день вспотел на рыбалке, а придя домой, выпил холодной воды...

В предпоследней главе «Северного дневника» рассказывается о поездке в тундру, к ненцам. Там Казаков подробно и красочно описывает нескольких оленеводов:

Аркадий Вылко не похож на ненца. Длинно и смугло-матово у него лицо, широки глаза, длинные и мохнаты опущенные ресницы. Нос его высок, с горбинкой, и редки белесые сквозящие усы и борода. В своем головном уборе, напоминающем красноармейский шлем, только гладкий, с отверстием для лица и надетом от комаров, похож он на бедуина, на индейца. И сидит, чуть улыбаясь, вольно и покойно, и покуривает, смотря в землю, и молчит, будто знает что-то возвышающее его надо всеми.

А Петр Вылко — брат его — крепко сбит, низок и слегка кривоног. Стремителен и хищен он в движениях, резок и горяч и весь будто налит черной огненной кровью, опален и прокопчен. Голос его громок, и слышны в нем звериные нотки <...>.

Сидят возле нарты или встают за чем-нибудь еще двое, столь же резко очерченные, такие отдельные и не похожие ни на кого в мире: Алексей Назаров и Николай Горбунов. Один — пожилой, с поднятыми

⁴¹ Казаков Ю. П. Вечерний звон. С. 242.

Петр Вылко

Аркадий Вылко

Алексей Назаров

вверх внешними углами глаз, с кустистой бородкой, разговорчивый, смеющийся и любопытный. Другой молод и крепко попирает землю, налит чугунной силой, белозуб и, наверное, особенно лаком, особенно вкусно пахнет — комары облепляют его пушке всех, но он не замечает их (104–105).

Братьев Аркадия Александровича (1929–1998) и Петра Александровича (1932–1997) Вылко давно уже нет в живых, а их семьи осели в Койде и больше не пасут оленей и не кочуют.

* * *

В финале «Северного дневника» Казаков так говорит о своих героях: «Жизнь их не прошла с моим отъездом, она идет, неведомая в эту минуту мне, и когда они уходят к себе, мои тихие герои, я знаю: они уходят работать, уходят трудами рук своих и напряжением душ творить и приближать наше великое будущее. <...> Я хочу снова попасть туда. Потому что Север только начинает жить, его пора только настает. И мы застанем эту пору, при нас она грянет и процветет со всей силой, доступной нашей эпохе» (117).

Сейчас, спустя более полувека, эти слова кажутся наивными. Но влюбленный в Север Казаков верил в то, о чем писал. И эта вера позволила ему создать книгу, которая и сейчас находит отклик, будоражит воображение, манит в дальние странствия — пусть почти все им описанное уже отошло и стало историей. Прошлое еще живо, оно сопротивляется напору времени, хотя эта борьба и выглядит безнадежной. Люди покидают Север, берега Белого моря неотвратимо пустеют. Но лишившись человека, природа очищается от искусственного, наносного, обретает то безмолвное величие, которое было до нас и останется после нас.

РЕАЛЬНОСТЬ И ЛИТЕРАТУРА В РАССКАЗЕ ЮРИЯ КАЗАКОВА «НЕСТОР И КИР»*

Рассказ «Нестор и Кир» — один из ключевых для творчества Юрия Казакова. Практически не имеющий фабулы, он далеко отстоит от жанра рассказа, примыкая к путевым очеркам, из которых Казаков впоследствии составил свою знаменитую книгу «Северный дневник» (М., 1973). В структуре этой книги «Нестор и Кир» занимает важнейшее место. Открывающий сборник большой одноименный очерк — это во многом рассказ о торжестве колхозного строительства у поморов, заканчивающийся оптимистичными предсказаниями о дальнейшем развитии этого далекого края.¹ Написанный позднее «Нестор и Кир» представляет собой по сути антитезис «Северному дневнику». В нем устами главного героя Казаков рассказывает о разрушении и гибели традиционного поморского уклада и о том, какой вред ему нанесли и наносят колхозы.

Напомним вкратце сюжет «Нестора и Кира».

Некий рассказчик, в котором угадывается сам Казаков, после долгих скитаний по берегам Белого моря приходит в старинное поморское село Кега.² Там он останавливается в доме крепкого, хозяй-

* Впервые: Новый мир. 2021. №7; для настоящего издания статья дополнена и исправлена.

¹ См. стр. 314–342 наст. книги.

² Разумеется, к реальному урочищу Кега, расположенному на берегу Онежского полуострова Белого моря, село из рассказа не имеет никакого отношения. В Кеге

ственного мужика Нестора, у которого есть молодой, но умственно отсталый сын Кир. Некогда семью Нестора раскулачили, отца отправили на Соловки, а мастерскую по производству печуры (точильного камня) реквизировали. Но и сейчас Нестор при помощи своего сына добывает печуру, обрабатывает и продает в Архангельск:

Дом у него крепок, бревна от старости стали как слоновая кость, есть корова, есть овцы, и вся одежда в семье добротна, прочна и чиста. Он не пьет, зарабатывает много, никому копейки не уступит, никого не подпускает к печуре, сам разведает, сам вызнал места, где можно легко ее брать. Привозит он ее с Киrom, всегда ночью — эти громадные серые плиты спрессованного песчаника, сам выбрал себе место возле амбаров и мостков, там у него мастерская, там он с Киrom тыкает, крошит эти плиты и выкалывает из них удивительно круглые точила и жернова, сам следит, как грузят его продукцию на пришедший из Архангельска мотобот, сам все помнит, вечером надевает очки, обкладывается папками, где у него подшиты всевозможные накладные, квитанции, расписки капитанов с печатями и штампами. Сын его — идиот, будто в насмешку названный таким звучным сильным именем, — в полном, в рабском, я бы сказал, его подчинении.

Колхоз с ним ничего поделать не может, потому что как колхозник он тоже работает по несколько месяцев в году — сидит, как и все, на тоне с сыном, ловит и сдает семгу — и там его не обманешь, не обвесишь, и там прекрасно разбирается он в планах, наценках, сортах...³

Рассказчик вместе с героями едет на тоню — место, где ловят сёмгу, — и живет там. Он наблюдает за тем, как достают из сетей и обрабатывают рыбу, за тем, как охотится Кир, «крепкий, смугло-румяный, дитя природы», который «добр, весел, общителен, но — дикий, дурачок...» (2, 107). Смысловое ядро рассказа составляют воспоминания Нестора о старом житье и его критические оценки современной, кол-

Казаков побывал в 1956 году во время своей первой поездки на Север. Впечатления от посещения находящегося недалеко от Кеги острова Жижгин легли в основу рассказа «На острове» (опубл.: Казаков Ю. П. Манька: Рассказы. Архангельск, 1958. С. 76–89). На этом острове располагалась фабрика по производству агара из морских водорослей, где вахтовым методом работали спецпереселенцы, жившие в близлежащих селах.

³ Казаков Ю. П. Соловецкие мечтания. М., 2009. С. 97–98. (Собр. соч. Т. 2). В дальнейшем ссылки на это издание будут даваться в скобках в тексте с указанием тома и страницы.

хозной жизни. Именно они послужили причиной редакторских и цензурных придинок к рассказу; именно о них неодобрительно отзывались критики, отмечая неспособность рассказчика всерьез возразить своему герою.⁴

Из первой своей поездки на Белое море Казаков привез самые светлые впечатления от жизни поморов и тамошнего бытового уклада, что отразилось в рассказах «Никишкины тайны», «Манька», «Поморка», отчасти «На острове». Спустя два года писатель ехал в Архангельск со столь же романтическими настроениями. «“Октябрь” мне дает командировку на Север и я еду, хоть одному ехать не хочется, — писал он К. Г. Паустовскому 20 августа 1958 года. — ...Хочу поехать на Белое море в поморскую деревню, забраться на тоню к рыбакам и пожить с ними недели две-три, поглядеть попристальнее на их житье-бытье и, может быть, самому поработать с ними, половить рыбу?» (3, 335–336)

В начале сентября Казаков приехал в большое село Нижняя Золотица на Зимнем берегу Белого моря, где прожил почти двадцать дней. В прошлые годы это некогда богатое село славилось как центр эпического сказительства, а в советское время — как один из центров зверобойного промысла. К тому же оно располагалось в очень красивом месте: на берегу реки Золотица, недалеко от Белого моря, по бокам огражденное высокими берегами. Оттуда открывался великолепный вид на море, устье реки и само село, застроенное большими старинными домами.

⁴ Ср., к примеру отзывы разных лет: «Не хватает спора с Нестором, “оппонента” Нестору (я имею в виду, конечно, “оппонента” в художественном смысле, потому и беру это слово в кавычки). Рассказчик чувствует себя как-то неуверенно перед яростными обличениями, выдвигаемыми Нестором. Писатель взволнован и в чем-то уязвлен, задним числом придумывает возражения, и у него это плохо получается» (*Левин Ф.* Спор с Нестором // *Вопросы литературы.* 1965. № 11. С. 42); «Почему захотел Ю. Казаков взглянуть в фигуру прижимистого, страшноватого кулачка? Очевидно, из свойственного писателю стремления разобраться в любой душе, пусть самой трудной, пусть далекой и чуждой. Напечатанный в свое время отдельно, очерк этот вызвал серьезные возражения критики, отметившей в нем неясности выводов, которые можно было истолковать как известную апологетику “крепкого мужичка”. Для отдельного издания писатель внес в текст ряд, на мой взгляд, полезных изменений, хотя, быть может, и теперь ему стоило выразить свое отношение к подобному типу людей “открытым текстом”» (*Ревич В.* От Онеги до Печоры: Ю. Казаков. Северный дневник. М., «Советская Россия», 1973 // *Литературное обозрение.* 1974. №1. С. 37).

Однако из этой поездки Казаков вывез впечатления совсем иного рода, чем из путешествия по Летнему берегу. Ими он делился в письме к своей возлюбленной, поэтессе Тамаре Жирмунской, написанном сразу по возвращении в Архангельск, 26 сентября 1958 года:

Поездка моя оказалась совсем не тем, что я воображал себе. Т. е. к ужасу своему я понял, что или я прав, а весь мир не прав, или я не прав, или я совсем не туда забрался. Если все писать, как я чувствовал здесь, то это гроб, а по-другому писать, т. е. не то, а *как надо* — тоже гроб.

Я, м. б., покажу тебе дневник, я тут от скуки плел чего-то, ты увидишь, что я совсем зарыпался и того, что мне нужно бы, я не увидел, проглядел что ли, а всякие *ощущения* — это все эфемерно и, м. б., неверно. С чем я приду к Панферову! Наверное, мне надо бы съездить на Кубань или еще куда, где люди получают ордена за урожай и живут, вероятно, по-иному, чем здесь. Здесь же умирание, хуже, чем было, если верить, скажем, Пришвину и прочим. Я не могу тебе писать всего, что я тут увидел и подумал и пр. — я тебе говорил уже, прочитай «Колобок» Пришвина, сделай поправку на сегодня, т. е. преобразуй деревни в колхозы и т. п. и вот тебе точная картина жизни теперешних поморов, а мысли и ощущения Пришвина — мои мысли и ощущения!⁵

Сравним с этим письмом фрагмент дневника, который хотел показать своей корреспондентке Казаков:

Что застал здесь Пришвин — уже смерть, уже умирание, овечья дымкой поэзии старых традиций, старых патриархальных отношений. Еще была жизнь в смысле творческом, т. к. каждый был представлен себе и должен был что-то делать (и часто не совсем заурядное), чтобы жить богато и счастливо. Была еще предприимчивость, была поэзия выгодного, иногда опасного труда. Сейчас не то совсем, а все хуже. Не знаю, вряд ли я ошибусь, если скажу, что в творческом отношении теперешний северный народ, теперешние поморы — мертвы. Дело в том, что каждый в отдельности лишен перспектив обогащения чрезвычайного, а поэтому во всем проглядывает некоторая лень, летаргия. <...> Я живу в деревне, говорю с рыбаками и от многих слышал, что раньше было лучше, деревня была больше. И ни-

⁵ Цит. по: Кузьмичев И. С. Жизнь Юрия Казакова: Документальное повествование. СПб., 2012. С. 328–329; писатель Федор Иванович Парфенов был главным редактором журнала «Октябрь».

кто не говорит о планах и соревнованиях, никто особенно не перенапрягается. Жизнь поморская совсем теперь не та, что была когда-то (3, 298–299).

Мы не знаем, чем отчитался перед журналом «Октябрь» о своей поездке Казаков,⁶ но рассказ, основанный на беломорских впечатлениях 1958 года, он написал только три года спустя. Как, вероятно, подозревал и сам писатель, к его тематике и его настроению в московских журналах отнеслись скептически. «Нестора и Кира» — это я такую бадягу написал еще в прошлом году — отодвинули в “Москве” еще на два месяца»,⁷ — жаловался он Виктору Конецкому в письме от 29 марта 1963 года. В итоге рассказ был напечатан лишь в 1965 году в алма-атинском журнале «Простор» (№4), в знаменитом номере, где вслед за ним была помещена подборка неопубликованных стихотворений Мандельштама 1930-х годов с предисловием Ильи Эренбурга. «Эту главку (Нестор и Кир) я <...> предлагал многим журналам, но ни один не взялся напечатать, — писал Казаков редактору «Простора» И. П. Шухову. — Можете поэтому представить мою радость, когда я увидел эту штуку, хоть и с купюрами, напечатанной».⁸

Даже вдалеке от столиц «Нестор и Кир» вызвал придирки цензуры. Хотя сообщения биографов и комментаторов Казакова, что рассказ был опубликован с «купюрами и жесткой редакторской правкой»,⁹ и следует считать преувеличением, но один важный фрагмент — критика главным героем колхозов — был из него выброшен. При последующих перепечатках «Нестор и Кир» сокращался все больше и больше, и к началу 1980-х годов линия Нестора сжалась до минимума: версия рассказа в последнем авторизованном сборнике Казакова «Во сне ты горько плакал» (М., 1977) меньше версии «Простора» почти на 750 слов. Полный текст рассказа дошел до печатного станка лишь в 1990 году.¹⁰

⁶ Вероятно, это был рассказ «Трали-вали» (Октябрь. 1959. №7), по требованию редакции журнала названный «Отщепенец» (см.: 3, 340).

⁷ Цит. по: Кузьмичев И. С. Жизнь Юрия Казакова. С. 361.

⁸ Цит. по: «Жили, собственно, Россией...»: Из наследия Юрия Казакова / Публ., подгот. текста, предисловие и примеч. Т. Судник и И. Кузьмичева // Новый мир. 1990. №7. С. 114.

⁹ Кузьмичев И. С. Жизнь Юрия Казакова. С. 137; ср.: «Жили, собственно, Россией...». С. 114.

¹⁰ Новый мир. 1990. №7. С. 115–132.

В. Д. Пахолов

Когда в 1995 году был опубликован беломорский дневник Казакова,¹¹ стало известно, что прототипом Нестора послужил житель села Нижняя Золотица Василий Дмитриевич Пахолов. О нем писатель вспоминал и в других своих «беломорских» текстах. Так, в самом начале «Северного дневника» (1960) помещен рассказ Пахолова о том, «как промышлял он на Мурмане в тридцатых годах» (2, 12), хотя по имени рассказчик не был назван.¹² Далее Казаков вспоминает свой приезд в Нижнюю Золотицу и знакомство с хозяином: «Вот и дом Пахолова.

Провожатый мой торопливо ушел, видимо спешил на причал встречать кого-то, а я постучал, меня впустили в сени и оттуда — в озаренную лампой кухню. На столе на подносе шумел самовар, красные угли сыпались из-под решетки. Начались расспросы: “Кто? Откуда? Зачем?”, начались покрикивания: “Живи, живи! Места хватит! Вон тебе комната, вон и печка!”» (2, 40). Позднее Пахолов стал одним из героев документального очерка «Какие же мы посторонние?» (1966): в его доме снова остановился Казаков со своими коллегами-журналистами, и там он снова назван по имени. Однако, если здесь Василий Дмитриевич предстает как радушный хозяин, то и в письмах Казакова, и в беломорском дневнике, и в «Несторе и Кире» он описан совершенно иначе: заселение в его дом приезжего воспринимается им как неприятная, но неизбежная колхозная повинность.

В очерках Пахолов появляется эпизодически, и нам ничего не рассказывается о его судьбе. Иначе в «Несторе и Кире», где прототип

¹¹ Казаков Ю. П. «Зачем я здесь?»: Путевой беломорский дневник 1958 года / Публ. Т. М. Судник; Вступ. заметка и примеч. И. С. Кузьмичева // Звезда. 1995. № 12. С. 124–136.

¹² Ср. в беломорском дневнике: «Вечером за чаем старик-хозяин (Пахолов Василий Дмитриевич) рассказывал мне о промыслах на Мурмане» (3, 282; запись от 7 сентября 1958 г.), далее следует рассказ, почти дословно перенесенный в «Северный дневник».

Пахолова является центральным персонажем и по своей роли вынужден поведать о себе рассказчику:

...в двадцать пятом годе развели мы с батей этот самый камень, эту печуру, лежала она в горах, никому не нада была, а мы скумекали. Теперь гляди: стали мы помаленьку работать, запряглись не хуже той лошади, батя да я, да брат двоюродный, поработали мы год, другой, видим, печура идет, сбыт, значит, свой находит. Вот батя и говорит: давай, говорит, воду приспособим, как вроде мельницы. Там в горах есть ручей, начали мы таскать каменья, запруду сделали, все честь по чести, колесо изготовили с лопастьями. Не пивши, не евши — это тебе как? И завертелась это у нас механика! На месте все и точили, на берег выкатали по доскам, складали — это тебе и есть наша русская сметка! Как бот придет из Архангельска, мы сейчас карбаса нагружаем и на него! Понял? Такое дело начали, со всей России заказы пошли... <...>

— Где же теперь эта мастерская? — спросил я после молчания.

— Где! А вот где: пришла раскулачка, батю на Соловки забрали, очень он яростный был. Меня в колхоз забрали, мастерскую нашу туда же, а на кой она кому нада? <...> Я в этом колхозе не работал никогда, как поглядел, когда батю моего брали, <...> я и подался по экспедициям. То на судне гидрографическом плавал, то с геологами <...>. Вот так и жил, смотреть не мог, что с деревней сделали! (2, 105–106).

Мы со всем светом торговлю вели. У нас тут всяких ваших министров не было, а было так: захотел в Норвегию — дуй в Норвегию, захотел в Англию — дуй в Англию. Ты думаешь, я уж темный такой, да? А я, сказать тебе, в Норвегии два года жил до революции, делу обучался, так? Я все произошел, шхуны строил! (2, 112)

Как ни покажется удивительным, у нас есть возможность сопоставить этот рассказ с реальной историей семьи Василия Дмитриевича Пахолова. В родовом доме в Нижней Золотице, где останавливался Казаков, до сих пор живет его внук, у которого хранится часть фамильных документов и фотографий; еще живы соседи, помнившие Пахолова и охотно рассказывающие о нем. Кроме того, в Государственном архиве Архангельской области отложились документы о гонениях, которым в 1920–1930-х годах подверглось большое семейство Пахоловых. С одной стороны, эти документы типичны для того времени, когда новая власть разрушала крепкие поморские династии, лишая крова и ссылая на лесоповал или отбывать иную трудовую повинность. С другой, в них отразилось удивительное че-

Дома Якова (слева) и Василия Пахоловых в Нижней Золотице. Фото 2018 г.

ловеческое достоинство: люди не складывали бессильно руки, а боролись за свое право жить и работать там, где жили и работали их предки — и порой побеждали в этой борьбе, хотя не без неизбежных потерь.

По данным домово́й книги 1920-х годов, до сих пор хранящейся в сельсовете Золотицкого сельского поселения,¹³ в те годы семья Пахоловых состояла из семи человек. Главой ее был Дмитрий Степанович (р. 25 октября 1858 г.), вместе с которым проживали жена Манефа Поликарповна (р. 13 ноября 1868 г.) и дети: Яков (р. 22 ноября 1906 г.), Прасковья (р. 25 сентября 1908 г.) и Василий (р. 11 или 12 марта 1895 г.) со своей женой Еленой Федоровной (р. 20 мая 1891 г.) и дочерью Ириной (р. 4 мая 1923 г.); немного позднее к ним прибавится еще одна дочь Василия — Зинаида (р. 10 декабря 1930 г.).

Согласно архивной справке, составленной в конце 1920-х годов, по социальному происхождению Дмитрий Степанович был «кулаком», на момент составления справки — «кулаком лишенцем». Он владел кустарной мастерской по изготовлению точил и занимался

¹³ Это поселение состоит из двух сел, стоящих на реке Золотица: Нижняя Золотица на берегу Белого моря, в устье реки, и Верхняя Золотица, на несколько километров выше по реке. Иногда эти села объединяют общим названием Зимняя Золотица (в отличие от села Летняя Золотица, расположенного на Летнем берегу Белого моря).

сельским хозяйством.¹⁴ Хозяйство его состояло из земли пахотной — 0,03 га, сенокосной — 3,09 га, двух лошадей, двух коров, и одной овцы. Также у семьи было два дома — один, который впоследствии стал принадлежать Якову Дмитриевичу, со двором, 1890 года постройки; другой, соседний, без двора, заложенный в 1910 году, но достроенный лишь в 1920-х годах, отошел позднее Василию Дмитриевичу.¹⁵ При хозяйстве имелись амбар, сарай, два скотных сарая, а также два карбаса, парусная ела, невод, тайник и сети. В этой же справке был важный пункт, согласно которому Дмитрий Степанович раньше пользовался наемным трудом (л. 5 об.). Эта короткая запись и стала причиной последующих бед семьи.

Уже в Конституции РСФСР 1918 года присутствовала статья, определявшая категории граждан, которые не могут избирать и быть избранными. Первым пунктом в ней назывались «лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли»,¹⁶ то же мы видим и в Конституции 1925 года.¹⁷ Как отмечала исследовательница, поскольку в основном законе фиксировалось «состояние, занятие человека в настоящем времени, логично было бы предположить, что прекращение деятельности, связанной с попаданием в число лишенцев, должно было вести и к изменению правового статуса. Впоследствии в избирательном законодательстве и тем более на практике, ситуация была неоднозначной, многократно менялась, и зависела от политической конъюнктуры».¹⁸ Поэтому во второй половине 1920-х годов, в основном перед выборами в местные органы власти, выпускались подзаконные акты, уточняющие положения основного закона. В них то смягчались, то ужесточались условия, по которым те или иные категории становились «лишенцами». Так, в инструкции о выборах городских и сельских советов от 13 октября 1925 года допускалось восстановление в избирательных правах

¹⁴ ГААО, ф. 4850, оп. 1, № 2а, л. 5; далее ссылки на эту единицу хранения даются в тексте с указанием в скобках номера листа.

¹⁵ Годы постройки домов указаны в упомянутой выше домово́й книге.

¹⁶ Конституции и конституционные акты РСФСР / Сб. документов под общ. ред. А. Я. Вышинского. М., 1940. С. 29.

¹⁷ См.: Там же. С. 169.

¹⁸ Саламатова М. С. Институт лишения избирательных прав в Советской России: От Конституции 1918 года к Конституции 1936 года // Историко-правовые проблемы. Новый ракурс. 2018. №3. С. 125.

крестьян или ремесленников, использовавших наемный труд одного взрослого или двух учеников.¹⁹ Но уже спустя год, 4 ноября 1926 года, была принята гораздо более жесткая инструкция, которая лишала избирательных прав не только людей, использующих наемный труд сейчас, но и тех, кто использовал его раньше вне зависимости от срока давности.²⁰

Видимо, именно по этой инструкции права голоса был лишен в 1926 году отец Пахолов, а в следующем году — оба его сына.

Нужно сделать важное уточнение: «лишенцы» не только не могли участвовать в голосовании при выборах местных или иных властей, а фактически ставились вне закона, и для расправы с ними местным органам власти давались самые широкие полномочия. Так, в сельской местности задолго до коллективизации и раскулачивания их могли лишить всего имущества, выгнать из жилья и фактически лишить средств к существованию. Впрочем, из документов неясно, к каким конкретным последствиям для Пахоловых привел их перевод в категорию «лишенцев».

Однако в самом начале 1929 года в местные партийные организации и избирательные комиссии были разосланы письма, осуждающие перегибы при лишении избирательных прав определенных категорий граждан. В частности, указывалось на недопустимость в борьбе с кулаками допускать перегибы по отношению к середнякам, которых рекомендовалось активно привлекать к участию в предстоящих выборах.²¹ Видимо, Пахоловы решили воспользоваться этим обстоятельством, направив 10 февраля в Золотицкую сельскую избирательную комиссию следующее заявление, подписанное Василием Дмитриевичем:

Настоящим прошу с/избирательную комиссию З<имне>-Золотицкого с/совета рассмотреть мое заявление следующего содержания: мы, г<ражда>не д. Н<ижняя>-Золотица Пахоловы Василий Дмитриевич и Яков Дмитриевич, имея на своем обеспечении семейство 4 че-

¹⁹ См.: Там же. С. 130, а также: *Валуев Д. В.* Лишенцы в системе социальных отношений (1918–1936) (на материале Смоленской губернии и Западной области). Смоленск, 2012. С. 30.

²⁰ См.: Там же. С. 133.

²¹ См. подробнее: *Валуев Д. В.* Лишенцы в системе социальных отношений (1918–1936). С. 46–47.

ловека, из которых лишены в правах г<ражда>нина 3 человека, означенное семейство состоит на обеспечении нас, а некак<sic!> на обеспечении нашего отца. Основным нашим занятием как до февральской революции, так и в настоящий момент являются промыслы при своем сельском хозяйстве, где вам как местным гражданам известно, что не применяли чужой рабочей силы как в сельском х<озийст>ве, также и при промыслах. Хозяйство наше ведется совместно с отцом, но доход, полученный отцом, не является для нас обеспечением, хотя бы и частичным, но ввиду его старости и нетрудоспособности идет на обеспечение его одного, а почему и не имея мы два брата никаких нетрудовых доходов имея на обеспечении лишенное в правах семейство 3 челов<ека> просим вас с/избирательную комиссию восстановить в правах г<ражда>нина так как мы за исключением отца вся семья не были лишены, а имели равные права со всеми г<ражда>нами. А почему и еще раз прошу вас восстановить нас<sic!> в правах, считая как трудовых элементов, не занимающихся эксплуатацией чужого труда, но если же с/избирком считает нетрудовым доход отца и участником меня в последнем, так нам в силу необходимости придется размельчить свое сельское х<озийст>во и жить ничуть не зависимо друг от друга (л. 35–35 об.).

Местный избирком отнесся к заявлению братьев благосклонно и на заседании 20 февраля вынес следующую резолюцию: «Т. к. Пахоловы эксплуатацией чужого труда не занимаются и от своего отца Пахолова Дм. Ст. имеют независимый заработок для существования, <...> в избирательных правах восстановить всю семью за исключением Пахолова Дм. Ст., <так> как человек занимался раньше эксплуатацией чужого труда» (л. 31–31 об.). Однако когда эти бумаги были отправлены вверх, началась обычная бюрократическая канитель. 25 апреля дело было отослано на новое рассмотрение с просьбой приложить также решение сельсовета (л. 34), а 1 сентября — поступило требование приложить «заклучения более мотивированные» (л. 32). Уже 3 сентября состоялся пленум Золотицкого сельсовета, подтвердивший решение избиркома (л. 33); последний, тем не менее, отказал в восстановлении в правах главе семейства. Спустя некоторое время Дмитрий Степанович решил сам бороться за свои права, отправив в соответствующие инстанции два заявления. Оба написаны чужой рукой, Пахолову принадлежит только подпись. Первое датировано 4 ноября и отправлено в Золотицкий сельсовет:

Я лишен права голоса с 1926 года по неизвестным для меня причинам. Я отроду имею 74 года, всю жизнь свою в молодых летах ходил по наймам в матросах, потом, когда семейство свое подрастил и сам стал в преклонных летах, стал заниматься в своем хозяйстве промыслами: ловлей семги без наемной силы и вообще к наемному труду никогда не прибегал. В 1923 году я взял в аренду в Зимних горах 3 версты в длину и 40 сажен в гору горы, в которой находятся залежи точильного камня, и контракт заключен мною <...> за плату 13 руб. в год. Потом поставил плотину для заточки точил и занимаюсь этим делом исключительно своими силами. И оборудование построенное исключительно своими силами и собственными руками. <...> Выработанный точильный камень сдаю госучреждениям. И я за всю свою жизнь торговлей и другими неправильными путями, т. е. эксплуатацией, не занимался, и в силу этого прошу восстановить меня в правах голоса. В просимом прошу не отказать мне (л. 26–26 об.).

Второе заявление не датировано, но нет сомнений, что оно относится к тому же времени. Его адресатом была Комиссия по рассмотрению социальной раскладки при Золотицком избиркоме:

Настоящим прошу восстановить меня в права<х> гражданства и дать мне право голоса, т. к. наложенное на меня лишенство не считаю правильным по нижеследующему, торговцем я никогда не был, постоянным эксплуататором тоже не был, напротив, лично я сам был отдан в услужение с 9 лет и находился в эксплуатации до 45 лет. Из чего видно, что вся моя молодость и зрелые силы отданы были на службе богатым. Причиной лишения послужили личные счета некоторых г<ражда>н по ненависти ко мне, будто бы я эксплуатировал гребцов на гребном карбасе при выезде на пароходы, что не совсем правильно, были случаи приглашал гребцов, когда мой старший сын мобилизован на государственную службу, и я не мог иначе заработать себе грош на пропитание, и это не дает повода к лишению, и кроме того лишенство доводит меня 75-летнего старика и семью к отчаянной голодовке (л. 28–28 об.).

Никакой официальной реакции на эти письма в архивных бумагах не зафиксировано, но бюрократическая канитель продолжалась. 20 декабря состоялось еще одно заседание Золотицкого сельсовета, рассмотревшее заявление братьев Василия и Якова и принявшее следующую резолюцию: «Пахоловы лишены в 1927 г. В довоенное время в хозяйстве применяли частичный наемный труд. Со дня со-

В. Д. Пахолов с женой и дочерью Зинаидой

ветской власти живут промыслами от своего труда. Хозяйство считать середняцким. Яков участвует во всей общественной работе, а Василий к мероприятиям соввласти никакой не проявил лояльности. В правах восстановить» (л. 30). Но власти предрежащие опять не утвердили это решение. Кто-то из начальников написал поперек резолюции: «Не указано, сколько времени применяли наемный труд и в каком размере и где».

Вероятно, после этого братья поняли: для того, чтобы их восстановили в правах, они должны отказаться от отца, размежеваться с ним. 6 февраля Василий и Яков направляют в сельсовет заявление «о производстве имущественного раздела с нашим отцом Пахоловым Дмитрием Степ<ановичем>» (л. 25). Совершив раздел, они 18 февраля втроем с сестрой пишут в Комиссию по восстановлению в избирательных правах при Золотицком сельсовете новое, которое уже по счету заявление с той же самой просьбой, на обороте которого — 58 подписей односельчан, поддержавших ее (л. 27).

Все шло к тому, чтобы всем троим младшим Пахоловым вернули избирательные права, но в начале 1930 года началась принудительная

коллективизация, фактически уничтожившая веками складывавшийся поморский уклад. В эти жернова попала и вполне середняцкая по имущественному положению семья Пахоловых, поскольку все лишены автоматически должны были быть раскулачены. О том, что с ними произошло, красноречиво свидетельствуют два документа.

Первый — заявление Василия Дмитриевича, посланное им 8 марта в Архангельский райисполком:

Я, Василий Дмитриев Пахолов, с сестрою своею нахожусь высланным на лесозаготовке от Северолеса в Мудьюжском участке. В отсутствии нас раскулачили и семейство мое: жену беременную, отца старика 75 лет и мать 65 лет и брата инвалида 23 лет и малолетнюю мою дочь 5 лет выселили из дома и поместили в какую-то халупу (хату). Я по социальному положению считался средником, но два года назад стали считать меня кулаками <sic!>. Затем местною нашею властью голос был дан и послано было на утверждение в Приморский рик <Районный исполнительный комитет. — А. Б.>, тому месяцев *пять*, но ответа по сие время не получено. Наемным трудом мы не пользовались — работали своим трудом. Не знаю, почему нас причислили к кулакам. Хотя отец наш имел шитое судно вместимостию 600 пуд, но тому лет 20 назад. Кроме того, имели 2 дома, один недостроенный, для другого брата. <...> Также для своей надобности имеем маленькую кузницу и на таковой работа<е>м только для себя, а не на сторону другим лицам. Занимаемся исключительно рыбным промыслом и звероловством. В 1921 и 1922 году был на службе по географии в научной экспедиции в примерной партии и считался как бы на военной службе у красных. Из этого ясно видно, что я к кулацкой группе не подлежал-бы, а к средникам. Торговым делом никаким не занимался. Ввиду сего прошу Райсполком обратить сугубое внимание на мою просьбу и сделать защиту, вселить мое семейство в свой дом с возвращением всего конфискованного имущества, а также исключить нас из группы кулаков, как мы таковыми не были и быть не могли, как трудились сами своим трудом без наемных сил (л. 24–24 об.).

Второй — заявление от 10 марта в Архангельский окружной исполком, посланное от имени двух братьев и сестры, но подписанное (и написанное) одним Яковым:

Настоящим обращаемся к Вам с просьбой о восстановлении нас в избирательных правах, так как хотя мы и лишены таковых, но совершенно не правильно. Местные власти признали нас как экспло-

атирующих наемный труд, чем мы фактически занимались <не> с целью извлечения прибыли, а лишь в редких случаях и то в прошлое время для помощи хозяйству, когда дети были слишком молоды.

Подробно описываем биографию каждого из нас, являющихся членами одного семейства:

1) Пахолов Дмитрий Ст<епанович> 75 л<ет> от роду; пошел в кашевары с 9 лет на парусное судно и плавал таковым до 20 лет, а с 20 лет плавал матросом до 45 лет, а потом занимался своим хозяйством, рыбно-звериными промыслами; в свободное время ковал и столярил.

2) Пахолов Василий Дм<итриевич> 38 лет от роду; с детства работал в хозяйстве и занимался до 20 лет рыбно-звериным промыслом; с 20 лет был взят на военную службу и служил до 28 лет, а после службы занимался работой в хозяйстве и рыбно-звериными промыслами, сдавая добычу кооперации.

3) Пахолов Яков Дм<итриевич> 23 лет от роду; с малых лет работал в хозяйстве; 16 лет получил увечие, т. е. отрубил у левой руки четыре пальца на своей работе; после увечия опять занимался опять хозяйством и рыбно-звериными промыслами, сдава<я> добычу кооперации.

Общее наше семейство состоит из 7 человек. Работая и подымая свое хозяйство, насколько хватало наших сил, мы никогда не ожидали, что окажемся в таком положении как сейчас, т. е. лишенными избирательных прав. Кроме того, в настоящий момент нас власти выгнали из своего дома и поселили в чужую хату, описав все, что было, оставив лишь то, что было на плечах и без всяких средств для дальнейшего существования.

Такое безвыходное положение обрекает нас на голодную смерть, которой во всяком случае мы не заслужили, а потому обращаемся к вышестоящим органам Сов<етской> Власти с надеждой, что таковые учтут наше положение в действительности и незаконное решение местной Власти об лишении нас избирательных прав и доведении нас до такого бедственного положения отменят и дадут соответствующие указания низовым властям об устранении вышеизложенного.

Об результатах нашего ходатайства просим поставить нас в известность.

Рик и сельсовет нам отказывают.

Справедливость изложенного подтверждаем<sic!> население района (л. 21–21об.).²²

²² С неточностями опубл. в кн.: Точилов Т. Е. Послание из прошлого / Вступ. ст., ред. и сост. В. А. Точилова. Северодвинск, 2011. С. 207–208.

Следом к делу подшит лист уже со 132-мя подписями жителей двух деревень, присоединившихся к просьбе братьев (л. 22–22 об.).

Это бумага легла на стол властей в очень удачное для заявителей время: буквально за неделю до его написания, 2 марта, была напечатана знаменитая статья Сталина «Головокружение от успехов», где осуждались перегибы на местах, допущенные чересчур рьяными местными руководителями. Поэтому неудивительно, что реакция на отчаянные письма Пахоловых последовала незамедлительно. В тот же день, 10 марта, какой-то влиятельный начальник оставляет на втором письме резолюцию красными чернилами; в ней говорилось, в частности, что «семейство Пахоловых восстанавливалось, как не имеющее наемного труда, но дальше с/совета дело продвинуто не было» и что «при наличии допущенного перегиба к данному хозяйству — должно<?> немедленно сельсовету указать об исправлении ошибки». Очевидно, перегиб был найден, так как ниже стоит еще одна резолюция, датированная тем же 10 марта: «Наемный труд применялся отцом лет 20 тому назад».

Эта история завершилась для семьи Пахоловых относительно благополучно: Василию и Якову отдали принадлежавшие им дома (хотя конфискованное имущество не возвратили), а вот Дмитрий Степанович домой так и не вернулся. Осенью 1931 года Яков Дмитриевич уедет в Архангельск; вернувшись в родное село, по-видимому, уже после войны, он вынужден будет выкупить у колхоза родовой дом. В следующем году Прасковья Дмитриевна выйдет замуж и покинет семью.²³ Из Нижней Золотицы потом уедет и дочь Василия Пахолова Ирина, поселившись в Шенкурске и ни разу не посетив родину.

Василий Дмитриевич остаток жизни проживет в родной Нижней Золотице. Он будет работать в колхозе, вытачивать пещуру и продавать ее заезжим кооператорам, а также с 1963 года станет кузнецом (этот факт упомянут в очерке «Какие же мы посторонние?» — 2, 154), чем заслужит прозвище «Железяка». Соседи вспоминают о нем как о человеке угрюмом и нелюдимом: таким же был и казаковский Нестор, искренне презиравший своих нерадивых односельчан.

²³ Согласно данным упомянутой выше домовой книги.

Василий Пахолов (справа)
и его друг Андрей Голубин. Фото 1918 г.

Сохранившиеся в родовом доме фотографии и документы свидетельствуют, насколько много в Несторе от Василия Пахолова. Как вспоминает его внук, он действительно два года жил за границей, но не в Норвегии, а в Англии. О том говорят открытки с видами Ньюкасла и фотография Василия Дмитриевича, сделанная в Англии 1 февраля 1918 года, где он снят в щегольском костюме вместе со своим другом. На другой фотографии он стоит в матросской форме на палубе парусного судна рядом с какой-то женщиной, на обороте подпись: «На память! Дорогой супруге Елене Федоровне Пахоловой. От супруга Василия Пахолова. 1921/VII 21 г. Гидрографическое судно “Беднота”» — напомним, что Нестор «на судне гидрографическом плавал». Нестор в изображении Казакова «кудрявый седоватый

мужик» (2, 94); на фотографиях Василия Дмитриевича, в том числе и поздних, явно видны вьющиеся волосы. И Нестор в «Несторе и Кире», и Пахолов в беломорском дневнике советуются с рассказчиком, как бы выхлопотать пенсию (2, 69; 3, 285). Василий Дмитриевич действительно пытался получить пенсию: как свидетельствует сохранившееся письмо из Архангельского облсобеса от 18 августа 1961 года, он не смог подтвердить документами свои претензии и в пенсии ему было отказано. Впрочем, в те годы пенсия колхозникам не полагалась: деньги появились в Нижней Золотице лишь в 1964 году, с того времени стали выплачивать и первые пенсии.

Несмотря на кажущуюся документальность «Нестора и Кира», в нем все же есть немало вымысла. Прежде всего это касается фигуры Кира. Как мы помним, по рассказу он — сын Нестора, а у реального Василия Дмитриевича Пахолова не было сыновей. В беломорском дневнике упоминается «придурковатый парень» (3, 285); о нем же вспоминает рассказчик в «Какие же мы посторонние?», говоря Пахолову: «Ну как же, вспомни, Василий Дмитриевич <...> Еще я на тоне у тебя жил, на Вепревском маяке, еще племянник твой был с нами — Зося...» (2, 146). Возможно, имя этого племянника-напарника — Зося, т. е. Зосима — и подсказало Казакову назвать героев своего рассказа именами старинным праведников. Однако нет сомнения, что, создавая образ Кира, он изменил черты и биографию прототипа, сделав из Зоси сына Нестора и усилив его «придурковатость».

Выдуманы в «Несторе и Кире» и некоторые другие детали. Так, дом Нестора не стоит на берегу моря, как ни один дом ни в одной деревне по Зимнему берегу: все они прячутся от лютых морских ветров в глубине. Рядом с прибрежной кромкой располагаются дома на Летнем берегу Белого моря; таким образом, эта деталь переходит в рассказ из запаса предыдущих беломорских впечатлений. Кроме того, упомянутая в начале рассказа слепая старуха-поморка Пелагея Тимофеевна (ср.: 3, 299) жила не в том селе, из которого рассказчик пришел в Кегу, а была соседкой Пахоловых. Она никогда не выходила замуж, много лет жила одна и, несмотря на слепоту, полностью себя обслуживала: соседи помогали ей лишь складывать дрова в поленицы и носить воду. Казаков оставил ей реальные имя и отчество, фамилия ее — Черемхина.

В. Д. Пахолов на тоне. Фото сделано предположительно Юрием Казаковым

Как видим, Василию Дмитриевичу Пахолову не за что было любить советскую власть. Поэтому так убедительно звучит монолог Нестора, вычеркнутый цензорами из всех советских публикаций рассказа:

И колхозы эти пустое дело, как они не пошли спервоначала, так и не пойдут никогда. Потому что никому не интересно, каждый под чужой рукой ходит и на дядю работает. Вот и бегут из этих ваших колхозов все к чертям собачьим. Моя бы власть, я бы эти ваши колхозы пораспускал да каждому хозяину земли выделил, трудись! Налогом бы их обложил крепким в пользу государства, а все, что сверх того, — это все твое. Вот он тогда и работал бы, он бы не спал! А не захотел бы работать, гнать его с земли совсем. И каждый бы тогда свою выгоду соблюдал, каждый себе не враг. Сеял бы то, чего лучше произрастает, чего лучше доход дает. Вот как я гляжу.

— Значит, назад, к частной собственности? Ты это предлагаешь? — спросил я.

— Не назад, тебе сказать, товарищ, а вперед. Потому что это все у нас в крови, и каждый свой интерес имеет, и ты его ничем не скыврнешь, хоть тыщу лет пиши ему свое. Ты ему покажи выгоду, а выгода самая настоящая при собственном хозяйстве и нигде больше не бывает. И что вы там всё пишете против, это все хреновина, извини за

выражение. Я газеты читаю и все это дело хорошо знаю. Порядка ты никак не найдешь. Ты вот гляди, что делается, дорог нету, а если и есть, так это еще хуже. И никому нету дела, а почему? А потому — ничья дорога, ничьи машины. Ломается машина, хрен с ней. А если бы машина моя была и дорогу я строил, тут сразу у меня интерес был бы другой. И так во всем. А я бы вас таких, которые против собственности, денег бы вам не платил. Не надо собственности, говоришь? Ну и долой тебя, дом у тебя есть, какое-никакое хозяйство? Отобрать! Раз ты такой умный... Вот и живи комуни... коммунистично, да!²⁴

Василий Дмитриевич Пахолов скончался в начале января 1972 года, могила его на золотицком кладбище затеряна.

Рассказ «Нестор и Кир» перепечатывается едва ли не в каждом сборнике Юрия Казакова, входит в вузовские программы, изучается в статьях и диссертациях.

²⁴ Новый мир. 1990. №7. С. 130.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Стр. 13. К. Д. Ушинский. Фото 1860-х гг. *Музей ИРЛИ*.

Стр. 15. Л. Н. Модзалевский. Фрагмент групповой фотографии преподавателей Смольного института. 1862. *Музей ИРЛИ*.

Стр. 60. «Невский альманах на 1825 год». Титульный лист.

Стр. 131. Страница экземпляра второй части «Опытов в стихах и прозе», принадлежавшая Л. Н. Майкову. *Рукописный отдел ИРЛИ*.

Стр. 144. А. А. Шаховской. Гравюра из альманаха «Сто русских литераторов» (Том 1. СПб., 1839).

Стр. 151. А. Ф. Воейков. Послание к Тургеневу. Первая страница автографа. *Рукописный отдел ИРЛИ*.

Стр. 155. А. Ф. Воейков. Искусства и науки. Первая страница копии с авторской правкой. *Рукописный отдел ИРЛИ*.

Стр. 237. А. Ф. Воейков. Лист со стихотворными набросками. Автограф. *Рукописный отдел ИРЛИ*.

Стр. 255. Страница альманаха «Цевница. На 1837 год» (СПб., 1837).

Стр. 265. В. А. Каратыгин в роли Гамлета. Гравюра из альманаха «Русская талия на 1825 год» (СПб., 1824).

Стр. 271. Ф. А. Кони. Портрет, приложенный к юбилейной статье в журнале «Нива» (1909. № 14).

Стр. 278. О. И. Сенковский. Гравюра из альманаха «Сто русских литераторов» (Том 1. СПб., 1839).

Стр. 312. В. И. Якоби. Привал арестантов. 1861. *Государственная Третьяковская галерея*.

Стр. 320. В. С. Малыгин. Фото 1948 г. (из архива автора).

Стр. 323. Поклонные кресты на берегу р. Койда. На среднем видна табличка с погибшего бота «Каганович», найденная на побережье Белого моря недалеко от с. Койда. Фото 1977 г. *Колхозный музей с. Койда*.

Стр. 324. Старый причал и здание рыбокооп в Койде. Фото 2014 г. (из архива автора).

Стр. 325. Дом в Койде, где останавливался Юрий Казаков. Вдали виден дом, который он рассматривал в бинокль. Фото 2014 г. (из архива автора).

Стр. 326. А. Е. Попова (из архива автора).

Стр. 327. Окна дома А. Е. Поповой. В этой части дома останавливался Юрий Казаков. Фото 2014 г. (из архива автора).

Стр. 328. Н. К. Малыгин. Фото начала 1960-х гг. (из архива автора).

Стр. 329. Клуб в с. Майда. Фото конца 1970-х гг. *Колхозный музей с. Койда*.

Стр. 330. Улица в с. Майда, по которой шел Юрий Казаков. Вдали справа виден сарай, у которого он встретил П. Е. Буркова. Фото конца 1970-х гг. *Колхозный музей с. Койда*.

Стр. 331. И. И. Титов (справа) в кругу семьи; вторая слева в верхнем ряду — его дочь Ликонида Ильинична Титова. Конец 1940-х гг. (из архива автора).

Стр. 332. Тоня Майдица. На переднем плане — остатки старой избышки. Фото 2014 г. (из архива автора).

Стр. 333. Старая (слева) и новая тоня на Зимнем берегу Белого моря, между сел Койда и Майда. Фото конца 1970-х гг. *Колхозный музей с. Койда*.

Стр. 334. Е. Г. Титов. Фото с надгробного памятника (из архива автора).

Стр. 335. Е. А. Котцов. Фото 1950-х гг. (из архива автора).

Стр. 338. Руины дома в Майде, где останавливался Юрий Казаков. Фото 2014 г. (из архива автора).

Стр. 339. Е. Ф. Титова (из архива автора).

Стр. 341. Аркадий Вылко (из архива автора).

Стр. 341. Петр Вылко (из архива автора).

Стр. 341. Василий Назаров (из архива автора).

Стр. 348. В. Д. Пахолов. Фото 1950-х(?) гг. (из архива автора).

Стр. 350. Дома Якова (слева) и Василия Пахоловых в Нижней Золотице. Во время пребывания в деревне Юрия Казакова они были бревенчатые, обшиты значительно позднее. Фото 2018 г. (из архива автора).

Стр. 355. В. Д. Пахолов с женой и дочерью Зинаидой. Фото 1950-х(?) гг. (из архива автора).

Стр. 359. Василий Пахолов (стоит) и его друг Андрей Голубин. Фото Jas. Dickinson, West Wallsend. 1918 г.

Стр. 361. Василий Пахолов достает рыбу из ловушки. Фото сделано предположительно Юрием Казаковым (из архива автора).

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Август (Гай Юлий Цезарь Октавиан) 164, 200, 201
Аверченко А. А. 21
Авраамий, митрополит 224
Аврелий Марк 182
Айвазовский И. К. 306, 307
Аксаков И. С. 288
Аксаков С. Т. 143, 307
Аладьин Е. В. 60–67, 69, 71, 77, 100
Александр I 93, 164, 181, 191, 200, 204, 222, 224, 240, 241
Александр II (Александр Николаевич, цесаревич) 10, 87, 88, 259
Александр VI, папа римский 224
Александр Македонский 201
Александра Николаевна, великая княгиня 251
Александрова И. В. 138, 142
Алексеев М. П. 38
Алексей Петрович, царевич 157, 159, 182, 183
Альтшуллер А. Я. 138
Амелин М. А. 73
Анакреон (Анкареонт) 251
Ананич И. Д. 31
Анит 210
Анненков П. В. 10–12, 20, 44, 69, 85
Аннибал см. Ганнибал
Антонович М. А. 288
Апеллес 168
Аралова Н. М. 86
Аристофан 144
Архангельский А. Н. 147
Асенкова А. Е. 141
Аскоченский В. И. 284, 286
Атилла 200
Афанасьев А. Н. 51, 52, 54
Бавильский Д. В. 318
Байрон Дж. Г. 28, 123, 130
Бабанов И. Е. 116
Балакин А. Ю. 31, 41, 46, 86, 136, 145, 257
Бантыш-Каменский Д. Н. 110
Балухатый С. Д. 70
Бальзак О. де 269
Баратынский Е. А. 49, 62, 64, 112, 148
Барков Д. Н. 139, 142
Бартнев П. И. 45, 52
Батюто А. И. 287
Батюшков К. Н. 44, 115–132, 148, 153, 154, 156, 159, 228, 231, 232, 239, 242–245, 289
Бахтин Н. Н. 15, 19
Бахтурин К. А. 266, 267, 269
Безбородко А. И. 228
Бекетов В. Н. 11

- Белинский В. Г. 106, 261–266, 271–274, 276, 278–280
- Белов С. В. 303
- Берг А. 39
- Березкин А. М. 303
- Бернет Е. (Жуковский А. К.) 247
- Беляев М. Д. 84
- Березкин А. М. 84
- Бестужев-Марлинский А. А. 26, 27, 48, 57, 59, 61, 66, 157, 158
- Бетеа Д. 32, 130, 147
- Бецкой И. И. 229
- Бион 197
- Благой Д. Д. 56, 72, 148, 245
- Бларамберг И. П. 38–40
- Блудов Д. Н. 121, 125–127, 245
- Богданов Е. Ф. 322
- Богданович И. Ф. 156
- Богомоллов Н. А. 47
- Боград В. Э. 276, 298, 309
- Богуш-Сестренцевич С. 35
- Бодрова А. С. 31, 41, 169–174
- Боленко К. Г. 44
- Бонне Ш. 179
- Борис Годунов 195
- Боровкова-Майкова М. С. 148
- Бороздна И. П. 247
- Боссюэ Ж. Б. 200
- Бракелеер Ф. 299
- Британник (Клавдий Тиберий Британник Цезарь) 215
- Бродский Н. Л. 21
- Брокер А. Ф. 107, 109
- Броневский С. М. 26
- Бронников Ф. А. 299, 300
- Бронштейн А. И. 31
- Брут Марк Юний 196, 215
- Брюне Ж.-Ж. 108, 110
- Брюсов В. Я. 12
- Брянский Н. 20
- Булгаков А. Я. 46, 107
- Булгаков К. Я. 46
- Булгарин Ф. В. 36, 37, 60, 61, 63, 65, 66, 67, 69, 74, 113, 114, 262, 263, 271–273, 275, 278, 279
- Бунаков Н. Ф. 283, 284
- Бунин А. И. 17, 18
- Бурачок С. О. 248, 249
- Бурков П. Е. 319, 330, 331, 344
- Бурков П. Т. 319
- Буркова Р. А. 319
- Буркова Ф. Ф. 319
- Бурнашев В. П. 80, 81, 96
- Бухштаб Б. Я. 5
- Быков П. В. 303
- Бюффон Ж. Л. Л. де 194, 197
- Валберхова М. И. 141
- Валуев Д. В. 352
- Варламов А. Н. 319
- Васильев Н. Л. 94
- Вацуро В. Э. 53, 57, 59, 123, 128, 136, 150, 245, 246, 248
- Велижев М. Б. 43, 46
- Великопольский И. Е. 56, 69
- Венгеров С. А. 248
- Веневитинов Д. В. 99
- Вергилий (Виргилий) Публий Марон 148, 157, 164, 192, 197
- Веревкин Н. Н. 94
- Верховский Н. П. 232
- Ветринский Р. Я. 87
- Вётшева Н. Ж. 233
- Вигель Ф. Ф. 108
- Вингебер К. 253
- Виницкий И. Ю. 70, 145
- Виноградов И. 53
- Винокур Г. О. 35, 36
- Винокур Н. Г. 20
- Висковатов С. И. 136, 137, 143
- Витгенштейн П. Х. 223
- Владимир, князь 190, 233, 234
- Вобан С. 214
- Воейков А. Ф. 28, 29, 30, 36, 42, 65, 78, 135–137, 142–161, 231–245, 343
- Воейков И. Ф. 145
- Воейкова А. А. 148, 233, 234, 236, 238, 239, 245
- Волков А. Абр. 46, 90
- Волков П. Г. 243

- Волович Н. М. 49
 Волинская В. И. 21
 Вольперт Л. И. 231
 Вольтер 95, 193, 196
 Вольф М. О. 305
 Воронухин А. М. 323, 331
 Воронцов М. С. 223
 Востоков А. Х. 156, 162
 Вульф А. Н. 69
 Вульф Е. Н. 69
 Вульферт А. Е. 72
 Вылко А. А. 340–342, 344
 Вылко П. А. 340–342, 344
 Вышинский А. Я. 351
 Вяземская В. Ф. 123
 Вяземский П. А. 30, 31, 32, 41, 46,
 49–54, 62, 63, 67, 68, 71, 72, 77, 78,
 84, 102–104, 106, 110, 121–123,
 138, 143–145, 153, 154, 156, 157,
 161, 198, 234, 235, 239, 245, 261
 Гаевский В. П. 12, 50–52, 54, 293
 Гаевский П. И. 158, 159, 235, 243,
 244
 Гайдн Ф. Й. 188
 Галимова Е. Ш. 315
 Галлер А. фон 178
 Ганнибал (Аннибал) Барка 183,
 215, 219
 Гассенди П. 200
 Гдешинский П. С. 20
 Гегель Г. В. Ф. 266
 Гейне Г. 300
 Геснер С. 168
 Геннади Г. Н. 52
 Гербель Н. В. 12, 52
 Гермоген, патриарх 210, 224
 Герцен А. И. 52, 54, 106
 Гиббон Э. 199
 Гиероглифов А. С. 303
 Гиллельсон М. И. 32, 67, 71
 Гинзбург Л. Я. 46
 Гитон де Морво Л. Б. 225
 Глаголев П. 19
 Глазунов И. И. 96, 125
 Гласе А. 47, 48
 Глебов А. Н. 90
 Глинка Ф. Н. 62–64
 Глинка С. Н. 109
 Гнедич Н. И. 123, 125, 144, 157, 159
 Голицын В. А. 87
 Голицын М. М. 218
 Голицын Н. Н. 87
 Голицына М. А. 34, 37, 40
 Головин В. В. 18
 Голубин А. 359
 Гомер 156, 192, 197, 200, 201, 233
 Гончаров И. А. 11, 12, 319
 Горавский А. Г. 299
 Гораций Квинт Флакк 103, 179,
 194, 195, 198
 Горбунов Н. 340
 Гордин А. М. 45
 Городчанинов Г. Н. 90
 Горохова Р. М. 117, 127, 128
 Горышин Г. А. 326
 Гостомысл, князь 189
 Готфрид Бульонский 185
 Гофман М. Л. 49, 53
 Греков Н. П. 247
 Греч Н. И. 27, 29, 30, 59, 129, 139,
 142, 145, 152, 158, 241, 245, 268,
 274, 275
 Грибоедов А. С. 77, 141
 Григорий VII, папа римский 224
 Григорович В. И. 117
 Григорович Д. В. 296
 Григорьев А. А. 290
 Григорьев П. И. 271, 272
 Гринченко Н. А. 244
 Гриц Т. С. 58
 Громова Т. Н. 30
 Гроссман Л. П. 294, 295
 Грот Я. К. 45, 128
 Грузинцев А. Н. 143, 153
 Гусаков В. 21
 Густав II Адольф 216
 Гюго В. 269, 306

- Д. Р. К. 65
 Давыдов Д. В. 120, 156, 162
 Даль В. И. 301, 302, 304, 305
 Дашков Д. В. 138, 154
 Декарт Р. 200
 Делиль Ж. 147, 148, 159
 Дельвиг А. А. 25, 33, 42, 48–54, 57, 59, 60, 66, 78, 99, 123, 148
 Дервиз В. Н. фон 130
 Державин Г. Р. 45, 156, 195, 232
 Дибич-Забалканский И. И. 163
 Диде Ф. 300
 Димитрий Ростовский 224
 Дион Хрисостом 25
 Дмитриев В. Г. 276
 Дмитриев И. И. 43–46, 77, 81, 85, 101, 104, 121, 156, 179, 194, 195
 Дмитриев М. А. 43, 44, 62, 63, 146, 148
 Дмитриев П. В. 20
 Дмитриева Н. 298
 Довгий О. Л. 70, 89, 90, 112
 Долгорукий Я. Ф. 183
 Долгоруков В. В. 101
 Домашевская Е. Д. 21
 Домгер Л. Л. 88
 Домициан Тит Флавий 200
 Достоевский М. М. 282, 283, 296, 303
 Достоевский Ф. М. 281–284, 286, 287, 289–298, 300, 301, 303, 305, 311–313
 Дранникова Н. В. 330
 Дроз И. 68
 Дроздов А. В. 265
 Дронсар Г. 273
 Дубровский А. В. 12
 Дуроп Ал. Х. 136, 137
 Дуроп Ан. Х. 136, 137
 Дюма А. 305
 Дюсис Ж. Ф. 137
 Дюшенуа (Duschénois) К. Ж. 108, 110
 Е. Г. 251
 Евгений, митрополит Киевский 98, 234
 Евгений, митрополит Рязанский 98
 Евгений Савойский 217, 219
 Еврипид 197
 Екатерина II 95, 200, 204, 228
 Елизавета Алексеевна, императрица 73
 Елизавета Михайловна, великая княгиня 251
 Елизавета Петровна, императрица 218
 Емичев А. И. 278
 Ермакова-Битнер Г. В. 142
 Ермолов А. П. 163, 223, 241
 Еропкин (Ерапкин) П. Д. 185
 Ефимов А. 54
 Ефремов П. А. 10, 12, 53
 Ж. К. 65
 Жадовская Ю. В. 15
 Жандр А. А. 139, 141
 Жанен Ж. 269
 Жирмунская Т. А. 315, 346
 Жихарев С. П. 238
 Жуков Ю. 217
 Жуковский В. А. 19, 63–65, 67, 68, 83–85, 87, 88, 94, 100, 102–105, 123, 126–128, 144, 147, 148, 153, 154, 156, 159, 186, 197, 200, 228, 232, 233, 238, 242, 243
 Заборов П. Р. 70
 Загуляев М. А. 302–307, 311
 Закревский А. А. 87
 Замков Н. К. 244
 Западов А. В. 70, 112
 Засядко А. Д. 163
 Захаров В. Н. 281, 297, 298
 Зевксис 168
 Зеленецкий К. П. 38, 39
 Зенгер Т. Г. см. Цявловская Т. Г.
 Зиссерман П. И. 56

- Зорин А. Л. 123
 Зотов Р. М. 139
 Зубков Н. Н. 123
- Иван IV Грозный** 190
 Иванов Д. А. 144
 Иванчин-Писарев А. И. 71
 Измайлов А. Е. 61–64, 66, 73, 78, 81, 142, 244
 Измайлов Н. В. 41, 84
 Ипполитов-Иванов М. М. 22
 Истрин В. М. 238
 Ификрат 215
- Кавелин Л. А.** 252
 Каган Р. А. 20
 Каганович Л. М. 321, 323, 343
 Казаков Ю. П. 314–340, 342–349, 360–362
 Кайсаров А. С. 238
 Кайсаров П. С. 223
 Калам А. 300
 Калашников М. И. 33
 Калигула (Гай Юлий Цезарь Германик) 200
 Каллаш В. В. 86, 249
 Камилл Марк Фурий 182
 Канарская А. А. 22
 Капилюшников А. Д. 259
 Капнист В. В. 30
 Каразин В. Н. 142
 Карамзин Н. М. 45, 199, 200, 228, 238, 289
 Каратыгин В. А. 264–266, 278, 343
 Каратыгин П. А. 110, 141, 143, 273, 275
 Карл Великий 216
 Катенин П. А. 110, 121, 139, 144
 Катков М. Н. 282, 284–292
 Катилина Луций Сергий 199
 Карпинская Л. А. 22
 Катон Марк Порций (Старший) 182, 195
 Каченовский М. Т. 59
- Кеппен П. И. 38–39, 58
 Керим-Гирей 31
 Керн А. П. 53, 69
 Кл-нов В. 138–142, 145
 Клодт М. К. 299, 300
 Клодт М. П. 294, 306
 Княжевич Д. М. 61, 64, 69
 Княжевич В. М. 64
 Княжнин Я. Б. 156, 196
 Кобыличный А. И. 21
 Ковалевский П. М. 295, 296, 298–300, 306, 309
 Коваленко С. А. 18
 Колбасин Е. Я. 75, 88, 89
 Колосова А. М. 73
 Кольбер Ж. Б. 195, 200
 Кольцов А. В. 15, 19
 Кольцова-Масальская Е. М. 300
 Комарович В. Л. 36, 116, 121
 Комелина Н. Г. 322
 Конде Луи II Бурбон 216, 217
 Конецкий В. В. 315, 316, 347
 Кони Ф. А. 256, 262, 263, 265, 266, 269–272, 274, 343
 Коновницын П. П. 223
 Коперник Н. 208
 Коринец Ю. И. 315–316, 323, 325, 335
 Корнель П. 197
 Корнилович А. О. 60, 66
 Королева Н. В. 138
 Корсаков П. А. 248, 249, 256, 257
 Котцов Е. А. 317, 319, 335–340, 344
 Котцов И. Д. 319
 Котцова П. Е. 334
 Коцебу А. фон 140
 Кошелев В. А. 26, 32, 117, 118, 121, 125, 232
 Краевский А. А. 267–270, 273, 302, 303
 Красовский А. И. 25, 26, 49, 51, 52, 117
 Кристина Августа 200
 Кромвель О. 195

- Крузе Н. Ф. 51
 Крылов А. А. 64
 Крылов А. Л. 125
 Крылов И. А. 62, 63, 64, 65, 194
 Кузьменко А. Ю. 30
 Кузьмичев И. С. 315, 316, 346–346
 Кулон, ресторатор 274
 Куник А. А. 58
 Курочкин В. С. 288
 Кусков П. А. 283, 289–291, 295
 Кусов Н. И. 96
 Кутузов (Голенищев-Кутузов) М. И. 186, 204, 220–222, 240, 241
 Кюнер В. В. 15, 19
 Кюхельбекер В. К. 74, 78, 117
- Лабрюйер Ж. 200
 Лавров А. В. 82
 Лагарп Ж. Ф. де 197
 Ламартин А. 67, 68
 Ланжерон А. Ф. 35
 Лапкина Г. А. 138
 Ларионова Е. О. 35, 37, 46, 50
 Ларсон М. 300
 Лаудон Г. Э. фон 219
 Лафонтен Ж. 194, 195
 Лев VI Мудрый 200
 Левин Ф. М. 345
 Левкович Я. Л. 37, 62, 66, 73, 121
 Левшин П. Г. (Платон) 185, 224
 Лейбниц Г. В. 168
 Лермонтов М. Ю. 249, 299, 300
 Лессинг Г. Э. 116
 Лжедмитрий I (Отрепьев Г. Б.) 185, 210
 Ливий Тит 200
 Линней К. 179
 Лисандр 215
 Литвинова М. Д. 316
 Лобанов В. В. 105
 Локк Дж. 179
 Ломоносов М. В. 121, 194, 201–204, 229
 Лонгинов М. Н. 45
- Лонгинов Н. М. 73
 Лопухин И. В. 235
 Лотман Ю. М. 143, 238
 Лудилова Е. В. 65
 Лукулл Луций Лициний 180, 215
 Луначарская С. Н. 22
 Людовик XIV 200, 217
 Лялин Е. И. 113
 Лялин П. 111–114
 Лямина Е. Э. 44, 112
- М. О. Х. 251
 М. П. Т. 130
 Мазепа И. С. 113, 185
 Мазер Э. 271
 Майков А. Н. 15, 247, 290, 293
 Майков Л. Н. 12, 115, 116, 122, 131, 231, 343
 Маймин Е. А. 32
 Макаров Н. 21
 Малыгин В. С. 317, 320, 343
 Малыгин И. Е. 319
 Малыгин Л. А. 319
 Малыгин Н. К. 319, 326, 328, 344
 Малыгина Е. А. 320
 Малыгина М. А. 325
 Малышева 244
 Мальбранш Н. 200
 Мандельштам О. Э. 347
 Манштейн Х.-Г. 42
 Маренич Г. 20
 Марков В. 64, 69
 Маркс К. 46
 Марс (Буте А. Ф. И.) 107, 110
 Марусенко М. А. 298
 Марцелл Марк Клавдий 215
 Масальский К. П. 247
 Масанов И. Ф. 36
 Массена А. 220
 Матвеева Н. А. 319
 Матвеева Ю. А. 44
 Махов А. Е. 70, 112
 Межевич В. С. 263, 269–275
 Мей Л. А. 15, 290

- Мелас М. Ф. Б. фон 220
 Мельгунов Б. В. 262
 Мельникова Е. Е. 298
 Мендельсон Н. М. 21
 Меншиков А. Д. 204, 218
 Мерзляков А. Ф. 32, 156, 197
 Метелл Квинт Цецилий Нумидий-
 ский 215
 Мехтиев В. Г. 249
 Микеланджело Буонарроти 225
 Милорадович М. А. 87, 223
 Мильвуа Ш.-Ю. 121, 127
 Мильтиад 215
 Милюков А. П. 303
 Минаев Д. Д. 286, 287
 Минин (Сухорук) К. 189, 190
 Миних Б. К. 42, 190, 218
 Митридат VI Евпатор 25, 215
 Михаил Федорович, царь 190
 Михайлов М. М. 235
 Михневич В. О. 302
 Мияковский В. В. 18
 Могилянский А. П. 26
 Модзалевский Б. Л. 17, 42, 47, 56,
 71, 72, 79, 100, 248
 Модзалевский Л. Б. 42, 88, 89,
 116, 123
 Модзалевский Л. Н. 13, 15, 17, 19, 343
 Молле 110
 Мольер Ж.-Б. 140, 193, 196
 Монгольфье Ж.-М. 163, 179
 Монгольфье Ж.-Э. 163, 179
 Монтескье Ш. 179, 199, 200
 Мориц Оранский 216
 Моро Ж. В. 204, 220
 Морозов А. А. 283
 Морозов П. О. 112, 113
 Морозов П. Т. 39
 Моцарт В. А. 188
 Мочалов П. С. 265
 Муравьев М. Н. 121, 229
 Муравьев-Апостол И. М. 24–42
 Муравьев-Апостол С. И. 30, 44
 Муравьева О. С. 84
 Муханов П. А. 65
 Мушина И. Б. 89
 Назаревский О. А. 12
 Назаров А. 340, 344
 Наполеон I Бонапарт 92, 109, 179,
 189, 200, 219, 221, 240
 Направник Э. Ф. 20
 Насимович А. 21
 Невзоров М. И. 143
 Невский В. см. Черников В. В.
 Некрасов Н. А. 15, 246–248, 262
 Нелединский-Мелецкий Ю. А. 51,
 156, 195
 Немзер А. С. 123, 147
 Нерон Тиберий Клавдий 200
 Нечаева В. С. 283, 195
 Нешумова Т. Ф. 44, 87
 Николай I 96
 Николай II 83
 Никитенко А. В. 125, 268
 Никитин И. С. 15, 19
 Никитин М. М. 58
 Ное А. Ш. Г. (псевд. Хам) 307
 Норов А. С. 79, 94, 159
 Ньютон (Невтон) И. 176, 194, 208
 Оверчук Т. И. 9
 Овидий Публий Назон 201
 Огарев Н. П. 15, 52, 247
 Озеров В. А. 156, 196
 Олег, князь 189
 Оленин А. Н. 126
 Ольдекоп Е. И. 77
 Омар ибн аль-Хаттаб 179, 200
 Орлов А. Г. 188, 195
 Орлов В. М. 20, 21
 Орнатская Т. И. 283, 293, 303
 Осипова П. А. 53, 69
 Осповат А. Л. 82, 150
 Остерман-Толстой А. И. 223
 Остолопов Н. Ф. 78
 Островский А. Н. 306
 Отрепьев Г. Б. см. Лжедмитрий I

- Охлестышева М. П. 88, 100–102
 Очкин А. Н. 302
- Павлищев Л. Н.** 50
 Павлищева (Пушкина) О. С. 44, 45, 47, 51
 Павлов Ю. 326
 Павсаний 215
 Падерная М. 247
 Паллас П. С. 36
 Пальмин И. Д. 244
 Панаев В. И. 62, 64
 Панаев И. И. 267
 Панин Н. И. 229
 Панов С. И. 47
 Панферов Ф. И. 346
 Парни Э. 121, 127
 Паскаль Б. 200
 Паскевич И. Ф. 84, 94
 Патрушева Н. Г. 244
 Паустовский К. Г. 317, 345
 Пахолов В. Д. 348–362
 Пахолов Д. С. 350–358
 Пахолов Я. Д. 350–352, 354–358
 Пахолова Е. Ф. 350, 355, 356, 359
 Пахолова З. Д. 350, 355
 Пахолова И. Д. 350, 356, 358
 Пахолова М. П. 350, 356
 Пахолова П. Д. 350, 355, 356, 358
 Перикл 200
 Перовский В. А. 243
 Першкина А. Н. 303
 Песков А. М. 112, 148
 Петр I 113, 157–159, 180–183, 185, 189, 200, 204, 218, 219, 228, 251
 Петр III 190
 Петров В. П. 156, 162
 Петухов Е. В. 61, 233
 Печенегов П. 247, 248
 Пиксанов Н. К. 70, 294
 Пильщиков И. А. 123
 Пиндар 194, 202
 Писарев Д. И. 287
 Платон 207
- Платон см. Левшин П. Г.
 Плетнев П. А. 57, 79, 99, 102–105, 117, 127–130, 132
 Плещеев А. Н. 15
 Плутарх 200
 Плюшар А. А. 268
 Погодин М. П. 87
 Пожарский Д. М. 189, 190
 Полевой Н. А. 56, 58, 63, 64, 67, 68, 71, 74, 75, 76, 263, 274
 Полонский Я. П. 291, 195
 Помпей Гней 215
 Попкова Е. А. 58
 Попов И. Ф. 317, 320
 Попова А. Е. 324–327, 344
 Попова Т. Н. 22
 Поповский Н. Н. 152
 Порошин В. С. 46
 Портной Л. М. 106
 Постнов О. Г. 47
 Потапова Г. Е. 37, 40, 235
 Потемкин В. П. 43
 Потоцкие 31
 Потье (Potier) Ш. Г. 108–110
 Пржецлавский О. А. 80, 82
 Пришвин М. М. 346
 Проскурин О. А. 32, 35–37, 73, 118, 119, 128, 234
 Публий Корнелий Сципион Африканский 215
 Пугачев Е. И. 41, 42, 186
 Пушкин А. С. 6, 8–13, 16–20, 22–26, 30–60, 62–73, 77–79, 82–95, 98–100, 102–107, 109–111, 113–124, 127–132, 139, 148, 244, 249, 319
 Пушкин А. М. 64
 Пушкин В. Л. 45–49, 51, 56, 64, 71, 127, 144, 156, 162
 Пушкин Л. С. 33, 41, 46, 48, 49, 50, 51, 63, 67, 68
 Пушкин П. Л. 49
 Пушкин С. Л. 49, 50, 51
 Пушкина А. Л. 43–51, 53, 54

Пушкина Е. Г. 44
Пушкина Н. Н. 90
Пушкина Н. О. 49, 51
Пушкина О. С. см. Павлицева О. С.
Пушин И. И. 77
Пюже П. 226

Раевский Н. Н. (старший) 222
Разумовский А. К. 59
Раич С. Е. 71, 118, 119, 152
Расин Ж. 140, 193, 196
Ратников К. В. 84
Рафаэль Санти 192, 226
Ребиков В. И. 22
Ревич В. А. 345
Ревякин А. И. 43
Рейтблат А. И. 57
Рени Г. 226
Репнин Н. В. 195
Реформатский Л. Н. 21
Ржевский П. А. 46
Ризнич А. 39
Родионова Е. С. 298
Розен Е. Ф. 247
Романюк С. К. 45, 49
Ростопчин Ф. В. 106–110
Рошетт Д.-Р. 38
Рубан В. Г. 189
Румянцев-Задунайский П. А. 185,
188, 195, 219
Руссо Ж.-Ж. 204, 206
Рылеев К. Ф. 48, 57, 59–61, 66
Рындовский Ф. М. 64

Саитов В. И. 88, 156
Саламатова М. С. 351
Салтыков П. С. 218
Салтыкова С. М. 78–80
Сандомирская В. Б. 116
Сартаков Е. В. 249
Свиньин П. П. 65, 104
Святослав, князь 189
Селезнев И. 276
Семенко И. М. 116, 117, 123

Семенова А. Н. 78, 79, 82
Сенковская А. А. 270
Сенковский О. И. 267, 268, 270,
274, 276, 278, 279, 343
Сербинович К. С. 235, 242–244
Сидоров Н. П. 21
Синявский Н. А. 83
Сиянов П. Г. 94, 95
Скриб Э. 271
Сладковский Р. 153
Сленин И. В. 59
Слонимский А. Л. 138
Смирдин А. Ф. 51, 58, 104, 125
Смирнов-Сокольский Н. П. 62,
100, 253
Соболевский С. А. 49, 50, 67, 249
Сократ 210
Соловьев И. М. 21
Соловьев Н. В. 233
Соловьева Е. Е. 21, 22
Соллогуб В. А. 250
Соллогуб С. И. 127–129
Солоницын В. Ап. 247
Сонцов М. М. 46, 51
Сонцова Е. Л. 49, 51
Сонцова Е. М. 47
Сонцова О. М. 47
Сосницкий И. И. 141
Софокл 193
Соц В. И. 139
Спасович В. Д. 17
Сперанская Н. М. 84
Старк В. П. 55, 67–69
Старчевский А. В. 251, 303
Страбон 35, 36
Сталин И. В. 321, 358
Стахович М. А. 247
Стелловский Ф. Т. 306
Страхов Н. Н. 282, 313
Строганов А. С. 229
Стромилов С. И. 247
Струйский Д. Ю. (Трилунный) 94,
247
Суворов А. В. 188, 195, 219, 220, 229

- Судник Т. М. 347, 348
 Сумароков А. П. 140, 156, 196
 Сципион *см.* Публий Корнелий Сципион Африканский
- Талейран Ш. М. 109
 Тальма (Talma) Ф. Ж. 107, 108, 110
 Тамарченко Г. Е. 288
 Тарасов К. Г. 302
 Тассо Т. 117, 125, 128, 130, 156, 193, 197, 198, 201
 Тимофеев А. В. 247
 Тиртей 186, 200
 Тит Флавий Веспасиан 182, 215
 Титов Г. 340
 Титов Е. Г. 334, 344
 Титов И. И. 319, 331–333, 338, 344
 Титов С. И. 339
 Титова А. В. 340
 Титова Е. Ф. 339, 344
 Титова К. Д. 319
 Титова Л. И. 319, 331, 344
 Тихонравов Н. С. 107
 Толстой Л. Н. 108
 Томашевский Б. В. 26, 36, 53, 121–123, 125, 138, 295, 297
 Тормозова Л. И. 46
 Точилов В. А. 357
 Точилов Т. Е. 357
 Тренин В. В. 58
 Трилунный *см.* Струйский Д. Ю.
 Трощинский Д. П. 30
 Трубников В. 130, 132
 Трутовский К. И. 299
 Туманский В. И. 15, 118, 119, 247
 Туниманов В. А. 281, 282, 290
 Тункина И. В. 35, 38, 39
 Тургенев Ал. И. 32, 45, 54, 78, 84, 108, 126, 127, 147, 149–151, 153, 158, 161, 163, 233, 235, 245
 Тургенев Ан. И. 230
 Тургенев И. П. 230
 Тургеневы 238
 Тхоржевский С. С. 299
- Тюренн А. де 217
 Тютчев Ф. И. 15
- Уваров С. С. 59, 125–127, 132
 Успенский Н. В. 305
 Ушинский К. Д. 13–17, 19, 22, 343
- Фабий Квинт Максим Кунктатор 183, 195, 215
 Феденёва Л. Н. 23
 Федоров Б. М. 62–64, 158, 163
 Федотов А. С. 273
 Фенелон Ф. 200
 Феокрит 197
 Феофан Прокопович 183, 224
 Фет А. А. 247
 Филарет, патриарх 190, 224
 Филипп II, митрополит 224
 Фоменко Л. 332
 Фомичев С. А. 41, 42, 121
 Фонвизин Д. И. 156, 196
 Франклин Б. 179, 194, 229
 Францев В. А. 84
 Фридлиндер Г. М. 281, 296, 297, 300, 301
 Фридман Н. В.
 Фридрих II Великий 219
 Фут И. П. 244
 Фуше Ж. 109
- Хам *см.* Ное А. Ш. Г.
 Харджиев Н. И. 123
 Хвостов Д. И. 6, 56, 62, 70–82, 84–105
 Хемницер И. И. 15, 194
 Херасков М. М. 152, 239
 Хетсо Г. 294, 296, 297, 303
 Хитров А. И. 302
 Хитрово Е. М. 84
 Хитрово Л. К. 17
 Хмельницкий Н. И. 141
 Храповицкий А. И. 264
 Христина *см.* Кристина Августа
 Худяков В. Г. 306, 307

Цезарь Гай Юлий 196, 215, 219
Цертелев Н. А. 64, 65, 159, 160
Цехновицер О. В. 70
Цицерон Марк Туллий 194
Цявловский М. А. 33, 42, 48, 52, 60,
71, 83
Цявловская (Зенгер) Т. Г. 42

Чаадаев П. Я. 24, 33, 34, 36, 37
Черевичник Л. К. 23
Черемхина П. Т. 360
Черников В. В. (псевд. В. Нев-
ский) 275–280
Чернышев Н. 21
Чистова И. С. 262, 273
Чичагов В. Я. 229
Чукаев Н. 21

Шаликов П. И. 46–48, 96–98, 102,
112, 245
Шапталъ Ж.-А. 179
Шаршавый П. Я. (псевд.
П. Шарш) 246–260
Шатров Н. М. 101
Шаховской А. А. 110, 126, 135–138,
140–145
Шевченко Т. Г. 52
Шекспир У. 137, 193, 265, 302, 305,
306
Шереметев Б. П. 218
Шиллер Ф. 128, 193
Шилов Ф. Г. 136
Шилова Н. Л. 317
Ширинский-Шихматов С. А. 58, 153
Ширинский-Шихматов П. А. 93
Шитова В. 317
Шишков А. С. 68, 80
Шкловский В. Б. 5
Шляпкин И. А. 86, 88, 136
Шувалов П. И. 195, 204
Шульц (Schoultz) О. фон 294, 295
Шухов И. П. 347

Щеголев П. Е. 84
Щепетова Н. Н. 22
Щепкин М. С. 274
Щербина Н. Ф. 247
Щеткин Я. А. 257

Эйдельман Н. Я. 51
Эйлер Л. 179
Эмилий Луций Павел Македонский
215
Энгельгардт Б. М. 181
Эпаминонд 215
Эренбург И. Г. 347
Эристов Д. А. 50, 51

Юган Н. Л. 302
Югурта 215

Языков А. М. 60
Языков Н. М. 60, 86, 87, 89, 95, 102
Якоби В. И. 294, 295, 300, 304, 311–
313, 343
Яковлев В. А. 39
Яковлев П. Л. 61–63, 66, 73, 78
Якубович Л. А. 95, 247
Якушкин В. Е. 40, 41
Ямпольский И. Г. 268, 288

Bethea D. M. 145

Fleishman L. 145

Ségur A. de 110

Thiergen P. 121

Vinitsky I. см. Веницкий И. Ю.

Wachtel M. 145

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	5
-----------------	---

1

Псевдо-Пушкин в школьном каноне: Метаморфозы «Вишни»	9
Пушкин и книга И. М. Муравьева-Апостола «Путешествие по Тавриде в 1820 году»	24
Александр Сергеевич Пушкин и его тетушка (контуры одной историко-литературной проблемы)	43
Пушкин и «Невский альманах» (заметки к теме)	55
Пушкин — читатель графа Хвостова	70
«Граф Нулин» и граф Ростопчин (об одной фразе пушкинской поэмы)	106
Неизвестный отзыв современника о пушкинской «Полтаве»	111
Еще о прагматике и датировке пушкинских помет на второй части «Опытов в стихах и прозе» К. Н. Батюшкова	115

2

Шаховской — персонаж «Дома сумасшедших» А. Ф. Воейкова	135
Поэма А. Ф. Воейкова «Искусства и науки» как несостоявшийся поэтический проект	146
<i>Приложение. А. Ф. Воейков. Искусства и науки</i>	161

Стихотворение «Переход русских войск через Неман 1 января 1813 года» и его автор (история одной мистификации)	231
«И, может быть, проснется Шарш...» (в поисках биографии одного забытого поэта 1830–1840-х годов)	246
«Литературный» водевиль 1830–1840-х годов: Водевиль как средство журнальной и литературной полемики	261
Отголосок одного литературного скандала в «Записках из Мертвого дома» Достоевского	281
Еще об авторстве статьи «Выставка в Академии художеств за 1860–61 год», атрибутируемой Достоевскому	293
По следам героев «Северного дневника» Юрия Казакова	314
Реальность и литература в рассказе Юрия Казакова «Нестор и Кир»	343
Список иллюстраций	363
Указатель имен	365

Научно-популярное издание

Балакин Алексей Юрьевич

БЛИЗКО К ТЕКСТУ
Разыскания и предположения

Ответственный редактор *У. Летова*
Художественный редактор *Ю. Прописнова*
Корректор *А. Чепурнова*
Верстка *М. Залиева*

Подписано в печать 20.11.2021.
Формат издания 60×90 1/16. Усл. печ. л. 23,6.

RUGRAM

Издательство «Пальмира».
197183, Санкт-Петербург, Сестрорецкая ул., д. 8, лит. А, пом. 19-Н.

Акционерное общество «Т8 Издательские Технологии».
109316, Москва, Волгоградский пр., д. 42, корп. 5.
Тел.: 8 (499) 322-38-30.
www.letmeprint.ru

12+

*Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.*

Алексей Юрьевич Балакин (р. 1968) — старший научный сотрудник отдела пушкиноведения в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, кандидат филологических наук, преподаватель Санкт-Петербургского университета.

П А Л Ь М И Р А

RUGRAM

9 785517 035578

ISBN 978-5-517-03557-8

Эту книгу составили написанные в 1997–2017 годах статьи и заметки А. Ю. Балакина, публиковавшиеся в русских и зарубежных научных изданиях на протяжении последних двух десятилетий. В первом разделе собраны статьи о Пушкине и его ближайшем литературном окружении; во втором — в основном работы текстологического характера, связанные в первую очередь с датировкой и атрибуцией произведений классической русской литературы, а также разыскания в области биографики. В приложении к одной из статей впервые полностью публикуется поэма А. Ф. Воейкова «Искусства и науки» (1817–1823).

12+